Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Возчиков Дмитрий Викторович

ОБРАЗЫ ВИЗАНТИИ И ВОСТОКА В ВЕНЕЦИАНСКОМ НАРРАТИВЕ XIV–XV ВЕКОВ

07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир и Средние века)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
доцент Кущ Т. В.

Екатеринбург – 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……..3

Глава 1. Венецианские literati треченто-кватроченто: социально-антропологический портрет…….....33

Глава 2. Византийский мир в венецианской традиции……..61

2.1. Византийцы о Венеции и венецианцы в Византии в XIV–XV вв……..61

2.2. Венецианская Романия: взгляд из метрополии……109

Глава 3. Христианский Восток глазами венецианских интеллектуалов……130

3.1. Образ Киликийской Армении в Венеции……...130

3.2. Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов……...143

Глава 4. Венецианский ориентализм……170

4.1. Эволюция образа исламского Востока в Венеции……170

4.2. «Три Индии»: венецианский взгляд……....226

Заключение……...266

Список источников и литературы……..270

Список сокращений……300

Введение

«Большая доля той малой части земли, которая обитаема, оставалась бы вовсе неведомой, если бы венецианская торговля и венецианское мореходство не открыли ее»[1], – такими словами в начале своего труда «Путешествие в Тану» венецианский дипломат, путешественник и купец Иосафат Барбаро (1413–1494) воздал хвалу мореходной традиции Венецианской республики и особенной информированности венецианцев о делах на Востоке. Несмотря на очевидный панегиризм этого суждения, применительно к роли Венеции в расширении ментальной карты европейцев XIV–XV вв. в нем была немалая доля истины. Передний край контактов средневекового Запада с другими цивилизациями занимали морские республики Италии, зарождение, рост и расцвет которых приходился полностью на период Средних веков. Эти республики прочно заняли нишу торгового посредника между тремя цивилизациями – западной, византийской и исламской, а к концу Средневековья именно их путешественники и картографы заложили информационную базу для Великих географических открытий.

Актуальность исследования. Многополярность современного мира сопряжена с необходимостью межцивилизационного, межкультурного диалога, с требованием преодоления укоренившегося в западной культуре Нового времени обобщенного дихотомического деления мира на Запад и Восток. Изучение конструирования образов нелатинских культур в нарративе Венецианской республики в период апогея ее богатства и могущества позволяет взглянуть по-новому на ряд общих аспектов восприятия человеческими культурами друг друга.

Любая этнокультурная общность осознает себя, выстраивает, конструирует собственное культурное «я» через контакты с чужими, несходными с собой сообществами [2]. Формирование венецианской исторической памяти и политической идентичности также неизбежно сталкивалось с задачей построения

---

[1] Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. / Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 136.
[2] Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 5; Daniel N. Islam and a West: the Making of an Image. Edinburgh, 1960. P. 8–9.

образа антагониста Венеции. В частности, такое судьбоносное для Венеции событие, как Четвертый крестовый поход, по замечанию современного румынского венециеведа Ш. Марина, не осознавалось средневековыми венецианскими авторами иначе, как достижение и приумножение славы их города[3]. Опыт Венецианской республики, в XIV–XV вв. наиболее искушенного в дипломатических отношениях и транзитной торговле со странами Востока европейского государства, колониальной империи с многочисленным греческим населением, представляет особый исследовательский интерес в контексте эволюции, которую в указанное время претерпела система западных средневековых образов и представлений об иных, нелатинских культурах: Византии, мусульманском мире, христианском Востоке, цивилизациях Индии, Юго-Восточной Азии и Китая.

История государственности, экономики и интеллектуальной жизни самой Венеции в XIV–XV вв., в период «осени Средневековья», пожалуй, вступила в свою наиболее насыщенную узловыми событиями и поворотными моментами фазу. Середина XIV в. принесла средневековому миру серьезные испытания в экономической сфере[4], и в международных отношениях, однако Венецианская республика нашла в себе силы выйти из этого кризиса крепшей, надолго перенеся центр тяжести своей внешнеторговой активности на обширную державу мамлюков-бурджитов и выдержать ожесточенное соперничество с Генуей. Морская мощь Венеции (шире – главная роль моря в исторической судьбе венецианцев) и ее осведомленность о положении дел в византийском мире и на Востоке стали одними из главных общих мест венецианского мифа. Венецианский миф, представлявший собой систему идеологем уникальности и совершенства венецианской государственности, стал неотъемлемой частью

---

[3] Marin S. Between Justification and Glory: the Venetian Chronicles' View Regarding the Fourth Crusade // The Fourth Crusade: Event, Aftermath, and Perceptions. Papers from the Sixth of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East, Istanbul, Turkey, 25–29 August 2004 / Ed. by T. Madden. Bodmin, 2004. P. 118.

[4] См.: Карпов С. П. Кризис середины XIV в.: недооцененный переворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 237.

венецианского нарратива рассматриваемого периода. Едва ли этот миф был бы столь устойчив, не содержи он ряда вполне достоверных положений [5]. Рассмотрение галереи венецианских образов Другого (грека, турка, индийца, эфиопа) в контексте конструирования и эволюции венецианского мифа, исследование основных особенностей оперирования этими стереотипами разной степени реалистичности в ученой венецианской среде, позволит не только выявить место и роль представлений о нелатинских культурах в формировании венецианской гражданской идентичности, но и раскрыть ряд общих характеристик картины мира позднесредневековых интеллектуалов. В свете особой актуальности в современную эпоху исследований различных форм межцивилизационного взаимодействия представляется своевременным обращение к опыту осмысления окружающего мира в наиболее, пожалуй, стабильном государстве позднего европейского Средневековья.

Объектом данной работы является образная система различных Других в позднесредневековом венецианском нарративе. **Предмет** настоящего исследования – трансформации «византийских» и «восточных» образов в венецианском интеллектуальном дискурсе рассматриваемого периода.

Хронологические рамки

Временные рамки работы охватывают XIV–XV столетия. Верхняя и нижняя вехи настоящего исследования могут быть объяснены с позиций как внутренней логики развития венецианского нарратива, так с точки зрения судьбоносных вех политической истории «Светлейшей». Нижняя граница – первая половина XIV в. – определена началом формирования венецианского мифа как основы государственной идеологии Республики св. Марка, что хронологически совпало с началом пристального интереса венецианского нарратива к греческим и восточным сюжетам, с первым в венецианском историописании опытом энциклопедического историко-географического описания мира – «Книгой тайн

[5] См.: Юсупов А. Ю. Система управления Венецианской республики в VII–XV вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Ответ. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 381; Gaeta F. Alcune considerazioni sul mito di Venezia // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. T. 23. No. 1 (1961). P. 58–75.

верных Креста» Марино Санудо Старшего (1307–1321). В качестве верхней границы выбрана последняя четверть XV в., ознаменовавшаяся поражением Венеции в войне с Османской империей в 1479 г., факт которого положил начало очередному сдвигу в венецианском восприятии Востока и в венецианской картины мира в целом. Что касается синхронных глобальных экономических сдвигов, то, по мнению Ф. Броделя, как раз около 1500 г. роль центра европейской мир-экономики перешла из Венеции к Антверпену[6].

Географические рамки работы

Географические границы настоящего исследования весьма широки. Главной «точкой отчета» в ней является собственно сама Венеция, однако венецианская интеллектуальная среда изучаемого периода вовсе не сводилась исключительно к самому городу, тем более, что значительное число видных авторов венецианского нарратива не были урожденными венецианцами. Сами политические границы территории Венецианской республики и в Италии, и в греческом мире за рассматриваемый период претерпевали существенные изменения в ходе экспансии «Светлейшей» на итальянской терраферме, войн на Средиземном море с генуэзцами и впоследствии с османами. В работе уделяется особое внимание роли венецианской Романии, очагу живой византийской культуры под «тенью от львиного крыла», наиболее стратегически важным сегментом которой была Кандия – Крит. Мир, представленный и описываемый в трудах венецианских сановников, дипломатов и купцов, охватывал, по сути, всю известную средневековому человеку ойкумену: от Византии до Китая, от улуса Джучи до державы Мали, контролировавшей богатую транссахарскую торговлю золотом и солью, от Канарских островов, населенных гуанчами, ставшими для венецианца Альвизе да Мосто образцом «звериного» образа жизни, до Явы. Дальше располагались уже совершенно неизведанные, если не необитаемые пространства. Так, Никколо Конти был полностью уверен, что за богатыми пряностями и диковинными птицами островами Сандаи и Бандам (Молуккскими островами)

[6] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Пер. с франц. Т. 3. Время мира. М., 2007. С. 134–135.

море несудоходно, поскольку там «путь мореходам закрывают бури»[7]. Таким образом, картина мира, представленная в работе, охватывает пространства трёх частей света, отрефлексированные венецианским интеллектуальным дискурсом. В настоящей работе специально не рассматриваются проблема венецианского взгляда на другие западноевропейские этнические и городские общности, а также венецианский опыт контакта с великим княжеством Московским.

Цель диссертации – развернутое исследование образов Византии, христианского Востока, мусульманского мира, Индии, Юго-Восточной Азии и Китая в венецианской интеллектуальной мысли XIV–XV вв. через анализ основных механизмов формирования и эволюции этих представлений. Обращение к венецианскому опыту осмысления византийского мира и восточных цивилизаций имеет особое значение для воссоздания общих механизмов восприятия иных культур в сознании человека средневекового Запада.

Задачи исследования. Основные задачи настоящей работы, которые предполагается решить для достижения указанной цели, включают исследование следующих проблем:

- определить состав и основные социальные, демографические и культурные характеристики венецианской интеллектуальной среды указанного периода;
- выявить специфику венецианского гуманизма, роли гуманизма в эволюции венецианских образов Византии, ислама, Индии и Китая;
- исследовать эволюцию венецианских образов Византии в их исторической динамике;
- рассмотреть конструирование в венецианском дискурсе образов греков венецианских колоний (в первую очередь, Крита), влияния колониального опыта на мировоззренческие позиции венецианских интеллектуалов;

[7] Bracciolini Poggio. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723. P. 137.

- исследовать представления венецианцев о христианском Востоке (Армения, Нубия, Эфиопия и др.) через призму религиозной инаковости;
- выявить венецианскую специфику восприятия исламского мира;
- определить степень влияния мусульманских, индийских и китайских географических и мифологических традиций на описания венецианских путешественников;
- раскрыть значение сведений венецианских путешественников об Африке, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии в эволюции европейских представлений об этих регионах.

Методология исследования

В плане общей методологии исследование выполнено в соответствии с принципами историзма. **Историко-генетический метод** применен для целостного рассмотрения эволюции венецианской образной системы Других. Элементы **историко-типологического метода** позволили вычленить различия венецианского восприятия различных нелатинских культур, выявить смысловые группы по цивилизационной принадлежности стран и государей, описываемых в венецианском нарративе. **Историко-сравнительный** метод дал возможность рассмотреть общее, различия и взаимные влияния венецианских и византийских нарративов.

Особое место в методологическом оснащении диссертации отведено имагологии. Настоящее исследование сосредоточено на изучении системы образов Другого в нарративе, созданном определенной интеллектуальной средой, и относится, таким образом, к полю интеллектуальной истории. Как отметил Р. Олтман, «нарратив – это не просто собрание материалов, но также и особенный метод организации этих материалов» [8]. Одной из центральных категорий европейской философии во второй половине XX в. становится идея Другого. Заданное постмодернистской философией направление исторических штудий

[8] Altman R. A Theory of Narrative. N. Y., 2008. P. 5.

сосредоточилось на анализе дискурсивных практик и конструирования образов в истории. М. Фуко рассматривал конструирование дискурсов отчуждения в Европе XVII–XIX вв. (душевнобольные, заключенные и т. п.) через призму формулы «знание – власть»[9]. Явившись на свет в 1940-е–50-е гг. как преимущественно литературоведческая дисциплина, имагология [10], начиная с 1960-х гг., существенно расширила свои исследовательские поля. Историография образов Другого в 1970-х–1990-х гг. сосредотачивалась более всего на сознательном конструировании дискурсов инаковости, определявшемся, как казалось, вполне конкретными геополитическими и социальными интересами. Сказанное более всего относится к школе постколониальных исследований. Эволюция и историко-политическое функционирование «глубоких и неотступных образов Другого»[11] (Э. В. Саид) анализировались через деконструкцию европейской ментальной карты Нового времени. Программными трудами имагологического направления стали «Ориентализм» Э. В. Саида (1978) и «Изобретая Восточную Европу»[12] Л. Вульфа (1994). Последний писал о западноевропейских воззрениях на Россию, Польшу, Богемию в эпоху Просвещения: «Игрив ли или философичен интерес к Восточной Европе, основан он на экстравагантных фантазиях или добросовестной эрудиции, он, как и “ориентализм”, был стилем интеллектуального обладания, а его конечным продуктом был сплав знания и власти, ситуация интеллектуального превосходства, воспроизводившая отношения господства и подчинения» [13]. Несмотря на ряд важных и точных наблюдений, полученных при данном развороте исследования, подобный ракурс несет в себе все общие методологические ограничения, характерные для тех подходов, которые американский антрополог К. Гирц называл «теорией интереса». «Изображение

---

[9] См.: Фуко М. Знание и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1: Статьи и интервью 1970–1984. М., 2002. С. 278–302; он же. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.
[10] Ощепков А. Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251–253. См.: Бойцов М.А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М. А. Бойцов и Ф. Б. Успенский. СПб., 2010. С. 5–37.
[11] Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 8.
[12] Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
[13] Там же. С. 40.

общества, – заметил Гирц, – как поля битвы, где под видом столкновения принципов происходит столкновение интересов, отвлекает наше внимание от той роли, которую идеологии играют в точном определении (или затушевывании) социальных категорий, в поддержании (или расстраивании) социальных ожиданий, в закреплении (или подрыве) социальных норм, в усилении (или ослаблении) общественного согласия, в смягчении (или обострении) напряжения в обществе»[14].

В настоящее время историографический акцент смещается: мировые имагологические штудии все больше отходят от крайностей, свойственных теории Саида, от абсолютизации целеполагания в различных моделях портретирования Другого. Американский исследователь Гу Миндун (Университет Техаса, Даллас) в монографии «Синологизм: Альтернатива ориентализму и постколониализму» (2013) [15] рассматривает западные образы Китая, функционировавшие в европоцентричной картине мира, и приходит к выводу, что формирование и поддержание далеких от реальности представлений о Китае на Западе определялись не столько сознательными экспансионистскими задачами европейских держав, как полагал в свое время Э. В. Саид, сколько, по терминологии Гу Миндун, *культурным бессознательным* (cultural unconscious) самих европейцев. «Исследовав многие случаи неточного и искаженного представления во многих смысловых полях и западными, и китайскими интеллектуалами, – пишет Гу Миндун, – я пришел к пониманию, что превратное восприятие Китая Западом и ошибочное понимание китайской культуры самими китайцами не происходят попросту из очевидных факторов дезинформации, предубеждений и предрассудков либо политического вмешательства; существует фундаментальная логика, основанная на эпистемологической и методологической

---

[14] Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 224.

[15] Gu Ming Dong. Sinologism: An Alternative to Orientalism and Postcolonialism. N. Y., 2013. О нем см.: Самойлов Н. А. «Синологизм» Гу Миндуна: «второе пришествие» Эдварда Саида или альтернатива «ориентализму»? // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб., 2015. С. 176–177.

подоплеке, которая проявляется как культурное бессознательное»[16]. Понятие культурного бессознательного позволяет хотя бы отчасти разграничить осознанное конструирование и спонтанность в формировании различных представлений о Других. Концепция ориентализма Э. В. Саида, ныне критически пересматриваемая, базировалась, в первую очередь, на европейском опыте осмысления исламской культуры и государственности в Новое время. Применительно к доколониальной модели изображения Востока – мира ислама и Индии («Индий»), со времен античности представляемой европейцами таинственным, богатым и одновременно пугающим краем ойкумены, – новозеландская исследовательница К. Филлипс в своей программной работе предлагает обтекаемый термин «before Orientalism»[17].

Настоящая работа берет за основу конструктивистский подход к историческому нарративу венецианцев. Подход Б. Андерсона к западным конструктам нации и национализма Нового времени заключался в рассмотрении их в качесте «культурных артефактов», появившихся к концу XVIII в. на свет в результате «спонтанной дистилляции дискретных исторических сил»[18]. Идентичность средневековой Венецианской республики и венцианский миф в настоящем исследовании рассматриваются как подвижный во времени и исторически изменчивый конструкт средневековой городской культуры. Несмотря на то, что и венецианская государственность, и ее идеологемы обнаружили за период Средних веков значительную гибкость и проделали весьма сложную эволюцию, сами венецианские интеллектуалы, будь то Лоренцо де Моначи или Лауро Квирини, были склонны выдавать существующие в их времена венецианские нравы и порядки за извечные (и представлять их таковыми собеседникам или читателям невенецианского происхождения), иными словами, мыслили вполне примордиалистки.

---

[16] Gu Ming Dong. Op. cit. P. 1.
[17] Phillips K. M. Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510. Philadelphia, 2014.
[18] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 29.

В части настоящей работы, посвященной анализу интеллектуальной среды Венецианской республики применены наработки просопографического метода, позволяющего дать определенный социальный портрет конкретного сообщества. Рассмотрение венецианских literati находится в русле историко-антропологического подхода, представленного в отечественной историографии итальянского ренессанса М. А. Абрамсон[19].

Степень изученности проблемы. Учитывая особую роль связей с Византией и Востоком в венецианской истории, образы и представления о Византии и Востоке, сложившиеся в Венеции и «привязанные» к таким узловым пунктам ее истории, как разрыв с Византией при Мануиле I в 1171 г., штурм Константинополя 1204 г. или поражение в войне с османами в 1479 г., неизбежно оказывались в исследовательском ракурс венециеведения. В частности, огромный объем научной литературы по венецианскому участию в Четвертом крестовом походе накоплен с середины XIX в.[20] Однако исследования не событийной канвы или экономического значения венецианско-византийских, венецианско-мамлюкских, венецианско-османских связей и венецианского присутствия на азиатских торговых магистралях [21], а специфического интеллектуального осмысления венецианскими literati этих многочисленных и сложных контактов в рамках собственно интеллектуальной истории появились сравнительно недавно.

Уже Я. Буркхардт в классической работе об итальянском Ренессансе утверждал, что «каждый венецианец, находившийся где-нибудь в чужой стране, являлся прирожденным лазутчиком республики» [22]. Правда, это важное и интересное наблюдение Буркхардт так и не развил в сторону рассмотрения

---

[19] Абрамсон М. Л. Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура. М., 2005.
[20] См. библиографию: Queller D. E., Madden T. The Fourth Crusade. The Conquest of Constantinople / With an essay on primary sources by A. J. Andrea. 2nd Edition. Philadelphia, 1999. P. 318–324.
[21] См.: Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Каффы XIII–XIV вв. Тюмень, 1996; Lopez R. S. Nouveaux documents sur les marchands italiens en Chine à l'époque mongole // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris, 1977. Vol. 121. № 2. P. 445–458.
[22] Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. с нем. Смоленск, 2002. С. 74.

источникового значения сочинений венецианских путешественников по Европе, Азии и Африке.

При всем обилии источникового материала, задействованного венециеведческими исследованиями XX в., стойкость стереотипных представлений нескольких поколений исследователей о малой источниковой значимости венецианских нарративных источников вследствие их «пропагандистского» характера наглядно показывает, насколько труднопреодолимы бывают историографические штампы. В частности, признанный специалист в истории венецианской Романии[23] Ф. Тирье, анализируя источниковедческий аспект ряда анонимных хроник XIV–XV вв. из Библиотеки Марчиана, утверждал, что италоязычная хроника кодекса 550 «заслуживают мало доверия», а в кодексе 1577 «информация неравномерна и в целом посредственна»[24]. К. Сеттон в фундаментальной работе о папской политике на Востоке отмечал: «По сравнению с документальными источниками венецианские хроники представляют небольшую ценность для истории Четвертого крестового похода и показывают разве что самовлюбленный настрой венецианского правящего класса»[25]. Лингвистический поворот в гуманитарном знании во второй половине XX в. привел к оформлению имагологии как самостоятельной и самоценной исторической дисциплины. Из исследований второй половины XX в., посвященных интеллектуальному взаимодействию Венеции и Византии и затронувших особую роль Венеции в распространении греческого языка в ренессансной Италии и Европе в целом, а также особенности венецианского отношения к ученым византийцам, стоит отметить работу Д. Джеанакоплоса «Греческие ученые в Венеции»[26]. Различные сюжеты, связанные с венецианским восприятием византийского мира, с проблемой рецепции венецианским

---

[23] Thiriet F. La Romanie vénitienne. Le developement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles). Paris, 1959.
[24] Idem. Les chroniques vénitiennes de la Marcienne et leur importance pour l'histoire de la Romanie Gréco-vénitienne // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Vol. 66. 1954. № 1. P. 258–259.
[25] Setton K. The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. I. Philadelphia, 1976. P. 35.
[26] Geanakoplos D. J. Greek Scolars in Venice: Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge, 1960.

историописанием отдельных сюжетов византийского нарратива, образы византийского мира в гуманистическом историописании нашли отражение в работах А. Пертузи[27]. Образы венецианцев в византийском нарративе находятся в поле зрения П. Чезаретти[28]. Труд Д. Найкола, охватывающий всю многовековую историю венецианско-византийских связей посвящен главным образом истории дипломатии и культурных связей, однако ряд аспектов взаимного восприятия венецианцев и византийцев также нашел отражение в исследовании [29]. Специфическое значение венецианской образной системы в качестве объекта исследования в настоящее время выделяется, главным образом, американским исследователем Т. Мэдденом и румынским венециеведом Ш. Марином. Т. Мэдден констатировал связь ретроспективного конструирования образа Византии в венецианском историческом нарративе XIV–XVI вв. с формированием и развитием в это же время венецианского политического мифа [30]. Ш. Марин активно задействует математические методы при исследовании инокультурных образов и общих мест венецианских хроник, в частности, в недавней статье о развитии венецианского дискурса о мире ислама[31].

В целом, сюжеты, связанные с общей средневековой западноевропейской галереей образов иных цивилизаций от Византии до Китая, во второй половине XX в. переживают расцвет и в западной, и с 1990-х гг. в российской гуманитарной исторической науке. Этому способствуют и солидный источниковый материал (итинерарии, хроники, различные трактаты о реальных либо воображаемых путешествиях в страны Трех Индий, бестиарии, дипломатические документы, акты торговых операций и т. п.), и разнообразная методологическая база

---

[27] Pertusi A. Le fonti greche del «De gestis, moribus et nobilitate cìvitatis Venetiarum» di Lorenzo de Monacis, cancelliere di Creta (1388-1428) // Italia medioevale e umanistica. 8. 1965. P. 162–211; Idem. Storiografia umanistica e mondo bizantino. Palermo, 1967.
[28] Cesaretti P. Su Estazio e Venezia // Aevum. LXII. 1988. P. 218–227.
[29] Nicol D. Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 1992.
[30] Madden T. The Venetian Version of the Fourth Crusade: Memory and the Conquest of Constantinople in Medieval Venice // Speculum. № 87. 2 (April 2012). P. 337.
[31] Marin S. The Venetian Republic and Islam – between Crusading Fervor and Realpolitik (9th-13th centuries). P. 2–3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/15925508/The_Venetian_Republic_and_Islam_between_Crusading_Fervor_and_Realpolitik_9th-13th_centuries_

интеллектуальной истории, позволяющая осветить формирование представлений о чужедальних краях с разных углов зрения – геополитики, военной истории, торговой практики, наконец, гендерной истории, как в недавней работе К. Ночентелли «Империи любви: Европа, Азия и создание идентичности раннего Нового времени»[32]. Сборник «Венеция и Восток», вышедший в 1987 г. под редакцией крупного итальянского синолога, профессора Университета Ка Фоскари (Венеция) Л. Ланчиотти, включил ряд работ по тематике восприятия венецианцами и шире – итальянцами – Востока от Египта до Японии[33]. Правда, венецианским образам Востока, формировавшимся в Новое время, в данном сборнике было уделено существенно больше внимания, нежели средневековым образам Востока в Венеции.

Средневековые образы исламского мира – популярный сюжет в современной мировой и отечественной историографии. Дж. Толан рассматривает топос об идолопоклонстве, приписываемом мусульманам в хрониках первого крестового похода, с точки зрения его «книжной» генеалогии как продукт, главным образом, внутренней логики провиденциалистского нарратива, испытывавшего потребность в уподоблении противников крестоносцев мучителям Христа и гонителям христиан[34]. Ф. Кардини в монографии с говорящим названием «Европа и ислам: история непонимания» обращается в основном к западным интеллектуалам в целом[35], и рассмотрение венецианской специфики взгляда на исламский мир в его задачи не входило. Исследования С. И. Лучицкой посвящены портретам мусульман, конструируемым в латинских нарративах времен крестовых походов, причем особое внимание уделяется изображениям сарацин на миниатюрах к хронике Гийома Тирского[36]. В

---

[32] Nocentelli C. Empires of Love: Europe, Asia, and the Making of Early Modern Identity. Philadelphia, 2013.
[33] Venezia e l'Oriente. Atti del XXV Corso internazionale di alta cultura (Venezia, 27 agosto-17 settembre 1983) / A cura di L. Lanciotti. Firenze, 1987.
[34] Tolan J. Muslims as Pagan Idolaters in Chronicles of the First Crusade // Western Views of Islam in Medieval and Early Modern Europe / Ed. Michael Frasetto and David Blanks. New York, 1999. P. 97–116.
[35] Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007.
[36] Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 317–341.

диссертации петербургского медиевиста Н. С. Горелова «Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов»[37], также занимавшегося миром воображаемого средневековых европейцев[38], дана широкая панорама образов Востока (не в последнюю очередь, Востока христианского) в книжной культуре средневекового Запада. Изучение иконографического аспекта вопроса особенно важно, поскольку в этом поле зрения становятся, пожалуй, наиболее наглядными и конкретными проявления средневекового кода инаковости, кода, главным образом, религиозного. По выражению французского медиевиста М. Пастуро, «цвет – это прежде всего социальный факт»[39]. Так, на средневековых миниатюрах сарацины нередко изображались чернокожими и снабжались причудливой воображаемой геральдикой, включавшей дракона и даже кабана. В данной работе также представляется необходимым рассмотреть визуальный аспект венецианского опыта восприятия цивилизаций Азии и Африки и проследить, как традиционные цветовые смыслы западного Средневековья, влияли на типологию народов и культур, проводимую венецианскими авторами.

В настоящее время популярный сюжет в мировой и российской медиевистике – интеллектуальная жизнь Латинской Романии, цивилизационного пограничья между Западом и византийским миром в XIII–XV вв., по замечанию американского венециеведа М. О'Коннелл[40], и, в частности, Венецианской Романии. Работы американской исследовательницы С. Макки активно обращаются к первому, пожалуй, европейскому опыту колониальных дискурсивных практик – портретированию греков в официальном нарративе Венеции, повелевавшей по итогам четвертого крестового похода 1204 г. «четвертью и еще полчетвертью Римской державы», главным образом, греков Крита, Негропонта и других колоний. С. Макки в монографии «Необычное

---

[37] Горелов Н. С. Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов: автореф. дисс. … д-ра исторических наук. СПб., 2006.
[38] Жизнь чудовищ в Средние века / Пер. с латыни, статьи и составление Н. С. Горелова. СПб., 2004.
[39] Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2012. С. 117.
[40] O'Connell M. The Venetian Patriciate in the Mediterranian: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete // Renaissance Quarterly. Vol. 57. 2004. № 2. P. 466.

владение: Венецианский Крит и миф этнической чистоты», посвященной венецианскому Криту, приходит к выводу, что венецианский нарратив сознательно и активно стремился представить венецианцев и греков колоний намного более различными по отношению друг к другу, нежели это соответствовало действительности, из этого стремления в венецианской дискурсивной практике возник «миф этнической чистоты»[41]. Еще одна работа С. Макки разрабатывает проблему идентичности и мотивации крито-венецианской знати, которая в 1363 г. в союзе с греческими архонтами острова подняла восстание против налогового и культурного гнета со стороны метрополии, провозгласив Республику св. Тита[42]. Коллективный труд «Литература и общество на Крите в эпоху Возрождения», изданный в 1991 г. под редакцией Д. Холтона[43], дает развернутую картину социокультурных процессов венецианского Крита. Греческий ученый Х. Мальтезу в главе, посвященной социальному контексту критского Ренессанса, делает акцент на этнокультурных составляющих венецианской колониальной политики, включая взаимоотношения с православной церковью[44].

Отечественная историография взаимоотношений Венеции и Византии представлена, главным образом, работами Н. П. Соколова и С. П. Карпова. Фундаментальный труд Н. П. Соколова «Образование Венецианской колониальной империи» [45] сосредоточен на социально-экономических и политических сюжетах, и хронологические рамки монографии заканчиваются началом XIII в. Проблемы культурного диалога и отношения к византийцам в Венеции рассматривались Соколовым лишь в источниковедческом контексте. В

---

[41] McKee S. Uncommon Dominion: Venetian Crete and the Myth of Ethnic Purity. Philadelphia, 2000.
[42] Idem. The Revolt of St Tito in Fourteenth-Century Venetian Crete: A Reassessment // Mediterranean Historical Review. Vol. 9 (1995). P. 173–204.
[43] Literature and Society in Renaissance Crete / Ed. by D. Holton. Cambridge, 1991.
[44] Maltezou C. The Historical and Social Context // Literature and Society in Renaissance Crete / Ed. by D. Holton. Cambridge, 1991. P. 17–48.
[45] Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; См. также: он же. Венецианская доля в византийском «наследстве» // ВВ. 1953. Т. 6. С. 179–191; он же. Венеция и Византия при первых Палеологах (1263–1328 гг.) // ВВ. Т. 12. 1957. С. 75–96; он же. Колониальная политика Венеции в XIII в. // СВ. 1954. Вып. 5. С. 170–195.

работах С. П. Карпова история средневекового Средиземноморья рассматривается в основном через призму развития торговли. С. П. Карпов разрабатывает сюжеты, связанные с освоением венецианцами «византийского наследства» и функционированием морских коммуникаций Республики[46]. Недавняя работа С. П. Карпова отдельно исследует образ генуэзца как горделивого и злокозненного антагониста венецианца в трудах венецианских авторов [47]. В российской историографии венецианско-византийских связей в настоящее время пользуются вниманием исследователей, в первую очередь, проблемы политических и торговых отношений, а также феномен Латинской Романии как региона-посредника между византийским миром и Западом. С. В. Близнюк активно разрабатывает тематику отношений Венеции с одним из наиболее примечательных «крестоносных» государств Латинской Романии – Кипрским королевством Лузиньянов[48], которое в конце концов в 1489 г. было включено в колониальную империю Венеции, стремившейся компенсировать свои потери в недавней войне с Османской империей. Само присоединение Кипра С. В. Близнюк рассматривает в качестве весьма сложной дипломатической операции в контексте венецианско-мамлюкских отношений, ведь к 1489 г. Кипр официально был данником египетского султана, портить отношения с которым не входило в расчеты «Светлейшей» [49]. С. В. Близнюк затронула проблему восприятия венецианского владычества в собственно кипрской интеллектуальной традиции. Как указывает исследовательница, хронисты Кипра после присоединения острова к Венеции нередко воспринимали ее влияние на Кипре в негативном ключе и, в

---

[46] См.: Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990; Он же. Латинская Романия. СПб., 2000; он же. Маршруты средиземноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV-XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С 82–97; Он же. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. М., 1981.

[47] Карпов С. П. Superbia генуэзцев в середине XIV в. глазами византийских и венецианских историков и хронистов // Византийские очерки: труды российских ученых к XXIII международному конгрессу византинистов. М.; СПб., 2016. С. 75–86.

[48] Близнюк С. В. Генуэзская Фамагуста в XV в. // Причерноморье в средние века / Под. Ред. С. П. Карпова. Вып. 4. М.; СПб., 2000. С. 219–275. Она же. Неизвестный венецианский документ 1346 г. по истории кипро-венецианских отношений // СВ. Т. 53. 1990. С. 191–203.

[49] Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб., 2014. С. 126–129.

частности, полны намеков на отравление в 1473 г. двух королей Кипра подряд – Жака II и Жака III[50].

Тема образа Византии в западноевропейских источниках лишь сравнительно недавно начала привлекать внимание российских ученых вне чисто источниковедческого поля. Несмотря на наличие ряда работ об отношении к Византии и формировании образа «греков-схизматиков» на средневековом Западе в целом (исследования С. Я. Гагена[51]), образ Византии в Венеции, государстве, оказавшем громадное влияние на судьбу империи ромеев в последние столетия ее существования, пока не обозначен как самостоятельное исследовательское поле.

В целом, несмотря на значительную разработанность отдельных сюжетов, связанных с многочисленными Другими в венецианском нарративе и большую научную востребованность этой тематики, в венециеведении до сих пор отсутствует обобщающий труд, который бы рассматривал в едином политико-интеллектуальном контексте конструирование позднесредневековыми венецианскими авторами образов Византии, мусульманского мира, а также индо-буддийской и конфуцианской цивилизаций. Настоящая работа призвана восполнить эту лакуну.

Источниковая база диссертации

Основу источниковой базы настоящего труда составляют венецианские нарративные источники рассматриваемого периода, которые можно разделить на три большие группы: сочинения историописательской направленности, переписка и риторические труды (главным образом гуманистического толка), и тексты, написанные путешественниками.

К первой группе источников относится широкий круг сочинений, включающий хроники, энциклопедии и исторические труды гуманистического круга. Энциклопедический историко-географический трактат венецианского государственного деятеля и дипломата Марино Санудо Торчелло «Книга тайн

---

[50] Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. С. 125.
[51] Гаген С. Я. Образ Византии в донесении французского доминиканца первой трети XIV в. // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 360–374.

верных креста»[52] (1307–1321), адресованный папе Иоанну XXII и включавший проект крестового похода против Египта под руководством Венеции, уделил значительное внимание разным странам Востока, от мамлюкской империи до юаньского Китая, христианскому Востоку Византии и греческим владениям Венеции. Трактат содержит подробное изложение истории монгольских завоеваний. По словам А. Лайу, в ряду пропагандистов крестовых походов Санудо «уникален в своей осведомленности о политических и экономических силах»[53]. Текст, ставший одним из первых европейских опытов обобщения истории Востока, включая Pax Mongolica, принадлежал к жанру проектов крестового похода, весьма популярному после падения Акры в 1291 г. и исчезновения крестоносного Заморья. Духовно-публицистический жанр «о новом обретении Святой Земли» (de recuperatione Terrae Sanctae) появился на свет после того, как на Лионском соборе 1274 г. папа Григорий X высказал просьбу присылать ему предложения по организации нового похода в Святую Землю. Кроме Марино Санудо Торчелло, авторами произведений в этом жанре были заметные политические фигуры – глава тамплиеров Жак де Моле, адвокат Филиппа IV Пьер Дюбуа, генуэзский флотоводец Бенедетто Заккария[54]. Санудо выстроил план похода на солидной основе географических и исторических сведений и математических расчетов.

Из хроник указанного периода первым сколько-нибудь глубоким опытом обращения к византийской истории и отчасти к истории мусульманского Востока в венецианском историописании становятся труды Андреа Дандоло (1306–1354, дож в 1343–1354), «Краткая хроника»[55], написанная им в бытность прокуратором

---

[52] Marini SanutiTorselli. Liber secretorum fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per francos. V. II. Hannover, 1611.
[53] Laiou A. Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: the Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // Speculum, Vol. 45, No. 3 (Jul., 1970). P. 374.
[54] Кардини Ф. Указ. соч. С. 103.
[55] Andreae Danduli Chronica brevis / A cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores. Bologna, 1940. T. XII. Partes 1– 2. P. 333–373.

св. Марка и завершенная в самом начале догата[56], а также составленная им в качестве главы венецианского государства «Пространная хроника» (доведена до 1280 г.)[57]. Как высший магистрат Республики Дандоло имел доступ ко всем хранившимся на тот момент в дворцовом архиве венецианским документам политики Венеции на византийском направлении. Образ Византии, особенно галерея императоров, в его нарративе призван был играть особую роль в конструировании венецианской официальной памяти. Анонимная «Хроника Энрико Дандоло», написанная образованным венецианским патрицием, также представляет большой интерес с точки зрения реконструкции венецианских представлений о Византии и Ближнем Востоке[58]. «Краткая хроника» дожа-интеллектуала была продолжена хроникой великого канцеллярия Венецианской республики Раффаино Карезини[59] (ок. 1314–1390). Хроника Карезини примечательна особым вниманием к положению Венеции на международной арене[60] и ее противостоянию с Генуей. Особенно интересны образы греков и турок в части хроники Карезини, отведенной под изложение династической смуты в империи ромеев в 1373–1379 гг., в которой автор уделил особое внимание активному участию генуэзцев и турок в этих событиях.

Из венецианских нарративов первой половины XV в. наибольшее значение для этого исследования имеет хроника венецианского интеллектуала и канцлера Кандии Лоренцо де Моначи[61] (1351–1428), две книги которой специально посвящены Криту. Впрочем, по замечанию Ш. Марина, сочинение де Моначи не вполне соответствует жанру хроники в силу специфической подачи материала, не

---

[56] О различиях в целеполагании и стилистике двух хроник Дандоло, их рукописях см.: Marin S. A Double Pathfinder’s Condition: Andrea Dandolo and His Chronicles // Annuario dell’Instituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia. XII–XIII, 2010–2011. Bucarest, 2015. P. 41–122.
[57] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta / A cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores. Bologna, 1940. T. XII. Partes 1–2. P. 5–327.
[58] Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362) / A cura di R. Pesce. Venezia, 2010.
[59] Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratorius. T. XII. Mediolani, 1728. Col. 417–514.
[60] См.: Witt R. In the Footsteps of the Ancients: the Origins of Humanism from Lovato to Bruni. Leiden, 2000. P. 469.
[61] Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U. C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro. Venetiis, 1758.

выстроенной строго по погодным записям, и того, что сам термин хроника применительно к труду канцлера Кандии утвердился лишь с XVIII в.[62] Из образцов гуманистического историописания в работе уделено внимание монументальной эпопее Маркантонио Коччо (Сабеллико, 1436–1506) «Истории Венеции от основания города» (1485–1486)[63], а также «Истории о начале града Венецианского» (De origine Urbis Venetiarum rebusque ab Ipsa gestis historia)[64] крупного сановника Бернардо Джустиниани (1408–1489). Эти сочинения особенно интересны тем, что здесь в рамках гуманистической традиции развиваются идеи венецианского мифа и именно с этой позиции подаются в них портреты византийцев, сарацин и османов. С первой половины XV в. наблюдается тенденция формирования в рамках венецианской хронистики жанра хроники-дневника, к которому по многим параметрам приближается хроника патриция Джоджо Дольфина (ок. 1396–1458)[65]. В настоящем исследовании также привлекается ряд более ранних и более поздних историописательских трудов в целях получения более полной картины зарождения и последующей преемственности «византийских» и «восточных» образов в венецианском нарративе. В частности, используются хроника родоначальника венецианской историописательской традиции Джованни Диакона[66] и анонимный труд первой половины XIII в «История дожей венецианских»[67]. Крайне подробная

---

[62] Marin S. A Venetian Chronicler in Crete: the Case of Lorenzo de' Monaci and His Possible Byzantine Sources // Italy and Europe's Eastern Border (1204-1669) / Ed. by I. M. Damian, I.-A. Pop, M. St. Popovic, A. Simon. Frankfurt am Main, 2012. P. 247.

[63] Marci Antonii Sabellici. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita, libri XXXIII. Basileae, 1556.

[64] Bernardus Iustinianus. De origine urbis venetiarum rebusque gestis a Venetis libri quindecim // Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae / Ed. J. G. Graevius. Leidein, 1722. Vol. V. P. I. Cols. 1–124.

[65] Giorgio Dolfin. Cronicha dela nobil città de Venetia et dela sua provintia et destretto (origini-1458). T. I-II / A cura di Angela Caracciolo Aricò. Venezia, 2007-2009.

[66] La cronaca veneziana del diacono Giovanni // Cronace veneziane antichissime / a cura di G. Monticolo. Roma, 1890. T. I.

[67] Historia ducum Venetorum // Testi storici veneziani (XI-XIII secolo) / a cura di L. A. Berto. Padua, 1999.

италоязычная хроника венецианского дипломата начала XVI в. Джованни Джакомо Карольдо[68] также привлекается в качестве источника.

Несколько особняком от историописательских трудов стоит важный источник по истории венецианских образов Византии «Жизнь Карло Зено»[69], в котором венецианский церковный деятель второй половины XV в. Джакопо Зено (1417–1481) поведал историю жизни и приключений своего деда – прославленного авантюриста, воина и флотоводца Карло Зено (1333–1418), долгое время проживавшего в Византии. Византийские и восточные образы вплетены в ткань приключенческого повествования, снабженного рядом вымышленных или малоправдоподобных деталей и куда более напоминающего плутовской роман Нового времени, чем образец средневековой исторической рефлексии.

Вторая группа источников охватывает различные тексты эпистолярной формы. В указанный период в форме послания, особенно любимой гуманистами, нередко подавались чрезвычайно развернутые тексты. В работе привлечено эпистолярное наследние Марино Санудо, включающее, главным образом, послания-комментарии на текущую политическую реальность [70]. Из венецианского гуманистического дискурса особое внимание в настоящей работе уделено многочисленным эпистолярным трудам видного гуманиста и университетского деятеля Лауро Квирини (ок. 1420–1475/1479) [71], включающим и послания в узком смысле слова и, что характерно для гуманистической традиции, целые общественно-политические трактаты. В форме послания к Мехмеду II написан один из программных текстов видного критского гуманиста и энтузиаста венецианского мифа Георгия Трапезундского (1395–1472/73) «Об истинности

---

[68] Giovanni Giacomo Caroldo. Istorii Veneţiene. Vol. V: Ultima parte a dogatului lui Andrea Contarini (1373-1382) / Ediţie îngrijită de Şerban V. Marin. Bucureşti, 2012.
[69] Vita Caroli Zeni. Rerum italicarum scriptores, XIX, 6 / Ed. L. A. Muratori. Re-ed. G. Zonta. Bologna, 1940.
[70] Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhange seiner ungedruckten Briefe. München, 1855.
[71] Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegniani, H. Roob, C. Seno. Firenze, 1977.

христианской веры»[72]. Еще один излюбленный жанр гуманистического дискурса – oratio – представлен, в частности, сочинениями Николая Секундина и Кассандры Феделе[73].

Принципиальную важность для исследования образов Другого представляют тексты третьей группы – различные отчеты, записки и воспоминания венецианских путешественников. Венецианский купец Никколо Конти (ок. 1395–1469), знатный уроженец Кьоджи[74], около четверти века провел в поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии. Его рассказы о далеких землях, сохранились в изложении секретаря папы и флорентийского гуманиста Поджо Браччолини (1380–1459), беседовавшего с путешественником в 1439 г. и позднее включившего его повествование в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы»[75], а также в пересказе кастильского путешественника Перо Тафура[76]. Сообщения купца об империи Виджаянагар, Аве, Пегу, Чампе, Китае и других странах дошли до нас в труде Поджо — одном из программных текстов итальянского гуманизма, и, стало быть, претерпели литературную обработку и явились частью гуманистического дискурса о Востоке. Повествование Конти в записи Поджо – текст, рассчитанный на образованных и взыскательных читателей эпохи Ренессанса. В случае Никколо Конти перед нами непосредственный долговременный опыт пребывания в инокультурной среде и, более того, трансплантации индентичности. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть влияние венецианского мифа на рассказ Конти. Особое значение для исследования венецианских образов субсахарской Африки имеет отчет

---

[72] Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Пер. с древнегреч. К. И. Лобовиковой; общ. и науч. ред. Д. А. Поспелова. Самарканд, 2009.
[73] Речь Николая Секундина к королю Альфонсу / Пер. И. П. Медведева // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 325–326; Cassandra Fidelis Veneta. Epistolae et orationes posthumae, nunquam ante hac editae / a cura di G. F. Tommasini. Patavii, 1636.
[74] Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439) / Ed. par A.–L. Amilhat-Szary. Pref. de Genevieve Bouchon. Paris, 2004. P. 9.
[75] Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723.
[76] Тафур П. Странствия и путешествия / Перевод, предисловие и комментарии Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006. С. 95–112.

путешественника Альвизе да Мосто (ок. 1432–1483)[77]. Венецианский монах-францисканец Франческо Суриано (ок. 1450–1529)[78] в «Трактате о Святой Земле и о Востоке»[79] уделил Эфиопии значительное внимание. Этот автор, сам много путешествовавший по Ближнему Востоку, оставил в своем главном труде небольшой, но насыщенный рассказ о францисканской миссии к эфиопскому царю Александру (1478–1494).

При рассмотрении представлений и стереотипов о нелатинских культурах в венецианском нарративе нельзя упускать из виду представления о самих венецианцах (и шире – о латинском Западе), бытовавшие и эволюционировавшие в данный период в Византии и на Востоке. Кроме того, такие источники, как свидетельства многочисленных западных путешественников, остро нуждаются в верификации источниками восточными – мусульманскими, индийскими и китайскими. При работе со средневековыми описаниями инокультурных реалий особенно важно отличать книжные топосы от достоверного наблюдения. К числу не соответствовавших реальности, но очень устойчивых общих мест латинского книжного дискурса об исламе можно отнести, в частности, многочисленные рассказы хроник крестовых походов и героических сказаний chansons de geste о мусульманских идолах[80]. Рассказы венецианских путешественников XV столетия об Индии, Юго-Восточной Азии и транссахарской Африке находились под сильным влиянием арабо-персидской географической традиции.

В отчете Никколо Конти отражены наблюдения венецианского купца, проведшего многие годы в инокультурной среде арабского мира, Виджаянагара, Мьянмы и Нусантары. «Путешествие в Тану» и «Путешествие в Персию» купца и дипломата Иосафата Барбаро, тонкого и внимательного наблюдателя,

---

[77] Частичный русский перевод см.: Мосто Альвизе да. О плаваниях мессера Альвизе да Мосто, венецианского дворянина / Пер. Л. Е. Куббеля // История Африки. Хрестоматия. М., 1979. С. 307–317; Navigazioni di messer Alvise da Ca da Mosto gentiluomo Veneziano // Il viaggio di Giovan Leone e le navigazioni di Alvise da Ca da Mosto, di Pietro di Cintra, di Annone, di un piloto portoghese e di Vasco di Gama quali si leggono nella raccolta di Giovambattista Ramusio. Venezia, 1837.
[78] Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 2. D-Ha. Wiesbaden, 2005. P. 579.
[79] Suriano F. Il trattato di Terra Santa e dell'Oriente / Ed. a cura di Girolamo Golubovich. Milano, 1900.
[80] Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 70–97.

демонстрируют не только основные задачи Венеции на Востоке в 1470-е гг. и состояние ее черноморских владений, но и особенности портретирования народов и государей Азии [81]. Из путешественников-невенецианцев, наблюдавших венецианские колонии в Романии, следует выделить флорентийского францисканского монаха Кристофоро Буондельмонти, тесно связанного с гуманистическим кругом и оставившего «Описание острова Кандии» (1417), в котором подробно и без особой идеологической ангажированности (по сравнению с венецианскими современниками) рассказано о городах и святынях Крита, переданы беседы автора с греками. Данный источник особенно интересен тем, что передает сторонний взгляд интеллектуала на Венецию и ее империю. Текст описания был издан в 1755 г. вместе с обширным фондом актов по Криту в сборнике «Creta sacra» венецианским просветителем Фламино Корнером [82]. Представляет также интерес книга «Странствия и путешествия» кастильского идальго Перо Тафура, побывавшего в Венеции и ряде ее колоний. Книга содержит интересные наблюдения венецианской повседневности и колониального города[83].

Настоящая работа привлекает ряд византийских и восточных источников, которые позволят не только проследить восприятие венецианцев (и вообще латинян) в разных регионах мира, но и верифицировать данные венецианских интеллектуалов, а также установить происхождения ряда топосов. Византийская словесность имела давнюю и разнообразную традицию портретирования Других, в числе которых в рассматриваемый период оказались и ромеев венецианцы. Хронологические рамки византийских источников, привлеченных в настоящей работе, не ограничены XIV–XV вв., поскольку образы венецианцев, порой весьма контрастные, и ряд общих мест, связанных с их образом жизни, сформировались в Византии уже в XI–XII вв. В настоящем исследовании задействованы сочинения

---

[81] Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XVI в. / Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской; Волков И. В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарии) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред.: С. Г. Бочаров, науч. рецензенты И. Л. Кызласов и др. Кишинев, 2015. С. 605–691.

[82] Cornelius F. Creta sacra. Venetiis, 1755. Vol. 1. P. 77–124.

[83] Тафур П. Странствия и путешествия / Перевод, предисловие и комментарии Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006.

Анны Комнины[84], Никиты Хониата[85], Георгия Акрополита[86], Георгия Пахимера[87], а также видного ученого и сановника-латинофила Димитрия Кидониса[88] (ок. 1324–1397). Венеция, некогда входившая во владения Византийской империи, в поздневизантийском интеллектуальном дискурсе изображалась по-разному. В частности, в переписке Димитрия Кидониса манера описания нравов и политических порядков Венецианской республики варьировалась от восторженной до пренебрежительной[89]. Из поздневизантийских текстов особенный интерес с точки зрения представлений о Венеции представляет «История» Лаоника Халколондила, написанная уже после падения Константинополя в 1450-е–60-е гг. Как отмечает Э. Калделлис, именно у Халкокондила впервые в византийской книжной традиции встречается развернутое описание политических систем итальянских городских республик[90]. Исследование венецианских впечатлений и образов, представленных в труде Халкоконлила, позволяют выявить степень знакомства автора с собственно венецианской интеллектуальной традицией и проследить обратную связь топосов венецианской официальной идеологии. В работе задействован ряд армянских[91] и мусульманских исторических и географических сочинений, включая «Собрание летописей» ильханского сановника Рашид ад-Дина[92], книга путешествий Ибн

---

[84] Annae Comnenae Alexias / Recensuerunt D. R. Reinsch – A. Kambylis. Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XL/1. Berlin, 2001. Pars I: Prolegomena et textus.
[85] Nicetae Choniatae. Historia / Ed. Jan Louis van Dieten. Berlin, 1975.
[86] Геогрий Акрополит. История / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2013.
[87] Georgii Pachymeris De Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII / Recogn. I. Bekkerus. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae, 1835. Vol. I–II.
[88] Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1982. T. 1; Idem. Stuttgart, 2003. T. 4.
[89] См.: Кущ Т. В. В поисках союзников: три поездки Димитрия Кидониса в Италию //АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 196, 202.
[90] Kaldellis A. A New Herodotus: Laonikos Chalkokondyles on the Ottoman Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West. Washington, 2014. P. 91.
[91] La chronique attribuée au connétable Smbat / Introduction, traduction et notes par Gérard Dédéyan. Paris, 1980.
[92] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арденса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. М.;Л., 1946.

Баттуты[93], а также малайский династийный нарратив «Сулалат ус-салатин»[94], принципиально важный источник по истории средневекового мира Нусантары. В целях оценки возможного воздействия на отчет Никколо Конти китайских топосов описания окружающего мира в исследовании также привлекается трактат китайского чиновника южносунского времени Чжоу Цюйфэя «За хребтами. Вместо ответов»[95], содержащий богатую информацию о политической культуре, хозяйстве, нравах и природе Юго-Восточной Азии.

Многочисленный актовый материал венецианских колоний и международные договоры, заключенные в обозначенный период Венецией, не являются основой источникового фонда настоящей работы. В то же время, не стоит недооценивать значение этих источников в отражении ряда сторон нарратива. Например, рассмотрение воображаемых титулов восточных государей, в частности, ханов Золотой Орды, в венецианских документах и сопоставление их с титулами, представленными в нарративе, позволит выявить основные особенности и границы употребления данных титулов в венецианской среде применительно к иноземным монархам. В 1880 г. в Венеции начал издаваться корпус дипломатических и колониальных актов «Diplomatarium Veneto-Levantinum»[96]. В данной работе используются тексты договоров Венеции с державой мамлюков, Киликийской Арменией (по изданию В. Ланглуа[97]), Золотой Ордой и Османской империей (Стамбульский мирный договор[98]), а также

[93] Ибн Баттута. Подарок созерцающим относительно диковин городов и чудес путешествий // История Африки. Хрестоматия. М., 1979.
[94] Ревуненкова Е. В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб., 2008.
[95] Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. М., 2001.
[96] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venetiis, 1880. Vol. 1.
[97] Langlois V. Le Trésor des Chartes d'Armenie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Ropeniens. Venice–Paris, 1863.
[98] The Peace Treaty of 1478 // Wright D. G, MacKay P. When the Serenissima and the Gran Turco Made Love: the Peace Treaty of 1478 // SV. 2007. T. 53. P. 269–277.

договоры мамлюкского Египта с Венецией (1442) и Флоренцией (1497), опубликованные американским востоковедом Дж. Уонсбро[99].

В целом, **научная новизна** настоящей работы состоит в комплексном исследовании венецианской системы представлений о Византии и Востоке как символически значимого компонента венецианской средневековой идентичности на основе широкого круга источников.

В историографии образы Византии, греков венецианских колоний, христианского Востока, мусульманского мира, формировавшиеся в венецианском нарративе, рассматривались до сих пор отдельно, и на сегодняшний день обобщающее исследование, рассматривающее данные группы венецианских образов Другого в едином контексте инаковости, отсутствует. История формирования венецианских представлений о греках, армянах, нубийцах, мусульманах и индийцах в настоящем диссертационном исследовании также синхронизирована с эволюцией венецианской политической идеологии.

Материалы венецианских путешественников, в частности, Никколо Конти и Альвизе да Мосто, в предшествующей историографии обычно привлекались для реконструкции средневековых образов Востока в целом или же в качестве дополнительных источников по истории стран, которые венецианцам довелось посетить. Данное исследование помещает эти сообщения в контекст специфически венецианского нарратива.

Положения, выносимые на защиту

1. Венецианские интеллектуалы XIV–XV вв. представляли собой весьма гетерогенную группу по происхождению и статусу. Однако их произведения, включая труды гуманистического круга, отличает тесная связь с официальной политической доктриной Венеции, которую, впрочем, они же создавали, развивали и транслировали во времени и пространстве.

[99] Wansbrough J. Venice and Florence in the Mamluk Commercial Privileges. // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L., 1965. Vol. 28, № 3. P. 483–523.

2. Образ Византии значительно варьировался в венецианском нарративе, и в рассматриваемый период общая эволюция представлений о Византии прошла длительный путь от преимущественно негативных ее характеристик, включавших, в частности, топосы о злокозненности и непостоянстве греков, до патетических описаний бедственного положения угасающей империи перед лицом османского натиска и, в конце концов, ее падения.
3. Образы христианского Востока рассматривались в венецианском нарративе под углом конфессиональной инаковости в начале рассматриваемого периода. Однако если в начале периода детали «этнографического» характера у армян или нубийцев подавались в нарративе в основном в религиозном контексте, то к его концу возрос интерес к детальному описанию чужой повседневности.
4. Хозяйственная и культурная несхожесть разных мусульманских обществ явственно осознавалась венецианцами.
5. В политическом плане для венецианского нарратива всего исследуемого периода характерно стремление представить страны и христианского Востока, и «Трех Индий» в качестве потенциальных союзников против той или иной мусульманской державы либо ислама в целом. На примере образов христианской Африки видна усилившаяся к концу периода тенденция к смыканию в венецианском нарративе дискурсов христианского Востока и Индии.
6. Тексты венецианских путешественников демонстрируют значительную открытость к влиянию со стороны восточных традиций, в первую очередь, мусульманской географической литературы.
7. Схема «христиане – сарацины – язычники», доминировавшая в венецианском нарративе в начале изучаемого периода, к его концу в связи с влиянием гуманизма вытесняется оппозицией культуры и варварства.

Теоретическая и практическая значимость

Рассмотрение длительного процесса конструирования образов нелатинских культур в позднесредневековой Венеции в период ее расцвета имеет огромное значение в исследовании ментальной карты средневекового Запада, а также в изучении ряда общих вопросов межцивилизационного взаимодействия. Детальное понимание представлений венецианского нарратива о странах, с которыми «Светлейшую» связывали ее ключевые геополитические и торговые интересы, также дает возможность оценить степень информированности венецианской элиты о ситуации в ряде регионов и, как следствие, определить, на основе каких данных эта элита принимала судьбоносные для Республики решения.

Практическое значение данного диссертационного исследования состоит в возможности применения его результатов в учебном процессе в высших учебных заведениях. В частности, наработки настоящей диссертации могут быть использованы при разработке лекционных и семинарских курсов по истории Средних веков, истории Византии, истории Азии и Африки в Средние века, истории дипломатии, истории средневековой исторической науки, при составлении соответсвующих методических пособий.

Степень достоверности исследования

Достоверность настоящей работы подтверждается привлечением широкого круга мировой и отечественной историографии, использованием новейших научных публикаций по исследуемой тематике и близких к ней в периодических изданиях. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы в виде статей и тезисов в ряде научных журналов и сборников.

Апробация материалов и выводов исследования осуществлялась в ходе докладов на всероссийских и международных научных конференциях. Различным сюжетам, рассматриваемым в диссертации, были посвящены доклады и сообщения на II Съезде молодых востоковедов стран СНГ (Баку, 2013), Международной научной конференции «Ломоносов 2014» (Москва, 2014), конференции «Общество и государство в Китае» (Москва, 2014, 2016), «Маклевских чтениях» (Санкт-Петербург, 2014), школе-конференции «История востоковедения: традиции и современность» (Москва, 2014), «Власть и насилие в

незападных обществах» (Москва, 2015, 2016), школе-конференции молодых византинистов «NEANIAI» в НИУ ВШЭ (Москва, 2015), на конференции «Новые имена в медиевистике» (Тюмень, 2014, 2015), XXVIII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире» (Санкт-Петербург, 2015), Всероссийских востоковедных чтениях памяти О. О. Розенберга (Санкт-Петербург, 2013, 2014, 2015), XI Конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2015), на Международном конгрессе медиевистических исследований (International Medieval Congress) в Университете Лидса (Leeds, 2015), конференции «Scholia studiorum: пространство исторического нарратива» (Екатеринбург, 2016), на XXIII Международном конгрессе византийских исследований (23rd International Congress of Byzantine Studies 2016) в Белграде (Beograd, 2016).

Структура диссертации

Настоящая диссертация структурирована в четыре главы с параграфами в соответствии с поставленными выше задачами, имеет введение, заключение, список источников и литературы.

1. Венецианские literati треченто-кватроченто: социально-антропологический портрет

Ж. Ле Гофф в очерке, специально посвященном интеллектуальной среде, формировавшейся вокруг средневековых университетов с XII в., дал узкое определение слоя, обозначенного им как «средневековые интеллектуалы». «Речь идет о школьных учителях, мэтрах <…>. Так именуют тех, чьим ремеслом были мышление и преподавание своих мыслей»[100]. Исходя из данной позиции, Ле Гофф достаточно резко противопоставил тип университетского средневекового интеллектуала-клирика типу итальянского гуманиста XIV– XV вв.: если университетский преподаватель высокого Средневековья – это интеллектуал-труженик, то гуманист последующей эпохи явственно тяготел к аристократии, если первый – ученый-рационалист, то второй – литератор, мистик и даже антиинтеллектуалист, первый – экстравертен, второй ориентирован на герметичный круг, мир первого – город, второго – двор[101]. В случае, когда в исследовательский ракурс попадает определенная интеллектуальная среда Средних веков, едва ли можно удовлетвориться лишь столь специальным определением интеллектуала. Важным функциональным критерием принадлежности человека к группе интеллектуалов следует считать его участие в особом интеллектуальном общении [102] . Согласно общему определению, представленному Т. В. Кущ в работе, посвященной поздневизантийской интеллектуальной среде, интеллектуалом является хорошо образованный человек, часть жизни посвятивший творческим занятиям и участвовавший в разных формах ученого общения[103]. Настоящее исследование, охватывающее широкий и разнородный круг деятелей, исходит из расширенного определения.

Однако даже при наиболее расширенном толковании понятия «интеллектуал» остаются определенные спорные моменты. Сказанное касается,

---

[100] Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003. С. 3–4.
[101] Там же. С. 112, 124, 144, 147.
[102] Кущ Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. С. 39.
[103] Там же.

главным образом, историй венецианских путешественников, сохранившихся в чужом пересказе. Иосафат Барбаро или Альвизе да Мосто оставили весьма объемные труды, ставшие итогом их дипломатической, торговой и разведывательной деятельности на Востоке, то такой не менее знаменитый их соотечественник, нобиль и купец из Кьоджи Никколо Конти (ок. 1395–1469), лишь рассказал о своих многолетних странствиях Поджо Браччолини и Перо Тафуру, о чем подробно будет сказано в четвертой главе. Тем не менее в настоящем исследовании представляется оправданным констатировать влияние отчета Никколо Конти на ментальную карту его современников-гуманистов и участие в формирвании дискурса о Востоке, причем и на словесном, и на визуальном уровнях. Во-первых, сообщения путешественника быстро стали частью интеллектуального дискурса европейцев об Азии. Во-вторых, сведения Конти с большой долей вероятности легли в основу знаменитой венецианской карты мира работы монаха фра Мауро[104] (1459). Наконец, было бы ошибкой объяснять ту форму, в которой до нас дошли истории Марко Поло или Никколо Конти, при которой вернувшийся в Италию путешественник надиктовывал рассказ собеседнику-литератору (соответственно – Рустичано и Браччолини) недостатком образования самих рассказчиков. Как отмечал Н. С. Горелов, «путешественник в представлении людей того времени – это не писатель, а в первую очередь рассказчик, которого интересно слушать»[105]. «Молчание» самого Конти как автора, литератора обусловлено жанровой спецификой рассказа о путешествиях XIV – первой половины XV вв., при этом его участие в интеллектуальном общении с Поджо и его кругом и принадлежность к сообществу если не интеллектуалов, то literati сомнению не подлежит. Представляется, таким образом, приемлемым вариантом именование обозначенного ракурсом настоящего исследования круга персоналий именно более ширким термином literati.

---

[104] Suarez T. Early Mapping of Southeast Asia: The Epic Story of Seafarers, Adventurers, and Cartographers Who First Mapped the Regions Between China and India. Singapore, 1999. P. 79.
[105] Горелов Н. С. Предисловие к «Цветнику историй земель Востока» Гайтона // Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и комм. Н. Горелова. СПб., 2006. С. 215.

Ниже приводятся краткие биографические характеристики ряда лиц, определивших своеобразие венецианской интеллектуальной жизни XIV–XV вв. и формирование в венецианской книжной традиции основных моделей восприятия Другого. Особенно важными моментами в жизненном пути и cursus honorum персоналий представляются их происхождение в локальном (венецианец – невенецианец) и социальном (нобиль – пополан) аспектах, мирской или духовный статус, демографическое поведение, территориальная мобильность, а также отношения внутри интеллектуальной среды.

Две наиболее очевидные особенности венецианской интеллектуальной среды означенного периода не позволяют строго отнести эту группу персоналий к двум большим категориям средневековых literati, указанных Ле Гоффом. Во-первых, сама Венеция не являлась университетским центром в Средние века, и первый университет в ней самой возник лишь в 1868 г., спустя семь десятилетий после упразднения Венецианской республики. Во-вторых, Венеция не была вплоть до первой половины XV в. и сколько-нибудь значимым центром гуманистического движения. Общим местом раннего гуманистического дискурса стало представление о Венеции как о суетном эмпории, обладающим разумными порядками, но мало подходящим для тонких интеллектуальных бесед, впоследствии переработанное и сглаженное венецианскими гуманистами после поглощения Падуи Венецией в форме конструкта взаимодополняемости торговой Венеции и университетской Падуи в составе единой державы. Франческо Петрарка писал другу Стефано Колонне (ок. 1352): «Выходит, и там ты, друг добродетели и покоя, не найдешь себе спокойного места, если не считать славного города венетов, да и тот, оставаясь пока единственным храмом свободы и справедливости, сотрясен сейчас военной бурей, а кроме того, даже если вернет себе прежний покой, всегда настолько более склонен к торговле, чем к музам, что не знаю, насколько тебя устроит такое место жительства»[106].

---

[106] Петрарка Франческо. Письма / Перевод, послесловие, комментарий В. В. Бибихина. СПб., 2004. С. 198.

Из дружеских связей венецианской интеллектуальной среды XIV в., пожалуй, наиболее известный и изученный случай – это плодотворное сотрудничество францисканского монаха, картографа и хрониста Паолино Венецианца (ок. 1270–1344) и Марино Санудо Торчелло. Хотя они могли знать друг друга и ранее, началом их долгой переписки и тесного общения[107] стало рассмотрение текста «Книги тайн верных креста», представленной Марино Санудо папскому двору в Авиньоне в сентябре 1321 г., комиссией в главе с Паолино Венецианцем, тогда папским исповедником, в доме самого Паолино[108]. Ученая дружба этими двумя высокообразованными венецианскими мужами при этом мало напоминала отношения внутри гуманистического кружка: это близость literati, тесно связанных с папской курией объединенных общим делом, проектом, картами, это своего рода отношения между коллегами, экспертами-аналитиками в одной «команде».

Для Венеции рубежа XIV–XV вв. с ее колониальной империей и наиболее мощным в Европе бюрократическим аппаратом, который в основном сложился уже к первому десятилетию XIV в.[109], фигура светского сановника-интеллектуала становилась вполне органичной. Канцелярская среда Венеции оказалась достаточно открытой и в то же время искусство составления документов было обычно наследственным. В других регионах Италии среда светских чиновников оказалась весьма восприимчива к гуманистическим веяниям. Итальянское гуманистическое общение XV в. вовсе не сводилось к собраниям кружков: Поджо Браччолини (1380–1459) за свою долгую жизнь участвовал в разных формах интеллектуальной коммуникации – от ученичества у Колюччо Салютати и кружка Никколо Никколи до удаленной команты папского дворца времен карьеры Поджо в качестве апостольского клерка, беседы, серьезные и шутливые новости,

---

[107] См.: Edson E. The World Map, 1300–1492: The Persistence of Tradition and Transformation Baltimore, 2011; Degenhardt B., Schmitt A. Marino Sanudo und Paolino Veneto. Zwei Literaten des 14. Jahrhunderts in ihrer Wirkung auf Buchillustrierung und Kartographie in Venedig, Avignon und Neapel. Tübingen, 1973.

[108] Marini Sanuti Torselli Liber secretorum… P. I.

[109] Климанов Л. Г. Consilia et Officia: историографические заметки о венецианской бюрократии // АДСВ. 2009. Вып. 39. С. 344.

рассказы и анекдоты в которой послужили основой для знаменитых «Фацеций». Сам Поджо именовал это место встреч и общения канцелярских служащих il Bugiale «Вральней»: «Это наш Bugiale, т. е. своего рода мастерская вранья, основанная когда-то секретарями ради забавы»[110].

По мнению Маргарет Кинг, важная социально-политическая роль венецианского гуманизма, появившегося в начале XV в., заключалась в его прагматизме и особой связи с государственными институтами Венеции. Перефразируя Франческо Барбаро, утерждавшего, что правители Венеции, лишенной стен, сами составляют «стены города», К. Кинг пишет, что гуманисты также «служили стенами города, дабы сделать его неуязвимым»[111].

С самого – несколько запоздалого – начала гуманистических штудий в Венеции венецианские гуманисты быстро адаптировались к формам ученого общения, ставшим уже традиционными для гуманистов в городах террафермы. Так, единственным, кто откликнулся траурной речью на смерть византийского гуманиста и родоначальника греческих штудий в Италии Мануила Хрисолоры в 1415 г., оказался венецианец Андреа Джулиани, сделавший это по просьбе учителя – знаменитого педагога-гуманиста Гуарино да Верона (ок. 1370–1469), в свою очередь, бывшего близким и верным учеником Хрисолоры[112]. Для византийской интеллектуальной культуры, представителем которой и был Мануил Хрисолора, сам некогда бывший учеником Димитрия Кидониса и сопровождавший учителя в его поездке в Венецию в 1390–1391 гг.[113], особенно прочной была связь «учитель–ученик», благодаря чему нить преемственности могла тянуться веками, и на латинский Западе форма столь тесной, интимной близости между наставником и учениками была привита в эпоху гуманизма во

---

[110] Браччолини Поджо. Фацетии / Пер. с лат. под общей ред. А. К. Дживелегова. М.; Л., 1934. С. 340.
[111] King M. Op. cit. P. XX.
[112] Ibid. P. 3.
[113] См.: Кущ Т. В. В поисках союзников: три поездки Димитрия Кидониса в Италию // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35. С. 202.

многом через влияние византийских интеллектуалов[114]. Через наставничество Джулиани оказался включен в долгую цепь передачи риторической традциии. М. Кинг представила широкую просопографическую базу группы идейного ядра (core-group) в составе девяноста двух венецианских гуманистов XV в. (1400–1490), позволяющую проследить родство, знакомство, ученичество и другие формы контактов между ними. Для венецианской интеллектуальной среды характерна большая роль семейно-клановых связей: из девяноста двух персоналий по четверо авторов принадлежали к фамилиям Барбо, Барбаро, Морозини и пятеро – к фамилии Донато[115].

Впрочем, контакты и даже родственные связи внутри гуманистической и вообще интеллектуальной среды Венеции XIV–XV в. не всегда поддаются детальной реконструкции. Как отмечает С. П. Карпов, в архивных источниках есть упоминания о нескольких Антонио да Марко Морозини, тезках знаменитого хрониста Антонио Морозини, но кого-либо из них не удается достоверно идентифициорвать с ним, хотя его родсто с дожем Микеле Морозини (1382) представляется очевидным[116]. Ш. Марин, ревизионистски подходящий к гипотезам А. Пертузи о широком гуманистическом круге общения Лоренцо де Моначи, утверждает, что утверждения Пертузи о дружеских связях канцлера Кандии с Петраркой и Леонардо Бруни не фундированы документальным материалом[117]. Уже более прозрачной становится ситуация середины – второй половнины XV в. Излюбленным жанром словесности в гуманистическом кругу был эпистолярный – одновременно форма поддержания контакта и гуманистического творчества. Венецианцы не были здесь исключением. Эрмолао Барбаро (1454 –1493), внук другого видного гуманиста Франческо Барбаро, писал Джорджо Меруле, что, может, Республика без него и обойдется, зато он сам «не

[114] Кущ Т. В. Наставничество как форма интеллектуального общения // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 362.
[115] См.: King M. Op. cit. P. 315–447.
[116] Карпов С. П. [Рец. на:] Кодекс Морозини: мир, как он виден из Венеции (1094-1433) / критическое изд., вступ. ст., индексы и др. вспомогат. мат. А. Нанетти. Сполето: Fondazione CISAM, 4 т. // СВ. Т. 72. № 1–2. С. 362.
[117] Marin S. Venetian Chronicler in Crete: the Case of Lorenzo de’ Monaci and His Possible Byzantine Sources. P. 242.

может жить без писем»[118]. Венецианским гуманистам, располагавшим грекоязычными колониями и тесными торговыми связями в византийском мире, греческие рукописи были обычно доступнее, чем невенецианцам, поэтому последние нередко получали ценные манускрипты от своих венецианских корреспондентов.

Автор энциклопедических трудов «Книга тайн верных креста» и «История королевства Романии» Марино Санудо Торчелло (ок. 1270–1343) был одним из пяти сыновей венецианского патриция Марко Санудо[119]. Одна из ветвей этого старинного знатного рода правила Герцогством Архипелага, основанного Марко Санудо в 1207 г. и включавшего большую часть Кикладских островов[120]. С ранней юности Марино Санудо выполнял различные коммерческие поручения отца и много ездил по всему Восточному Средиземноморью. В «Книге тайн верных креста» Санудо проявил большую осведомленность в восточных делах. Впоследствии он писал, что «много раз бывал в Александрии и Акре (Акконе), не нарушая, однако, ограничений, наложенных церковной санкцией, а в Романии воистину провел большую часть своей жизни»[121]. После 1300 г. Санудо был, вероятно, назначен в Палермо представителем Венецианской республики, затем посетил Рим, в 1311 г. Он лично видел битву при Кефиссе, а до смерти отца в 1318 г., после которой возвратился в Венецию, успел побывать на Кипре, Родосе и в Армении[122]. Марино Санудо, как полагает П. Лок, подобно другим венецианским нобилям, почти наверняка провел и детство, и юность, и жизнь в браке под кровом отцовского дома в Сансеверино, в котором сановник и составил

---

[118] King M. Op. cit. P. 5.
[119] Lock P. Introduction // Marino Sanudo Torsello. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross / Translated by P. Lock. Farnham, 2011. P. 3.
[120] О нем см.: Thiriet F. La Romanie vénitienne. Le developement et l'exploitation du do-maine colonial vénitien (XIIe – XVe siècles). Paris, 1959. P. 75–76; 81–82.
[121] Marini Sanuti Torselli. Secreta fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per francos. V. II. Hannover, 1611. P. 3.
[122] Lock P. Op. cit. P. 9.

свое завещание в 1343 г.[123] Санудо был дважды женат, и от каждого брака имел по двое детей[124].

Будущий дож-интеллектуал Андреа Дандоло (1306–1354), автор двух хроник и покровитель Петрарки, происходил из семейства, давшего Венеции до него трех дожей, включая прославленного Энрико Дандоло. Будущий дож получил юридическое образование в Падуанском университете, одновременно питая большой интерес к литературе и искусствам, а уже в 1328 г. Дандоло был избран прокуратором св. Марка[125]. Магистрат прокуратора св. Марка, который в карьере Андреа Дандоло предшествовал догату, охватывал широкий круг обязанностей, в основном связанных с попечением о больных, сиротах и неимущих, причем по степени престижа и почета должности ее носитель уступал лишь самому дожу[126]. Андреа Дандоло написал свою «Краткую хронику» еще в бытность прокуратором св. Марка, завершил ее в самом начале догата[127] и довел до 1342 г. Более поздняя «Пространная хроника» Дандоло заканчивалась 1280 г. Дандоло имел от догарессы Франчески Морозини троих детей – Фантино, Леонардо и Занетту. Леонадро (ум. 1406) сумел сделать серьезную политическую карьеру[128].

Из интеллектуалов, занимавших во второй половине XIV в. высшие магистраты Республики, следует особо отметить Раффаино Карезини (ок. 1314–1390), великого канцеллярия Венецианской республик[129] и хрониста. Великий канцеллярий, занимавший высшую ненобильскую должность венецианского государственного аппарата, фактически был, по замечанию отечественного

---

[123] Lock P. Op. cit. P. 11.
[124] Ibid.
[125] Ravegnani G. Dandolo, Andrea // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1986. Vol. 32 [Электронный ресурс]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/andrea-dandolo_(Dizionario-Biografico)/
[126] Юсупов А. Ю. Система управления Венецианской республики в VII–XV вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Ответ. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 370–371.
[127] См.: Marin Ş. A Double Pathfinder's Condition: Andrea Dandolo and His Chronicles // Annuario dell'Instituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia. XII–XIII, 2010–2011. Bucureşti: Editura Academiei Române, 2015. P. 52–54.
[128] Ravegnani G. Op. cit.
[129] Carile A. Caresini, Rafaino // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 20. Roma, 1977. P. 80–83.

исследователя Л. Г. Климанова, главой венецианской бюрократии [130]. Независимый от дожа канцеллярий коммуны, избиравшийся с 1268 г. Большим Советом пожизненно, ведал канцелярией, выполнявшей функции архива, и был хранителем государственной печати[131]. Очевидно, располагая доступом ко всем политическим документам Республики, канцеллярий имел все возможности для историописательской деятельности. Характерно, что Раффаино Карезини был сыном кремонского нотария и обосновался в Венеции только в 1341 г., где быстро зарекомендовал себя в качестве квалифицированного и способного делопроизводителя, а летом 1365 г. был назначен великим канцеллярием[132]. Текст широко известного венециано-генуэзского договора о торговой блокаде Золотой Орды составлял от лица Республики в 1345 г. именно Карезини, «императорский нотарий и секретарь Дуката Венецианского»[133]. Хроника Раффаино Карезини продолжала «Краткую хронику» Андреа Дандоло. В отличие от того же дожа-интеллектуала, Карезини в своей хронике, не ставя задачу освещения всей венецианской истории, охватил события за сравнительно краткий и близкий по времени период с 1343 по 1388 гг. Р. Уитт подчеркивает ряд историописательских новшеств, связанных с влиянием формирующейся гуманистической среды и внесенных Карезини в венецианскую традицию, замечая, что тот «писал историю так, как будто защищал дело в суде»[134]. Карезини был дважды женат и в каждом браке имел по двое детей, и трое из четверых дожили до взрослых лет[135]. Старшая дочь Раффаино Карезини стала женой врача Джованни Баластро[136]. Служащие из среды нотариев предпочитали родниться с образованными семьями идентичного или сопоставимого социального статуса.

---

[130] Климанов Л. Г. Consilia et Officia: историографические заметки о венецианской бюрократии // Античная древность и Средние века. 2009. Вып. 39. С. 348.
[131] Климанов Л. Г. Cor nostri status: историческое место канцелярии в венецианском государстве // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л., 1990. С. 88.
[132] Carile A. Op. cit. P. 80–81.
[133] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venetiis, 1880. Vol. 1. № 161. P. 305.
[134] Witt R. In the Footsteps of the Ancients: the Origins of Humanism from Lovato to Bruni. Leiden, 2000. P. 469.
[135] Carile A. Op. cit. P. 82.
[136] Ibid.

Еще один видный автор ненобильского происхождения Лоренцо де Моначи родился в 1351 г. в Венеции в семье нотария Монако, который и стал его первым учителем в искусстве составления документов[137]. При этом, как полагает Щ. Марин, Лоренцо мог и не быть венецианцем по рождению, поскольку акты от 1362 г. Монако де Моначи подписывал не иначе, как «Monacus de Monacis de Godio», т. е. как выходец из населенного пункта Годио, что в Пьемнонте[138]. Среди венецианских нотариев XIII–XV в. люди, рожденные за пределами венецианских владений встречались довольно часто, что лишний раз свидетельствует о большой привлекательности Венеции для образованных служащих из самых разных регионов Северной Италии. В частности, определенно не из Венеции происходили, помимо кремонца Раффаино Карезини, такие чиновники-интеллектуалы, как Бонинконтро да Бови и Якопо Пьячентино[139]. В акте Монако 4 сентября 1365 г. его сын впервые фигурирует в качестве свидетеля, а к 1371 г. он становится нотарием auditorium sententiarum, как и отец, с ежегодным жалованием в 3 lire di grosso[140]. После смерти сера Монако около 1372 г. Лоренцо взял на себя заботу о матери, молодой супруге, брате Стефано, который также пошел в нотарии, сестрах и вынужден был подать прошение в Большой Совет о повышении жалования с трех до пяти лир ди гроссо[141]. Имя первой жены Лоренцо де Моначи осталось неизвестным, однако, возможно, ею была сестра Симоне де Тренти, который сопровождал Лоренцо во время миссии в Венгрию (1386–1387). От первой супруги у де Моначи был сын по имени Монако, ставший на Крите каноником одной из церквей. Второй сын Джакомо, вероятно, был у Лоренцо от следующей жены, которую де Моначи взял уже на Крите. Это была сестра нотария курии Кандии Джорджо Парадизо[142].

---

[137] Poppi M. Ricerche sulla vita e cultura del notaio e cronista veneziano Lorenzo de Monacis, cancelliere cretese (ca. 1357–1428) // SV. 1967. T. 9. P. 153–154.
[138] Marin S. A Venetian Chronicler in Crete: the Case of Lorenzo de’ Monaci and His Possible Byzantine Sources. P. 238.
[139] Poppi M. Op. cit. P. 154.
[140] Ibid. Лира ди гроссо означала 240 гроссо, крупных серебряных монет. См.: Lane F. Venice, A Maritime Republic. Baltimore, 1973. P. 148.
[141] Poppi M. Op. cit. P. 156.
[142] Ibid.

В 1376 г. де Моначи становится notarius Venetiarum[143]. Между 1383 и 1386 гг. [144] будущий хронист работал над документами под началом великого канцеллярия Республики Раффаино Карезини. Осведомленность де Моначи в делах кризиса Таны, возможно, была обусловлена тем, что именно Карезини, как уже указывалось, от лица Республики в 1345 г. составлял текст венециано-генуэзского договора о торговой блокаде Орды[145].

Де Моначи в составе посольства Республики трижды посещал Венгрию в 1386, 1389 и 1390 гг. Он написал гекзаметром латинскую поэму, излагающую историю Карла II Малого[146]. В 1388–1428 гг. де Моначи занимал пост канцлера Крита. Хроника написана им в 1420-х гг., в последние годы жизни. Лоренцо де Моначи скончался на Крите весной 1428 г. в возрасте почти восьмидесяти лет[147]. В акте от 24 августа 1428 г. покойный канцлер Крита упоминается как «мудрый и красноречивейший сер Лоренцо де Моначи»[148].

Сам де Моначи отмечал, что для написания своей хроники пользовался документами «из Государственного Архива Венеции, где хранятся подлинники документов венецианских дел, древних и недавних, из хроник и анналов других городов»[149]. Архив, организованный на основе хранилища канцелярии, сыграл особую роль в венецианской исторической традиции. Круг чтения бюрократа-гуманиста де Моначи был весьма широк. Из античных авторов ему были известны Цицерон, Гораций, Вергилий, Аристотель, Платон, Кассиодор, Квинт Курций Руф, Евтропий, Луций Анней Флор и Ливий[150].

Британский исследователь исторической мысли Возрождения Э. Фрайд отметил, что в своей хронике «Лоренцо де Моначи несколько смягчает яростный

---

[143] Poppi M. Op. cit. P. 157.
[144] Witt R. Op. cit. P. 469.
[145] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 1. № 161. P. 301.
[146] Laurentii de Monacis veneti carmen, seu historia de Carolo II, cognomento parvo rege Hungariae // Laurentii de Monacis. Chronicon de rebus venetis, ed. Fl. Cornelius. Venetiis, 1758. P. 323.
[147] Poppi M. Op. cit. P. 186.
[148] Ibid. P. 186.
[149] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 3: ex Archivo publico Venetorum, in quo reconditae sunt originales Scripturae Venetarum rerum, veterum et noarum.
[150] Poppi M. Op. cit. P. 161.

антивизантийский уклон взятых им венецианских источников путем включения нескольких деталей из длинного рассказа очевидца взятия Константинополя – Никиты Хониата»[151]. Впрочем, это заимствование информации у греческих интеллектуалов позволяет говорить не столько о большей, по сравнению с предшественниками, беспристрастности, сколько просто о более диффернцированном составе источников хроники канцлера Кандии. С точки зрения Ш. Марина, интерес Лоренцо де Моначи к греческой культуре и его уровень владения греческим не стоит преувеличивать: Марин оспаривает надолго устоявшийся в историографии взгляд А. Пертузи[152] об использовании хронистом греческих текстов Никиты Хониата, Геогрия Акрополита, Георгия Пахимера в оригинале, полагая, что он пользовался услугами переводчика[153]. Учитывая крайне пренебрежительное отношение венецианского хрониста к Византии и к греческому населению колонии, представляется, что взгляд Марина точнее отражает мировоззрение и круг чтения канцлера Кандии.

Представляется необходимым особенно подробно остановиться на биографии одного из наиболее значимых представителей венецианской гуманистической традиции. Точные даты жизни Квирини неизвестны. Лауро Квирини родился около 1420 г. в семье венецианского нобиля Пьетро ди Джорджо, по-видимому, в Венеции или в Кандии[154]. Весьма вероятно, что Квирини был уроженцем Кандии, где он впоследствии стал крупным землевладельцем, т. е. был патрицием крито-венецианского происхождения[155]. В 1438 г. молодой Лауро был зарегистрирован в числе участников церемонии «золотого шарика» (balla d’oro)[156]. Эта процедура, приуроченная ко дню Св. Варвары (4 декабря), представляла собой торжественное посвящение молодых

---

[151] Fryde E. B. Humanistic and Rennaissance historiography. L.. 1983. P. 9.
[152] См.: Pertusi A. Le fonti greche del «De gestis, moribus et nobilitate cìvitatis Venetiarum» di Lorenzo de Monacis, cancelliere di Creta (1388-1428) // Italia medioevale e umanistica. 8. 1965. P. 162–211.
[153] Marin S. A Venetian Chronicler in Crete. P. 256–257.
[154] Lauro Quirini Umanista. P. 10.
[155] O’Connell M. The Venetian Patriciate in the Mediterranean: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete. P. 487.
[156] Lauro Quirini Umanista. P. 10.

нобилей в политическую жизнь «Светлейшей» через жеребьевку, предлагавшую доступ в Большой Совет до достижения ими возраста 25 лет[157]. Закончив в апреле 1440 г. обучение в Венеции, Лауро продолжил образование в Падуанском университете, который после поглощения Падуи Венецией в 1405 г., не только сохранил свое общеевропейское значение, но и стал главным интеллектуальным фасадом Республики. Венеция не имела собственного университета, и ее гуманистическая традиция складывалась под сильным влиянием университета Падуи. Квирини изучал право, тесно общался с виднейшими авторами гуманистического круга – Джаноццо Манетти, Леонардо Бруни, Виссарионом Никейским, Изоттой Ногарола. В доме кардинала Виссариона молодой венецианец остановился во Флоренции в 1441 г. В 1448 г. Квирини получил степень доктора права в Падуанском университете[158]. В 1452 г. Квирини, уже известный гуманист, университетский преподаватель риторики, автор многочисленных латинских речей и посланий, вскоре после женитьбы на Пелигрине Фальеро обосновался в Кандии, где вел жизнь преуспевающего землевладельца, активно вовлеченного в европейскую торговлю. Именно на Крите Квирини, по-видимому, и окончил свой жизненный путь между 1475 и 1479 гг[159]. Итак, жизнь венецианца Лауро Квирини – патриция и купца, гуманиста и университетского интеллектуала – в первой своей половине была тесно связана с сухопутными владениями «Светлейшей» в Италии, во второй же – с ее главной заморской колонией.

Как и интеллектуальная жизнь XIV в., так и гуманизм XV столетия, в Венеции оказались чрезвычайно тесно переплетены с текущими задачами государства. Бернардо Джустиниани (1408–1489), крупный государственный деятель, дипломат, член Совета Десяти и гуманист, более всего известен как автор исторического сочинения «История о начале града Венецианского» (De origine

---

[157] См.: Контарини Гаспаро. О магистратах и устройстве Венецианской республики. С. 65.
[158] Lauro Quirini Umanista. P. 12.
[159] Ibid. P. 18.

Urbis Venetiarum rebusque ab Ipsa gestis historia)[160]. И в своей политической деятельности, и как литератор Джустиниани выступал последовательным сторонником экспансии Венеции и закрепления за ней статуса гегемона, как минимум, в Италии. В 1457 г. Джустиниани в надгробной речи на смерть недавно смещенного Франческо Фоскари назвал тройку самых могущественных властителей в мире: папу, императора и дожа, а в 1483 г. заявил венецианским кардиналам, что их истинная мать – это Республика, церковь же приходилась им мачехой[161].

Все перечисленные авторы в той или иной степени участвовали в конструировании идеи венецианской исключительности и совершенства гражданского строя Республики. Создание ученых панегириков венецианской политической системе в различных жанрах – от эпистолярных трудов до хроник – также могло быть способом утверждения того или иного интеллектуала-невенецианца в венецианской среде. В XIV в. об особой избранности Венеции как хранительницы справедливости писал кремонец Карезини, утверждая, что венецианцы «во имя веры католической, во имя всеобщей сохранности и свободы против турок и пиратов должными средствами охраняют море»[162]. Спустя столетие официальным историописателем Республики и одним из ведущих венецианских гуманистов стал уроженец далекого Виковаро, выходец из бедной семьи[163] Маркантонио Коччо (1436–1506), писавший под псевдонимом Сабеллико.

С точки зрения демографического поведения большинство из представленных в исследовании интеллектуалов были светскими людьми, женатыми и имевшими детей. Круг средневековых интеллектуалов и на латинском Западе, и на православном Востоке был сообществом почти исключительно мужским. Для собственно венецианской интеллектуальной среды

---

[160] Bernardus Iustinianus. De origine urbis venetiarum rebusque gestis a Venetis libri quindecim // Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae / Ed. J. G. Graevius. Leidein, 1722. Vol. V. P. I. Cols. 1–124.

[161] Labalme P. Bernardo Guistiniani: a Venetian of the Quattrocento. Roma, 1969. P. 296.

[162] Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratorius. T. XII. Mediolani, 1728. Col. 436.

[163] Блескина О. Н. Коччо // Культура Возрождения: Энциклопедия. В 2 т. Т. 1: А–К / Ред. кол.: Н. в. Ревякина (отв. ред.), О. Ф. Кудрявцев (зам. отв. ред.) и др. М., 2007. С. 840.

в рассматриваемый период также не было характерно активное участие в ней женщин. Однако с середины XV в. в гуманистическом кругу присутствие ряда женщин-гуманисток становится достаточно заметным[164], хотя эти прецеденты обыкновенно воспринимались современниками скорее как исключения, не определявшие повестку гуманистических изысканий. В частности, венецианка Кассандра Феделе (1465–1558), предки которой происходили из миланского рода[165], прославилась своими изящными посланиями к Анджело Полициано, Пико делла Мирандола и другим гуманистам[166]. Не имея возможности обучаться в университете, Феделе в 1487 г. выступила в университете Падуи, когда его оканчивал ее двоюродный брат Бертуччо Ламберти, с речью, прославлявшей город и его ученый мир. В этом энкомии Феделе подчеркивала, что, хотя Венеция – «самый прославленный эмпорий всех народов», за лучшим в мире образованием, благодаря которому только и можно взрастить добродетельных государственных мужей, следовало ехать в Падую[167].

Для кватроченто известны примеры женщин-гуманисток с территорий, оказавшихся под властью Венеции в ходе ее наступления на терраферму в первой половине столетия. Пожалуй, наиболее талантливой фигурой среди них была веронка Изотта Ногарола[168] (1418–1466), автор оригинальной и смелой трактовки первородного греха. Ногарола поддерживала ученую переписку с Лауро Квирини[169].

Среди интеллектуалов Венеции в рассматривемый период ряд фигур – и Карезини, и де Моначи – принадлежали к группе нотариев. Внимание к

---

[164] Stevenson J. Latin Learning and Women // Encyclopedia of Women in the Renaissance: Italy, France, and England / Ed. by D. Robin, A. Larsen, C. Levin. Oxford, 2007. P. 118–119.
[165] Pignatti F. Fedele, Cassandra // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 45. Roma, 1995 [Электронный ресурс]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/cassandra-fedele_(Dizionario_Biografico)/
[166] Robin D. Fedele, Cassandra // Encyclopedia of Women in the Renaissance: Italy, France, and England. P. 137.
[167] Cassandra Fidelis Veneta. Epistolae et orationes posthumae, nunquam ante hac editae / a cura di G. F. Tommasini. Patavii, 1636. P. 195.
[168] См.: Nogarola Isotta. Complete writings: letterbook, dialogue on Adam and Eve, orations / Edited and translated by Margaret L. King and Diana Robin, Chicago, 2004.
[169] См.: Lauro Quirini Umanista. P. 28.

демографическому поведению венецианского интеллектуального сообщества оправдано не только с историко-антропологической точки зрения, но и с точки зрения эволюции венецианского государственного аппарата в XIV–XV вв. В XIII столетии, как отмечает Салли Макки, венецианские нотарии почти полностью состояли из клириков, нотарии же колониального Крита в XIV в. – в основном светские чиновники[170]. Нотарии часто совмещали составление частноправовых актов с государственной службой. К XV в. картина венецианского чиновничества становится иной. В начале столетия, к примеру, нотарий Кристофоро Риццо, служивший в Тане и Модоне, как установила отечественный венециевед А. А. Талызина, имел сына по имени Якобо, который упоминается в источниках Таны сорока годами позже, а впоследствии Кристофоро, очевидно, овдовев, принял духовный сан[171]. А. А. Талызина полагает также, судя по более чистой, чем у его коллег латыни, что этот нотарий мог быть англичанином Кристофером Рисом, устроившимся на службу в Венеции[172].

На примере семейного круга такого венецианского чиновника-интеллектуала, как Лоренцо де Моначи, явственно просматривается фамильная замкнутость венецианского нотариата: сам потомственный нотарий, де Моначи и обеих жен взял из подобных семей. Венецианские нотарии старались «обрастать» общим кругом знакомств и соответствующей клиентелой. Высшая прослойка управленческо-бюрократической структуры, «секретари», набиралась в Венеции исключительно из второго сословия, горожан[173]. В XIV-XV вв. в государственном аппарате Венеции проходят два синхронных процесса: специализация бюрократии, а также ее секуляризация, в XV столетии с наступлением на терраферму, в ходе которого Венеция получила компактное территориальное владение на материке, и неизбежными коллизиями с папской курией эти

---

[170] McKee S. Uncommon Dominion: Venetian Crete and the Myth of Ethnic Purity. Philadelphia, 2000. P. xi.
[171] Талызина А. А. Венецианский нотарий в Тане Кристофоро Риццо (1411–1413) // Причерноморье в средние века / Под. Ред. С. П. Карпова. Вып. 4. М.; СПб., 2000. С. 22.
[172] Там же. С. 23.
[173] Климанов Л. Г. Венецианские «секретари». О политической культуре итальянского города. С. 100.

процессы значительно ускоряются. С начала XV в. клириков постепенно отстраняют от службы в канцелярии, а в 1474 г. Большой совет окончательно запрещает принимать их на службу[174]. Последнее можно назвать триумфом светской бюрократии Венеции. Государство, щепетильно охраняющее наследственные привилегии элиты, одобрило формирование de facto слоя потомственных нотариев.

Одним из наиболее существенных вопросов в данном контексте представляется проблема времени возникновения *гуманизма* в Венеции и формирования венецианской специфики гуманистического дискурса и – более конкретно – влияния гуманистической традиции на дальнейший процесс конструирования венецианского мифа. В обобщающем научно-популярном труде Дж. Норвича дож Андреа Дандоло вполне однозначно именуется гуманистом[175]. Более сдержанным и продуктивным представляется подход Р. Уитта, охарактеризовавшего интеллектуальную среду североитальянских городов второй половины XIV–начала XV вв., включавшую, главным образом, городских чиновников, подобно тому же Лоренцо де Моначи, как «канцелярский гуманизм»[176].

Образовательная политика Венеции на терраферме, в целом, отвечала стремлению к централизации. Падуанский университет после долгих прений в венецианском Большом совете в 1407 г. получил монопольное право на обучение на всей территории венецианской континентальной державы, все прочие университеты, включая университет Виченцы, были низведены до положения простых школ[177]. Венеция, задолго до завоевания Падуи по достоинству оценившая университет, ставший важным центром образования для венецианского нобилитета, использовала крупнейший интеллектуальный центр

---

[174] Климанов Л. Г. Cor nostril status: историческое место канцелярии в венецианском государстве. С. 81.
[175] Норвич Д. История Венецианской республики. М., 2009. С. 293.
[176] Witt R. Op. cit. P. 488.
[177] Юсупов А. Ю. Взаимоотношения в области культуры между Венецией и городами террафермы (Вероной, Виченцей и Падуей) в первой четверти XV в. // Культурные связи в эпоху Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2010. С. 9–10.

северной Италии – одновременно традиционной университетской науки и гуманизма – в качестве главной интеллектуальной витрины. Гуманист Пьер Паоло Верджерио (ок. 1370–1444/1445), учившийся в Падуанском университете и до венецианской аннексии подвизавшийся при дворе падуанских синьоров Каррара, а около 1411 г. написавший трактат-панегирик «De republica Veneta», утверждал, что взялся за этот труд, потому что Венеция собственными авторами, по его мнению, не располагала[178]. Уже на заре своего появления гуманизм Венеции оказался тесно вплетен в ткань политической мифологии.

Восприятие античной культуры в формирующейся гуманистической среде Венеции также отличалось своеобразием: во-первых, венецианцы не были склонны видеть в Средних веках культурную цезуру между своим временем и древностью, а, во-вторых, их подход отличался большим прагматизмом. В начале хроники де Моначи произнес обширный панегирик свободе Республики и сравнивает ее с Древним Римом. И это сравнение не в пользу последнего: «Риму в конце концов Бог даровал власть над миром, но не вечность свободы. В самом деле, рабыня, рожденная при царях, свободу, полученную, благодаря консулам, утратила при децемвирате»[179]. Венеция же была «основана в свободе»[180]. Ключевой идеей венецианского мифа у Лоренцо де Моначи предстает именно концепция «libretatits continuatio». В «Речи об образовании и приращении града Венецианского», написанной Лоренцо де Моначи в 1421 г., в которой канцлер Кандии предлагает дожу Мочениго как можно более пышно отметить тысячелетний юбилей Республики, сделан акцент на желании других народов, «освобождаемых» Венецией, наслаждаться благами венецианского правления[181]. М. Кинг относит это риторическое произведение к наиболее ранним образцам гуманистического прославления Венеции, наряду с «De republica Veneta» Пьера

---

[178] King M. Op. cit. P. 223.
[179] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 3: Romae ad certum finem Deus dedit orbis imperium; at non libertatis continuationem. Serva enim sub regibus nata libertatem partam per Consules amisit sub decemviratu.
[180] Ibid.
[181] См.: Witt R. Op. cit. P. 472.

Паоло Верджерио[182]. Венецианские авторы умели даже не очень удобный для своей исторической памяти факт подать в качестве знака уникальности и совершенства нравов и обычаев их родного государства. В частности, Гаспаро Контарини так объяснял малое, с его точки зрения, количество сохранившихся в его отечестве древних памятников: «Каждому будет понятно, что венецианцами двигало не честолюбие, а лишь забота о пользе отечестве, судя по тому, что в Венеции нет или очень мало древних монументов, хотя граждане и в городе и за его пределами совершали великие подвиги и снискали немалые заслуги перед республикой»[183].

Мировоззрение и ценностные установки венецианца-гуманиста середины кватроченто, пожалуй, наиболее ярко прослеживаются на примере взглядов Лауро Квирини. Одно из самых любопытных сочинений раннего периода творчества Квирини, связанное с событиями на терраферме, – «О мире в Италии» («De pace Italiae», 1441)[184]. Этот небольшой трактат построен в форме диалога между тремя аллегорическими персонажами: Меркурием, Италией и Фамой – Молвой. Подобная форма выбрана молодым автором в подражание сатирическим диалогам весьма популярного в гуманистической среде XV в. Лукиана[185]. Италия, разоренная бесконечными войнами, горестно оплакивает перед Меркурием свою судьбу. Она сетует богу, что безвозвратно ушли далекие времена и нравы Римской республики – эпоха Фабриция[186], Фабия, Камилла, Корнелия Сципиона, «которые блестяще и усердно воевали с чужеземными народами за свободу Италии, за спасение отечества, во имя славы, доброго имени и, наконец, ради сохранности всего благого»[187]. После «этих счастливых времен» на смену героям

---

[182] King M. Op. cit. P. 223.
[183] Контарини Гаспаро. Указ. соч. С. 54.
[184] Quirini Lauro. De pace Italie // Segarizzi A. Lauro Quirini, umanista veneziano del secolo XV // Memorie della Reale Academia delle szienze di Torino. Serie seconda. T. LIV. 1904. P. 24–28.
[185] King M. L. Op. cit. P. 164.
[186] Гай Фабриций Лусцин, римский государственный деятель и полководец первой половины III в. до н. э., консул 282, 278, 273 гг. до н. э., славившийся честностью и неподкупностью. – Д. В.
[187] Quirini Lauro. De pace Italie. P. 24–25: …Qui pro libertate Italie, pro salute patrie, pro gloria, pro fama nominis et denique pro incolumitate bonorum omnium strenue et preclarissime cum exteris nationibus bella gerebant, exorti sunt inde vesani quidam homines pro cuncta agentes, qui mihi bella

пришли люди, движимые одними низменными страстями, они довели Рим до гражданских войн и навязали Италии ярмо рабства[188]. Героиня выстраивает печальную картину последних полутора тысячелетий своей истории: упадок нравов и свободы при императорах, вторжения варваров, раздробленность страны и постоянные войны до настоящего времени, причем самым горестным для Италии Квирини было сознание войны и смуты как угрозы самому существованию культуры, греческой и латинской словесности. Меркурий старается утешить отчаявшуюся Италию и возвещает о приходе Фамы. Фама сообщает Италии, что долгожданный мир ей принесут три государя: «Первый – Альфонс, король Апулии <…> Второй – Франческо Фоскари, принцепс самой цветущей и самой изобильной Венецианской республики, пред всеми смертными благоразумнейший и красноречивейший, до небес превознесенный молвою[189]. Третий – Филиппо, лигурийцев герцог (dux) могущественнейший и человечнейший, блистающий славой. Эти трое будут долго и кротко в мире тобою править»[190]. Заканчивается этот утопический диалог панегириком в адрес своеобразного нового триумвирата, на волю и мудрость которого в грядущем коллегиальном управлении надеется Италия.

Несомненно, главной ценностью, во имя которой и следовало прекратить войны, для Квирини была культура. Однако, по всей видимости, в политическом измерении задача его как автора диалога «О мире в Италии» состояла не столько в проекте мирного урегулирования на полуострове, едва ли даже в понимании самого Квирини осуществимом, сколько в прославлении венецианской великодержавности и констатации места Венеции среди ведущих на тот момент политических игроков в Италии, силы которых были сопоставимы: Арагон, утвердившийся на Юге, Венеция и Милан. Альфонс V Арагонский (1416–1458) стремился к гегемонии в Южной Италии и к моменту написания диалога Квирини

---

civilia, intestinas discordias, domesticas seditiones intulerunt et denique ita impie ac nefarie egerunt, quod me sub jugum servitutis detruserunt.

[188] Ibid.

[189] Цитата из «Энеиды» Вергилия: «fama super aethera notus» (Virg. Aen., I, 379).

[190] Quirini Lauro. De pace Italie. P. 27:

был близок к заветной цели – отвоеванию Неаполя, которым и овладел в июне 1442 г[191]. Под герцогом Лигурийским Квирини подразумевал, очевидно, не генуэзского дожа, а герцога Миланского – Филиппо Мария Висконти (1412–1447), главного противника Венеции в войнах за терраферму. Висконти присоединил Генуэзскую республику к своим владениям в 1421 г. и до 1435 г. управлял городом, сохранившем, впрочем, значительную самостоятельность, через наместников. В декабре 1435 г. власть Милана была свергнута, и вскоре генуэзцы выдвинули престарелого Изнардо Гуарко на пост дожа[192]. Последнего сменил Томмазо Фрегозо, который и был дожем Генуи на момент написания диалога Лауро Квирини, однако «герцог лигурийцев» (генуэзцев) у него – Филиппо. В текстах Квирини на современные события не раз встречалось достаточно вольное обращение с текущими политическими реалиями. Также не исключено, что в диалог «О мире в Италии» вошли отрывки риторических упражнений Квирини, сделанных им еще в Венеции, когда именование персонажа «Филиппо, герцогом лигурийцев» было все же более актуальным.

В тексте «О мире в Италии» из качеств своего родного государства Квирини особенно выделил процветание и богатство, не иссякавшие вопреки войнам. Свобода же в этом раннем диалоге подается автором как общеитальянское древнее наследие и достойное возрождения достояние. Не вызывает удивления включенный в текст мини-панегирик дожу Фоскари. Именование венецианского дожа принцепсом, как короля Арагона и герцога Милана, у де Моначи, Квирини и других венецианских авторов гуманистического или окологуманистического круга было призвано подчеркнуть идею гармоничного сочетания в венецианском государстве нескольких политических моделей, унаследованных от античности. Венецианский государственный деятель и интеллектуал XVI в. кардинал Гаспаро Контарини (1487–1542) утверждал: «Итак, основатели избрали такое устройство и такое смешение всех полезных видов власти (statuum), что в одной республике

[191] Гуковский М. А. Итальянское возрождение. Л., 1990. С. 364.
[192] Гуковский М. А. Указ. соч. С. 439.

сосуществуют и царское правление, и влияние оптиматов, и гражданский строй, так что все формы соседствуют на равных…»[193].

По мере превращения Венеции в протяженную территориальную державу на терраферме политическая символика и дискурс Республики св. Марка медленно, но верно эволюционируют в сторону атрибутов территориального государства. Французский венециевед, исследовательница венецианского мифа Э. Крузе-Паван отмечает, что в 1423 г. термин «коммуна» исчезает из венецианского политического лексикона, вытесняясь термином «Signoria»[194]. В том же году окончательно упраздняется за ненадобностью старинное аренго – народное собрание. За десять лет до того, в 1413 г. в официальном обещании дожа Томмазо Мочениго была внесена норма, исключавшая прямое обращение дожа к народному собранию, в результате чего существование этого древнего института, чья роль и так уже долгое время сводилась к формальному обнародованию актов советов, окончательно утрачивало смысл[195]. На терраферме документы, оформлявшие переход городов под власть Венеции, официально именовались золотыми буллами[196]. Наступая волнами на сушу и поглощая старинные итальянские города, морская республика постепенно прирастала имперской атрибутикой.

Специфика Лауро Квирини как венецианского гуманиста и одновременно одного из творцов венецианского мифа в гуманистическом дискурсе явственно проступала в его взглядах на благородство – nobilitas. Трактат «О благородстве. Против Поджо Флорентийца» (De nobilitate contra Poggium Florentinum, 1449) был написан венецианцем в форме полемического послания флорентийскому гуманисту Поджо Браччолини (1380–1459) в ответ на его диалог «О благородстве» (De nobilitate, 1440). В этом труде, одном из программных текстов венецианского мифа в эпоху гуманизма, Квирини спорил с Браччолини о природе

---

[193] Контарини Гаспаро. Указ. соч. С. 62.
[194] Crouzet-Pavan E. Venice Triumphant: the Horizons of the Myth. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. P. 133.
[195] Климанов Л. Г. Основы взаимодействия венецианского государства и общества (конец XII–начало XVI в.) // АДСВ. Вып. 41. 2013. С. 322.
[196] Юсупов А. Ю. Система управления Венецианской республики в VII–XV вв. С. 378.

благородства. Жанр полемических посланий о том, что есть благородство, получил в гуманистической среде широкое распространение. Один из самых ярких деятелей раннего гуманизма и канцлер Флорентийской коммуны Колюччо Салютати (1331–1406) утверждал в полемическом послании к Бандини д'Арреццо (1403), развивая мысль Сенеки о благородстве как природной склонности человека к добродетели: «Плебеи и рабы могут быть добродетельными не меньше, чем патриции и государи»[197]. Ученик Салютати Поджо Браччолини в трактате-диалоге «О благородстве» устами своего друга, известного гуманиста и мецената Никколо Никколи, к тому времени уже покойного, представил точку зрения, полностью отрицавшую значимость родовитого происхождения в сравнении с личными заслугами, с благородством, приобретаемым индивидуальной деятельностью человека[198]. Несмотря на то, что сама тема противопоставления благородства крови и благородства добродетели не была к середине столетия новой, как отмечает итальянский исследователь К. Финци, Браччолини выдвинул в своем труде новые аспекты этого явления, которые и породили серьезную полемику среди гуманистов, длившуюся до конца столетия[199]. Флорентийская гуманистическая традиция, представленная Салютати и Браччолини, формировала идею благородства нрава и духа, не связанного с родовитостью его носителя. Венецианец Квирини истолковывал понятие nobilitas на основе венецианской политической культуры, пытаясь доказать, что природа оного кроется в вечном и неизменном естественном порядке вещей, а добродетель проистекает из происхождения, а не из усилий каждого конкретного человека.

---

[197] Салютати Колюччо. Письмо от 11 ноября 1403 г. к Бандини д'Ареццо // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 42.

[198] См.: Браччолини Поджо. Книга о благородстве / Пер. Н. В. Ревякиной // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов / Пер. с лат. и комм. Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой; вступ. ст. С. М. Стама; под общей ред. С. М. Стама. Саратов, 1984. Ч.1. С. 148–178.

[199] Finzi C. La polemica sulla nobiltà nell'Italia del Quattrocento // Cuadernos de Filología Clásica. Estudios Latinos. 30.2 (2010). P. 341.

«Совершенство мироздания заключается в порядке, порядок – в превосходстве и возвышении»[200], – утверждал Квирини.

По мнению американской исследовательницы М. О'Коннелл, апологетика строго наследственного благородства у Квирини была напрямую связана с его критским происхождением, он «отстаивал интересы своего класса и родственной группы и утверждал, что претензии крито-венецианцев на общее происхождение с венецианцами законны»[201]. При всем остроумии этого наблюдения, едва ли стоит сводить творческие мотивы интеллектуала Лауро Квирини к его узкосоциальным интересам. Как гуманист Квирини был частью тесного круга авторов, включавшего как того же Поджо Браччолини, так и многих венецианских патрициев, а также ряд осевших в Италии византийских интеллектуалов. Общность, образовавшаяся вокруг осознанного и прочувствованного духовного ориентира, была бы просто невозможна без группового самосознания[202].

Квирини в том же труде «О благородстве» настаивал на происхождении знатных родов Венеции непосредственно от римских патрициев, включая сенаторов, бежавших в лагуну на Адриатике от полчищ Аттилы, и даже венецианский Сенат, который «закрыл доступ чужакам» во власть, в его труде – наследник и преемник римского Сената[203]. «Ведь можно видеть, – восторженно писал Квирини, – что в нашей счастливейшей Венецианской республике патриции обладают славными ромуловскими душами»[204]. Венеция – довольно молодой по итальянским меркам город – собственной античной истории не имела, и венецианский миф в труде Квирини, как и у де Моначи, очевидно, играл компенсаторскую функцию. Меньшая древность Венеции, по сравнению с Римом или Миланом, восполнялась в этом дискурсе акцентом на преемственности нравов и гражданских институтов.

---

[200] Quirini Lauro. De nobilitate contra Poggium Florentinum // Lauro Quirini Umanista. P. 80: Mundi universi perfectio in ordine consistit, ordo in prestantia atque eminentia.
[201] См.: O'Connell M. Op. cit. P. 487.
[202] Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978. С. 31.
[203] Quirini Lauro. De nobilitate contra Poggium Florentinum. P. 88.
[204] Ibid. P. 87: Videre enim licet in nostra felicissima Veneta re publica patricios viros inclitas Romuleas animas possidentes.

Лауро Квирини усиленно стремился выдать существовавшие в его время социальные порядки Венеции за извечные. Однако окончательно олигархический характер венецианского государство был закреплен в процессе т. н. «закрытия Большого Совета» с 1297 г. А венецианский совещательный орган Совет испрошенных, учрежденный в 1229 г., стал именоваться Сенатом только с 1296 г [205] . Сам период 1297–1450 гг. в венецианской политической истории американский исследователь Р. Финли охарактеризовал как время «формирования патрицианской касты и возрастания господства Сената»[206].

Важное отличие венецианской интеллектуальной среды XIV–XV вв., к примеру, от поздневизантийской состояло в сравнительно небольшой доле в ней лиц духовного звания. Среди последних следует отметить знаменитого антиквара и патриарха Аквилеи Доменико Гримани (1461–1523) и описателя Святой Земли Франческо Суриано (ок. 1450–1529). Важнее, пожалуй, было то, что «Светлейшая» старалась по мере возможностей добиться от прелатов венецианского происхождения лояльности в большей степени себе, чем папской курии. Примечательно, впрочем, что в первой половине XVI в. особую известность в Европе обрели такие венецианские кардиналы-гуманисты, как Пьетро Бембо и Гаспаро Контарини.

Особняком в околовенецианском ученом круге стояла группа интеллектуалов греческого происхождения с двумя условными подгруппами: жителей венецианских колоний, подобно Геогрию Трапезундскому (1395–1472/73), известному гуманисту и энтузиасту обращения Мехмеда II в христианство, а также обосновавшихся в Республике византийских подданных. Правнук выходца из Трапезундской империи и уроженец Кандии, Георгий прибыл в Италию по приглашению Франческо Барбаро, которому был нужен греческий писец для библиотеки. Позже критянин в совершенстве изучил латинскую словесность под руководством педагога Витторино да Фельтре и, неизменно пользуясь, благодаря протекции Барбаро, поддержкой многих

[205] Климанов Л. Г. Указ. соч. С. 321.
[206] Finlay R. Politics in Renaissance Venice. L.: Rutgers University Press, 1980. P. 281.

венецианских нобилей, Георгий принял участие в формировании новой, ренессансной версии венецианского мифа. Общим местом в венецианском мифе была идеологема смешанного правления, обеспечивающего гармоничное существование общества на лагуне[207]. Георгий утверждал, что основатели венецианского государства взяли за образец теорию смешанного правления в том виде, в каком она детально описана в «Законах» Платона, и претворили идеал Платона в жизнь[208]. Георгий, принявший в 1426 г. католичество, стал активным сторонником унии и в 1440 г[209]. поступил в качестве писца на службу в канцелярию папы Евгения IV (1431–1447, в миру Габриэле Кондульмер), который сам был по происхождению венецианцем, далее Георгий особенно прославился как латинский ритор и педагог. Горячий защитник Аристотеля и критик Платона, Георгий отличался личной отвагой, темпераментным и довольно неуживчивым нравом: так, ему ничего не стоило подраться с обидчиком прямо в папской канцелярии, а, будучи пожилым и почтенным главой большого семейства, он сумел навлечь на себя гнев венецианцев, ухаживая за юной венецианкой, за что ненадолго подвергся тюремного заключению[210]. Одно из своих программных произведений, трактат «Об истинности христианской веры», целью которого, как и рядя других посланий султану, было обращение завоевателя Константинополя Мехмеда II в христианство и превращение в образцового христианского государя, Георгий Трапезундский начал с самоидентификации: «Ибо милостью Божией я владею латинским языком как никто другой в настоящее время. Я уже написал множество трудов и пишу каждый день. И хлеб, который я ем с моими сыновьями и дочерьми, я получаю благодаря этой работе, хотя и много страдаю от зависти италийцев, ибо я не италиец, но критянин, хотя и ношу прозвище Трапезундский»[211]. Ритор-гуманист обозначал себя не как грека или венецианца, но как критянина, что характеризует в нем носителя особой

---

[207] См. у Лоренцо де Моначи: Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 276–277.
[208] Лобовикова К. И. Георгий Трапезундский и проблема турецкого завоевания // Григорий Трапезундский. Об истинности христианской веры. С. 114–115.
[209] Там же. С. 116–118.
[210] Там же. С. 117.
[211] Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры. С. 18–19.

критской идентичности, свидетельствовавшей о далеко зашедшем синтезе греческой и венецианской элит на его родине, в Кандии. Георгий также явно позиционировал себя как интеллектуала-профессионала.

Один из самых ярких представителей поздневизантийского гуманизма ардинал-гуманист Виссарион Никейский (1403–1472) был довольно тесно связан с интеллектуальным миром Венеции, поддерживал дружеские отношения с Лауро Квирини, а в 1468 г. передал Венецианской республике крупнейшую в Европе частную библиотеку, которая и составила впоследствии основу фонда Biblioteca Marciana[212]. Разумеется, не все грекоязычные авторы, чья судьба оказалась связана с Венецией или ее колониями, оставляли сколько-нибудь значительный след в словесности «Светлейшей». Так, получив на склоне лет в 1391 г. венецианское гражданство[213], византийский сановник-интеллектуал Димитрий Кидонис, одна из самых примечательных фигур в политической и литературной жизни Византии второй половины XIV в., тем не менее никак не проявил себя как интеллектуал специфически венецианский.

В целом, интеллектуалы Венецианской республики XIV–XV вв. представляли собой весьма гетерогенную группу. Среди них были первые лица Республики и люди, не сделавшие серьезной политической карьеры. Но, несмотря на несходство между интеллектуалами Республики по происхождению, сословию, наличию или отсутствию духовного сана, их произведения отличала тесная связь с официальной политической доктриной Венеции, которую, впрочем, они же создавали, развивали и транслировали во времени и пространстве. Венецианское авторы, подобно Марино Санудо, за свою жизнь нередко успевали пройти несколько ролей: купца, сановника, дипломата Республики. Прославленные венецианские путешественники, как Никколо Конти или Альвизе да Мосто, умели быстро приспособиться к инокультурным реалиям, не просто рассматривая страны Востока как источник вполне осязаемых богатств, но и проявляя

---

[212] Жаворонков П. И., Кущ Т. В., Крысов А. Г. Виссарион // Православная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 544.
[213] Поляковская М. А. Портреты византийский интеллектуалов: Три очерка. Екатеринбург, 1992. С. 88.

искренний интерес к чужим нравам, обычаям и искусству. Среди интеллектуалов Венеции значительную долю составляли невенецианцы по происхождению, которые, впрочем, обычно были выходцами из других итальянских государств, причем именно к интеллектуалам невенецианского происхождения принадлежали такие яркие апологеты венецианского мифа, как Раффаино Карезини и Маркантонио Сабеллико. Более всего интеллектуалов-невенецианцев принадлежало к довольно открытой группе чиновников-нотариев. Несмотря на жестко примордиалистский характер идеологем исключительности и совершенства Республики в XIV–XV вв., в действительности венецианская политическая культура оказалась достаточно гибкой, чтобы привлечь на службу Венеции многих администраторов и интеллектуалов из других регионов и, более того, сделать этих венецианцев в первом и втором поколениях архитекторами венецианского мифа.

Глава 2. Византийский мир в венецианской традиции

Векторы исторического развития Византии и Венецианской республики, бывшей некогда частью империи, в XIV–первой половине XV вв. оказались направлены в противоположные стороны. Мощь Византии Палеологов стремительно угасала, империя превратилась в небогатое второстепенное государство. Венеция же достигла зенита своего торгового, морского и военного могущества. Венецианский миф XIV–XVI вв. включал в себя идеологемы уникальности, совершенства и незыблемости гражданского строя морской республики. Конструирование официального нарратива морской республики неизбежно сталкивалось с задачей портретирования антипода Венеции.

Историописание в Венеции рассматривалось как дело повышенной государственной важности и нередко осуществлялось высшими должностными лицами Республики. Венецианский нарратив последних полутора столетий существования Византии отводил грекам – не только жителями собственно Византийской империи, но и многочисленному греческому населению венецианских колоний – роль главного Другого (или, по крайней мере, одного из главных Других, наряду с турками). При этом указанная особенность венецианского дискурса как крайне политизированного, причем политизированного в зависимости от каждой конкретной внешнеполитической конъюнктуры (порой у одного и того же автора, как в случае с Марино Санудо Торчелло), задает необходимость рассмотрения венецианских представлений о Византии и византийцах в исторической динамике их конструирования. Данная глава рассматривает эволюцию специфически венецианского «стиля интеллектуального обладания» [214] (выражение Л. Вульфа), по отношению к Византии и грекам венецианских колоний, «четверти и полчетверти империи Романии».

2.1. Венецианцы о Византии и византийцы о Венеции в XIV–XV вв.

[214] Вульф Л. Указ. соч. С. 40.

«Моря питомцы, склонные к плутовству, подобно финикийцам, коварные духом»[215], – так охарактеризовал в своей «Истории» жителей коммуны на Адриатике Никита Хониат, предваряя рассказ о событиях 1171 г. Старший современник Хониата Евстафий Фессалоникийский в речи по поводу освобождения Анконы уподобил Венецию «земноводной змее, болотной лягушке», а венецианцев называл «морскими разбойниками с Адриатики»[216]. В то же время представления Евстафия о венецианцах не сводились исключительно к пренебрежительной их характеристике: Евстафий указывал на смешанный характер государственной власти в Венеции, сочетавший, по его мнению, черты монархии и аристократии, и, по замечанию П. Чезаретти, был достаточно хорошо информарован о венецианских магистратах[217]. Разительный контраст между гигантской сухопутной империей и морской республикой достаточно ясно осознавался современниками как на Босфоре, так и на Адриатике, и констатация этого геополитического несходства стала в византийском описании Венеции поистине общим местом, причем если для венецианцев морской образ жизни был не просто повседневностью, но и поводом гордиться уникальным положением с его неоспоримыми торговыми преимуществами («Люди венецианские воспитаны воде», как утверждал Марино Санудо[218]), то для ромеев скорее был клеймом несовершенства и неустроенности в мире. Э. Калделлис утверждает, что с позиции официального византийского нарратива вплоть до конца существования Византии Венеция, вышедшая из орбиты имперского влияния, благодаря торговле, оставалась «выскочкой»[219]. Во многом по этой причине для ромеев, обычно испытывавших страх перед морской стихией[220], могущество торгово-мореходной Венеция было для византийского дискурса в некотором роде загадкой, исторической и географической аномалией. При этом факт упадка политической

---

[215] Nicetae Choniatae. Historia. P. 171. 46–47.
[216] Соколов Н. П. Образование венецианской колониальной империи. С. 308.
[217] Cesaretti P. Op. cit. P. 223.
[218] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 35: Homines Veneti nutriti sunt in aqua.
[219] Kaldellis A. A New Herodotus: Laonikos Chalkokondyles on the Ottoman Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West. Washington, 2014. P. 91.
[220] Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968. С. 13.

мощи Византии в эпоху Палеологов венецианскими интеллектуалами вполне осознавался.

«Книга тайн верных креста»[221] (1307–1321) Марино Санудо Торчелло, адресованная папе и включавшая проект крестового похода против Египта под руководством Венеции, уделила значительное внимание Византии и греческим владениям Венеции. Отношение к Византии у Санудо в его энциклопедическом трактате достаточно враждебное. В частях трактата Санудо, отведенных изложению истории крестовых походов, византийцы не раз названы Graeculi – «гречишки»[222]. Эта уничижительная кличка применялась автором «Книги тайн верных креста» в основном тогда, когда речь шла о неприятии греческим духовенством унии с Римом. Санудо в своем главном труде с известным возмущением писал об отказе Михаилу VIII Палеологу, принявшему Лионскую унию в 1274 г., греческим духовенством в погребении[223]. Отношение к Михаилу VIII (1259–1282), несмотря на то, что именно при нем была уничтожена Латинская империя, у Марино Санудо в более поздних сочинениях становится достаточно уважительным. Уже в письме к епископу Остии и Веллетри кардиналу Бертрану дю Пуже от 1330 г., которого Санудо стремился убедить в необходимости выстраивания широкой коалиции против турецких эмиратов, венецианец говорил о василевсе вполне сочувственно, возлагая ответственность за провал церковной унии и отлучение Михаила папой Мартином IV в 1281 г. на Карла Анжуйского[224]. Примечательно, впрочем, что в том же 1281 г. Венеция, еще вполне реально, а не в качестве риторической формулы, лелеявшая планы вернуть Константинополь под свой контроль, оказывала Карлу Анжуйскому серьезную поддержку против Михаила. 3 июля 1281 г. в папской резиденции в Орвието Карл Анжуйский оформил соглашение с венецианскими послами и титулярным латинским императором Филиппом де Куртене (1273–1283), приходившимся Карлу зятем, о грядущем походе на Византию с целью восстановления латинского

[221] Marini Sanuti Torselli. Op. cit.
[222] Ibid. P. 180–181.
[223] Ibid. P. 180–181.
[224] Laiou A. Op. cit. P. 389.

господства в Константинополе. Венеции, обязавшейся предоставить крестоносной армаде не менее сорока судов, отводилась ведущая роль на море[225]. Правда, и Карл, и венецианцы на тот момент серьезно недооценили дипломатические способности и волю Михаила, которому в марте 1282 г. удалось вывести своего самого опасного противника из игры, спровоцировав «Сицилийскую вечерню»[226] на неспокойном острове, стоившую Карлу власти над Сицилией и морского могущества.

В этом же обширном послании к Бертрану дю Пуже, входившему в ближайший круг папы Иоанна XXII, Марино Санудо привел немало подробностей недавней истории взаимоотношений Византии с властителями Запада. Санудо прямо указывал на главный внешнеполитический мотив обращения Михаила к унии, а также на серьезность намерений императора насаждать унию в своей державе: «Светлейший король Карл I Сицилийский и Иерусалимский вознамерился захватить империю Романии на том основании, что в этой империи он имел зятя – императора Филиппа, который был из дома владетелей Фландрии и Геннегау. А в этой империи император кир Михаил Палеолог, господствовавший в Константинополе и его землях, решил всеми путями и средствами защититься от упомянутого короля. И он поступил так. И направил он своих послов на Лионский собор, который был открыт во время папства Григория из Пьяченцы [Григорий X – Д. В.]. По его приказанию они поклялись святой матери Церкви, изрекая: “Верую в Бога”, затем, как говорится у латинян: “иже от Отца и Сына исходящего”. И во имя этого он предал смерти и в море утопил многих своих монахов, настоятелей и прелатов и многих других из своего народа, что желали держаться противоположного взгляда.

Итак, из-за грехов народа христианского и Святой Земли этот папа скоропостижно скончался. Вышеупомянутый король [Карл Анжуйский – Д. В.] до такой степени влачил за собой папу Мартина [IV – Д. В.], наконец пришедшего к власти, что тот отлучил от церкви императора, который удерживал возвращенную

---

[225] Nicol D. Op. cit. P. 208–209.
[226] Острогорский Г. А. История Византийского государства. М., 2011. С. 562.

своему народу землю. И сказал император кир Михаил, услышав это: “Так я возвращаюсь к всемогущему Богу: я сделал все, что мог”»[227]. Далее Санудо описал жестокости и бедствия войн внутри христианского мира, которые, по его мнению, были значительно усугублены так и не преодоленной схизмой и в итоге только сыграли на руку усилившимся турецким эмиратам[228].

Терминологически под «Романией» Санудо, как и прочие современные ему латинские авторы, подразумевал просто территорию с центром в Константинополе, независимо от того, правили ли им в конкретный описываемый момент греки или латиняне. В данном письме Санудо пытался представить законным право Михаила VIII защитить территорию «своего народа» от посягательств сицилийского короля, а власть Палеологов над византийскими землями также в некотором роде легитимной. Заключение Михаилом VIII унии и его решительный и жестокий отпор внутренней церковной оппозиции в этом вопросе, по мнению Санудо, и было возвращением в лоно «святой матери Церкви», т. е. под власть папы, причем без жесткой необходимости нового штурма византийской столицы. Ныне на повестке венецианской дипломатии стоял вопрос о союзниках в Восточном Средиземноморье против тревоживших венецианские владения пиратов из эмиратов Малой Азии. В 1319–1321 гг. дож Джованни Соранцо уверял Андроника II, что его народ, народ купцов, не сможет

[227] Kunstmann F. Op. cit. P. 773–774: Et cum reverentia dico, quod serenissimus rex Carolus primus rex Jerusalem et Siciliae intendit ad conquirendum Imperiae Romaniae, propter jura quae in eo habebat gener suus imperator Philippus, qui fuit de domo Flandriae et Hanoniae. In praedicto imperio Romaniae imperator Chiermichalipalialocus, qui dominabatur Constantinopoli et partibus illis, cogtavit omnem viam et modum, ut posset se defendere a praedicto rege. Et fecit sic. Misit enim ad consilium lugdunense, quod celebratum fuit tempore papae Gregorii Placentini, ambaxiatores suos, et juraverunt pro eo praecepta sanctae matris ecclesiae, ac etiam alta voce cantaverunt: credo in deum, secundum quod cantatur a Latinis: qui ex patre filioque procedit. Et propter hoc fecit mori et in mare submerge quam plures suorum caloierum abbatum et praelatorum, et alias suas gentes quam plures quae tenere volebant contrarium. Igitur propter peccata populi christiani et terrae sanctae hic papa satis in brevi mortuus est. Veniente denique papa Martino rex praedictus tractavit tantum cum ipso, quod excommunicari fecit imperatorem praedictum, qui terram sui generi retinebat. Et his auditis imperator Chirmichali praedictus dixit: ego de hoc revertor ad omnipotentem deum: feci, quod potui.
[228] Ibid. P. 773–775.

выжить без морских перевозок, причем торговля куда лучше идет в условиях мира, чем в пору войн[229].

Конфессиональная инаковость греков относительно Рима в тексте «Книги тайн верных креста» нашла отражение в описании обычаев и «заблуждений» всех нелатинских христиан, включая сирийцев, армян, нубийцев и грузин, причем в этом параграфе греки особенно часто названы венецианцем «гречишками»[230]. В упомянутом письме Бертрану дю Пуже Санудо более делал акцент на осуществимость и необходимость достижения унии греков с Римом, а также многочисленность народов, живущих по греческому обряду. «Почти все земли Сирии и Египта были густо заселены греками. И даже до сих пор они весьма многочисленны», – констатировал венецианский дипломат [231]. Среди православных стран венецианец упоминал «королевство Сербии», «империю Болгарии», Грузию, Русь (Russia), «чьи оба государя подвластны татарам»[232]. «Кроме того, – писал Санудо, – держится обряда греков Комнин Трапезунда, который себя называет императором, сын дочери императора кира Михаила, происходящий от рода императора Мануила, который породнился с дочерью короля Франции[233]»[234]. Под «Комнином Трапезунда» Санудо подразумевал императора Алексея II (1297–1330), который действительно был сыном дочери Михаила VIII Евдокии[235]. Период его правления считается одним из наиболее удачных в истории Трапезундской державы Великих Комнинов, знаменуясь расцветом строительства, торговли с Италией и Тебризом, интеллектуальных связей трапезундских и константинопольских интеллектуалов[236]. Характерно в данном случае, что Трапезунд одновременно воспринимался венецианским дипломатом как просто одна из православных стран византийского круга, а

[229] Nicol D. Op. cit. P. 253.
[230] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 179–182.
[231] Kunstmann F. Op. cit. P. 777.
[232] Ibid.
[233] Анна Французская, дочь Людовика VII, супруга Алексея II Комнина, затем – Андроника I Комнина.
[234] Kunstmann F. Op. cit. P. 777.
[235] Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 187.
[236] Там же. 198–199.

императором правитель Трапезундской империи из рода Великих Комнинов не назван, сказано лишь о претензиях трапезундских государей на титул императора, при этом само родовое имя Комнин здесь предстает скорее титулом правителя. По-видимому, политическая и отчасти культурная обособленность Трапезунда от собственно Византии осознавалась таким сведущим в греческих и восточных делах автором, как Санудо.

Падение Латинской империи в 1261 г. воспринималось в венецианском дискурсе как историческая травма. Венецианцы считали латинское государство в Константинополе частью своей сферы влияния. Большую часть истории этого достаточно эфемерного политического образования латинские императоры находились в полной финансовой зависимости от венецианцев. Последнему латинскому государю Константинополя Балдуину II (1228–1261) даже пришлось заложить венецианским купцам Джованни и Анджело Ферро своего единственного сына Филиппа, чтобы получить у них ссуду [237]. Хорошо осведомленный в истории Латинской империи Марино Санудо в разных своих сочинениях трактовал этот сюжет по-разному. В «Книге тайн верных креста» представил этот показательный случай таким образом, что юный Филипп был взят в качестве заложника «константинопольскими горожанами» (burgensibus Contantinopolitanis), которые, в свою очередь, переправили мальчика в Венецию якобы под предлогом его же безопасности[238]. В «Истории королевства Романии» Санудо не стремился как-либо скрыть государственную принадлежность купцов и прямо сообщил: «Этот Филипп был заложником в Венеции за те деньги, которые его отец получил от людей из дома Ферро»[239]. Еще раз Торчелло обратился к этому сюжету в труде, дошедшем до нас лишь в виде фрагмента: «Он [Балдуин II – Д. В.] отдал единственного сына Филиппа в качестве залога некоторым константинопольским гражданам, венецианцам из дома Ферро в обмен на

[237] Острогорский Г. А. История Византийского государства. М., 2011. С. 536; Nicol D. Op. cit. P. 173. Об этом подробнее: Wolff R. L. Mortgage and Redemption of an Emperor’s Son: Castile and the Latin Empire of Constantinople // Speculum. Vol. 29. № 1 (Jan., 1954). P. 45–84.
[238] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 73.
[239] Цит. по: Wolff R. L. Op. cit. P. 46.

известную сумму денег»[240]. Искушенный дипломат хорошо умел расставить нужные акценты в зависимости от поставленной цели и адресата и миновать «неудобные» в данный момент факты, не прибегая к прямой фальсификации.

«Венецианцы защищали город как из личной выгоды, так и из чувства дружбы. Потеряв Константинополь, венецианцы свыше тридцати лет верно служили делу его возвращения, ища поддержки у всех королей и принцев Запада»[241], – уверял Марино Санудо папу Иоанна XXII в «Книге тайн верных креста». В переписке впоследствии Санудо не раз заявлял о необходимости возвращения Константинополя под власть папы, но, по его мнению, покорение Византии удалось бы легче и быстрее, если бы ему предшествовало завоевание богатого Египта[242]. Фактически речь шла о том, что возвращение латинского владычества в Константинополе откладывалось венецианцами на вовсе неопределенный срок, даже по сравнению с достаточно утопическим проектом покорения громадной мамлюкской державы. Во времена Андроников Босфор давно перестал быть главной сферой приложения венецианской дипломатической и торговой активности. Интересы Венеции все более сосредоточивались в городах Леванта.

Здесь уместно сравнить патетический пассаж венецианского автора о конце Латинской империи со свидетельством византийского интеллектуала, характерным с точки зрения образа венецианца в поздневизантийской традиции. Один из ближайших и наиболее верных сподвижников Михаила VIII Георгий Акрополит, занимавший пост великого логофета и, находясь во главе византийской делегации на Лионском соборе, клятвенно признавший унию и filioque[243], несмотря на в целом латинофильские взгляды, видел именно в Венеции главного бенефициара латинского господства на Босфоре. Описывая ситуацию накануне захвата Константинополя никейским войском Алексея Стратигопула,

---

[240] Цит. по: Wolff R. L. Op. cit. P. 46.
[241] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 73.
[242] См.: Laiou A. Op. cit. P. 376–377.
[243] Васильев А. А. История Византийской империи. От начала крестовых походов до падения Константинополя. СПб., 1998. С. 364; Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 557.

Акрополит писал о вновь назначенном венецианском подеста, «муже, как оказалось, решительном и отважном в битвах», который призвал находившихся в городе латинян отправиться в морской поход на остров Дафнусий с целью «поживиться добычей»[244]. В уста венецианского подеста Акрополит вложил аргумент в пользу предлагаемого похода: надо было «предпринять что-нибудь против ромеев, чтобы они не относились к нам совершенно презрительно»[245]. Именно эта вылазка венецианцев, как считал Акрополит, привела к тому, что город к моменту подхода никейского отряда остался почти безоружен. Этот эпизод особенно примечателен тем, что в нем запечатлено представление византийского интеллектуала-латинофила о взглядах венецианцев о том, в свою очередь, как к ним относились в Византии.

По свидетельству того же автора, после входа воинов Алексея Стратигопула в столицу они первым делом подожгли дома венецианцев[246], что наглядно демонстрирует отношение к ним в ромейской среде. В представлении византийского интеллектуала-латинофила венецианцы сами осознавали презрительное отношение греков к ним, а сама искушенность в мореходстве и пиратстве на сей раз обернулась для жителей морской республики жестоким поражением.

В зависимости от текущих внешнеполитических задач Венеции, будь то просто давление на слабеющий Константинополь или стремление обезопасить свои торговые маршруты, взгляд Санудо на «греков-схизматиков» варьировался. 1332 г. ознаменовался формированием Антитурецкой лиги в составе Андроника III, дожа Франческо Дандоло и госпитальеров. Главной угрозой для венецианской торговли в то время был сильный эмират Айдын, чьи корабли грабили Кандию, Негропонт и материковую Грецию[247]. В письме королю Франции Филиппу VI (1334) он отстаивал необходимость союза с Андроником III против усилившихся

---

[244] Георгий Акрополит. История / пер., вступ. ст., коммент. и прил. П. И. Жаворонкова. СПб., 2013. С. 135.
[245] Там же.
[246] Там же. С. 136.
[247] Nicol D. Op. cit. P. 254.

турок[248]. В этом же послании Санудо, дабы не оскорбить французский королевский дом, не стал, как в письме кардиналу дю Пуже четырехлетней давности, прямо изображать Карла Анжуйского ловким манипулятором, сделавшим папу Мартина проводником своих великодержавных амбиций, сказав лишь, что дело унии – плод интриг «некоторых властителей»[249].

Те же аргументы, что использовал Санудо в пользу церковной унии, как отметила А. Лайу, были приведены в послании папы Иоанна XXII василевсу Андронику III в 1333 и 1334 гг.: церковная уния предлагалась как залог мира и безопасности в отношениях между различными частями христианского мира, а также шанс совместно противостоять общему противнику в лице мусульманских государств[250]. Впрочем, несмотря на известную неоднозначность и динамику образа Византии, во многом объяснимую его текущими политическими задачами как дипломата, в трудах Марино Санудо, неизменным пунктом оставалось резко негативное отношение к православному духовенству, в котором он, судя по всему, и видел главное внутривизантийское препятствие для церковной унии и союзнических отношений с Западом. Все же Марино Санудо был в вопросе о Константинополе скорее реалистом и явно отдавал предпочтение новому походу на Константинополь установление унии без потери греческим императором формальной политической независимости. Для прагматика Санудо Византия была, в первую очередь, объектом экспансии Венеции – либо в качестве цели прямого покорения, либо в положении слабого и зависимого союзника.

Первым сколько-нибудь глубоким опытом обращения к византийской истории в венецианском историописании становятся труды Андреа Дандоло (1306–1354, дож в 1343–1354). Как высший магистрат Республики Дандоло имел доступ ко всем хранившимся на тот момент в дворцовом архиве венецианским документам политики Венеции на византийском направлении. Образ Византии,

---

[248] Laiou A. Op. cit. P. 390–391.
[249] Ibid. P. 391.
[250] Ibid. P. 390.

особенно галерея императоров, в его нарративе призван был играть особую роль в конструировании венецианской официальной памяти.

Обращение к длительному периоду формальной зависимости венецианского государства от Константинополя предоставило Дандоло множество возможностей для легитимации исторических прав венецианцев на те территории, за которые в его эпоху Республика продолжала отчаянное соперничество с вновь усилившейся Венгрией. Притязания венецианцев на Далматинское побережье в хронике Дандоло «фундированы» санкцией василевсов Василия II и Константина VIII: «Мунцимир <…> захватил королевство, бедствия принеся морским городам Далмации. По этой причине они [правители далматинских городов] с позволения Василия и Константина, императоров константинопольских, за которыми эти короли некогда признали высшую власть над собой, призвали венецианцев, и те впервые получили власть над Далмацией, как всерьез гласят исторические свидетельства, найденные нами в старейших греческих и венецианских кодексах»[251]. В этом пассаже ко временам догата Пьетро Орсеоло II (991–1009) отнесена смута в правящем клане Хорватии после смерти князя Трпимира, победителем в которой стал его сын Мунцимир. У Дандоло Трпимир (Tirpimirus) назван rex Chroatorum[252], хотя первым правителем Хорватии, за которым этот титул был официально признан, был Томислав I, впервые именованный rex Croatorum в папском послании 925 г [253]., при этом факт его коронации оспаривается исследователями[254]. Ни одни из хорватских правителей по имени Трпмир не был современником Василия II, а Мунцимир, сын и преемник основателя династии Трпмировичей Трпмира I, известного под титулом dux[255], и предшественник Томислава I, княжил примерно в 892–910 гг. или между 888–892

[251] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 196–197.
[252] Ibid. P. 196.
[253] Фрейдзон В. И. История Хорватии. СПб., 2001. С. 16.
[254] Акимова О. А. Христианство в далматинских, хорватских и сербских землях в X–XI вв. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 271.
[255] Dusa J. The Medieval Dalmatian Episcopal Cities: Development and Transformation. N. Y., 1991. P. 99.

и 914 г[256]., т. е. за столетие до Василия II и дожа Пьетро Орсеоло. Следовательно, в этом месте хроники Дандоло Трпимир II, наследник Томислава I, ассимилировался с Трпимиром I, отцом Мунцимира.

Какого-либо официального документа, подтверждающего передачу византийскими василевсами прав на города Далматинского побережья Венеции, не обнаружено ни в византийских, ни в венецианских источниках и, по мнению Н. П. Соколова, утверждение Дандоло о даровании венецианцам этих прав при Василии II и Константине VIII – фальсификация[257]. Дандоло, сославшийся здесь на использование «старейших греческих и венецианских кодексов», не брезговал подлогом и в других местах своего труда, отсылая адресата, как мы увидим далее, даже к «пророчеству» легендарных времен, и его целеполагание в гораздо большей степени относилось к конструированию официального мифа Республики, нежели к созданию правдивого текста.

Религиозная инаковость Византии и церквей Востока в хронике Дандоло подчеркивалась, начиная с рассказа о времени, предшествовавшем крестовым походам. Описав территориальные потери и бедствия империи после жестоких поражений от сельджуков с 1071 г., захват румским султаном Сулейманом ибн Кутлумишем Антиохии, хронист констатировал: «Так Восточная церковь повсюду осталась в запустении, подавленная сарацинами»[258].

Примечательны взгляды Дандоло на брачную дипломатию венецианских дожей. Андреа Дандоло, кратко упомянув брак дожа Доменико Сельво (1071–1084) с сестрой василевса Михаила VII Дуки («Михаила Августа» в хронике) Феодорой, привел нравоучительный рассказ из труда яркого бенедиктинского теолога и церковного реформатора Петра Дамиани (ок. 1007–1072) «Institutio monialis» («Установление для монахинь») о браке венецианского дожа со знатной византийкой[259]:

---

[256] Акимова О. А. Указ. соч. С. 276.
[257] Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 200.
[258] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 215.
[259] Подробнее о возможном реальном прототипе героини этого анекдота: Nicol D. Op. cit. P. 46–47.

«Говорил Петр Дамиани: “Дож венецианский, – сказал он, – имел супругу из града Константинопольского, которая была до того изнеженной в сластолюбии, что отказывалась совершать омовение в общей воде, а до кушаний и пальцами не дотрагивалась, но подносила к своим устам некими вилочками, золотыми и о двух зубьях. Опочивальня ее издавала такие благоухания, что, казалось, можно было увидеть ее перед собою ушами невероятным образом. Когда же занесся над нею меч воздаяния, то, пока она еще была жива, все ее тело разложилось до того, что опочивальня заполнилась зловонием. И насколько пребывала она в наслаждениях, настолько и воздалось ей горестной мукой”»[260].

Как полагает Ш. Марин, дидактический сюжет, поведанный Дамиани, полностью легендарен[261]. На разных уровнях чувственного восприятия – пищевом, обонятельном, тактильном – в этой истории давалась наглядная картина обреченной мирской роскоши.

В раннем венецианском нарративе, в «Венецианской хронике» Джованни Диакона, писавшего в начале XI в., довольно подробно описывается бракосочетание Джованни Орсеоло, сына и соправителя (еще одно влияние византийской политической культуры[262]!) дожа Пьетро II Орсеоло, с Марией Аргиропулиной, дочерью «благороднейшего патриция», причем указывалось, что ее выбрали в жены венецианцу сами василевсы[263]. «Венецианская хроника» подчеркивала красоту и добродетель принцессы, а пышность, с которой Василий II и Константин VIII устроили свадьбу, покои и пиршества, описывала с

---

[260] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 215: Ait Petrus Damianus: «Dux, inquid, Venecie constantinopolitane urbis habebat uxorem, quae tam artificiosa voluptate se mulcebat, ut comuni aqua se nolet abluere; cibos digitis non tangebat, sed, quibusdam fusciulis aureis et bidentibus, suo ori aplicabat; cubiculum eius tot aromatibus redolebat, ut auribus incredibile videretur. Vibrato igitur super ea mucrone iudicii, dum abhoc viveret corpus ejus omne computruit, ita ut totum cubiculum fetore conpleret, et quantum fuit in deliciis, tantum ei datum est, cum lutu, tormentum».
[261] Marin S. Who Was the Bride and Who Was the Bridegroom? A Venetian-Byzantine Matrimonial Alliance in the 11th Century – Between History and Legend // Annuario dell’Instituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia. VIII, 2006. P. 70.
[262] См.: Ravegnani G. Bizanzio e Venezia. Bologna, 2006. P. 73.
[263] См.: La cronaca veneziana del diacono Giovanni // Cronace veneziane antichissime / a cura di G. Monticolo. Roma, 1890. T. I. P. 168–169.

восхищением[264]. Хотя нравоучительные моменты в рассказе Джованни Диакона о браке Джованни Орсеоло и Марии также встречались, но вовсе не в форме осуждения греческой роскоши, а, наоборот, в духе сожаления и печали о непрочности земной красоты и счастья. В 1007 г., на следующий год после зловещего знамения кометы, «великая по всем пределам Италии и Венеции разошлась чума, из-за которой многие из рода человеческого обоего пола внезапно умерли, а среди них госпожа Мария, греческая догаресса, и не одна – а со своим превосходным супругом Джованни, [умершим] через шестнадцать дней, о горе! Они были погребены в одной гробнице в монастыре св. Захарии»[265].

Дож-хронист Андреа Дандоло включил анекдот Дамиани о судьбе догарессы-византийки, избегая конкретных имен и дат, в повествование о более поздних временах Доменико Сельво, чей догат большей частью пришелся на время после смерти Петра Дамиани. Ныне рассказ широко растиражирован в популярной литературе, где его героиней и зачинательницей традиции использования вилок в Европе представлена именно жена Доменико Сельво[266]. Сам Петр Дамиани особенно сурово критиковал ту часть клира, что утопала в мирских богатствах и наслаждениях[267]. Рассказанный им эпизод, помещенный в венецианскую традицию, был призван, очевидно, подчеркнуть контраст между византийской (именно константинопольской) роскошью и умеренностью нравов торговой коммуны на заре ее экспансионистских сил. В современную Дандоло эпоху возможностями, богатствами и размерами Византия имела очень мало общего с державой Василия II или даже Алексея I Комнина, и, возможно, выбор дожем-интеллектуалом именно этого морализаторского эпизода о возмездии гордой и пресыщенной гречанке призван был подчеркнуть разительный контраст между былым расцветом империи ромеев и ее нынешними реалиями небогатой и

---

[264] La cronaca veneziana del diacono Giovanni. P. 168–169.

[265] Ibid. P. 170: …maxima per omnes Italiae seu Veneciae fines pestilential subsecuta est. in qua utriusque sexus humanae conditionis nonnuli inopinata morte ceciderunt, inter quos domna Maria greca ductrix nec non Ioannes egregious vir suus, sedecim dierum numero in sancti Zachariae monasterio, pro dolor! Uno clauduntur mausoleo.

[266] См., например: Adamson M. W. Food in Medieval Times. L., 2004. P. 160.

[267] См.: Ranft P. Theology of Peter Damian. «Let Your Life Always Serve as a Witness». Washington, 2012.

зависимой страны. Вероятно, старинный образ гибнущей от страшной болезни изнеженной гречанки с его напоминанием о непрочности мирских богатств и услад[268], имел свою ужасающую актуальность впоследствии также для самого Андреа Дандоло, при котором Венецию настигла эпидемия «Черной смерти».

Для Средних веков характерно достаточно примордиальное понимание этничности, при котором характеры и судьбы людей находились в сильнейшей зависимости от обстоятельств рождения[269]. К примеру, упомянутый Джованни Диакон, писавший в час зенита византийского могущества при Василии II, именовал греков «искуснейшими по природе»[270]. Впрочем, в отличие от некоторых более ранних и поздних венецианских авторов, Дандоло особенно предпочитал изображать конкретные политические фигуры, нежели давать портрет грекам в целом. Характеристики византийских императоров его нарративе, при всей их беглости, варьируются. Так, поведав о жестоком поражении императора Романа IV Диогена от сельджуков Алп-Арслана (Belçeth), дож сообщил: «Греки, отказавшись иметь императором столь нелепого человека, действительно [его] ослепили»[271]. Дандоло дал здесь сжатую и упрощенную картину гражданской войны в Византии. К примеру, о таком военачальнике, как Андроник Дука и его роли в судьбоносном поражении Диогена при Манцикерте в 1071 г. и, в конце концов, в ослеплении и гибели василевса[272], венецианец ничего не писал, сделав актором эпизода неких «греков», низвергших неумелого правителя. В «Пространную хронику» включен краткий рассказ о приходе Алексея I Комнина (1081–1118) к власти, о свержении Никифора III Вотониата. Алексей «получает» в хронике голос, прямую речь, что нечасто можно увидеть в

---

[268] Подробно о «Черной смерти» в Византии см.: Кущ Т. В. Чума в поздней Византии // ВВ. 2008. Т. 67 (92). С. 38–56.
[269] Юсим М. А. Медиевистика и национальный вопрос: (о неопределенности определений) // Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб., 2015. С. 44.
[270] La cronaca veneziana del diacono Giovanni. P. 145: Graeci, ingenio peritissimi
[271] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 214: Greci vero, dedignates tam confusum hominem imperatorem habere, exocculant.
[272] Мохов А. С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071) // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 293–295.

тексте Дандоло применительно к византийцам. Непосредственно перед захватом власти, воспользовавшись смутой в войске, он, великий доместик, обратился к воинам: «Если доверитесь мне, всех вас обогащу!»[273]

В хронике скупо и очень сжато, без конкретных временных вех описано противостояние войск Алексея I и венецианского флота с норманнами Роберта Гвискара, «потрясшего империю повсюду», более всего подчеркивались большие потери убитыми и пленными среди греческих воинов и венецианских моряков в войне 1081–1085 гг., которая «началась возле Диррахия»[274]. О последовавших за этой кампанией мерах Алексея по удержанию власти в условиях угрозы самозванчества, Дандоло сообщил: «Вернувшись, Алексей убил тех людей императорской крови, кого сумел найти»[275]. Упоминания об удачном разгроме норманнского флота венецианцами в 1081 г., хорошо известном по другим источникам, включая «Алексиаду» Анны Комнины и «Деяниям Роберта Гвискара» норманного хрониста Вильгельма Апулийского[276], в этом пассаже Дандоло нет. Правление дожа Доменико Сельво в «Пространной хронике» Дандоло предстало достаточно бесславным, а его война с норманнами – одновременно тяжелой для Венеции кампанией и скорее войной за чужие, а именно константинопольские интересы, как это ни странно, учитывая, что держава Гвискара представляла серьезную опасность для венецианцев, объективно имея возможность перекрыть выход из Адриатики. Вполне откровенно говорилось об этом в «Краткой хронике»: «Он также подготовил морское войско по требованию Алексея, императора греков, для защиты Романии против Роберта Гвискара»[277]. В обеих хрониках Дандоло делался акцент на то, что Гвискар угрожал, главным образом, Византии. «Сей дож, – Андреа Дандоло подвел итог догату Доменико Сельво, – венецианцами ненавидимый за поражение

---

[273] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 216: Si mihi credideritis, vos omnes ditabo!
[274] Ibid.
[275] Ibid.
[276] Madden T. The Chrysobull of Alexius I Comnenus to the Venetians: The Date and the Debate // Journal of Medieval History. № 28. 2002. P. 25.
[277] Andreae Danduli Chronica brevis. P. 363: navalemque exercitum preparavit ad requisitionem Alexij imperatoris Grecorum contra Robertum Viscardum pro defensione Romanie.

флота, посланного против Гвискара, продержался у власти до двенадцатого года правления, но был отстранен и низложен с трона»[278]. Портрет его византийского современника и формального сюзерена Алексея I Комнина, предоставившего хрисовулом от 1082 г., венецианцам значительные торговые льготы, в том числе, право беспошлинной торговли[279], в повествовании Дандоло также оказался вполне нелицеприятным.

В «Пространной хронике» дож Дандоло приписывал получение хрисовула и титула протосеваста от Алексея I не Доменико Сельво, а его преемнику – Витале Фальеро, причем этот документ гарантировал венецианцам власть над Далмацией и Хорватией[280]. Т. Мэдден отмечает, что речь в этом отрывке шла лишь о признании в Константинополе за венецианскими дожами титула, формально дававшего власть не только над Далмацией, но и над Хорватией[281]. О торговых привилегиях в этом месте дож не говорил. В «Краткой хронике», написанной Дандоло ранее, автор вполне однозначно утверждал, что именно в догат Сельво венецианцам был дарован хрисовул, а за дожем утвержден чин протосеваста[282]. По-видимому, в «Пространной хронике» уже как первое лицо Республики Андреа Дандоло, несмотря на то, что располагал доступом к куда большему объему документов, чем в начале своей историописательсткой деятельности, стремился, по-видимому, к куда большей однозначности трактовок событий и персонажей. Итак, тесно связанный с византийским делами Доменико Сельво должен был в труде, написанном другим дожем, выглядеть одиозной и недалекой фигурой во всех обстоятельствах, он оказался виновен в поражении от норманнов, причем якобы ничего не получил взамен от византийских союзников, а также усилиями

---

[278] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 216: Iste dux Venetis exosus, propter excidium stoli, contra Robertum missi, dum annis XII: prefuisset, repudiator, ey de sede expelitur.
[279] См.: Madden T. The Chrysobull of Alexius I Comnenus to the Venetians: The Date and the Debate. P. 39–40. Исследование Т. Мэддена подтверждает устоявшуюся в историографии датировку хрисовула Алексея I Венеции маем 1082 г.
[280] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 217.
[281] Madden T. The Chrysobull of Alexius I Comnenus to the Venetians: The Date and the Debate. P. 33–36.
[282] Andreae Danduli Chronica brevis. P. 363.

дожа-хрониста «обрел» легендарную сластолюбивую догарессу-гречанку из труда Петра Дамиани.

Примечательно, что в описании поражения Венеции в морском сражении с норманнами при Корфу в «Алексиаде» Анны Комнины (1083– 1153/1155), дочери Алексея I, пленным венецианцам, не поддавшимся на уговоры Роберта Гвискара заключить мир, вложена в уста весьма патетическая фраза: «Знай, герцог Роберт, что если бы мы даже видели, как смерть постигает наших жен и детей, то и тогда не отказались бы от договора с самодержцем Алексеем, не перестали бы помогать ему и ревностно за него сражаться»[283]. В целом, несмотря на разницу в оценках ситуации, взгляды на эту войну Анны и Андреа Дандоло, который об «Алексиаде» ничего не знал, сходились в одном: основным мотивом участия венецианцев в войне с норманнами якобы было поддержание союза с Константинополем. Если византийский автор, хронологический близкий к временам войны с Гвискаром, вполне искренне видел в венецианцах надежных союзников империи в тот момент, то венецианский сановник через почти три столетия предпочел считать, что венецианцы в войне с норманнами в период догата Сельво гибли не за свое дело.

Центральным для венецианско-византийских отношений событием у Андреа Дандоло представлен кризис 1171 г. Василевс Мануил I Комнин (1143–1180), по несколько преувеличенной характеристике Ф. И. Успенского «западник чистой воды» [284] , усиленно стремился возродить могущество Византии на Балканах и Средиземном море. Мануил, желая ослабить венецианское влияние в империи, старался играть на противоречиях между Венецией и ее конкурентами, предоставляя последним – пизанцам и генуэзцам – значительные торговые льготы, а на Адриатике оказывал покровительство Анконе. Одним из событий, определивших дальнейшее ухудшение венецианско-византийских отношений

---

[283] Annae Comnenae Alexias / Recensuerunt D. R. Reinsch – A. Kambylis. Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XL/1. Berlin, 2001. Pars I: Prolegomena et textus. P. 178. Рус. перевод Я. Н. Любарского дан по изданию: Анна Комнина. Алексиада / Пер. Я. Н. Любарского. СПб., 1996. С. 183–184.

[284] Успенский Ф. И. История Византийской империи. История Византийской империи. XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 157.

стал захват венецианцами пяти анконских галей в 1168 г. с последующей дерзкой расправой над несколькими анконцами[285]. «Пространная хроника» Дандоло повествует об этом так: «В то время анконцы подчинялись империи Мануила и считали венецианцев своими соперниками. Дож [Витале II Микьеле (1156–1172) – Д. В.] поэтому, послав шесть галей, захватил пять их [анконских – Д. В.] галей, а Джакопо да Молино и Гвиччардини с этих судов были повешены на мачтах»[286]. 12 марта 1171 г. василевс приказал арестовать венецианцев в империи и конфисковать их имущество, суда и товары, что было незамедлительно сделано[287]. Результатом стали пиратские действия венецианского флота на островах Эгейского моря, а затем – длительные, но бесплодные переговоры, что, в свою очередь, привело к политическому конфликту в самой Венеции и убийству дожа Микьеле.

В хронике Дандоло, несмотря на то, что для него был очевиден, в частности, анконский фактор в отношениях между Венецией и Константинополем, причины и обстоятельства развития кризиса объяснены также личным корыстолюбием Мануила. Тут прослеживается известная преемственность с анонимной «Историей дожей венецианских» первой половины XIII в., которой пользовался Андреа Дандоло при составлении своего нарратива и в которой прямо – и более прямолинейно, чем у Дандоло – сказано про Мануила: «Уж затаил он зло в сердце своем на венецианцев, увидев изобилие их богатств и сияние их добродетелей»[288]. Андреа Дандоло изображал Мануила коварным врагом Венеции, более полагавшимся в течение кризиса 1171–1172 гг. на шпионаж и затягивание переговоров, во время которого венецианцев на кораблях застигла чума: «Император действительно отправил с возвращающимися послами своего

---

[285] Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. С. 295.
[286] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 250.
[287] Острогорский А. Г. Указ. соч. С. 476; Nicol D, Op, cit. P. 97–98; Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. Col. 293: Anno Ducis XVI, die XII mensis marcii, Greci, exequentes mandatum, Venetos detinent, et navigia, et bona eorum auferunt, et imperatori mictunt.
[288] Historia ducum Venetorum // Testi storici veneziani (XI-XIII secolo) / a cura di L. A. Berto. Padua, 1999. P. 28: Iam conceperat malum in corde suo contra Venetos, videns eos divitiis habundare et virtutibus refulgere.

посланника, но не для заключения мира, а для затягивания, а также, чтобы тот разузнал положение в войске»[289].

В хронике Дандоло сообщается, что, принимая очередную миссию из Венеции, направленную дожем Себастьяно Дзиани в Константинополь на переговоры, Мануил, якобы очень боявшийся венецианцев, «совершил жестокое преступление»[290]. «Тот Энрико Дандоло, – писал Андреа Дандоло, – что неизменно отстаивал благо отечества, был некоторым образом лишен зрения»[291]. Эта история должна была лишний раз свидетельствовать об изощренном коварстве византийцев. Мотив личной обиды Энрико Дандоло на империю, как мы увидим далее, акцентировался в нарративе Андреа Дандоло еще один раз. Однако за последующими действиями дожа стоял, очевидно, именно трезвый политический расчет, а никоим образом не жажда мести или антипатия к Константинополю. Т. Мэдден заметил, что «если бы Энрико Дандоло был ревностным византинофобом, каким его видят некоторые историки, едва ли дож отправил к императорскому двору для переговоров о мире именно его»[292]. Согласно «Пространной хронике», разорванные в 1171 г. дипломатические и торговые связи Венеции и Константинополя были восстановлены лишь в краткое правление Андроника I Комнина (1183–1185)[293]. Дандоло кратко сообщил о весьма насыщенном периоде византийской истории с 1180 по 1183 гг.: «Мануил <…> оставил империю наследнику – порфирородному Алексею под опекой Андроника, который, презрев законность, позднее его задушил и сам был провозглашен императором. Он, чтобы укрепить империю и добиться расположения венецианцев, по просьбе дожа, освободил купцов, плененных Мануилом, а также пообещал ежегодно возмещать причиненный [венецианцам –

[289] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 252.
[290] Ibid. P. 260.
[291] Ibid.
[292] Madden T. Enrico Dandolo and the Rise of Venice. Baltimore; L., 2003. P. 55.
[293] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 266. Никита Хониат и Иоанн Киннам утверждали, что венецианско-византийские связи восстановились уже при Мануиле. Н. П. Соколов, исследовав венецианские акты второй половины XII в., пришел к выводу о большей достоверности версии Дандоло, нежели византийских историков. См.: Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. С. 305–306.

Д. В.] ущерб»[294]. В хронике Дандоло Андроник I, несмотря на некоторое сближение с Венецией, – фигура, как и «его» Мануил, вполне монструозная, и в то же время в этом кратком описании присутствует известная амбивалентность, подобная той, в духе которой изображали Андроника Евстафий Фессалоникийский и Никита Хониат[295]. Дандоло, достаточно верно указав мотивы Андроника как государственного мужа, видел в нем более прагматика, заботящегося о собственном царстве, нежели жестокого государя, руководствующегося скорее иррациональной корыстью, страхом и злобой, каковым он старался изобразить в своей хронике Мануила I.

Несмотря на ключевую роль венецианской коммуны и лично дожа Энрико Дандоло в событиях 1202–1204 гг., венецианские авторы XIII в. не проявляли к ним того интереса, который, казалось бы, следовало ожидать к событию, превратившему Венецию в подлинную империю. Как констатировал Т. Мэдден, «у нас нет венецианского Виллардуэна»[296]. «Крестоносная» мифология вокруг взятия Константинополя и раздела Романии прочно вошла в венецианский нарратив уже в XIV столетии.

Обстоятельства, непосредственно предшествовавшие походу венецианцев и крестоносцев на Константинополь, в «Пространной хронике» Андреа Дандоло переданы следующим образом: «Тем временем юноша благородный по имени Алексей, сын Исаака, бывшего константинопольского императора, и сестры короля венгерского, прибыл в Венецию, веря, что ему удастся застать дожа. Но, не найдя его, Алексей поспешил в Задар с письмом римского короля Филиппа [Филиппа Швабского, римского короля в 1198–1208 гг. – Д. В.], который был женат на дочери Исаака и при дворе которого был воспитан Алексей, а также со многими рекомендациями короля венгерского, и был с почестями принят. Было поведано о прискорбном низвержении юноши и его отца, Алексей попросил о помощи и совете со стороны венецианцев, при посредничестве которых его

[294] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 266.
[295] Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 484–485.
[296] Madden T. The Venetian Version of the Fourth Crusade. P. 316.

обязательства помогли бы ему вернуть империю. Он пообещал венецианцам сумму в тридцать тысяч марок, которые должно было вернуть в счет отобранных Мануилом, а французским предводителям похода – плату за перевоз по морю, если ему будет предоставлена помощь в этом, и гарантию содержания войска за счет собственной казны, а также пообещал унию, в которой Константинопольская церковь подчинится Римской»[297]. Сведения Андреа Дандоло несколько расходились с информацией в труде участника крестового похода, маршала Шампани Жоффруа де Виллардуэна (ок. 1210) «Завоевание Константинополя», значительно уступая его данным в подробности. По свидетельству Виллардуэна, настроенного, в целом, провенециански, приезду самого Алексея к лидерам крестоносцев предшествовало посольство от имени Филиппа Швабского, а сумма, обещанная Алексеем крестоносцам по договору, насчитывала двести тысяч марок серебра[298], при том, что сумму долга венецианцам, упомянутой Дандоло как оставшейся со времен Мануила, Виллардуэн не называл. Сами венецианские «деяния» в ходе Четвертого крестового похода Дандоло описывал достаточно бегло. В отличие от византийских источников, в частности, «Истории» Никиты Хониата, в тексте Дандоло не найти сколько-нибудь подробного описания фигуры узурпатора Алексея Дуки Мурзуфла, который фигурирует в повествовании просто как «некто по имени Мурциф» и «тиран»[299].

При всей сжатости своего изложения венецианский дож Андреа Дандоло интерпретировал захват Константинополя в апреле 1204 г. как акт исторического отмщения грекам за унижения, испытанные венецианцами в 1171 г.: «Исполнилось пророчество Эритрейской сивиллы: “Будет на водах Адриатики собрание сильных под водительством слепца, они оспорят власть Козла и обесчестят Византий, здания его покроют черным, и добыча разойдется по миру. Козел новый будет блеять, пока не пробегут, измерив, пятьдесят четыре фута и девять с половиной дюймов”. И теперь злодеяние нечестивого Мануила,

[297] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 277.
[298] Виллардуэн Жоффруа де. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М. А. Заборова. М., 1993. С. 20, 25.
[299] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 279.

причиненное венецианцам и тому более всего, кого он пожелал ослепить, пока тот исполнял посольские обязанности, Божьей властью получило достойное отмщение»[300].

В этом пассаже хроники Дандоло применительно к Константинополю используется топоним «Византий», правда, в псевдоантичном контексте в целях намеренной архаизации «оракула», приписываемого Эритрейской сивилле. Эритрейская сивилла – легендарный персонаж, которому, как и другим языческим сивиллам, в западной христианской традиции устойчиво приписывалось предвидение пришествия Христа. В частности, Августин, не будучи уверен, когда именно жила прорицательница – во времена ли Троянской войны, или во время Ромула, читал по первым буквам стихов оракула Эритрейской сивиллы о «грядущем с неба Царе» фразу «Ἰησῦς Χριστὸς Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ» («Иисус Христос Сын Божий, Спаситель»)[301]. «Пророчество», вставленное дожем в хронику, в целом, отвечало идее предопределенности венецианского могущества. Бестиарный образ горделивого «козла косматого» заимствован из библейской Книги Даниила, в которой рогатый зверь символизирует «царя Греции»[302], сокрушившего «овна» – Персидскую империю Ахеменидов, и выступает одной из наглядных иллюстраций идеи о череде мировых царств, столь популярной впоследствии в Средние века. В Вульгате зверь, отождествляемый с «царем

---

[300] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta: …et conplecta est prophecia sibile Erictee: Fiet potancium in aquis Adriaticis congregatio, ceco peduce, yrcum ambigent, Bisancium prophanabunt, edificia denigrabunt, spolia dispegentur. Yrcus nouus balabit usque dum LIIII pedes, et IX polices, et semis praemensurati discurant. Nunc etiam Emanuelis sceleste scelus in Venetos perpetratum, per eum maxime, qui dum legationis fungeretur officio, cecum facere concupivit, auctore Deo digne ultiones poena punitum est.

[301] Аврелий Августин. О граде Божием, 18:23. По изданию: Аврелий Августин. Творения. Т.4. О граде Божием. Книги XIV-XXII. СПб.; Киев, 1998.

[302] См.: Дан. 8:5–8:21. О восприятии венецианцами образов из Книги Даниила в разное время см.: Marin S. An Introduction to the Venetian Chronicles. A Case Study: St Daniel's Prophecies and the Fall of Constantinople in 1204. Mode of access: https://www.academia.edu/17268426/An_Introduction_to_the_Venetian_Chronicles._A_Case_Study_St_Daniels_Prophecies_and_the_Fall_of_Constantinople_in_1204 Щ. Марин широко задействовал математические методы для выявления периода наибольшей востребованности этого образного арсенала в венецианском нарративе XIII–XVIII вв.

греков», обозначен именно словом hircus, в сочетании hircus caprarum[303]. Этим же словом (ycus) «византийский» козел и его победитель названы в хронике венецианского дожа. Отрывок был, по всей видимости, позаимствован Дандоло в популярной мистификации первой половины XIII в. – новом сбронике оракулов от имени эритрейской сивиллы[304]. Очевидно, Дандоло заявлял о Венеции в этом «пророческом» отрывке с явной ветхозаветной аллюзией не только как о державе-победительнице Византии, но и как о наследнице и законной преемнице греческой империи, что включало Республику св. Марка в контекст теории translatio imperii уже на данном этапе развития официальной венецианской идеологии.

Приводимая Андреа Дандоло история о том, как Энрико Дандоло, будучи послом, потерял зрение, носит легендарный характер. В хронологически более близких венецианских источниках, в частности, в уже приводившейся «Истории дожей венецианских» (вторая четверть XIII в.), ничего не говорилось об ослеплении Дандоло по приказу Мануила I Комнина[305]. По мнению Н. П. Соколова, предание о слепоте дожа-завоевателя следует объяснить обыкновенной близорукостью престарелого правителя[306]. Виллардуэн утверждал, что Дандоло «был старым человеком и ни капельки не видел»[307], т. е. прямо соотносил слепоту дожа с его весьма преклонным возрастом. Однако эпизод с ослеплением в хронике Андреа Дандоло, несомненно, придавал повествованию дополнительный драматизм, отвечал задаче превознесения венецианской героики и выступал в роли своего рода этиологического мифа, объяснявшего слепоту дожа и вводившего в повествование мотив его личного «отмщения» византийскому коварству. Не исключено, что рассказ о злокозненном ослеплении Энрико Дандоло греками, возник в устной семейной традиции клана Дандоло. Для дожа-

---

[303] Daniel 8:21: Porro hircus caprarum, rex Graecorum est. Mode of access: http://www.thelatinlibrary.com/bible/daniel.html

[304] См.: Jostmann C. Sibilla Erithea Babilonica: Papsttum und Prophetie im 13. Jahrhundert. Hannover, 2006. S. 388.

[305] Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. С. 491.

[306] Там же.

[307] Виллардуэн Жоффруа де. Указ. соч. С. 44.

интеллектуала события 1171 г., очевидно, были более знаковым сюжетом в венецианской истории, нежели победоносный поход на Византию.

Михаил VIII Палеолог в «Пространной хронике» фигурировал, главным образом, как очевидный узурпатор, завоеватель Константинополя и противник венецианцев. Сообщая о Михаиле, Дандоло путал последовательность событий, поставив захват Константинополя (25 июля 1261 г.) ранее провозглашения Михаила императором (первый раз коронован патриархом Арсением 1 января 1259[308]) и заключения союза с Генуей по Нимфейскому договору в марте 1261 г. «На девятом году дожа [Реньеро Дзено (1252–1268) – Д. В.], – писал Дандоло, – Феодор [Феодор II Ласкарис (1254–1258) – Д. В.], считавший себя императором греков, умирая, с надеждой вверил своего сына [Иоанн IV – Д. В] заботе Михаила Палеолога. Он, усилившись, когда мощь латинян ослабла, захватил град Константинопольский <…>. Но Михаил, лелея мечту о высшей власти, задушил сына Феодора, которого тот доверил ему, и возложил на себя имперский венец. А с генуэзцами, которых считал соперниками венецианцев, он заключил союз»[309]. Известно, что регентом при семилетнем Иоанне Феодор Ласкарис оставил не Михаила Палеолога, а протовестиария Георгия Музалона, крайне непопулярного среди никейской знати и ставшего по завещанию василевса «владыкой всей ромейской державы <…> до совершеннолетия сына императора»[310]. Михаил пришел к власти после убийства Музалона. Сын Феодора Иоанн был не задушен, а ослеплен по приказу Михаила уже через несколько месяцев после взятия Константинополя[311]. Ситуация, очевидно, напоминала автору хроники историю прихода к власти Андроника I, поэтому Дандоло мог механически перенести обстоятельства более раннего времени на историю Михаила VIII. Акцент венецианского хрониста на незаконности прихода Михаила к власти даже в самой греческой Никейской империи Венеции вполне объясним с позиций легитимности Латинской империи.

---

[308] Laurent V. Notes de chronographie et d'histoire byzantines // EO. 1937. Vol. 36. № 186. P. 167.
[309] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 311.
[310] Георгий Акрополит. История. С. 123.
[311] Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 546.

Несмотря на признание факта зависимости Венеции от Константинополя в ранний период ее истории и акцент на праве Венеции на византийское наследство, в целом, Дандоло изображал империю и ее правителей с антипатией. С другой стороны, негативизм по отношению к византийцам, «грекам-схизматикам» – достаточно общая тенденция для западноевропейских интеллектуалов той эпохи, в том числе ранних гуманистов, которая у венецианцев Санудо и Дандоло выражена, в целом, менее резко, чем у ряда современных им западных авторов. В частности, Франческо Петрарка (1304–1374), проживавший в Венеции как раз в период догата Андреа Дандоло, утверждал: «Турки – враги, греки же – схизматики, хуже врагов»[312]. Петрарка писал генуэзцам о Византии с ненавистью и презрением: «Лживых, косных и самостоятельно ни на что не способных гречишек (Graeculos) не только не жалею, но даже радуюсь [генуэзским победам над ними] и желаю, чтобы позорная их империя, седалище заблуждений, была опрокинута вашими руками»[313].

Одно из главных положений, легитимирующих действия венецианцев в 1204 г. в венецианском нарративе, было указание на узурпаторство Алексея III, а позже – Алексея V. В т. н. «Хронике Энрико Дандоло», анонимном сочинении, близком по времени к хроникам Андреа Дандоло, подчеркивалось, что Мурзуфл убил юношу-императора Алексея IV «с согласия греков и благодаря их предательству»[314]. А на последовавших вскоре переговорах Мурзуфла с Энрико Дандоло сам дож потребовал от узурпатора разъяснений о судьбе Алексея, на что византиец уклончиво отвечал, что о государе якобы заботятся врачи, что власть над империей не в его, Мурзуфла, руках, а греки не желали впускать в город чужеземцев[315]. Таким образом, само население Константинополя полностью разделяло ответственность за гибель законного государя и, уже в силу этого, было легитимным объектом завоевания латинянами. Прозвище Алексея V Мурзуфл, фигурировало в «Хронике Энрико Дандоло» в нарочито искаженном виде

[312] Васильев А. А. Указ. соч. С. 380.
[313] Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневных. С. 560.
[314] Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo. P. 74–75.
[315] Ibid. P. 75.

Mortifex[316]. Ш. Марин обратил внимание на самые зловещие коннотации этой модификации (от латинского mors – «смерть»), встречавшегося в позднесредневековых венецианских сочинениях в ряде вариантов (в хрониках Антонио Морозини, Псевдо-Наваджеро, Псевдо-Барбаро и др.), даже в форме Murifer, отсылающей к Люциферу[317]. Можно предположить также, что получившееся имя Mortifex не только отсылало к смерти, но и походило на конструкцию из латинских слов mors и facere («делать»), напоминало переделанный термин pontifex (понтифик), что, очевидно, намекало на враждебность его носителя к латинянам.

Продолжатель «Пространной хроники» Андреа Дандоло, великий канцеллярий Раффаино Карезини (ок. 1314–1390) в «греческих» сюжетах своего труда более обращал внимание на бедственное внешнее и внутренне положение империи Палеологов в XIV в., погрязшей в междоусобицах и бывшей легкой добычей турок и генуэзцев, чем на пресловутую злокозненность греков. Великий канцеллярий проявил достаточную осведомленность в современной ему и хронологически близкой ситуации в империи ромеев. Особенно примечательно в этом отношении его свидетельство о событиях смуты 1370-х гг. Карезини первым из официальных венецианских хронистов поведал о мятеже Андроника IV против своего отца Иоанна V (1341–1391), начавшемся в мае 1373 г.[318]: «Кир Андроник, первородный сын Калояна, императора греков, и Сауцибей Залабей [Савджи Челеби – Д. В.], сын Амурата [Мурада I – Д. В.], бея турок, сговорились о безбожном и омерзительном союзе против отцов. Однако они потерпели поражение под отцовским натиском. Амурат полностью лишил глаз собственного сына, грек же свое порождение и его сына, ослепив частично, навсегда заточил в темницу. Генуэзцы, договорившись со стражниками, кира Андроника и сына его из тюрьмы освободили, взлелеяли гибельный пример противостояния отеческому

[316] Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo. P. 74–76.
[317] Marin S. The Portrait of a ʻBad Guyʼ. Alexius Doukas Murtzuphlos in the Venetian Chronicles // Études byzantines et post-byzantines. Bucureşti. VII. 2016. P. 54–55.
[318] См.: Кущ Т. В. Узники башни Анема // Вопросы истории. 2014. № 11. С. 89–91; Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 649–652.

благочестию, через следование против всех естественных и гражданских законов, а также против добрых нравов»[319]. Поддержка генуэзцами дворцового переворота очевидна, и уже через одиннадцать дней после своего воцарения Андроник официально передал Тенедос Генуе[320]. Про новый бунт Андроника IV при поддержке генуэзцев и османов в 1376 г., ненадолго приведший его к власти в Константинополе, Карезини также с негодованием сообщил подробность: Андроник пообещал Мураду, «врагу имени христианского», в наложницы свою сестру «прекраснейшую христианскую деву», не названную в хронике по имени, но той Бог ниспослал смерть, «не дав свершиться столь омерзительному злодейству»[321]. Генуя же в 1377 г., стремясь обеспечить свои позиции и в молодом османском государстве, отправила двух послов к Мураду с дарами на сумму 1400 флоринов[322].

В византийских источниках этот сюжет о смерти сестры Андроника, предназначенной в жены Мураду, не встречается, однако практика династических браков византийских принцесс с османскими правителями становится в середине XIV в. достаточно привычным явлением во внешней политике Константинополя. Практике положил начало Иоанн Кантакузин, который, стремясь заручиться поддержкой османского бея Орхана, в 1346 г. выдал за него замуж свою дочь Феодору[323]. В 1358 г. дочь Иоанна V, по-видимому, Ирина, была отдана в жены сыну Орхана и брату Мурада Халилю[324]. По мнению А. Латтрелла, дочь Иоанна V Мария, умершая, согласно одной из кратких греческих хроник, в сентябре 1376 г.

---

[319] Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti // Rerum Italicarum Scriptores / Ed. L. A. Muratorius. T. XII. Mediolani, 1728. Col. 443: Chier Andronicus primogenitus Calojani Graecorum Imperatoris, necnon Saucibeus Zalabei filius Amurati Bey Turchorum profana ac detestabili unione conspiraverunt in Patres; sed paterna persecutione devictis, Amuratus filium proprium oculis privavit totaliter; Graecus autem suum genitum et geniti filium coecatos, se non plene, perpetuum ad carcerem damnavit. Januenses tractatu cum custodibus habito, Chier Andronicom et filium a carceribus liberant liberant, et confovent contra paternam pietatem, et per consequens contra omnia naturalia, et civilian jura, contraque bonos mores et periciosum exemplum.
[320] Balard M. La Romanie Genoise (XIIe -début du XVe siècle). Roma, 1978. Vol. I. P. 89.
[321] Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti. Col. 443.
[322] Balard M. Op. cit. P. 89.
[323] Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 625–626.
[324] Luttrell A. John V's Daughters: a Palaiologan Puzzle // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 40 (1986). P. 103–104.

или несколько позднее, и была той самой «прекраснейшей христианской девой» хроники Раффаино Карезини[325]. Также эта не названная по имени принцесса в хронике Карезини, очевидно, фигурировала не только как вполне реальный персонаж династической смуты, но и в качестве символа умирающей империи или столицы, которую ее правитель-узурпатор готов был отдать на разграбление иноверцам.

«Захвачена империя Константинопольская, – продолжал хронист, –заточен в тюрьму отец, истинный император, причем вместе с императрицей и другими сыновьями жесточайшим образом был он избит. Попали в заточение благородные мужи: байло Пьетро Гримани и наши купцы, проживающие в Константинополе, имущество было разграблено, а торговые сделки – сорваны»[326]. Венецианский дипломат и хронист первой половины XVI в. Джованни Джакомо Карольдо (ок. 1480–1538) также сообщал, что «кир Андроник», действуя в интересах властей Генуи, арестовал в Константинополе байло, его советников, корабли и купцов[327]. Хотя Карезини прямо не сравнивал антивенецианские меры Андроника с событиями 1171 г., представляется весьма вероятным, что ассоциация со столь значимой в венецианском нарративе вехой у хрониста все же возникала.

Весьма любопытное освещение событий той же династической смуты приводилось в сочинении венецианца Джакопо Зено «Жизнь Карло Зено», в котором венецианский сановник середины XV в. поведал историю жизни и приключений своего деда – прославленного авантюриста, воина и флотоводца Карло Зено (1333–1418), долгое время проживавшего в Византии. Зено-внук писал: «Примерно в это время в Константинополе разразилась государственная смута. Андроник, сын Карояна[328], константинопольского государя, опираясь на помощь генуэзцев, отстранил отца от власти и сам захватил власть, плененных

---

[325] Luttrell A. Op. cit. P. 104.

[326]Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti. Col. 443: Occupatur Imperium Constantinopolitanum; carceratur Pater Verus Imperator, & una cum Imperatrice, ac ceteris filiis acerbissime affligitur; carceratur nobiles viri Petrus Grimanus Bajulus & mercatores nostri Constantonopoli conversantes, bonisque et mercatoribus spoliantur.

[327] Caroldo Giovanni Giacomo. Istorii Veneţiene. Vol. V. P. 339a.

[328] Искаженный вариант имени Калоян – «Прекрасный Иоанн», стандартного именования византийских императоров по имени Иоанн в западных источниках.

отца и братьев предал темнице и цепям. Так слепая[329] страсть к царствованию потрясла души смертных»[330]. Иоанн передал Зено, с которым имел дружеские связи, письмо с просьбой спасти его через некую «бабенку» (*muliercula*), жену начальника крепости, уже давно бывшую любовницей императора[331]. Зено сумел на лодке подойти к темнице и по стене забрался к окну камеры Иоанна, выходящему на море, однако тот отказался покидать тюрьму с венецианцем без сыновей, и побег не состоялся. Вскоре Иоанн вновь умолял Зено о помощи, пообещав в своем письме венецианцу передать Тенедос Венецианской республике, но и этот план провалился, поскольку жена начальника крепости была схвачена и под страхом пыток раскрыла намерения свергнутого императора[332]. Рассказ Джакопо Зено содержал, по крайней мере, один явный анахронизм: башня Анема, где бы она в действительности ни находилась, определенно была расположена вдали от Золотого Рога[333].

В хронике Раффаино Карезини, старшего современника Карло Зено, последний фигурировал как герой Кьоджской войны с Генуей, совершивший летом 1379 г. несколько успешных рейдов против генуэзского флота в Восточном Средиземноморье. Как сообщал Карезини, Зено, «захватив и предав огню несколько генуэзских судов, отправив многих генуэзцев в тюрьмы Крита, имея при себе галеи с Негропонта и галею с Тенедоса, поспешил в Константинополь, где, изгнав кира Андроника, восстановил во власти императора Калояна»[334]. В дальнейшем хронист живописал участие флота под командованием «благородного мужа» Карло Зено, вернувшегося с Востока в Адриатику, в судьбоносном противостоянии с генуэзцами при Кьодже в 1380 г.[335] Несмотря на

---

[329] По-видимому, игра слов: намек на слепоту самого Андроника.
[330] Vita Caroli Zeni. P. 12–13: Circiter ea tempora Constantinopoli novae rerum turbationes erant exortae. Andronicus Caroiani Constantinopolitani principis filius, ope Genuensium fretus, patrem imperium truserat, rerumque ipse potitus, patrem, fratresue interceptos, carceri vinculisque adegerat. Ita mortalium caecus regnandi furor vexat.
[331] Ibid. P. 13.
[332] Vita Caroli Zeni. P. 13–14.
[333] Кущ Т. В. Узники башни Анема. С. 95.
[334] Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti. Col. 446–447.
[335] Ibid. Col. 451–452.

то, что Зено в беглом рассказе Карезини предстал способным воином, чьи действия для автора были определяющими в истории восстановления Иоанна V на троне, великий канцеллярий не упоминал первой, неудавшейся (если не вовсе вымышленной) попытки Зено вызволить василевса из темницы. Стоит обратить внимание, что в момент написания хроники Карезини Карло Зено был жив и здравствовал, и его слава только росла.

Приводимые в источниках версии обстоятельств побега Иоанна V из Анемы достаточно разнообразны [336], и история об освобождении василевса непосредственно венецианским адмиралом не подтверждается византийскими источниками. В частности, в «Истории» Халкокондила, сообщалось, что Андроник, заточив отца и брата в башню, три года держал их там внутри маленькой деревянной клетки, но убить их все же не пожелал, хотя сделать это ему настоятельно советовал султан Баязид[337] (в действительности султаном в то время был Мурад I). На четвертом году заточения отец и сын сумели уговорить слугу, приносившего узникам пищу, дать им некий железный предмет, с помощью которого Иоанн и Мануил быстро выбрались из темницы и вскоре бежали к султану, пообещав ему сколь угодно большую дань и любую военную помощь [338]. Так или иначе, наиболее значимым в деле возвращения Иоанна Палеолога к престолу внешним актором был Мурад I, к которому бежали, освободившись из Анемы, Иоанн и Мануил[339]. Очевидно, приведенный в хронике великого канцеллярия портрет Карло Зено, при написании которого Карезини добавил к вполне реальным подвигам флотоводца недостоверные подробности, отвечал запросу венецианцев на образ героя-современника.

Враждебность генуэзцев Иоанну V, которому Карезини вполне симпатизировал, справедливо связывалась венецианским историком с его провенецианской позицией, в частности, с тем, что в качестве третейского судьи в

---

[336] О версиях побега Иоанна в сочинениях Димитрия Кидониса, Дуки, Псевдо-Сфрандзи и других авторов см.: Кущ Т. В. Узники башни Анема. С. 91–92.
[337] Laonikos Chalkokondyles. Histories, 2. 6.
[338] Ibid.
[339] Nicol D. Op. cit. P. 320.

венецианско-генуэзском конфликте Иоанн присудил стратегически важный Тенедос Венеции. В условиях междоусобицы его жители сохраняли верность Иоанну V и его решению[340]. Карезини писал о благах венецианского правления для греков острова по сравнению с «ужасами» генуэзского: «Народ Тенедоса, помня об обещании Калояна пожаловать эту землю в залог венецианской дожеской власти и желая избавиться от бесчеловечного и тягчайшего ига рабства генуэзского, с поднятыми крестами и великим благочестием смиренно покорился, по доброму праву законного императора Калояна, кротчайшему покровительству венецианцев»[341]. Эта характерная черта венецианской колониальной пропаганды позже будет особенно заметна в хронике де Моначи. Эталоном беспринципности и коварства, в том числе, и по отношению к грекам, в тексте Карезини представали главные соперники Венеции – генуэзцы. С хроники великого канцеллярия, сосредоточившегося, в отличие от Дандоло, на близких по времени событиях, явственно начинается один из важных трендов восприятия Византии в венецианском дискурсе: Византия у Карезини постепенно теряет субъектность и рассматривается, главным образом, как арена борьбы между венецианцами, генуэзцами и османами.

Пожалуй, наиболее значимый текст первой половины XV в., с точки зрения конструирования венецианцами образов Византии и греков, – это хроника канцлера Крита, потомственного нотария Лоренцо де Моначи[342] (1351–1428). По отношению к грекам хронист настроен резко презрительно, что, по-видимому, во многом обусловлено было его функциями колониального администратора. Как и Марино Санудо, де Моначи не брезговал кличкой Graeculi. В рассказе об осаде Константинополя он писал, что крестоносное воинство собралось «против лживых и вероломных гречишек»[343]. Про Алексея I де Моначи повторил фразу из «Пространной хроники» Дандоло о том, что после поражения при Диррахии

[340] Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 650.
[341] Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti. Col. 443.
[342] Laurentii de Monacis. Op. cit.
[343] Ibid. P. 137: contra perfidos et perjuros Graeculos.

император убил всех людей императорской крови, кого только сумел найти[344]. Далее де Моначи размышлял о судьбе всего рода Комнинов, рассматривая семейство Ангелов как его часть[345]: «Преемником этого Алексея стал сын Калоян [Иоанн II Комнин (1118–1143) – Д. В.]. Того – Мануил, того – Алексей, того – Анроник, того – Исаак, у коего брат Алексей отобрал империю. Алексей же Четвертый, убежав из дядиной тюрьмы, прибыл в Венецию, с помощью венецианцев и франков, как будет сказано в должном месте, оказался восстановлен в высшей власти. На том и окончилась семья Алексея Первого, которая была крайне неблагодарной по отношению к венецианцам»[346]. Также характерен рассказ де Моначи о «вероломстве Мануила»[347] в марте 1171 г., выдержанный в том же духе, что и у Дандоло.

Говоря о сражении венецианцев и войск никейского императора Иоанна III Ватаца за критскую крепость Бонифацио в 1230 г., хронист не упустил случая восхититься самоотверженностью соотечественников и продемонстрировать трусливое бегство с Крита греческого мегадуки, бросившего осадные машины при появлении войска венецианского дуки Крита, и гибель флота с отступавшим никейским войском: «Все суда, кроме трёх фуст, погибли в буре»[348]. О Михаиле VIII Палеологе де Моначи писал, в целом, казалось бы, следуя за характеристикой, данной ему Андреа Дандоло: «Примерно в это время после смерти Ватаца и сына его [Феодора II Ласкариса – *Д. В.*] некий грек по имени Палеолог тиранически захватил власть надо всей Грецией»[349]. Однако, несомненно, де Моначи был более осведомлен в истории Палеологов, нежели Дандоло, прямо или опосредованно имея доступ к греческим источникам. Так, де Моначи было известно, что Феодор

---

[344] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 80.
[345] По свидетельству Никиты Хониата, Алексей III Ангел постоянно называл себя Комнином, считая имя Ангел недостаточно знатным. См.: Острогорский Г. А. Указ. соч. С. 498.
[346] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 80: Huic Alexio successit filius Calojani. Huic Emmanuel: huic Alexius: huic Andronicus: huic Isach, cui Alexius frater imperium abstulit. Alexius autem quartus filius Isach fugiens de carceribus patrui ivit Venetias, et per Venetos, et Francos, ut suo loco dicetur, fuit in imperium restitutus, et in n illo familia Alexii Primi, quae contra Venetos fuit ingratissima.
[347] Ibid. P. 123.
[348] Ibid. P. 156.
[349] Ibid. P. 149: Circa haec tempora Graecus quidam nomine Paleologus post mortem Vatazi et filii ejus per tyrannidem fere totius Graeciae obtinuit Principatum.

завещал регентство при малолетнем наследнике протовестиарию Георгию Музалону и что тот вскоре был убит в церкви[350]. «Михаил Палеолог, – утверждал венецианец, – который выдвинулся при жизни Феодора, вероломнейшим образом нарушив клятву верности [его] сыну, путем невероятного предательства, как отражено в исторических трудах греков, отобрал царство у сына этого Феодора» [351]. Де Моначи однозначно говорил, что именно Михаил был организатором убийства, а также писал, что патриарх и «бароны» сошлись на недопустимости «правления мальчика» в условиях окружения державы и латинянами, и турками, и другими греками и призвали на царство Михаила Палеолога [352]. Подобную аргументацию «первых лиц ромейского народа» о недопустимости вакуума сильной власти в условии сильного внешнего давления приводил Георгий Акрополит: «…Ибо они считали неподобающим, чтобы такая империя управлялась ребенком, годным только для сбора плодов или игры в бабки; напротив, они полагали, что необходимо поставить у руля империи человека, способного спасти корабль ромеев, когда в него дует много неблагоприятных ветров» [353]. Далее венецианский хронист, несмотря на утверждения об использовании в хронике «греческих историй», упорно повторял ложную информацию об удушении Михаилом VIII малолетнего василевса[354]. Георгий Пахимер (1342–ок. 1310), весьма критически характеризовавший Михаила VIII, отнюдь не приписывал тому удушения малолетнего соправителя, он сообщал, что Михаил приказал ослепить императора-ребенка и в день Рождества заточить его, едва живого после ослепления, в крепость Дакивизу[355]. Очевидно, даже задействовав греческие тексты, не называя при этом авторов по именам, де Моначи подходил к материалу для хроники весьма избирательно.

---

[350] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 148.
[351] Ibid.
[352] Ibid.
[353] Георгий Акрополит. История. С. 124.
[354] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 148.
[355] Georgii Pachymeris De Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII / Recogn. I. Bekkerus. Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae, 1835. Vol. I. P. 191–192.

В другом месте хроники в качестве примера жестокости Михаила Палеолога приводилось его обращение с пленными венецианцами в 1263 г.: «Многие из пленных были против человечности и против законов войны убиты генуэзцами. Оставшиеся после были ослеплены по воле Палеолога»[356]. Как можно было убедиться на уже приведенных примерах, несмотря на известную скупость выдержек из византийской истории в венецианском нарративе, случаи ослепления как специфически византийской практики часто особенно подчеркивались авторами. В повествовании де Моначи, в отличие от «Книги тайн верных креста» и писем Марино Санудо, совершенно не прослеживается какая-либо амбивалентность в формировании образа Михаила Палеолога: он одновременно жестокий узурпатор и противник Венеции. Де Моначи также подчеркивал, что сам Михаил решил заключить мир с Венецией, поняв невыгодность союза с Генуей [357]. Инициаторами византийско-венецианского соглашения 1265 г. выступили в большей степени сами руководители республики св. Марка [358], стремясь, впрочем, скорее выиграть время, а не обеспечить мир. При этом, хотя предложения Михаила VIII были весьма щедрыми и включали такие важные для Венеции пункты, как гарантию недопуска генуэзцев в империю и право торговли «без поборов и препятствия»[359], Большой Совет и дож Райнеро Зено отказались ратифицировать договор по возвращению послов, его заключивших, в Венеции. Слабая Византия вынуждена была лавировать между морскими республиками. Венеции не пришлось долго ждать возвращения в империю. Уже хрисовул Михаила VIII от 1277 г., помимо расширения венецианского квартала в столице, гарантировал признание за венецианцами их владений в Романии[360], т. е. Византия формально отказывалась от претензий на колонии Венеции и поддержки проживавших в них греков.

---

[356] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 197.
[357] Ibid. P. 198.
[358] См.: Хвальков Е. А. Текст византийско-венецианского договора 1265 г. // АДСВ. 2014. Вып. 42. С. 237.
[359] Там же. С. 242–243.
[360] Соколов Н. П. Венеция и Византия при первых Палеологах (1263–1328 гг.) // ВВ. 1957. Т. 12. С. 85.

В труде Лоренцо де Моначи венецианцы и византийцы предстают антиподами на разных смысловых уровнях. В политическом отношении Венеция смогла, по мнению де Моначи, сохранить древние вольности, а такие фигуры, как дож Марино Фальеро, пытавшийся установить режим личной власти в 1355 г., – единичные безумцы, покусившиеся на «тысячелетнюю свободу»[361]. В истории Византии, с его точки зрения, тиранства, предательства, перевороты и узурпации верховной власти – обычные явления. Само монархическое правление, присущее и многим западноевропейским государствам, и империи ромеев, де Моначи считал несовершенным и потакающим склонности государей к тирании. Рассказ о подавлении мятежа Байамонте Тьеполо в 1310 г. Лоренцо де Моначи снабдил развернутым размышлением о типологии государств. «Ведь она [Венецианская коммуна – Д. В.], лишенная полей, лугов и виноградников, может жить лишь на усердии в торговых делах, на верности договорам, что требует несомненной справедливости и честнейшей свободы. Можно сказать, есть три вида правления: правление короля, которое по большей части вырождается в тиранию; власть немногих лучших, которая легко рушится ненавистью, либо завистью, либо алчностью; власть народа, которая всегда оборачивается глупым правлением по невежеству, неблагоразумию, из-за страха или из-за непостоянства духа и скатывается до тирании или до чужеземного господства. Венецианская же высшая власть (principatus), в котором смешаны все три способа править, покоится на более твердом основании, чем каждый из них. Есть у Венеции дож как подобие короля, Совет испрошенных мудрейших[362] как подобие оптиматов, есть Большой Совет как подобие народа»[363].

---

[361] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 316.

[362] С XIV в. – Сенат. – Д. В.

[363] Ibid. P. 276–277: Nam cum sine campis, pratis, et vineis de commerciis sola industria, fide data, et recepta vivat, quae requirunt indubitatam justitiam, et honestissimam libertatem, tresque sint principandi. Regis, quae pro majore parte convertitur in tyrannidem. Optimurum paucorum, quae cito corruit vel odio, vel invidia, vel avaritia. Populi, quae semper vel ignorantia, vel imprdentia, vel furore, vel animi levitate desipit in regendo, et aut in tyrannidem labitur, aut in dominationem externam. Principatus Venetus ex his tribus permixtus, super solidiori petra firmatus est. Habet ducem in similitudinem regis; habet Consilium sanissimum Rogatorum in similitudinem paucorum optimorum; habet majus Consilium in similitudinem populi.

Античная типология монархии, олигархии и демократии и представление о необходимости брать лучшее от каждого строя была унаследована средневековым дискурсом. Идея несовершенства каждой из трех моделей власти (правление царя, оптиматов и народа) и оптимальности сочетания их достоинств содержалась в трактате-диалоге Цицерона, особенно авторитетного в эпоху раннего гуманизма, «О государстве»: «Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее»[364]. Лоренцо де Моначи, очевидно, использовал именно рассуждения крайне авторитетного в западном дискурсе Цицерона при характеристике современных ему реалий. По мнению Д. Дибелло, в этом пассаже хроники де Моначи особенно заменто непосредственное влияние «Политики» Аристотеля[365]. Таким образом, для де Моначи его отечество было куда ближе к ценностям Аристотеля и нравам Римской республики, нежели «империя греков», преемственность которой с Древними Грецией и Римом хронист старался нивелировать.

По мысли де Моначи, венецианцы – морской народ, у которого «корабль вместо вола»[366], причем именно скудость ресурсов воспитала в них дух умеренности, справедливости и деловой честности. Более того, именно географическое положение и стесненность в природных богатствах породили нужду в «смешанном» республиканском правлении. Византийцам же морская стихия оказалась враждебна. Венецианцам канцлер-хронист приписывал храбрость и верность, грекам – трусость и вероломство, коварство и неблагодарность.

Венецианский портрет греков претерпел серьезные изменения уже к середине XV в. под влиянием двух факторов: османской экспансии и развитию в самой Венеции гуманистической традции, в центре внимания которой в этот

---

[364] Цицерон. О государстве. I, XXIX, 45. По изданию: Марк Туллий Цицерон. Диалоги / Пер. и коммент. В. О. Горенштейна. М., 1994.
[365] Dibello D. Convergenze di un dialogo anacronistico: Aristotele incontra Venezia // AV. № 10. 2015. P. 23.
[366] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 33.

период находятся греческие тексты. Гуманист Лауро Квирини (ок. 1420–1475/1479) в трактате «О благородстве. Против Поджо Флорентийца» (1449) отстаивал значимость благородства по крови в полемике с Поджо Браччолини и возводил генеалогию знатных родов Венеции к римским патрициям, а венецианских гражданских институтов – к римским. «В нашей счастливейшей Венецианской республике – восторгался Квирини, – патриции обладают славными ромуловскими душами»[367]. Потомками древних римлян он считал также и византийцев, а в Константинополе видел то, чем столица империи ромеев изначально и была, – Новый Рим. Гуманист почтил похвальным словом Юстиниана: «Так и Юстиниан, проницательнейший Цезарь, постановил вечным эдиктом, дабы те, кто исполнял должностные обязанности в Новом Риме, происходившие из патрицианских семей, всегда женились на патрицианках»[368]. В письме из Кандии папе Николаю V (15 июля 1453 г.) Квирини скорбел о взятии Мехмедом II Константинополя: «Константинополь, этот имперский город, некогда оплот Римской империи, победитель и триумфатор над провинциями, увы! – ныне взят, несчастный, жестоко и безжалостно разрушен. И те граждане, ведущие свою родословную от Рима <…>, благороднейшие девушки юноши, родовитые матроны, достопочтенные монахи – все они подверглись похищению, убиению, обесчещению»[369]. Гуманист оплакивал византийскую столицу именно как наследницу Древнего Рима.

Гибель Византии виделась Квирини угрозой христианству, крушением культуры, учености и торжеством варварства. В том же письме папе Николаю V из Кандии Квирин ужасался гибели огромного рукописного наследия: «Ведь при

---

[367] Quirini Lauro. De nobilitate contra Poggium Florentinum // Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegniani, H. Roob, C. Seno. Firenze, 1977. P. 87.

[368] Ibid. P. 85: Ideoque et Iustinianus providentissimus Cesar edicto perpetuo sanxit, ut illi dumtaxat in nova Roma dignitatibus fungerentur, qui, cum ex patricia familia descenderent, patriciis semper nupsissent.

[369] Медведев, И. П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 322. См.: Quirini, Lauro. Beatissimo Nicolao V Pontifici Maximo Laurus Quirinus salute in Domino qui est vera salus // Lauro Quirini Umanista. P. 226.

этом руками сих лютых варваров, которые учинили все немыслимые беззакония, не только царственный город захвачен, опустошены его храмы, поруганы его святыни, но и свершилось крушение целого народа – само имя греков исчезло. Свыше ста двадцати тысяч томов, как узнал я от достопочтенного русского кардинала [Исидора Киевского – *Д. В.*], было уничтожено. Посему и язык, и литература греков, за такое время такими трудами, таким усердием созданная, обогащенная, доведенная до совершенства, погибнут, увы, погибнут!» [370]. Основным достоянием Византии Квирини считал книжное наследие античности. Традиционный негативизм венецианского нарратива по отношению к грекам в его сочинениях уступил место тревоге за судьбу изящного слова. Византия предстала не антиподом Венеции, как в хрониках Дандоло и де Моначи, а сонаследником Рима по крови и нраву, наряду с родиной гуманиста.

Примечательно, что известное влияние некоторых общих мест венецианского нарратива на сочинения самих византийских интеллектуалов может быть прослежено, по меньшей мере, со второй половины XIV в. Обратная связь венецианского мифа в поздневизантийском интеллектуальном дискурсе достаточно явственно видна в эпистолярном наследии такого видного сановника-латинофила, как Димитрий Кидонис (ок. 1324–1397). Кидонис, впервые посетивший Венецию в 1370–1371 г. в должности месадзона и надолго задержавшийся в Республике, поскольку Иоанн V не мог покинуть город из-за огромных долгов [371], в письме к Иоанну Ласкарису Калоферу восторженно отзывался о нравах, законах и учреждениях «города, свободного от всякой гадости, как прекрасно нарисованная картина»[372]. Кидониса восхищали «мудрость Сената, сила закона, штрафы для преступников, вознаграждение прекрасного,

---

[370] Quirini Lauro. Beatissimo Nicolao V Pontifici Maximo Laurus Quirinus salute in Domino qui est vera salus // Lauro Quirini Umanista. P. 227: Adde quod a saevissimis barbaris, qui omnia nefanda perpetrarunt – neque enim solum Urbs regia capta est aut temple devastata aut sacra polluta, sed eversion totius gentis facia est – , nomen Graecorum deletum. Ultra centum et viginti librorum volumnia, ut a reverendissimo cardinali Rutheno accepi, devastate. Ergo et lingua et litteratura Graecorum tanto tempore, tanto labore, tanta industria inventa, aucta, perfecta peribit, heu peribit!

[371] Nicol D. Op. cit. P. 305–307.

[372] Цит. по: Кущ Т. В. В поисках союзников: три поездки Димитрия Кидониса в Италию // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35. С. 196.

равная доля граждан во всем благе»[373]. Под последними, вероятно, византийский вельможа подразумевал не сословие «граждан» (cives), верхушка пополаров[374], и тем более не все население, а собрание нобилей, Большой Совет, ведь венецианские идеологи утверждали, что именно он существует в Республике «как подобие народа», по выражению де Моначи, младшего современника месадзона. Любопытно, что в этом пассаже Кидониса о политической организации Венеции не упоминался дож[375], которого сами же венецианцы рассматривали как принцепса и «подобие короля». Здесь Димитрий Кидонис, по-видимому, старался дать отвлеченную антикизирующую картину идеальной «политии», а не досконально описать государственный строй Республики св. Марка.

Однако спустя двадцать лет визит Димитрия Кидониса в Венецию обернулся уже не столь радужными впечатлениями, во многом в силу общей политической напряженности в Италии. Весной 1391 г. послании к Максиму Хрисовергу Кидонис, сам получивший в январе того же года венецианское гражданство[376], делился удручающими мыслями о нравах венецианцев: «Но, так как я и так сидел и не знал, что должен был делать, – так как город, как ты сам знаешь, есть место купцов, и это поэтому неприятно и приносит малую честь там оставаться бездеятельным, и воспоминания моей родины и друзей не оставляли меня в покое»[377]. Нетрудно заметить, что, если в первом случае византийский вельможа прямо заимствовал топосы венецианской официальной идеологии, с которыми он имел все возможности ознакомиться при личном общении с венецианцами, то во втором – Кидонис вернулся к куда более традиционным для византийской словесности представлениям о торгашеском духе Венеции.

Как уже отмечалось, довольно схожие по акцентам и вариативности впечатления о Республике Св. Марка сформировались у Франческо Петрарки в

---

[373] Кущ Т. В. В поисках сюзников. С. 196.
[374] См.: Климанов Л. Г. «Quod sunt cives nostri»: статус венецианского гражданства в XIV в. // Культура и общество Италии накануне Нового времени. М., 1993. С. 28–38.
[375] См.: Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1982. T. 1. Ep. 90.
[376] Поляковская М. А. Портреты византийский интеллектуалов: Три очерка. Екатеринбург, 1992. С. 88.
[377] Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 2003. T. 4. Ep. 428, 54–55. Русский перевод выполнен Т. В. Кущ, на правах рукописи.

период его пребывания в Венеции. В послании к Стефано Колонне (ок. 1352) Петрарка, у которого сложились дружеские отношения с Андреа Дандоло, назвал Венецию «единственным храмом свободы и справедливости»[378], что вполне может быть рассмотрено в контексте венецианского политического мифа. Правда, в том же самом письме к Стефано Колонне Петрарка заметил, что этот город «более склонен к торговле, чем к музам»[379].

После же падения Константинополя можно наблюдать не только серьезные перемены в изображении византийского мира в венецианских источниках, но и новые сдвиги в восприятии венецианцев в греческой интеллектуальной среде. Византийский современник Лауро Квирини, афинянин Лаоник Халкокондил, ученик Плифона, воспроизводил в своей «Истории» (1450-е–1460-е гг.), написанной в подражание Геродоту и Фукидиду, один из главных топосов венецианской официальной идеологии: утверждение об исключительном внутреннем мире и стабильности в Республике.

«Город венецианцев, – писал Халкокондил, – кажется, с древних времен управляется в соответствии с добрыми законами, и никто ни разу не пытался разжечь в нем смуту, кроме одного юноши – Байамонте. Он разбогател и подкупил толпу, чтобы устроить это. Но, пока он двигался с толпой приспешников, провозглашавших его своим владыкой и владыкой города, к дворцу по улице, женщина из дома сверху запустила в него камнем (λίθῳ), и он умер»[380]. В «венецианскую» часть «Истории» Халкокондила также вошел краткий рассказ о неудавшемся заговоре под предводительством молодого нобиля Байамонте Тьеполо против дожа Пьетро Градениго в июне 1310 г. Сам тон повествования вполне соответствует манере рассказа Лоренцо де Моначи: «Случился нечестивейший заговор Байамонте Тьеполо против древнейшего и славного состояния своего отечества, от начала устроенного и приумноженного,

---

[378] Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневных. С. 192.
[379] Там же.
[380] Laonikos Chalkokondyles. The Histories, 4.40. По изданию: Laonikos Chalkokondyles. The Histories / Translated by A. Kaldellis. Vol. I – II. Cambridge; L., 2014.

постоянного в добродетели, сохраняющего кровь предков»[381]. В венецианских версиях события от камня или каменной ступки (mortaio di pietra), запущенных старой женщиной в толпу сторонников Тьеполо, погиб не предводитель, а знаменосец восставших[382]. Сам Байамонте Тьеполо, потерпев поражение, сдался дожу и был сослан в «Склавонию»[383]. В одном из документов 1341 г. упоминается тяжелый камень или жернов (mola), брошенный женщиной на «предателей» и обративший их в бегство[384]. Джованни Джакомо Карольдо представил данный сюжет уже в полностью устоявшемся виде: женщина убивает знаменосца Тьеполо ударом каменной ступой[385].

У Халкокондила столь анекдотическая кончина перенесена со знаменосца Тьеполо на самого зачинщика переворота. Исключительный по дерзости, с точки зрения и венецианцев, и самого Халкокондила, мятеж в его трактовке становится максимально персонифицированным. В сочинении Халкокондила сюжет сблизился с хрестоматийной историей о гибели эпирского царя Пирра, одного из крупнейших завоевателей эллинистического мира, в 272 г. до н. э. от куска черепицы. Согласно Плутарху, Пирр был убит в Аргосе куском черепицы, брошенным в него старой женщиной[386]. Плутарх был очень широко известен и читаем в Византии, в том числе, в палеологовский период: так, любимым автором Феодора Метохита был именно он[387]. По-видимому, именно финальный эпизод из биографии Пирра у Плутарха повлиял на Халкокондила в его изложении значимого события венецианской истории. Рассказ о бесславном конце мятежа

---

[381] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 274.
[382] См.: Cecchetti B. La «Veccia dal morter» fu Giustina Rosso? // AV. XXV. 1885. P. 144–145; Lane F. Venice. A Maritime Republic. Baltimore, 1973. P. 115–116.
[383] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 277.
[384] Cecchetti B. Op. cit. P. 145.
[385] Caroldo Giovanni Giacomo. Istorii veneţiene. Vol. II: De la alegerea dogelui Marino Morosini la moartea dogelui Bartolomeo Gradenigo (1249-1342) / ediţie îngrijită de Ş. V. Marin. Bucureşti, 2009. P. 120b.
[386] Плутарх. Пирр, 34. По изданию: Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Пер. С.А. Ошерова, обработка перевода для настоящего переиздания С.С. Аверинцева, примечания М.Л. Гаспарова. В 2 т. М., 1994.
[387] Фрейберг Л. А. Античное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975. С. 45.

Байамонте Тьеполо показывает, что с венецианским нарративом Халкокондил был явно отчасти знаком, хотя, скорее всего, и опосредованно.

Халкокондил подчеркивал славу венецианцев как непревзойденных купцов и мореходов[388], считал, что Венеция превосходит прочие города Италии в двух отношениях: в изяществе зданий и надежности портовых сооружений[389]. Мимо его наблюдательного взгляда также не прошел и центральный для Венеции XV в. внешнеполитический поворот – наступление на терраферму: «Заявив претензии на земли материка (ἠπείρου), они вскоре приобрели здесь лучшие территории, укрепили собственный город, весьма усилившись и на суше, и на море»[390]. Процветание, благоразумие законов и безопасность Венецианской республики Халкокондил связывал с тем, что она давно перешла от демократии к аристократии, поскольку «демоты не располагали досугом для правления»[391], имея в виду, скорее всего, процесс т. н. закрытия (serrata) Большого совета в 1297 г. Подозрительное отношение к государственным моделям, которые византийские авторы расценивали как «демократические», выразилось, в частности, в беглой, но довольно нелицеприятной картине порядков в Генуэзской республике у Феодора Метохита, который утверждал, что ныне богатый и просвещенный город «вследствие отвратительной демократии, безрассудного, безграничного и ненужного себялюбия и вольности всех находится в плохом состоянии»[392].

Византиец весьма подробно, хотя и не всегда точно, описал республиканские органы власти и магистраты. «У них есть, – утверждал Халкокондил, – так называемый Большой Совет (μεγάλη βουλή), собирающийся на восьмидневные заседания. В этом Совете через голосование назначают магистратов, управляющих городами, а также магистратов самой Венеции. По их обычаю, человек может войти в этот Совет, достигнув возраста двадцати четырех

[388] Laonikos Chalkokondyles. The Histories. 4.23.
[389] Ibid. 4.37.
[390] Ibid. 4.24.
[391] Ibid. 4.33.
[392] Цит. по: Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 157.

лет[393], если он в праве исполнять обязанности магистрата и является сенатором. Совет насчитывает около двух тысяч членов, которые проводят голосование и назначают магистратов во все органы власти. Их гегемон (ἡγεμών) [дож], кто бы ни был выдвинут на этот пост, представляется наиболее могущественным из них и располагает двумя голосами, которыми пользуется по своему усмотрению»[394].

Византийская политическая культура и политическая мысль оставались – при всех вариациях и на всем протяжении истории империи – монархоцентричными. С точки зрения Георгия Гемиста Плифона (ок. 1360–1452), учителя Халкокондила и создателя оригинального религиозно-мистического философского учения, наилучшей формой правления была монархия с сильной личной властью государя, подобно власти военачальника или капитана корабля, при этом обязательно «пользующаяся лучшими советниками и дельными законами, имеющими должную силу»[395]. Весьма характерно, что Халкокондил приписывал венецианскому дожу большую реальную власть, чем та, которой высший магистрат Республики в действительности располагал.

Халкокондил упоминал войны Венеции против Византии в разное время и морские победы венецианцев над греками, также подчеркнув главную роль Венеции в давнем захвате Константинополя, не называя, впрочем, конкретных имен и обстоятельств [396]. Лаоник Халкокондил отдал должное топосам византийского портрета венецианцев. Рассказывая о событиях венецианско-османской войны 1463–1479 гг., историк вкладывал в уста венецианскому военачальнику Ветторе Капелло порицание своих властей за их отказ из-за торговых выгод на Востоке поддержать «близкие народы»[397] против османов. По замечанию Э. Калделлиса, несмотря на панегирический стиль описания города, Халкокондил критиковал венецианский культ наживы и не уделил внимания

[393] С 20 лет молодой патриций мог попасть в совет по особой лотерее «золотого шарика», с 25 лет получал постоянные политические права и допуск в Большой Совет. См.: Контарини Гаспаро. О магистратах и устройстве Венецианской республик / Пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. А. Юсима. СПб., 2013. С. 64–65.
[394] Laonikos Chalkokondyles. The Histories. 4.34.
[395] Цит по: Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. С. 159.
[396] Laonikos Chalkokondyles. The Histories. 4.24.
[397] Ibid. 10.41.

учености города – важному аспекту византийского энкомия городам, отсутствие которого само по себе свидетельствует о том, что автор не слишком высоко ценил венецианскую литературу[398].

Все же уникальная для многочисленных итальянских коммун и синьорий XIV–XV вв. социально-политическая стабильность Венецианской республики поражала современников и на католическом Западе, и на православном Востоке. В их числе были и поздневизантийские интеллектуалы, для которых неутешительное положение их родины особенно контрастировало с картиной необычайно длительного внутреннего мира в Венеции. А венецианская элита умела произвести на иностранца именно такое впечатление, какое соответствовало ее намерениям.

По прошествии десятилетий после гибели Византийской империи, акцент в ее образе в трудах венецианских интеллектуалов все более делался на преемственности между империей и Республикой, и, стало быть, на положении Венеции как в известном роде наследницы державы ромеев. В конце концов, колониальные владения Венеции оставались очагами живой греческой культуры. Византийское наследство ныне было яблоком раздора между Венецией и новым континентальным гигантом – Османской империей. Лишь через три десятилетия после падения Константинополя в трудах венецианских интеллектуалов для обозначения современного или близкого им по времени Константинополя стал широко применяться архаизированный топоним Byzantium.

Это было особенно характерно для исторической эпопеи гуманиста Маркантонио Коччо (1436–1506), широко известного под псевдонимом Сабеллико, «Истории Венеции от основания города»[399] (1485–1486). Его отношение к Византии и грекам в разные исторические этапы варьировалось. Вполне хрестоматиен для венецианского нарратива рассказ о кризисе 1171 г., Мануил здесь назван «мужем, враждебнейшим венецианскому имени»[400]. Эти

[398] Kaldellis A. Op. cit. P. 96–97.
[399] Marci Antonii Sabellici. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita, libri XXXIII. P. 857.
[400] Ibid. P. 188: viro nominis Veneti inimicissimo

события венецианской исторической памятью XIV–XV вв. воспринимались как центральные в отношениях Республики с Византией. Однако, описывая ситуацию в Константинополе 29 мая 1453 г. в тот момент, когда османы уже прорвались в город, Коччо говорил с неподдельным восхищением о Константине XI: «Император, объезжая свои [войска] внутри города, чтобы они яростно биться за отечество, за свободу, за свое, наконец, благо, обратился к ним: «Настало такое время, что если не будете мужественны, то не только прекраснейшие стены Византия падут, но и все имя древней Греции вместе с самим народом погибнет <…>. Должно или стоять за свое отечество, или пасть вместе с ним»[401]. Фраза о крушении греческого народа и имени особенно перекликалась с тем, как Лауро Квирини оплакивал гибель греческой культуры. Константинополь post mortem в венецианской гуманистической традиции представлялся одновременно христианским городом, наследником римского государства и греческого изящного слова.

Современник Коччо Бернардо Джустиниани (1408–1489), крупный государственный деятель, дипломат, член Совета Десяти и гуманист, более всего известен как автор исторического сочинения «История о начале града Венецианского» (De origine Urbis Venetiarum rebusque ab Ipsa gestis historia)[402]. И в своей политической деятельности, и как литератор Джустиниани выступал последовательным сторонником экспансии Венеции и закрепления за ней статуса гегемона, как минимум, в Италии. «De origine Urbis Venetiarum» – изысканный панегирик венецианской вольности (libertas) и доблести (virtus), охватывающий историю венецианского государства до IX в. – был написан Джустиниани в последние годы жизни и был опубликован уже посмертно, в 1493 г[403]. Джустиниани особенно много внимания уделил морской мифологии, и именно в этом контексте неожиданно ощутимо присутствие византийской темы.

[401] Marci Antonii Sabellici. Op. cit. P. 857: Imperator intus obequitando suos, ut pro patria, pro liberis, pro sua demum salute, ferociter dimicarent, hortatur: Venisse tempus dicere, quo nisi viri essent, non solum nobilissima Byzantii moenia casura essent: sed omne antiquae Graeciae cum ipsa gente interitutum <…>. Cum ipsa patria aut standum esse, aut cum ipsius excidio cadendum.
[402] Bernardus Iustinianus. Op. cit.
[403] Ibid. P. 256.

Венецианский историк живописал начало венецианской морской мощи, закаленной на заре своей истории в период догата Орсо Ипато (726–737), третьего, согласно традиции, венецианского дожа, борьбой с многочисленными пиратами на Адриатике: «Имперские флоты, как мы сказали выше, во времена сарацин более всего были изнурены морскими сражениями с ними [пиратами – Д. В.]. На греков, которые прежде всегда были первыми в морских делах, обрушилась эта гроза. Венецианцы сражались с пиратами, выступали в походы либо приходили на помощь императорам. Именно от них [греков – Д. В.] переняли венецианцы мореходное искусство, привыкнув к длительным войнам»[404]. В действительности, впрочем, эти активные союзные действия Венеции и имперских властей против славянских пиратов и арабских флотов были более характерны для времен другого правителя лагуны по имени Орсо – Орсо I Партечипацио, которому в 879 г. василевс Василий I Македонянин пожаловал чин протоспафария [405]. Джустиниани верен традиции Марино Санудо Торчелло, Карезини, де Моначи и Сабеллико, видевших одну из главных миссий своего государства в пиратоборчестве. По мысли Джустиниани, именно венецианцы стали достойными учениками, преемниками и наследниками греков как властителей морского пространства в то самое время, когда могущество Византии на море пошатнулась, и превзошли впоследствии своих предшественников.

Идея циклического перехода господства над морем (талассократии) от одного народа или государства к другому была широко известна античным авторам и от них была унаследована авторами гуманистического круга. У Фукидида термины «ναυκρατεῖν» и «θαλασσοκρατεῖν» обозначают состояние господства на море в конкретный период [406]. Вероятно, античная идея

---

[404] Bernardus Iustinianus. Op. cit. Col. 111: Classes Imperatoriae eos maxime Saracenorum temporibus ut supra diximus navalibus pugnis exercuerunt. Erant ea temepestate Graeci, sicut fere semper antea rei nauticae principes. Cum his Veneti militabant, et stipendia agebant, aut auxilio erant Imperatoribus, disciplinam itaque navalem diuturna bellorum consuetudine ab his maxime accepere.
[405] Nicol D. Op. cit. P. 33–34.
[406] Gardiner T. Terms for Thalassocracy in Thucydides // Rheinisches Museum für Philologie Neue Folge, 112. Bd., 1969, H. 1. P. 17.

исторической смены талассократий повлияла на Джустиниани в его взглядах на переход господства на море от Византии к венецианцам.

Образ Византии был важным элементом формирования венецианской гражданской идентичности, в официальном нарративе Республики, в котором вплоть до середины XV в., «греческая империя», «Константинопольская империя» занимала, главным образом, место исторического антагониста. В исторических сочинениях венецианцев выстраивался ряд символически значимых событий этого противостояния: противостояние Византии и Венеции норманнам Роберта Гвискара – кризис 1171 г. – Четвертый крестовый поход – отвоевание Константинополя.

И для византийского, и для венецианского нарратива бывали характерны обвинения соответственно Венеции и Константинополя в корыстолюбии, злокозненности и вероломстве, причем и версия с Босфора, и версия с Адриатики акцентировали внимание на таких судьбоносных событиях, как разрыв при Мануиле I. Венецианский политический миф XIV–XV смог дать определенную обратную связь в сочинениях нескольких ярких византийских интеллектуалов палеологовского периода, когда в интеллектуальной среде империи, терзаемой династическими смутами, существовал серьезный запрос на образ идеального государственного порядка. Однако привязанные к этому комплексу идеологем венецианские образы византийской истории не могли быть востребованы греческими авторами, и даже Халкокондил, проявлявший к Венеции явный интерес и восхищавшийся ее гражданским строем, законами, технологиями и архитектурой, в плане отношений собственной страны с венецианцами придерживался традиционных трактовок византийского нарратива.

Венецианский интеллектуальный дискурс до формирования к середине XV в. в Республике Св. Марка собственной гуманистической школы к греческим текстам подходил очень избирательно, не брезгуя в отдельных случаях («Пространная хроника» Андреа Дандоло) и подлогами. В целом, ключевую роль в переходе от противопоставления в венецианском нарративе венецианцев и «вероломных» греков к признанию их общности как частей единого

христианского мира и сопреемников Римской империи сыграли быстрый упадок Византии и османская экспансия. Особенно характерно, что восприятие падения Византии и осознание исторической преемственности ее с античностью у такого автора, как Лауро Квирини, который, в отличие от Санудо, Дандоло и Карезини, не был крупным государственным сановником, принципиально не отличалось от представлений Сабеллико, официального историописателя Республики, о византийцах, их государстве и истории. Место главного Другого в венецианском дискурсе отныне прочно заняла Османская империя. Образы Византии после гибели империи в трудах венецианцев довольно резко контрастировали с ее «прижизненным» изображением. Византийская империя post mortem была для венецианских авторов более удобным элементом нарратива, нежели во время своего существования.

2.2. Венецианская Романия: взгляд из метрополии

Византийский мир присутствовал в венецианской словесности XIV–XV вв., как минимум, на двух уровнях: собственно государства ромеев, «Греческой империи», и греков в колониях Венеции – носителей византийской православной культуры, оказавшихся под властью Республики после раздела византийского наследства в 1204 г. Наблюдательный кастилец Перо Тафур, посетивший многие владения Венеции, заметил: «И если очутится кто в их [венецианцев – Д. В.] землях на краю света, покажется ему, что он в том же городе»[407]. Уже в середине XIII в. венецианские власти предписывали перестройку городов Крита в подражание метрополии: административные здания, арсеналы, складские помещения (fondachi), фонтаны были репликами столичных сооружений[408]. В центре Кандии возникли дворец дук, Собор Св. Марка и лоджия, ставшая местом объявлений и собраний нобилей. Чиновников на службу созывал звон колокольни (campanile)[409]. «Светлейшая» превращала важнейшие колониальные города в собственные архитектурные отражения. Каким образом греческие владения

---

[407] Тафур П. Странствия и путешествия. М., 2006. С. 217.
[408] Maltezou C. The Historical and Social Context // Literature and Society in Renaissance Crete / Ed. by D. Holton. Cambridge, 1991. P. 35–36.
[409] Ibid.

Венеции, залог ее богатств и великодержавного статуса, служили зеркалом для конструирования венецианцами не только гетеростереотипов в отношении греков, но и автостереотипов, комплекс которых в зрелой форме составил знаменитый венецианский миф? Как с позиции властителей «четверти и полчетверти Римской империи» венецианские сановники-интеллектуалы рассматривали причины недовольства властью метрополии со стороны как греков, так и венецианских колонистов? Какие ответы венецианские официальные нарративы предлагали на сближение греческой и венецианской элит в землях Венецианской Романии? В настоящем разделе исследования предстоит хотя бы отчасти дать ответ на эти вопросы.

Основой венецианской талассократии, наряду с торговлей, была ее колониальная система. Приобретения Венецианской Республики по итогам Четвертого крестового похода имели огромное торговое и военно-стратегическое значение. Наиболее значительным среди них стал остров Крит[410]. 12 августа 1204 г. по договору, подписанному близ Адрианополя, Республика Св. Марка приобрела Крит у Бонифация Монферратского за 1000 марок серебра и передала в его распоряжения ряд территорий на Пелопоннесе[411]. Второй по величине остров Восточного Средиземноморья, Крит стал крупнейшим колониальным владением Венецианской Республики и, как часто повторяли венецианцы, «оком и десницей Города»[412], иногда применяя, впрочем, это название также к другому важному форпосту венецианской империи – Негропонту (Эвбее). Венецианский протекторат над Негропонтом был установлен в 1209–1211 гг[413]. В 1207 г. Венеция приобрела остров Корфу, который, правда, утратила через семь лет и вернула только в 1386 г.[414], а также ключевые порты Южного Пелопоннеса Корон и Модон.

---

[410] Соколов Н. П. Венецианская доля в византийском «наследстве» // ВВ. 1953. Т. 6. С. 179.
[411] Там же.
[412] McKee S. Uncommon Dominion. P. 19.
[413] Laurentii de Monacis. Chronicon de rebus Venetis, ed. Fl. Cornelius. Venetiis, 1758. P. 144.
[414] Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000. С. 11.

Первые колонисты из метрополии ступили на Крит в 1211 г. Это были 132 знатных гражданина (рыцаря) и более 400 пехотинцев, на тех и других возлагалась оборона – важнейшая обязанность колонистов[415], – и отчасти управление островом за право эксплуатации земель и местных крестьян-париков. По словам Лоренцо де Моначи, именно с этого момента «весь остров – действительная колония Венеции»[416].

Вскоре после назначения в 1208 г. Джакопо Тьеполо дукой Кандии остров был поделен на шесть частей аналогично шести округам-сестьере, на которые в 1170-1171 гг. была поделена территория самой Венеции с целью упорядочить взимание военного налога[417]. Во главе каждого округа был поставлен капитан. Прибывшие в 1211 г. военные колонисты («нобили и пополары, всадники и пешие»[418]) из всех шести сестьере распределялись по таким же округам на Крите. Надежды коммуны на привлечение своего населения к колонизации острова оправдались не в полной мере. Все первые полтора столетия колониальной истории Крита бросается в глаза малочисленность венецианского населения. Военная колонизация, первоначально преследовавшая, главным образом, цель защиты острова от посягательств конкурентов, не носила массового характера. По подсчетам Ф. Тирье, возможно, даже несколько завышенным, в 1211 г. на острове проживало 1080, к 1252 г. – немногим более 2000 коренных венецианцев, к концу XV в. – 7000[419]. Доля венецианцев в составе населения острова в рассматриваемый период определяется современными исследователями в пределах 2–6 %[420]. Поначалу власть на Крите была монополизирована венецианцами, фактически отстранившими местных архонтов от управления островом, которое строилось по подобию управления метрополией.

---

[415] Соколов Н. П. Колониальная политика Венеции в XIII в. С. 180.
[416] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 154.
[417] Климанов Л. Г. Венеция: социально-пространственная структура средневекового островного города и его опорные (базовые) магистратуры (capita sexteriorum, domini noctis, capita contratarum). С. 199.
[418] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 153.
[419] Карпов С. П. Латинская Романия. С. 17.
[420] Там же. С. 25.

Как и в Константинополе периода Латинской империи, на Крите венецианские колониальные власти проводили политику замещения высшего православного духовенства венецианским, низшее духовенство приняло унию[421]. Православная церковь Крита находилась под жестким контролем со стороны латинских епископов, занявших кафедры. Число греческого духовенства было строго ограничено 130 представителями [422], подчинявшимися латинской архиепископии острова. Венецианцы пресекали попытки контактов критян с Вселенской церковью. Такие ограничения не могли добавить колониальному режиму легитимности. Как утверждает греческий ученый Х. Мальтезу[423], для греков Крита идеи православия и империи были неразрывно связаны.

После прибытия первых колонистов земли и доходы церкви были обращены в казну, и, кроме того, духовенство было обложено особым сбором на военные нужды Республики. У православного духовенства были все основания играть активную роль во всех движениях, направленных на свержение ксенократического режима. Недовольство греческих архонтов существовавшими политическими и экономическими ограничениями, сопротивление критских париков, подвергавшихся жестокой эксплуатации пришлой элитой, представляли серьезную угрозу иноземному владычеству[424]. Крупных восстаний на Крите за период с 1212 по 1367 гг. произошло 12[425]. Их возглавляли именитые греческие архонты (Айостефаниты, Скордили, Мелиссины, Каллерги и др.).

Наиболее кровавыми в XIII в. считались выступления архонтов из рода Каллерги. В 1271 г., когда пост дуки занимал Андреа Гено, по словам де Моначи «невероятная гражданская смута охватила государство»[426]. Упорная борьба с братьями Феодором и Георгием Хортаци[427] (1271 г.) и Алексеем Каллерги (1282 г.) показала венецианским властям, что добиться внутреннего мира на острове

---

[421] Успенский Ф. И. Указ. соч. С. 153.
[422] Gregory T. E., Kazhdan A. Crete // Oxford Dictionary of Bizantium / Ed. A. P. Kazhdan. N. Y.; Oxford, 1991. Vol. 1. P. 546.
[423] Maltezou C. Op. cit. P. 24.
[424] См.: Соколов Н. П. Колониальная политика Венеции в XIII в. // СВ. 1954. Вып. 5. С. 170–195.
[425] Карпов С. П. Латинская Романия. С. 25.
[426] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 158.
[427] Ibid. P. 159-161.

можно, лишь заручившись поддержкой хотя бы наиболее могущественных местных землевладельческих кланов. В период восстания венецианские власти ввели запрет на смешанные браки между греками и латинянами, опасаясь перехода ленов в руки архонтов. Дети от таких браков, гасмулы, на протяжении XIII-XV вв. считались маргинальной категорией населения, часто пополнявшей ряды многочисленных наемников, разбойников и пиратов. В 1299 г. с Алексеем Каллерги, как казалось ранее, самыми непримиримыми из архонтов, был заключен договор [428], по которому он и его клиентела не только были восстановлены в правах, но и получили новые привилегии. Проявив незаурядные дипломатические дарования, Каллерги сумел выступить выразителем интересов не только архонтов, но и греков в целом перед лицом венецианских властей. В том же договоре 1299 г. подтверждаются права латинских феодалов, греческих архонтов, православного духовенства, евреев, а также гасмулов. Кроме того, Алексею Каллерги было гарантировано утверждение его судебных решений, он также получил право взимать сборы с «желающего» населения. Примечательно, что архонт поместил в свой герб имперского двуглавого орла Палеологов[429].

Информация о Венецианской Романии в «Книге тайн верных креста» Марино Санудо в основном отражала географическое положение и экономические преимущества греческих островов, подвластных Венеции. В маргиналии, добавленной к первой книге трактата в 1321 г. [430], Санудо привел перечень католических властителей Восточного Средиземноморья, отдаленно напоминающий гомеровский список кораблей в «Илиаде», которые должны были, в случае успешного начала предприятия, послать свои галеи – десять в общей сложности – для торговой блокады египетских портов. В списке Санудо фигурировали генуэзцы Заккариа, «что правят островом Хиос совсем неподалеку от турок» [431], герцог Архипелага Гульельмо Санудо, венецианский дом Гизи,

[428] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 163.
[429] Успенский Ф. И. История Византийской империи. XI–XV вв. Восточный вопрос. М., 1997. С. 158.
[430] Laiou A. Op. cit. P. 378.
[431] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 30

правивший Спорадами, латинский патриарх Константинопольский, владетели Негропонта, архиепископ Критский, госпитальеры и кипрский король[432]. Естественно, для Санудо законным Константинопольским патриархом мог быть лишь латинский претендент. Резиденцией титулярного патриарха Константинопольского на момент написания трактата был венецианский Негропонт (Эвбея), а с 1314 г. титулярный патрарх Константинополя также занимал кафедру епископа Халкидского[433]. Шестая галея из перечня Санудо должна была снарядиться силами архиепископа Крита, «нобилей близлежащих островов, а также феудаторов и других критян, если они будут призваны письмами, жалующими им индульгенции за труды»[434]. Примечательно, что Санудо отметил необходимость жалования индульгенций критским феудаторам ради их участия в морской блокаде Египта. По всей видимости, подобное замечание связано с опасениями автора по поводу религиозной надежности критовенецианцев в условиях уже начавшегося процесса синтеза элит.

Именно Крит должен был стать главной базой снабжения войска предполагаемого крестового похода. Любопытна оценка экономической роли Кандии у Санудо. «Ведь если Критский остров, усмиренный доблестью властей, сохранится под управлением в его нынешнем состоянии, то пшеница и другое зерно, в которых на вышеуказанном острове не нуждаются, могут быть привезены и с радостью собраны воедино венецианцами для указанной армии Вашего Святейшества, чтобы затем доставить их к египетским берегам. И, если будут привлечены венецианцы, то они приобретут в Апулии столь много зерна и доставят его на указанный остров, чтобы запасти зерно для Вашего Блаженства. <…> Ведь добрая пшеница из Апулии ценится выше, чем критская, а мука и хлеб из нее получаются лучше, также из Апулии зерно поступает в больших количествах, чем от критян. Этот остров может предоставить достаточно вина, много сыра и огромное количество мелкой дичи, хвороста для сжигания с

[432] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 30–31.
[433] Setton K. Op. cit. Vol. I. P. 463.
[434] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 31.

соломой, а еще – множество рогов станбехо для изготовления луков и арбалетов. Все вышеназванное, можно сказать, находится почти на самом побережье Египта, ведь остров Критский столь близок к нему»[435]. Под станбехо (stanbecho), как полагает британский издатель трактата Санудо П. Лок, следует понимать критского козла с массивными загнутыми рогами, известного как кри-кри и ныне встречающегося только в Самарийском ущелье[436]. Рог в Средние века широко применялся в производстве луков и арбалетов[437], а в войске Венеции арбалетчики (баллистарии) играли чрезвычайно важную роль. В 1314 г. в венецианском арсенале находился 1131 арбалет[438]. Боеспособность венецианских галей «линии» напрямую зависела от количества и мастерства находившихся на них баллистариев, а немало венецианских нобилей начинало свою cursus honorum именно со службы «нобилем кормы»[439]. Так что критский козел для Республики, в первой четверти XIV в. еще не имевшей крупных владений на терраферме, в известном смысле был стратегическим ресурсом. Управляемое родственниками Марино Санудо герцогство Архипелага также должно было сыграть видную роль в предполагаемом крестовом походе. «Кроме того, – писал Санудо, – с острова Милос, как и с других островов Архипелага, можно получить большое количество жерновов или точильных камней, необходимых для указанного военного предприятия»[440]. В целом, с точки зрения Санудо, Крит, во-первых, – лишь недавно «усмиренный», еще довольно нестабильный для метрополии остров, а, во-вторых, он все же более ценен как перевалочный пункт, нежели как некое эрзац-контадо, каковым остров стал в более поздние времена. Несмотря на достаточное количество зерна на Крите, венецианцы в это время предпочитали апулийскую пшеницу критской.

---

[435] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. 67.
[436] Marino Sanudo Torsello. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross / Translated by P. Lock. Farnham, 2011. P. 118.
[437] См. Контамин Ф. Война в Средние века. СПб., 2001. С. 85.
[438] Там же. С. 86.
[439] См.: Талызина А. А. Купцы, «люди моря» и нобилитет в Венеции // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. М., 1999. С. 84–85.
[440] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 67.

Андреа Дандоло в «Пространной хронике» описывал критские дела достаточно скупо, хотя и констатировал, повествуя о поддержанном Иоанном III Ватацем антивенецианском восстании 1230 г., что действия критских греков, «упорных в мятеже», были серьезной угрозой венецианскому владычеству[441]. Пожалуй, из всех венецианских авторов XIV–XV вв. наибольший вклад в формирование образа Венецианской Романии внес Лоренцо де Моначи, чиновник с многолетним колониальным опытом. Отношение и к византийцам, и к критским грекам, особенно – к крупным землевладельцам-архонтам и к православному духовенству – у де Моначи, в целом, негативно. Говоря о сражении венецианцев и греков за критскую крепость Бонифацио в 1230 г., хронист не упускает случая восхититься самоотверженностью своих соотечественников и продемонстрировать трусливое бегство греческого мегадуки с Крита[442]. Причины нестабильности обстановки на острове в XIII–XIV вв. венецианский сановник объяснял якобы природной склонностью греков к смуте, вероломству и разбою[443]. «Скордили и Мелиссины, – писал хронист о восстании 1229 – 1231 гг., – и их сподвижники, прельщенные привычной сладостью грабежа, запятнанные человеческой кровью и по этой причине не знавшие мирной жизни, разбойничая, делали общественные дороги опасными, открыто убивали людей»[444]. О своих современниках-греках канцлер Крита в переписке отзывался в столь же нелестных выражениях[445].

Негативизм по отношению не только к Византии, но и к грекам Латинской Романии был довольно общим местом в итальянской словесности XIV в. Про Крит Петрарка повторял расхожий еще в античные времена стереотип: «Крит, древнее жилище предрассудков, живет новыми»[446]. Даже Леонтия Пилата, одного из первых учителей греческой словесности в Италии, Петрарка изображает

---

[441] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 292.
[442] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 156.
[443] Ibid. P. 156.
[444] Ibid.
[445] McKee S. Op. cit. P. 136.
[446]Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневных, XV, 7.

«человеком столь звериных нравов и странных обычаев»[447]. Однако история венецианского Крита знала примеры более открытых иной культуре интеллектуалов. Поэт и дипломат Леонардо Деллапорта (ок. 1350–1419/20) не только глубоко проникся греческой культурой, но и осознавал себя как эллина (но не ромея) и исповедовал православие[448].

Синтез греческой и крито-венецианской элит, сближение между рядом венецианских фамилий, осевших на острове и архонтами Крита в XIV в. де Моначи рассматривал в негативном свете. Он писал об этом процессе, уже свершившемся в его времена, как о падении нравов (явное наследство Тита Ливия) венецианской знати на Крите[449], уподобившейся грекам. Автор выразил протест против синтеза элит, отстаивая необходимость критовенецианской знати помнить о своем происхождении и оставаться верной Республике.

В своей хронике де Моначи нередко прибегал к приему воображаемого диалога. В 1303 г. на Крите произошло мощное землетрясение. Архонты и многие греки, восприняв это событие как предзнаменование краха венецианского господства, уговаривали Алексея Каллерги возглавить новое восстание. На это архонт ответил, что «иго венецианское» лучше, чем владычество «проклятых» генуэзцев, каталонцев или «империи греков»[450]. Лоренцо де Моначи также вложил в уста архонту также фразу, что «самостоятельно этот остров управляться не может»[451], которая, как и неприятие идеи возвращения Крита к Византии, по-видимому, приписывалось венецианским автором этому деятелю, обладавшему громадным авторитетом, в соответствии с задачам написания хроники.

Центральным и наиболее ярким событием противостояния между венецианцами и греками на Крите для де Моначи было Восстание св. Тита (1363–1368), в котором крито-венецианская знать и греческие архонты заключили союз против Венеции. Всю первую половину XIV в. Республика увеличивала налоги и

---

[447] Васильев А. А. Указ. соч. С. 439.
[448]Карпов С. П. Латинская Романия. С. 98.
[449] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 172.
[450] Ibid. P. 163.
[451] Ibid. P. 163.

таможенные сборы. Ряд торговых операций, в том числе, связанных с торговлей хлебом, нельзя было осуществить без разрешения на то Сената в Венеции[452]. Официальная точка зрения, выраженная Лоренцо де Моначи, объясняла причины восстания падением нравов венецианцев на Крите: пребывая в безопасности, не боясь более восстаний греков, они «перешли к праздности, от праздности – к роскоши, от роскоши – к гордыне»[453], т. е. к тем качествам, которые ставились хронистом в вину грекам. Де Моначи, обвиняя тем самым венецианцев в уподоблении грекам, выражает здесь протест против синтеза элит. Симптомом стремления сформировавшейся критовенецианской прослойки отстаивать свои интересы был сепаратистский проект феудаторов Тито Веньера и Франческо Градениго. В 1354 г. в Большом совете Кандии они возглавили группу, голосовавшую против лояльности Венеции в текущей войне с Генуей[454]. Власти конфисковали имущество зачинщиков движения, однако вскоре Сенат вернул им владения. Однако, как показали события, этих мер по умиротворению критовенецианцев, тяготившихся налогами и ограничением доступа к власти, оказалось недостаточно. Через девять лет Тито Веньер и клан Градениго станут активными участниками самого масштабного восстания против венецианского господства.

Сборы на починку порта и мола, утвержденные Сенатом при доже Лоренцо Челси (1361–1365) вызвали возмущение феодалов Крита[455]. Они отказались платить до тех пор, пока, как было решено на собрании в церкви Св. Тита во главе с Марко Градениго в августе 1363 г[456]., в Венецию не будет послана делегация из двадцати «мудрых», которая будет представлять Крит в Большом Совете. Основным интересом восставших критовенецианских феодалов было участие в принятии решений о налогообложении. Большой Совет надменно ответил, что

---

[452] Venezia–Senato. Deliberazioni miste. Registro XXIII / a cura di Fr. Girardi. Venezia, 2004. Vol. 10. № 187.
[453] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 172.
[454] O'Connell M. Op. cit. P. 470–471.
[455] Кроули Р. Венецианская республика. Расцвет и упадок великой морской империи. 1000–1503 / Пер. с англ. М., 2015. С. 214.
[456] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 172–173.

стольких достойных в колонии не наберется. На Крите это было воспринято как оскорбление, восставшие провозгласили Республику Св. Тита. Члены семейства Веньеров, Каллерги и греческое духовенство поддержали феодалов Крита. Восставшие выбрали «губернатора и ректора Острова» [457] – главу нового государства (им оказался Марко Градениго), а также четырех советников. Восставшие сменили знамя Святого Марка на знамя Святого Тита [458], почитавшегося на острове. Было объявлено о снятии ограничений на православие. Лоренцо де Моначи привел следующий символичный эпизод, демонстрирующий, по его мнению, обреченность восстания с самого начала: когда на колокольне разворачивали знамя с изображением небесного покровителя новой республики, его фигура оказалась перевернутой вверх ногами, что «устрашило многих из правоверных»[459]. Дука Леонардо Дандоло был смещен. В Кандии была объявлена амнистия. После тщетных попыток переговоров с руководством восставших, венецианцы быстро сумели добиться дипломатической изоляции мятежного острова, изобразив восстание помехой на пути нового крестового похода, готовящегося королем Кипра Петром I, и изменой общехристианскому делу: даже Генуя прислала в ответ на письмо из Венеции доверительную грамоту.

Между тем, в рядах самих восставших на Крите начались кровавые раздоры. Де Моначи красочно и подробно описал резню, учиненную уже в 1363 г. во время Восстания Св. Тита греческим монахом Миллетом против недавних союзников-критовенецианцев. Этот монах возглавил группу греков, стремившихся к перехвату контроля над вновь образованной Республикой Св. Тита у критовенецианских феудаторов. Он организовал заговор, начав под покровом ночи убийства влиятельных критовенецианцев. Де Моначи включил в хронику диалог между Миллетом и критовенецианцем Андреа Корнаро. «…Миллет, чтобы отвести все подозрения от своего замысла, остался в доме своего ближайшего друга Андреа Корнаро <…> в поместье Псонопила. Когда настала ночь, этот

[457] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 174.
[458] Ibid.
[459] Ibid.

Миллет с приспешниками сперва вторгся в упомянутое поместье. Испуганный Андреа Корнаро сказал ему: «Друг, зачем ты пришел?» Миллет ответил: «Чтобы тебя убить». А тот: «Можешь ли ты взять на себя такое злодеяние, как убийство своего близкого друга и благодетеля?» [Монах] ответил: «Так должно быть, потому что дружба уступает место вере и свободе. Была дана клятва, что я верну нам свободу и с корнем вырву вас, схизматиков, с этого острова, который принадлежит нам по наследству». Сказав это, они [заговорщики] убили его»[460]. Монах-мятежник Миллет, как и Алексей Каллерги, получил в хронике голос. Приведенный выше диалог содержит не только емкий и мрачный образ представителя греческого духовенства крупнейшей венецианской колонии, но и набор представлений венецианского хрониста-чиновника о том, какие мотивы двигали восставшими за «веру и свободу» греками. Де Моначи стремился убедить читателя-венецианца (и крито-венецианца, заметим), что нельзя доверять грекам, для которых, с точки зрения, любые венецианцы, в том числе колонисты на Крите, нередко связанные с греками узами дружбы или покровительства, – все равно схизматики, захватчики и кровные враги. Далее де Моначи рассказал, как движение, возглавляемое Миллетом, было подавлено войсками Республики Св. Тита. Миллет попал в плен и был сброшен с крыши дворца в гущу толпы, среди которой было множество греков, которые недавно боготворили Миллета, а теперь изрубили его мечами[461]. «Воистину опасно и чудовищно непостоянство черни!»[462] – восклицал венецианский хронист.

Зимой 1364 г. дож уполномочил Анеджело Микьеля отправиться в Турцию для закупки припасов[463]. Этот эпизод демонстрирует ведущую роль Крита в тот период в поставках продовольствия в метрополию. Для подавления восстания Республика привлекла кондотьера из Вероны Луккино дель Верме[464]. Отряд наемников высадился на Крите 6 мая 1364 г., после коротких, но ожесточенных

---

[460] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 179.
[461] Ibid. P. 180.
[462] Ibid.: quippe perniciosa et tremenda est instabilitas vulgi.
[463]Setton K. The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. II. Philadelphia, 1978. P. 254.
[464] Laurentii de Monacis. Op. cit.. P. 178.

сражений 9 мая 1364 г. Кандия открыла ворота венецианским силам[465]. Руководители восстания – Марко Градениго и Паоло Квирини были казнены. Представителей кланов Веньеров и Градениго изгнали с острова. Партизанская война на Крите велась греческим населением до 1366–1367 гг. В августе 1364 г. группа мятежников, возглавлявшаяся Тито Веньером и Каллерги, присягнула на верность византийскому императору Иоанну V и объявила себя поборниками православной веры. К. Сеттон считал, что подобный жест скорее привел василевса в замешательство[466]. Однако действия энергичного патриарха Константинопольского Филофея Коккина свидетельствовали, что в Константинополе с критским восстанием связывали определенные надежды. В 1366 г. по инициативе патриарха на Крит был направлен митрополит Афинский Анфим. Он получил особый сан «проедра» Крита и сразу же начал оказывать поддержку братьям Каллерги, но вскоре был схвачен и помещен в тюрьму, где и скончался через 3 года. При этом сами византийцы служили орудием генуэзской экспансии: Анфим прибыл на Крит на генуэзском судне[467]. В 1381 г. пытался наладить контакт с местным духовенством Иосиф Вриенний, но был выслан с острова колониальными властями[468].

Восстание св. Тита продемонстрировало наличие в середине XIV в. у критовенецианской элиты собственной, отличной от венецианцев и греков Византии идентичности. Совместные действия во время восстания 1363 г. греческой и крито-венецианской знати демонстрировали не только общность их сиюминутных интересов, но и тесноту социальных связей между ними. Общим противником для тех и для других были олигархия метрополии, установившая жестко централизованную модель колониального управления и отстранявшая локальные элиты от власти. Катализатором синтеза элит стали все большая государственная регламентация экономики и возраставшие налоги. Процесс синтеза элит, одновременно определил дальнейшую эволюцию колониальной

[465] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 182.
[466] Setton K. Op. cit. Vol. II. P. 255.
[467] Жаворонков П. И. Анфим // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2000. С. 716.
[468] Maltezou C. Op. cit. P. 21–24.

системы на Крите, а также конструирование образа греческих владений Венеции в официальном интеллектуальном дискурсе Республики как арены борьбы между Венецией и греческим миром.

Позицию де Моначи не стоит сводить лишь к высокомерию крупного сановника из метрополии по отношению к населению колонии. За ней стояли как реальные сведения о сравнительно недавних событиях на острове, так и конкретные задачи написания хроники как имперского нарратива. Автор стремился не только к легитимации власти Венеции на Крите, но и к предостережению соотечественников от сближения с греческими архонтами.

Примечательное описание Крита составил современник де Моначи флорентийский монах Кристофоро Буондельмонти. Буондельмонти, тесно связанный с кружком Никколо Никколи, посетил Крит в период, когда крупные восстания остались в прошлом. Известный как автор карты Константинополя, Буондельмонти свои записки о Крите также сопроводил планом Кандии. Францисканец рассказал о путешествии по острову в компании греческого монаха. По словам монаха, земли его покровителя, архонта Матфея Каллерги, «находятся под добрым правлением»[469]. Согласно Буондельмонти, архонты и православное духовенство с ностальгией вспоминали Византию и воспринимали венецианское господство как нелегитимное. Во время подъема на гору флорентийца и монаха с «сатрапами» архонта, в оживленной беседе на латыни и по-гречески монах поведал путешественнику легенду о происхождении архонтов Крита. По легенде, архонты – потомки двенадцати знатных мужей, которым Крит был пожалован сыном императора после того, как «Кир Фока [Никифор Фока] покорил весь остров для нашего императора». Далее грек посетовал, что если бы греческие роды «пребывали в согласии, то легко овладели бы островом»[470]. Взгляд Буондельмонти отличен от позиции де Моначи, в отличие от венецианца, флорентиец описывал ситуацию на венецианском Крите вполне нейтрально.

[469] Cornelius F. Creta sacra sive de Episcopis utriusque ritus Graeci et Latini. Venetiis, 1755. Vol. 1. P. 107.
[470] Ibid.

Однако и у де Моначи, и у Буондельмонти архонты Крита и греческое духовенство ностальгировали по византийским временам.

В середине–второй половине XV в. взгляд венецианских интеллектуалов на колонии претерпел определенную эволюцию. Теперь, после завоевания Константинополя Мехмедом II в 1453 г. страх перед возможным османским вторжением значительно пересилил опасения по поводу сколько-нибудь серьезной нелояльности греческого населения Венецианской Романии. В войнах с Османской империей во второй половине XV и весь XVI в., а также в кампаниях на терраферме в период Итальянских войн Республика активно задействовала страдиотов (stradioti) – легкую наемную конницу из греков (преимущественно из венецианских колоний: Монемвасии, Корона, Модона, Нафплиона и Лепанто) и албанцев[471]. В апреле 1463 г. с захватом турками Аргоса Венеция была вынуждена начать войну с султаном. Венецианцы пытались выбить османов с Пелопоннеса силами страдиотов, итальянских пушкарей и тяжелой кондотьерской конницы в 1463–1464 гг., однако это последнее сухопутное наступление венецианцев на Востоке захлебнулось[472].

В записках венецианца Джованни-Мария Анджолелло о венециано-турецкой войне 1463–1479 гг. сохранилось немало ценных наблюдений о положении дел в венецианских колониях. 12 сентября 1469 г. капитан Флота Св. Марка Никколо да Канале двинулся из Негропонта по направлению к Эносу – бывшей столице генуэзского клана Гаттилузи, превращенной в турецкую крепость. Его флот, как свидетельствовал Анждолелло, был укомплектован страдиотами, часть из которых была набрана в Нафплионе, часть прибыла из Турции, Корона и Модона. Венецианцам удалось захватить и сжечь Энос[473]. Анджолелло утверждал, что после взятия Эноса венецианцы освободили местных

---

[471] См.: Pappas N. Stradioti: Balkan Mercenaries in Fifteenth and Sixteenth Century Italy [Electronic resource]. Mode of access: http://www.shsu.edu/~his_ncp/Stradioti.html
[472] Nicolle D. The Venetian Empire 1200-1670 (Men-at-Arms). Oxford, 2004. P. 16
[473] Angiolello G.-M. Memoir. P. 9 [Electronic resource]. Mode of access: http://angiolello.net/ANG-trans.pdf

греков и торжественно привезли в Негропонт[474]. Богатая военная добыча венецианского флота, которая, впрочем, большей частью была имуществом христианских семей Эноса, получивших свободу, – ковры, золото, серебро, драгоценные камни – была распродана победителями на Эвбее. «Немногочисленные турки, которых доставили в Негропонт, были обращены в рабов»[475]. За венецианским рейдом на Энос последовала масштабная турецкая операция по захвату Негропонта. Первая высадка турок на острове произошла 8 июня в районе Трокко в миле от столицы и поначалу не встретила сопротивления, но вскоре примерно двести христиан, некоторые из них – на конях, атаковали османский отряд[476]. В город было доставлено двенадцать турецких голов, потери же венецианцев и греков ограничились одним воином, который был убит, задержавшись при грабеже убитого турка[477].

По всей видимости, «урожай» вражеских голов был собран именно страдиотами. Практика платы наемникам за предъявленные головы противников во время Итальянских войн была подробно описана Филиппом де Коммином. По мнению французского дипломата, греческие конники заимствовали турецкую практику оплаты: «Стратиоты гнались за нашими всадниками, как я сказал, до месторасположения маршала, где стояли немцы, убили троих или четверых из них и захватили с собой их головы, ибо таков их обычай. Когда венецианцы воевали с Мухаммедом Оттоманским, отцом нынешнего Турка, то он не желал брать пленных и давал дукат за голову проивника, и венецианцы стали делать то же самое»[478].

15 июня Мехмед II с огромной армией, включавшей большой артиллерийский парк, переправился на Негропонт по мосту из кораблей и приступил к осаде столицы Эвбеи. Повествуя об осаде города османами, Анджолелло подробно описал расположение турецкой артиллерии, удары

---

[474] Angiolello G.-M. Memoir. P. 9.
[475] Ibid.
[476] Ibid. P. 10.
[477] Ibid. P. 11.
[478] Коммин Филипп де. Мемуары, VIII, VII. По изданию: Коммин Филипп де. Мемуары / Перевод, статья и примечания Ю. П. Малинина. М., 1986.

которой в основном приходились на центр Негропонта[479]. Анджоелло сообщил: «Пять других орудий были размещены в местности Санта-Кьяра, они были направлены на редут у собора и далее до мельниц и разводного моста, ведущего в Кастелло. <…> На другой стороне Кастелло, вблизи гавани были еще [три] орудия, направленные на арсенал и противоположную сторону Кастелло и выстроенные в ряд вплоть до рыбного рынка на границе Джудекки»[480]. Для принятия решения о казни предателя, капитана Томмазо Скьяво, байло, командующий, «все дворяне из Венеции и некоторые – местного происхождения» собрались в лоджии[481]. Как хорошо видно на примере Кандии и Негропонта, венецианские колониальные города, по крайней мере, административные и торговые центры, выстраивались по единому плану в подражание самой Венеции. Топонимы Негропонта повторяют названия венецианских районов: здесь мы встречаем и Кастелло, названный по имени одного из шести венецианских сестьере, и Джудекку. Оружейные и верфи и в Венеции, и в колониальных центрах вроде Кандии или Негропонта составляли единый комплекс – арсенал.

Защите города существенно мешали раздоры между населением города и прибывшими отрядами из Кандии, с одной стороны, и наемниками, с другой. Горожане и кандиоты подозревали наемников в предательстве, и эти страхи оправдались с бегством четырех итальянских командиров наемного войска, после которого по городу прокатились кровавые столкновения горожан, кандиотов и наемников[482]. 12 июля 1470 г. турки овладели Негропонтом, учинив там свирепую резню[483]. Венеция потеряла одну из главных колоний, второй по величине остров своей заморской империи. В рассказе Анджолелло об осаде Негропонта отсутствовал акцент на каком-либо принципиальном отличии между венецианцами и греками; и тех и других автор обычно именовал просто христианами. Более того, жители Негропонта и кандиоты противопоставлены в

[479] Angolello G.-M. Memoir. P. 11.
[480] Ibid.
[481] Ibid. P. 17.
[482] Ibid. P. 21.
[483] Ibid. P. 25.

его повествовании наемникам-итальянцам. В лоджии для принятия политических решений собирались и венецианцы, и некоторые греки, что наглядно свидетельствовало о синтезе локальной и пришлой элит как о свершившемся к моменту наблюдения факте. Характерная для венецианской словесности идея свободы у Анджолелло, который сам много лет провел в турецком плену, в основном связана с освобождением от рабства или от вполне реальной, осязаемой угрозы порабощения в ходе войны. Как наглядно показал рассказ Анджолелло, в случае победы турок, в рабство обращались многие христиане, в случае победы венецианцев – многие турки.

В европейском дискурсе рубежа XIV–XV вв., пожалуй, наиболее колоритным типом персонажа, связанного с Венецианской Романией, стал именно конник-страдиот в турецком платье. Тот же Филипп де Коммин отмечал храбрость, выносливость и умение греческих конников в войске Республики, а также заметил, что «венецианцы доверяют им и постоянно держат их на службе»[484].

С Венецианской Романией тесно связана деятельность Лауро Квирини, знатока греческого языка и собирателя рукописей, долго прожившего в Кандии[485]. Весьма вероятно, что Квирини был уроженцем Кандии, где он впоследствии стал крупным землевладельцем [486]. Как уже указывалось, основную ценность византийского мира – как самой Византии, так и в греческих владениях Республики – для Квирини составляло языковое и текстовое наследие античности. Известно, что огромная масса беженцев из Византии после падения столицы устремилась именно в венецианские владения, в том числе, в Кандию[487]. Вероятно, сохранение греческого языка и словесности во владениях Венеции виделось Квирини ничуть не менее возвышенной миссией для его родного государства, чем поддержание «вечности свободы», унаследованной от римских патрициев. Страхи

---

[484] Коммин Филипп де. Мемуары, VIII, VII.
[485] См.: Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegniani, H. Roob, C. Seno. Firenze, 1977. P. 11–18.
[486] O’Connell M. Op. cit. P. 487.
[487] Thiriet F. Op. cit. P. 431.

Квирини за судьбу Крита не стоит объяснять сугубо личными опасениями либо риторическими приемами эпистолярного жанра. Во время турецкой осады Негропонта, 26 июня 1470 г. Лауро Квирини писал из Кандии влиятельному сенатору и гуманисту Паоло Морозини, надеясь на его содействие в отправке в колонию подкрепления: «Нам необходимо быть готовыми к любому повороту событий, ведь Криту не хватает оружия и мужей; посодействуй, светлейший Паоло, – просим мы в письме – чтобы дали нам оружие и мужей наши благоразумнейшие власти. Благоволи же Криту, который является прочнейшим основанием венецианского господства, ты, честно пекущийся о республике!»[488]. В эпистолярном наследии Квирини нечасто можно встретить сколько-нибудь подробные описания текущих событий, куда больше внимания венецианский гуманист уделял примерам из древней истории либо философским комментариям на современность. Отсылки к античной словесности типичны для гуманистического общения, даже повторяемый Квирини призыв дать Криту «оружие и мужей» (armas virosque) – явное цитирование первых слов «Энеиды» Вергилия «Arma virumque cano». При этом за риторическим фасадом послания прослеживаются вполне искренние переживания и страхи ученого за судьбу столь любимой им греческой словесности. Очевидно, для Лауро Квирини основная ценность Крита состояла не только в его значении для могущества Венеции, но также в возможности основательно изучать на этом острове греческий язык и приобрести ценные тексты – главный объект гуманистического созерцания.

В целом, Венецианская Романия была, наряду с Далмацией, главным колониальным опытом «Светлейшей», и именно с этой точки зрения венецианские владения в Восточном Средиземноморье рассматривались в трудах ученых сановников Республики. Более других греческих владений Венеции в дискурсе венецианских авторов присутствовал Крит – наиболее обширная, населенная и геополитически важная колония, владение которой вплоть до османского завоевания 1669 г., по сути, и определяло венецианскую

[488] Quirini Lauro. Clarissimo et praestantissimo V. D. Paolo Mauroceno Laurus Quirinus salutem // Lauro Quirini Umanista. P. 259.

великодержавность. Венецианские интеллектуалы не скупились на помпезные характеристики острова, называя его то «оком и десницей Республики», то «прочнейшим основанием венецианской империи», однако греки, составлявшие подавляющее большинство населения Крита и других венецианских колоний, изображались обычно либо просто «схизматиками», либо вероломными врагами, которым венецианцам не следовало доверять. Отношение к Венецианской Романии в хрониках, трактатах и посланиях венецианских авторов показывает тесную связь с политикой Венеции в тот или иной период. В XIV в. Венеция установила жестко централизованную систему управления заморскими колониями посредством мощного бюрократического аппарата, что контрастировало с генуэзскими колониальными практиками. Во многом в интересах этой централизаторской политики, имевшей основную цель обеспечить бесперебойное и обильное поступление налогов в метрополию, зачастую за счет интересов и греков, и венецианцев колоний, в метрополии и формировался определенный колониальный дискурс, изображавший греческое и венецианское население венецианских владений более непохожими друг на друга и более враждебными друг другу, чем это было в действительности. Подобная картина весьма рельефно конструировалась крупнейшим имперским идеологом Венеции первой половины XV в. Лоренцо де Моначи. С началом османской экспансии это отношение венецианского дискурса к грекам – синхронно с завершением процесса синтеза элит в Венецианской Романии – претерпело эволюцию в сторону изображения общности латинян и греков перед лицом экспансии Османской империи, которой в итоге и суждено было похоронить колониальную империю «Светлейшей». Тот же венецианский Крит в венецианском дискурсе XIV–XV в. присутствовал на разных уровнях восприятия: стратегически важное владение, житница, мятежная колония, наконец, Крит библиотечный. Последнее было особенно судьбоносным в эпоху гуманизма не только для формирования образа острова как места интеллектуального паломничества, но и для судьбы самих венецианских авторов, развития их дискурсивного арсенала. За неполные сто лет тип кровожадного и коварного архонта-мятежника сменился типом

отважного, хотя и несколько необузданного, но лояльного Республике воина-страдиота. Оба слова, что характерно, греческого происхождения. При всем противоречии отношения венецианской традиции к грекам, такое историческое явление, как Венецианская Романия, позволило сохранить после политической гибели Византии присутствие огромного оазиса живой культуры византийского мира в составе христианского государства.

Глава 3. Христианский Восток глазами венецианских интеллектуалов

В рассматриваемый период крупнейшими политическими образованиями христианского Востока оставались Киликийская Армения и христианские государства Африки – Эфиопия, Мукурра, Алоа. Ряд христианских государств на Востоке в данный период исчезли с исторической арены, причем иногда происходило это буквально на глазах латинских наблюдателей. В полной мере это относится к эпохе упадка средневекового христианского царства Мукурра (Макурия), располагавшегося на территории современного Судана: когда Марино Санудо Торчелло приступил к написанию своей историко-географической энциклопедии, это нубийское царство еще было христианским, в момент окончания интеллектуалом этого труда – уже мусульманским. После падения Акры в 1291 г., на рубеже XIII–XIV вв., необычайно востребованным в Европе стал жанр проекта крестового похода, в котором в полной мере проявилось двойственное отношение к восточному христианству: с одной стороны, восточные христиане представали в западном дискурсе гонимыми и отчаянно защищающими свою веру, с другой, их надлежало «вернуть» в лоно католической церкви. Подобная амбивалентность – одна из устойчивых характеристик нелатинского христианского мира в средневековой словесности Запада и, в частности, Венецианской республики, государства, наиболее осведомленного о христианах Востока.

3.1. Образ Киликийской Армении в Венеции

«По правде сказать, так все пряности и все ткани с Евфрата привозятся в этот город, все дорогие товары и товары из Венеции, Генуи свозятся сюда и здесь покупаются»[489], – рассказывал об Айясе (Лаяццо), главном портовом городе этого последнего средневекового армянского царства, Марко Поло. Тот же венецианец давал более нелицеприятную картину Киликийской Армении, отметив, что в старину местная знать была храбра и воинственна, а ныне погрязла в пьянстве[490].

---

[489] Книга Марко Поло / Предисл. В. В. Бартольда. М., 2012. С. 35.
[490] Книга Марко Поло. С. 35.

Марко Поло также говорил об ужасе, наводимом на эту землю войсками мамлюкского «вавилонского» султана Бейбарса[491]. В данном случае обрывочные описания скорее сводятся к идее непостоянства, уязвимости и бренности мира. Киликийская Армения в последнее столетие своего существования представляла для современников достаточно наглядную иллюстрацию этой идеи.

Марино Санудо Торчелло, не раз бывавший в Киликийской Армении[492], отводил армянскому государству – северному соседу мамлюкского султаната – роль одного из ключевых союзников Венеции и папы на Востоке в предполагаемом крестовом походе. Ситуация внутри элиты державы Хетумидов во второй половине XIII–XIV вв. в общих чертах напоминала борьбу пролатински и антилатински настроенных сановников в Византии того же периода. Как и в Константинополе, в Армении вопрос о военном союзе с государями Запада упирался в проблему унии с Римом. Санудо адресовал свой проект не только папе, но и французскому королю Филиппу V Длинному (1316–1322). Последнему Санудо Торчелло направил письмо на французском языке с картами и кратким изложением своего плана, обещая, что, если экспедиция достигнет цели, Филипп сможет получить «мировое господство» (Seigneurie du monde), причем стать более славным завоевателем, чем сам Александр Македонский, ведь тот, покорив весь известный мир, так и не смог достичь рая[493]. В этом послании венецианец уделил особо пристальное внимание стратегическому значению Армении для будущей всехристианской экспедиции: «Если ныне не хватит числа людей для столь великого предприятия, то, по крайней мере, нужно снарядить десять галей, хорошо вооруженных и с 250 воинами на каждой, для охраны моря, а 300 всадников и 1000 пеших воинов благородного происхождения послать для защиты земли Армении. Ибо, если эта земля будет потеряна, это обернется великой утратой и великим позором для всего христианского мира»[494]. Известно,

---

[491] Книга Марко Поло. С. 28.
[492] Lock P. Introduction. P. 9.
[493] Marini Saunti Torselli. Secreta fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per francos. V. II. Hannover, 1611. P. 5
[494] Marini Saunti Torselli. Secreta fidelium crucis. P. 5.

что в 1319 г. Филипп V предпринял passagium particulare, или primum passagium («предварительный крестовый поход»), – морскую экспедицию на помощь Киликийской Армении и для контроля за соблюдением санкций против портов Сирии и Египта. Однако цели французский флот так и не достиг и, оказавшись вовлеченным в дело защиты интересов папы Иоанна XXII в Италии, был уничтожен в сражении неподалеку от Генуи[495].

Марино Санудо представил в «Книге тайн верных креста» описание побережья Армении с указанием расстояний, разделяющих сколько-нибудь значимые морские центры царства: Айяс, Мальмистру (Мамистру), Тарс, Мало и другие[496]. От важнейшего порта Киликийской Армении Айяс (Aiacium/Laiacium), как сообщал венецианец, всего десять миль отделяли гавань Portus Pallorum[497], по другим источникам известный как Портелла[498] и впервые упоминаемый только в 1274 г. под именем Portus Palium[499]. Марино Санудо в общем обзоре военно-морской тактики под мартом 1293 г. упомянул морские бои под Айясом в период венецианско-генуэзской войны, причем, несмотря на свое деятельное участие в конструировании венецианского мифа, он вполне беспристрастно рассматривал причины поражения более крупных венецианских галей от генуэзских судов[500]. И поражение венецианского флота при Курцоле, и захват многих новых галей генуэзцами под Айясом Санудо объяснял ошибками в боевом порядке судов[501]. В этой сцене Армения практически лишена какого-либо собственного голоса: она здесь скорее яблоко раздора между игроками или арена для значимых в ходе генуэзско-венецианского противостояния событий.

Первый царь Киликийской Армении Левон II (1187–1219, царь с 1198 г.) в хрисовуле конца 1201 г. предоставил венецианским купцам, а позже и другим

---

[495] New Cambridge Medieval History. Vol. VI: c. 1300–c. 1415 / Ed. by M. Johnson. Cambridge, 2000. P. 868.
[496] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 88–89.
[497] Ibid. P. 88.
[498] Bedoukian P. Z. Coinage of Cilician Armenia. N. Y., 1962. P. 25.
[499] Hild F., Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien // Tabula Imperii Byzantini. Wien, 1990. Bd. 5. T. 1. S. 383.
[500] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 83.
[501] Ibid.

латинянам, свободу передвижения по территории царства, ряд гарантий и привилегий, которые впоследствии не раз подтверждались в Киликии[502]. «Да будут тела, вещи и товары венецианцев в сохранности и безопасности от любого человека, который находится и будет находиться под моей властью и под моим господством»[503], – провозглашал Левон. До этого в условиях политической дисперсности Киликии венецианцам, очевидно, приходилось иметь дело с отдельными многочисленными армянскими властителями, что создавало ощутимые препятствия для проникновения купцов Республики в регион[504]. Упоминание о венецианском байло в Армении, в чьи функции входило обеспечение торговых интересов Республики в условиях серьезной конкуренции со стороны генуэзцев, пизанцев, каталонцев, купцов буквально со всей Европы, встречается уже в 1274 г[505]. В первой половине XIV в. цари Левон IV, Ошин, Левон V и другие вновь и вновь подтверждали привилегии венецианских граждан в своем государстве[506], причем льготы даже ближайших конкурентов – генуэзцев – не выдерживали сравнения с венецианскими[507].

Санудо со знанием дела описал папе торговые преимущества Киликии, подчеркивая взаимные выгоды торговли между армянами и Западом, которые возрастут с осуществлением проекта венецианца: «И земля Армении, производящая хлопок в огромном количестве, будет обладать куда большей ценностью [, чем торговые связи с султаном Египта – Д. В.]; индийские же пряности и прочий товар через сельскую округу и город Бальдак [Багдад, подконтрольный Хулагуидам, – Д. В.] перейдут в Армению и в наше море. Эти пути позволят христианам Армении получить достаточную выгоду, благодаря

---

[502] Соколов Н. П. Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв. // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Вып. 1. Горький, 1973. С. 10.
[503] Langlois V. Le Trésor des Chartes d'Armenie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Ropeniens. Venice–P., 1863. P. 110.
[504] Соколов Н. П. Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв. С. 11.
[505] Bedoukian P. Z. Op. cit. P. 32.
[506] Diplomatarium Veneto-Levantinum. Vol. 1. № 38, № 40, № 87. P. P. 75, P. 178–180.
[507] Соколов Н. П. Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв. С. 18.

которой их царство сможет сокрушить врагов церкви, сарацин»[508]. Санудо рассматривал Киликийскую Армению, в первую очередь, как важного транзитера индийских товаров в обход владений египетских мамлюков. В справочнике флорентийского купца Фраческо Бальдуччи Пеголотти «Практика торговли» хлопок также упоминался в числе важнейших товаров, которыми купец мог обзавестись в Армении, наряду с перцем, сахаром, имбирем, благовониями, лаком[509]. Венецианские и генуэзские купцы в период правления Хулагуидов в Иране именно через Армению вели оживленную транзитную торговлю с Тебризом и Султанайей[510].

Описывая геополитическое положение современного ему армянского царства, Марино Санудо обратился к излюбленному в средневековой словесности бестиарному коду: «Вашему благочестивейшему милосердию также следует обратить взор к царству Ваших верных армян, что лежит в зубах четырех диких и свирепых зверей. В одной стране, находящейся ниже земли [армянской – Д. В.], находится Лев. Это, разумеется, татары, коим царь Армении платит огромную дань. С другой стороны обитает Барс, а именно – султан, день за днем терзающий христиан и [Армянское – Д. В.] царство. В третьей части живет Волк – турки, разрушающие владение и царство. Четвертую часть населяет Змея. Это – корсары (Cursarios) нашего моря, что день ото дня глодают кости христиан Армении»[511].

Если отождествление размножившихся вслед за развалом Румского султаната турецких бейликов с волком выглядит достаточно органично, учитывая огромную символическую роль волка в тюркском эпосе[512], идентификация египетского султана с леопардом – продукт одновременно европейского бестиарного воображения и эмблематики самой мамлюкской державы. Эмблемой султана Бейбарса (аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарс аль-Бундукдари, 1260–1277), был шагающий лев или иной крупный хищник из кошачьих с поднятой передней

---

[508] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 33.
[509] Pegolotti F.B. La Pratica della mercatura / ed. by A. Evans. Cambridge, Mass., 1936. P. 60.
[510] Манандян Я. О. О торговле и городах Армении. Эривань, 1930. С. 195.
[511] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 32.
[512] См.: Короглы Х. Г. Огузский героический эпос. М., 1976.

лапой[513]. Эмблема была широко растиражирована на постройках султана (ныне сохранилось свыше восьмидесяти изображений от Египта до Турции[514]) и его монетах.

На парном изображении, украшающей мост, построенный Бейбарсом в 1273 г. в Лидде (современный г. Лод, Израиль), лапа хищника занесена над крысой или мышью, символизировавшей, очевидно, врагов султаната. Согласно трактовке крупного французского востоковеда и археолога Шарля Клермон-Ганно (1846–1923), грызун (крыса, белка или даже тушканчик?) под лапой хищника, возможно, воплощает арабскую игру слов «kuffār» («неверные») и «fār» («крыса»), причем также вероятно, что поза крысы на рельефе буквально пародирует вздыбленного льва (рампана) на гербе Лузиньянов, сохранявших за собой, помимо Кипрского королевства, статус титулярных королей Иерусалима[515]. Левон II женился вторым браком на Сибилле Лузиньян, дочери короля Кипра Амори II, причем назначил своей наследницей Забел, дочь от брака с Сибиллой[516], и с этого момента Лузиньяны поддерживают значительные династийные связи с армянскими царями – и Рубенидами, и Хетумидами, а позже, после пресечения дома Хетумидов со смертью Левона V в 1342 г., Лузиньяны на троне Киликийской Армении, став последней царской династией этого государства. Если принять широко известное, остроумное, хотя и не до конца доказуемое на сегодняшний день толкование рельефной сцены с Бейбарсова моста в Лидде у Ш. Клермон-Ганно, можно предположить, что подобного рода парная «монументальная карикатура» изображала и Лузиньянов Кипра, и породнившихся с ними правителей Армении.

В летописи, приписываемой армянскому сановнику Смбату Спарапету (1208–1276), мамлюкскому султану Египта Бейбрасу – грозному врагу армянских царей

---

[513] Christie N. Muslims and Crusaders. Christianity's Wars in the Middle East, 1095–1382, from the Islamic sources. L.; N. Y., 2014. P. 107.
[514] Cambridge History of Egypt. Vol. 1: Islamic Egypt, 640-1517 / Ed. by C. Petry. Cambridge, 1998. P. 373.
[515] Clermont-Ganneau C. Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. Vol. II. L., 1896. P. 113.
[516] Жаворонков П. И. Из истории никейско-киликийских отношений в первой половине XIII в. // АДСВ. Вып. 30. 1999. С. 214; Микаэлян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. С. 166.

– уделено достаточно внимания, причем армянский хронист не упустил случая подчеркнуть его «нецарское» происхождение: «Султан был всего лишь рабом, сыном подлого раба»[517]. Смбат нередко прибегал к наглядному и символически емкому бестиарному языку. Смбат рассказав, как Мануил Комнин отменил большой поход на Алеппо против Нур ад-Дина, заметил: «Итак, Мануил, сей мужественный император греков, придя, как могучий орел, вернулся же, как жалкий лис»[518]. Хулагу же, узнав о разгроме монгольской армии мамлюками при Айн-Джалуте в 1260 г., «зарычал, как лев»[519].

Европейская средневековая словесность достаточно прочно привязала образ леопарда к владыкам мусульманского Востока. По словам М. Пастуро, в европейской эмблематике с рубежа XI–XII вв. леопард возник как «плохой лев»: воплощение негативных качеств, ранее приписываемых льву, отныне обретшему ярко выраженную христологическую трактовку[520]. Шагающий лев с мордой анфас, т. е. именно такой, какой был представлен на рельефах и монетах Бейбарса, в западной геральдике – это именно леопард. Учитывая, что портрет Ильханов Ирана в книге Марино Санудо не столь отрицателен, как образ египетских мамлюков, можно сделать вывод, что леопард на этой «звериной» карте соседей, терзающих Армению, выбран венецианским автором для Египта из стремления подчеркнуть однозначно враждебное отношение к султану и более низкий, с его точки зрения, символический статус султаната Египта по сравнению с государством Хулагуидов.

Британский исследователь П. Лок отмечает, что венецианский автор, хотя и был весьма начитан, ни разу не ссылался на своего соотечественника Марко Поло[521]. Основным источником для «армянских» сюжетов и истории монгольских завоеваний в трактате, включающей некоторые баснословные подробности, стало

---

[517] La chronique attribuée au connétable Smbat P. 116–117.
[518] Ibid. P. 48.
[519] Ibid. P. 107.
[520] Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. СПб., 2012. С. 57.
[521] Lock P. Op. cit. P. 8.

сочинение «мужественного властителя Армении»[522], принца Хетума (Гайтона) «Цветник историй земель Востока». Автор, яркий представитель латинофильского крыла хетумидского двора, член киликийского царствующего дома, вступил в орден премонстранцев и посвятил свой трактат папе Клименту V в 1307 г[523]. Принц Хетум также известен под именем Хетум Патмич, т. е. «Хетум Историк»[524]. Хетум подробно описал визит своего дяди, царя Хетума I (1226–1270), в Каракорум в 1254 г[525].

Текст Санудо испытал значительное влияние со стороны армянского интеллектуала, чьей компетентности в восточных делах венецианец, несомненно, доверял. В частности, именно к Хетуму в сочинении Санудо восходят явно преувеличенные представления о распространении христианства на Востоке. Христианами и у Хетума, и у Санудо предстали монгольские ханы Мункэ (Манго) и Хубилай[526].

Санудо включил в «Книгу тайн верных креста» пересказ истории Хетума о принятии ханом Мункэ христианства по просьбе Хетума I во время его поездки в Каракорум. Царь Хетум, засвидетельствовав свое почтение хану обратился к Мункэ с семью прошениями[527]. Во-первых, хан вместе со своим народом должен был, «оставив секты, исполненные суеверий, принять веру Христову и креститься» [528]. Во-вторых, между христианами и татарами устанавливался «вечный мир» («pax perpetua»); в-третьих, христианскому духовенству гарантировалась свобода от какого-либо порабощения и обложения данью; в-четвертых, хан посылал помощь христианам для освобождения Святой Земли от

---

[522] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 26.
[523] Горелов Н. С. Предисловие к «Цветнику историй земель Востока» Гайтона // Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и комм. Н. Горелова. СПб., 2006. С. 213–214.
[524] Гетум Патмич. Цветник историй стран Востока. Текст договора, заключенного между Мункэ-ханом и царем Гетумом // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. М., 1962.
[525] Гайтон. Цветник историй земель Востока, III, 16–17. По изданию: Гайтон. Цветник историй земель Востока // Книга странствий / Пер. с лат. и ст.-фр., сост., статьи и комм. Н. Горелова. СПб., 2006. С. 217–274.
[526] См. гл. 4 настоящей работы.
[527] Гайтон. Цветник историй земель Востока, III, 16; Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 236.
[528] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 236.

сарацин; в-пятых, силами «татар, занявших Турцию» хан обрушивался на Багдад и расправлялся с халифом; в-шестых, царю гарантировалась поддержка всех татарских владений, лежащих рядом с Арменией; в-седьмых, все армянские земли, занятые турками или татарами, должны были вернуться под власть армянской короны[529]. Хан, если верить Хетуму и Марино Санудо, согласился на эти требования и крестился, правда, сказал, что не станет никого обращать насильственно[530]. В историографии давно отмечено[531], что в данном рассказе победоносный поход войска Хулагу на Багдадский халифат в 1258 г., в ходе которого халиф аль-Мустасим действительно был убит завоевателями, предстал реализацией плана царя Хетума. Пожалуй, было бы слишком смело именовать договором между ханом и армянским царем вслед за А. Г. Галстяном[532] этот достаточно сомнительный перечень декларативных прошений ханского данника и декларативных же обещаний Мункэ их удовлетворить.

В армянской традиции прослеживалось несколько синхронных моделей восприятия Монгольской империи. В «Летописи», приписываемой старшему брату царя Хетума I (и также дяде Хетума Патмича), крупному государственному деятелю, одаренному дипломату и военачальнику Армянского царства Смбату Спарапету, о крещении Мункэ (Мангу) в связи с визитом Хетума ничего не упоминалось, сообщалось лишь, что «хан Мангу <…> принял царя Хетума радушно и предоставил ему все, что тот просил»[533]. Однако в 1247 г., тот же Смбат буквально по дороге миссии в Каракорум к хану Гуюку, в письме своему родственнику, кипрскому королю Генриху I Лузиньяну (1218–1253) писал, что хан и его сановники якобы «совсем недавно стали христианами»[534] под влиянием

---

[529] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 236.
[530] Ibid. P. 237.
[531] См.: Микаеэлян Г. Г. История Киликийского армянского государства. Ереван, 1952. С. 315; Grousset R. L'empire des steppes. Paris, 1952. P. 352–355.
[532] См.: Гетум Патмич. Цветник историй стран Востока. Текст договора, заключенного между Мункэ-ханом и царем Гетумом // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. М., 1962. С. 68.
[533] La chronique attribuée au connétable Smbat. P. 106.
[534] Смбат Спарапет. Письмо Смбата Спарапета из Самарканда кипрскому королю Генри Лузиньяну (1247) // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. М., 1962. С. 69.

покоренного христианского населения страны «Гасрат и Гагнат, <…> откуда вышли три царя, чтобы приветствовать Иисуса Христа»[535]. В 1250 г. Смбат вернулся в Армению с ханской грамотой, гарантирующей целостность армянских земель от внешних посягательств, и обещанием монголов оказать поддержку Киликии для возвращения крепостей, отторгнутых Румским султанатом[536]. В пересказе Марино Санудо повествования Хетума Смбат фигурирует как Гинибальд (Ginibaldus)[537]. Киликийская Армения остро нуждалась в военном союзнике против соседних мусульманских государств. На первых порах союз с ханом объективно отвечал политическим интересам Армении. То же самое можно сказать и о крестоносном движении высокого Средневековья, переживавшего свой последний пик во время походов Людовика IX. Распространение в Европе (как Смбатом, так и позже Хетумом) завышенных оценок численности и сил восточных христианах имело явную политическую цель. Принц Хетум сообщал впоследствии, что для составления своего труда пользовался текстами своего «почтенного дяди». Как справедливо предположил А. Г. Галстян, этим дядей, скорее всего, и был Смбат[538]. Таким образом, из Армении на Запад выстраивалась определенная дискурсивная цепочка представлений и образов: от Смбата к Хетуму, от Хетума к Марино Санудо.

Другой армянский историк Киракос Гандзакеци (ок. 1200–1271) в «Истории Армении» также не писал о крещении хана и, в целом, воспринимал монголов как сильных и жестоких неприятелей, желая потомкам избавиться от их гнета[539]. Однако и Киракос не избегал упоминания о христианах среди монголов (в частности, о христианке Докуз-хатун, супруге Хулагу, сжалившейся в 1258 г. над багдадскими несторианами[540]) и общей веротерпимости ряда вельмож империи,

---

[535] Смбат Спарапет. Указ. соч. С. 70.
[536] A Hisrory of the Crusades / Gen. ed. K. Setton. Vol. II: the Later Crusades, 1189–1311 / Ed. by Robert Lee Wolf and Harold W. Hasard. Madison; Milwaukee; L., 1969. P. 652.
[537] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 236.
[538] См.: Комм. 1 А. Г. Галстяна к: Гетум Патмич. Цветник историй стран Востока. Текст договора, заключенного между Мункэ-ханом и царем Гетумом // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. М., 1962. С. 70.
[539] См.: Киракос Гандзакеци. История Армении / Пер. Л. А. Ханлярян. М., 1976. С. 172–174.
[540] Там же. С. 230.

но, в отличие от Смбата и Хетума, не старался преувеличить степень распространения христианства. По свидетельству Киракоса, в 1247 г. военачальник Анагурак активно покровительствовал монастырю у гробницы Св. Фаддея, долгое время заброшенной, превратив его в крупный паломнический центр, причем многие татары «приходили туда и крестили сыновей я дочерей своих, и множество одержимых и хворых были исцелены»[541]. Киракос писал, что хан Мункэ в 1254 г. пожаловал Хетуму ярлык, гарантировавший защиту его царству, и подтвердил освобождение церквей от уплаты податей[542]. Киракос, сдержанный в оценках союза с монголами и превозносящий Хетума более за благочестие, чем за что-либо иное, сообщив о стандартных для великих ханов действиях по отношению к правителям-данникам, здесь, очевидно, более достоверен, нежели Хетум.

Рассказав в подробностях историю о крещении Мункэ, энтузиасты возрождения крестоносного движения армянский принц-интеллектуал Хетум, а вслед за ним и Марино Санудо Торчелло, очевидно, выдавали желаемое за действительное. Однако этот сюжет, легендарный, но обнадеживающий в условиях постоянного внешнего давления на армянское государство, оказался востребован современниками. В данной истории особенно показательна чрезвычайно оптимистичная для европейского читателя (прелата и сановника) «обратная конспирология» – объяснение ряда действий монгольского хана, в частности, победоносного похода на Багдад в 1258 г., инициативой куда менее могущественного христианского монарха. Такой нарратив предлагал сценарий контроля над иной культурной реальностью через установление личных связей с восточными государями (и последующую манипуляцию ими). Не исключено, что как раз эта история о мнимом обращении монгольского хана силами смиренного армянского царя послужила одним из многих источников вдохновения для утопического проекта Геогрия Трапезундского по обращению султана Мехмеда II в христианство. Армения в венецианском дискурсе первой четверти XIV в. не

[541] Киракос Гандзакеци. Указ. соч. С. 193.
[542] Там же. С. 225.

только была объектом описания и конструируемый образом, но также присутствовала через определенную ветвь армянской интеллектуальной традиции.

Санудо не мог обойти и религиозный аспект армянской жизни, посвятив главу своего труда нравам армян. Марино Санудо приписывал армянам и грекам непримиримую взаимную ненависть[543]. Объектом его критики среди обрядов армянской церкви стали употребление несмешанного вина при евхаристии и празднование Рождества и Богоявления в один и тот же день[544]. По словам венецианца, армяне «обещали повиноваться Верховному Понтифику и Святой Римской церкви именно тогда, когда их царь [Левон II – Д. В.] получил землю от римского императора Генриха, а царскую корону – от архиепископа Майнцского. Однако они не желают изменять старые обряды и празднества»[545]. Все же религиозная инаковость армян обрисована в труде венецианца не столь резко, как в случае с христианами Нубии.

Автор «Хроники Энрико Дандоло» писал об Армении достаточно скупо. В хронике упоминалась ожесточенная битва венецианцев и генуэзцев у берегов Армении, в которой пал венецианский капитан Марко Баседжо, правда, автор поместил ее под 1290 г.[546], тогда как в действительности это сражения у Айяса произошло в 1294 г. «В год 1303, – сообщалось в другом месте хроники, – пришло известие о том, что король Армении понес поражение от султана Вавилонии на равнине близ Дамаске, на которой пало сто тысяч сарацин»[547]. В этом кратком свидетельстве примечательно не только фантастическое преувеличение потерь противнка христианского войска. Здесь битва при Мардж ас-Суффаре под Дамаском, имевшая место в апреле 1303 г.[548], представлена как кровопролитное сражение между мамлюкским султаном и армянским королем, хотя в

[543] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 183.
[544] Ibid.
[545] Ibid. P. 184.
[546] Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo. P. 106–107.
[547] Ibid. P. 112.
[548] The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods / Ed. by J. A. Boyle. Cambridge, 1968. P. 394.

действительности Армения выступала в этой войне не основным актором, а союзником ильхана Газан-хана.

В хронике Лоренцо де Моначи, написанной уже значительно позже захвата столицы Киликийской Армении Сиса мамлюками в 1375 г., Армения не занимала сколько-нибудь существенного места. Она упоминалась вновь как место борьбы между морскими республиками, в основном в связи со «тяжелейшей войной», вспыхнувшей между Венецианской и Генуэзской республиками в период догата Пьетро Градениго[549]. Порт Айяс был окончательно закреплен за египетским султаном в 1337 г[550]. Тогда же Левон V уступил мамлюкам все территорию до реки Джейхан[551]. Грек-киприот, чиновник и дипломат королевства Лузиньянов первой половины XV в. Леонтий Махера, повествуя в своей «Повести о сладкой земле Кипр» о походе короля Кипра Петра I в 1367 г. на Айяс, вкратце упоминал эти события истории порта: «Здесь находились турки Армении, но сарацины захватили его»[552].

Киликийская Армения, пожалуй, наиболее вестернизированной и, в свою очередь, знакомой латинянам области христианского Востока. Венецианский интеллектуал Санудо, через посредничество армянского латинофильского круга в Авиньоне сумевший обратиться к собственно армянской историописательской традиции, по всей видимости, действительно хорошо знал Армению, ее географические и хозяйственные особенности. В целом, в конструировании образа Киликийской Армении у венецианцев особенно прослеживается влияние их торговых и геополитических интересов. Отчасти благодаря этой подоплеке, портретирование Киликийской Армении, было тщательно фундировано вполне достоверной географической информацией. Сухие цифры здесь переплетены с яркой символикой. Марино Санудо, продвигая свой план крестового похода, в отношении Армении старался делать больший акцент на общности христианского

---

[549] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 200–201.
[550] Hild F., Hellenkemper H. Op. cut. S. 162.
[551] Микаэлян Г. Г. Указ. соч. С. 457.
[552] Леонтий Махера. Повесть о сладкой земле Кипр. II, 212. По изданию: Леонтий Махера. Повесть о сладкой земле Кипр / Пер. и коммент. С. В. Близнюк // Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб., 2014. С. 132–250.

мира, почти полностью нивелируя конфессиональную инаковость армян в письме Филиппу V. Подчеркивая важность Армении в средиземноморской торговле и необходимость обеспечить ее безопасность, Санудо, очевидно, пытался убедить своих адресатов – и папу, и французского короля, – в религиозной надежности Киликийской Армении для католической церкви. При всем этом, прагматизм не изменял опытному дипломату: рисуя патетические картины угрозы небольшому христианскому царству, окруженному куда более крупными «хищниками», Санудо, вероятно, понимал всю уязвимость и – в перспективе – обреченность этого государства, поэтому и рассматривал несколько весьма различных вариантов закрепления Венеции на торговых путях в Индии. У венецианских авторов, писавших после Санудо, Армения занимала явно периферийное положение, и ее территория воспринималась ими почти исключительно в контексте венецианско-генуэзского соперничества.

3.2. Христианская Африка глазами венецианских интеллектуалов

На протяжении всего рассматриваемого периода основные торговые и политические интересы Венецианской республики были сосредоточены в Восточном Средиземноморье. Однако искушенность в транзитной торговле и осведомленность о ее маршрутах за пределами Ближнего Востока способствовали развитию у венецианских интеллектуалов с XIV в. пристального интереса к странам «трех Индий». В поле зрения венецианцев регион Нубии и Эфиопии, города которого в эпоху Римской империи процветали за счет оживленной посреднической торговли на Красном море, занимал в некотором роде промежуточное положение между Восточным Средиземноморьем и условной Индией. С одной стороны, «черные христиане» – несомненно, часть христианского мира, с другой – схизматики-монофизиты. С одной стороны, христианская Африка начиналась с коптов Египта, венецианцам хорошо известного и освоенного в торговом плане, с другой – она могла восприниматься как часть Индии, таинственного края богатств и чудес. В XIV–XV вв. представления о закрытости Индийского океана, а, следовательно, и о наличии прямой сухопутной связи между Индией и Эфиопией все еще господствовали в

Европе. Никколо Конти в беседе с Перо Тафуром продемонстрировал верность именно этой теории, рассказав о том, как во время проповеди апостола Фомы индийцам «приплыло по Нилу огромнейшее дерево»[553]. Марко Поло называл Абасию (Абиссинию) «большой областью в Средней Индии»[554]. Первая средневековая карта, на которой Индийский океан не замкнут, – это карта Антонина де Вирга (1415), но лишь начиная с карты мира Марцелла Германа (1489) было принято представление, разделяемое, в частности, Мартином Бехаймом, об Индийском океане как об открытом пространстве[555]. Амбивалентное положение Эфиопии и Нубии (до ее исламизации) в географическом и религиозном аспектах европейской ментальной карты определило характер образа христианской Африки в трудах венецианских авторов.

Марино Санудо Торчелло основывал свой амбициозный проект создания Pax Veneziana за ширмой всехристианского крестового похода на солидной информационной базе о торговле, экономике, географическом и внешнеполитическом положении Египта. Он не мог обойти вниманием южных соседей мамлюкского султаната. Христианским государствам Африки в этом проекте отводилась роль важных союзников Венеции против мусульманского мира, и образ «черных христиан» в «Книге тайн верных креста», с политической точки зрения, положительный, несмотря на критическое отношение ее автора к монофизитству. Рассматривая перспективы вторжения крестоносного воинства с моря в Египет, уже ослабленный, в случае реализации плана Санудо по торговой блокаде султаната, венецианский дипломат писал во второй книге своего трактата: «Землю египетскую можно завоевать таким способом, особенно потому, что от *черных христиан Нубии* [*de Christianis nigris de Nubia*; курсив издателя – Д. В.] и других стран, лежащих выше Египта, им [крестоносцам – *Д. В.*] придет столь большая помощь. Они обрушатся на врагов из своей страны, а татары – из своей

---

[553] Тафур П. Странствия и путешествия /Пер., пред. и комм. Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006. С. 109.
[554] Книга Марко Поло. С. 204.
[555] Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002. С. 170.

на страны Семо и Сирию. Посему будет полезно добиться дружбы татар и обходительно задобрить их как дарами, так и сладостными речами, также и взаимными приветствиями»[556]. В этом пассаже африканские христиане, как и Хулагуиды, рассматриваются как потенциальные союзники Запада против самого влиятельного исламского государства того времени.

Идея привлечения нубийцев-христиан или эфиопов к союзу против Египта получила распространение в период крестовых походов. Существенную роль в расширении кругозора друг о друге у европейцев и африканских христиан сыграл Иерусалим. По словам польского археолога-африканиста Адама Лейтара, «Христианская Нубия, начиная с XII в., не была более terra incognita для жителей Западной Европы»[557]. В 1245 Иннокентий IV (1243–1254) отправил францисканских монахов с миссией к нубийцам и эфиопам, в числе прочих народов, правда, нет данных о том, достигла ли какая-либо из папских миссий места назначения[558]. Формула «черные христиане Нубии и других стран выше Египта» встречается в очередном воззвании к новому крестовому походу от 1300 г[559]., и Санудо, очевидно, взял выражение именно оттуда. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что, по представлениям Санудо, существовало несколько стран африканских христиан, помимо Нубии. Как отмечает в недавней работе Р. Сеньобос, лишь после падения последнего оплота латинского Востока в 1291 г. идея военного союза с Нубией начала рассматриваться серьезно[560]. По иронии судьбы, именно в это время нубийские государства попали под влияние мамлюков, их элиты стали быстро исламизироваться, и окончательный упадок христианства в Нубии оставался лишь вопросом времени.

---

[556] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 36.
[557] Łajtar A., Płóciennik T. A man from Provence on the Middle Nile: A graffito in the upper church at Banganarti // Nubian Voices. Studies in Christian Nubian Culture / Ed. by A. Łajtar and J. van der Vilet.Warsaw, 2011. P. 110.
[558] Seignobos R. L’autre Éthiopie: la Nubie chrétienne et la croisade (XIIe-XIVe siècle) // Annales d’Éthiopie .№ 27. 2012. P. 57–58.
[559] Debrunner H. W. Presence and Prestige, Africans in Europe, A History of Africans in Europe before 1918. Basel, 1979. P. 24.
[560] Seignobos R. Op. cit. P. 58.

Возникает вопрос: какое именно государство Санудо подразумевал под Нубией, а какие – под «другими странами черных христиан»? По-видимому, упомянутую Санудо Нубию следует отождествить с нубийским государством Мукурра (Макурия), ядром некогда единой державы Нубия со столицей в Донголе, которое в начале XIV в. все еще оставалось христианским. Здесь, как и в Эфиопии, господствовало христианство монофизитского толка, хотя в XI в. православие и греческий язык пользовались в Нубии серьезным влиянием[561]. В годы расцвета державы царь Нубии выступал покровителем христианского населения Египта. Христианская Нубия играла роль связующего звена между Эфиопией и остальным христианским миром, и эфиопские монархи нередко обращались к нубийским правителям с просьбой о посредничестве в отношениях с коптским патриархом в Египте[562]. Разнообразие международных связей средневековой Нубии подтверждается новейшими археологическими данными. В числе недавних находок польской археологической экспедиции, ведущей с 2002 г. раскопки в Банганарти в 10 км от Донголы, представляет интерес граффити второй половины XIII–XIV вв. на провансальском языке, обнаруженное в церкви и обращенное к архангелу Рафаилу от имени некоего Бенесега (Бенедикта)[563]. Согласно выводам А. Лайтара и Т. Плоченника, провансалец Бенесег, использовавший не латынь, а народный язык, был мирянином – купцом или дипломатом, а если вторым, то, скорее всего, был направлен в Нубию одним из европейских правителей на переговоры о возможном союзе против мамлюков[564].

В условиях постепенного упадка военно-политического могущества Мукурры и Алоа, другого нубийского христианского государства, а также постоянного натиска мамлюков и арабских племен с севера, XIII–XIV вв. стали временем быстрой исламизации Нубии. Пожалуй, последним удачным военным предприятием Мукурры был захват и разграбление царем Давидом Айдаба –

---

[561] The Cambridge History of Africa. Volume 2: From c.500 BC to AD 1050 / ed. by J.D. Fage. Cambridge University Press, 1979. P. 580.
[562] The Cambridge History of Africa. Volume 3: From c.1050 to c.1600 / ed. by Roland Oliver. Cambridge, 1977. P. 71.
[563] Łajtar A., Płóciennik T. Op. cit. P. 105–106.
[564] Ibid. P. 118.

важного порта египетского султаната на Красном море[565]. Однако для обеспечения контроля над красноморской торговлей Мукурра уже не имела возможностей. Через четыре года султан Бейбарс разбил армию Мукурры и дошел до Донголы, где вскоре верх взяла промусульманская группировка. В 1315 г. мамлюки провозгласили нубийским царем принца, уже обращенного в ислам, а, согласно надписи 1317 г., кафедральный собор Донголы был превращен в мечеть[566]. Очевидно, именно эти недавние события были отражены в следующем пассаже «Книги тайн верных креста», в котором Марино Санудо вновь советовал папе обратить внимание на Киликийскую Армению и Нубию как на союзников против египетского султана. Санудо писал: «А сверх того достойно было бы обратить Ваше милосердие на тех, других христиан королевства Нубии и иных народов, которые по ту сторону земель султана, которые черны и которые под султанской властью пострадали и страдают до сих пор от гонений и кнутов»[567]. Эти сведения, вероятно, Санудо получил в одну из своих многочисленных поездок по портам Египта и Сирии. Представление о соседе Египта, распаленном отчаянием и ненавистью к иноверным завоевателям и готовом в любой момент обратить против них оружие, должно было склонить папу – адресата всего послания к мысли о большой надежности предлагаемого Санудо предприятия. Одновременно Санудо представил планируемый поход против Египта актом милосердия по отношению к притесняемым христианам Нубии.

Для Санудо понятия Нубия и Эфиопия в целом тождественны. «Вышеупомянутая Эфиопия, – утверждал Торчелло, – правильнее называется Нубией. Всю ее населяют христиане, которых блаженный Матфей обратил ко Христу»[568]. Впрочем, в другом месте тот же венецианский автор указывал: «К югу находится пустыня Эфиопии, [которая тянется на – *Д. В.*] на двенадцать дней пути и более до Нубии»[569]. Вопрос об истоках Нила, волновавший географов вплоть до

---

[565] The Cambridge History of Africa. Volume 3. P. 76.
[566] Ibid.
[567] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 32.
[568] Ibid. P. 260.
[569] Ibid. P. 261.

эпохи Спика и Ливингстона, не был обойден и венецианским автором, придававшим большое значение географии: «Истоки Нила, на самом деле, неизвестны, разве что только до гор, что в левой части Нубии, откуда он стекает. Далее находятся непроходимые места»[570].

Позже европейские энтузиасты крестовых походов, главным образом миссионеры, писали о возможности эфиопов перекрыть Нил и тем самым превратить весь Египет в голую пустыню. Доминиканец Иоанн в 1402 г. писал, что мамлюки платили дань эфиопскому царю именно потому, что эфиопы «могут устроить так, чтобы воды не собирались в Нил и не превращали его в полноводную реку»[571]. Географический термин «Эфиопия» был унаследован средневековым Западом от античной традиции. Этноним «эфиопы», буквально «опаленноликие», в античности являлся общим наименованием черных африканцев. С точки зрения Геродота, Эфиопия – «самая крайняя населенная страна на земле. Эта страна очень богата золотом, и в ней водятся огромные слоны, всевозможные дикорастущие плодовые деревья, а также эбеновое дерево. Люди там очень высокого роста, красивые и самые долговечные»[572]. Для Страбона земли, лежащие выше Египта по Нилу, включая Мероитское царство, относились к Эфиопии, а границей между Египтом и Эфиопией были Сиена и Элефантина[573]. Этноним же «нубийцы», которым современная историография оперирует применительно к южным соседям древних египтян, в античной историописательской и географической традиции встречается редко. Эфиопы-нубийцы упоминались Плинием в числе многих «эфиопских» народов, про них в «Естественной истории» было сказано, что им принадлежал город Тенупсис на Ниле[574]. Сам термин Нубия оформился уже в арабской географической литературе. Арабский автор Якут ибн Абдаллах ал-Хамави ар-Руми (1179–1229) в

---

[570] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 261.
[571] Цит. по: Горелов Н. С. Эфиопия в книге Поджо Браччолини и его современников // Вестник СПбГУ. Серия 2. История, Вып. 4. 2006. С. 242.
[572] Геродот. История. История, III, 114.
[573] Страбон. География, XVII, I, 3.
[574] Plin. Nat Hist. VI. 192: Ab ea Nubaei Aethiopes dierum viii itinere (oppidum eorum Nilo impositum Tenupsis)….

энциклопедии «Алфавитный перечень стран» так описывал ситуацию в Нубии, близкую для него по времени: «Нубия <…> обширная и просторная страна к югу от Египта. Ее жители – христиане, люди строгой жизни. Их страна начинается после Асуана; нубийцев привозят в Египет и продают там <…> Титул их царя – “кабил”, и письма его к его наместникам и прочим гласят: “От кабила, царя Мукурры и Нубии”»[575]. В труде Марино Санудо Нубия, по всей вероятности, – именно государство Мукурра, а «другие страны черных христиан, лежащие выше Египта» – Эфиопия и Алоа, хотя этот венецианский автор слабо различал Нубию, на тот момент все еще бывшую преимущественно христианской, и Эфиопию. Специфику эфиопов, по сравнению с нубийцами, Санудо не выделял.

Санудо уделил большое внимание религиозной специфике африканских христиан. Этот аспект особенно важен: инаковость нубийцев и эфиопов относительно европейцев демонстрируется Санудо именно через религиозные различия. Отдельная глава его труда, написанная в довольно экспрессивном стиле, отведена под критику обрядов нехалкидонских христиан с многочисленными ссылками на Писание, что естественно для сочинения, адресованного папе. «В Святой земле и других частях Востока, – писал автор проекта, – есть еще некоторые, сильно отличающиеся и от латинян, и от греков, а из них кое-кого зовут якобитами или якобинами, по имени некоего своего учителя Иакова, ученика одного Александрийского патриарха. Они давным-давно были отлучены патриархом Константинопольским вместе с Диоскором и исключены из греческой церкви. Они населяют большую долю всех земель Востока: некоторые проживают среди сарацин, другие при отсутствии неверных живут в собственных странах. Это, разумеется, – Нубия, которая тянется от Египта до большей части Эфиопии, и все земли вплоть до Индии, в которой, как они утверждают, более двенадцати царств» [576] . Далее следовало перечисление канонических «заблуждений» монофизитов. Термин «якобиты», очевидно, здесь обозначает монофизитов

[575] Якут. Алфавитный перечень стран // История Африки. Хрестоматия. М., 1979. С. 247 –248.
[576] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 184.

вообще, а не только сирийских монофизитов, что в целом обычно для текстов того времени. У Гайтона копты также были названы якобитами[577].

Не всегда можно с уверенностью идентифицировать ту или иную практику, описанную в труде Санудо, с конкретной локальной общностью восточных христиан. Наряду с догматическими отличиями монофизитов от католиков, Санудо отметил некоторые бытовавшие у африканских христиан практики жизненного цикла. Первым в этом списке шло обрезание: «Своих младенцев обоего пола они обрезают, не обращая внимания на то, что говорил апостол Галатам: “Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа” (Гал. 5:2)»[578]. Обрезание – действительно, традиционная, нормативная для эфиопов-христиан практика и в наши дни. Обрезание мальчиков обычно проводится до крещения, через неделю после рождения ребенка [579]. Эксцизия, широко распространенная в Северной и Центральной Африке, также характерна для Эфиопии до сих пор, правда, есть данные, что в наше время ее заменяют символическим действием[580]. Санудо считал, что монофизиты исповедуются не священнику, а, как им кажется, непосредственно Богу, просто бросив в огонь кусок ладана[581]. Правда, этот пункт, в целом маловероятный, едва ли относился к нубийцам или эфиопам. В Эфиопии исповедовались только священнику. В традиционном эфиопском обществе и жизненном цикле роль исповеди чрезвычайно велика[582].

Еще одна традиция, бытовавшая в нубийском и эфиопском обществе, – скарификация лица в детстве, также вызвала осуждение венецианского автора. Не исключено, впрочем, что венецианец утрировал подробности локального обряда. Согласно его описанию, «многие из них допускают ошибку, на лбу своих младенцев еще до крещения нанося метки раскаленным железом, а некоторые

---

[577] Гайтон. Цветник историй земель Востока, I, 14.
[578] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 184.
[579] Бакстон Д. Абиссинцы. Потомки царя Соломона. М., 2002. С. 76.
[580] Автор благодарит за консультацию аспиранта ЕУСПб Николая Стеблина-Каменского.
[581] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 185.
[582] Бакстон Д. Указ. соч. С. 76.

выжигают на них знак креста»[583]. Сам Санудо связывал[584] этот обряд с буквальным толкованием слов Иоанна Крестителя: «Он будет крестить вас Духом Святым и огнем» (Мф. 3:11).

Сведения о подобных телесных практиках проникали в западные тексты о восточных делах и ранее. Участник Четвертого крестового похода рыцарь Робер де Клари сообщал о визите в Константинополь «короля Нубии», «все тело которого было черным, а посреди лба у него был крест, выжженный раскаленным железом»[585]. По свидетельству де Клари, этот монарх остановился при дворе Алексея IV Ангела, совершая паломничество. Он следовал по маршруту: Иерусалим – Константинополь – Рим – Сантьяго-де-Компостела. Рыцарь также передал слова африканца в ходе беседы с василевсом и баронами-крестоносцами: «И он еще сказал, что все жители в его земле христиане и когда рождается ребенок и его крестят, то ему выжигают раскаленным железом крест на лбу, такой, как у него самого. И бароны рассматривали этого короля с большим изумлением»[586].

Венецианец Марко Поло также не обошел вниманием этот обычай в Абасии (Абиссинии): «У здешних христиан на лице три знака, один знак от лба до середины носа, да по знаку на каждой щеке; метят они знаки горячим железом, и это их крещение: после крещения водою делают вот эти знаки, и для красоты, и для завершения крещения»[587]. Санудо, в отличие от де Клари и Поло, утверждал, что шрамирование совершалось перед крещением. Также в повествовании Робера де Клари и Марко Поло мы не видим какой-либо оценки этой практики как «ошибочной», с религиозной точки зрения. Для рыцаря обычай шрамирования у африканских христиан – скорее примечательная экзотическая подробность, а не свидетельство «ошибок» в понимании христианской веры. Для венецианского путешественника и агента Хубилая Марко Поло – особенность, характерная для

---

583 Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 185.
584 Ibid.
585 Клари Робер де. Завоевание Константинополя. М., 1986. С. 42–43.
586 Там же. С. 42–43.
587 Книга Марко Поло. С. 204.

определенного места. В XV в. рассказы о скарификации в Эфиопии посредством каленого железа стали общим местом в трудах католических миссионеров[588]. Примечательно, что сама по себе традиция скарификации, сохранившаяся в некоторых местах Судана до наших дней, едва ли имеет отношение к религиозным практикам в узком смысле слова: шрам – это, главным образом, племенная тамга[589]. Санудо же, описывая нравы нубийцев, перевел изначально внерелигиозное явление в чисто религиозное смысловое поле.

В своем религиозном аспекте образ обширного христианского региона Африки, как и восточных христианских церквей вообще, конструировался Марино Санудо через церковный дискурс ересей. Особое место в картине религиозной практики восточных христиан и, главным образом, христиан африканских, у Санудо занимает стихия огня – в огонь бросали ладан, считая его посредником между человеком и Богом, раскаленным металлом выжигали знаки на коже. Образ огня в этих пассажах, – огня, используемого по ошибочному, с точки зрения католика, толкованию текста Писания, может иметь самые зловещие коннотации вплоть до адского пламени. В целом, претензии венецианского автора к африканским монофизитам, как и к другим восточным христианам, очевидно, обусловлены не только нормативными религиозными установками, но и намерением, в случае успеха предлагаемого папе предприятия, обеспечить церковное подчинение новообретенных союзников Риму. Это вполне отвечало интересам Республики, которая, будь утопический проект крестового похода Санудо реализован, превратилась бы в глобальную колониальную империю с прямым выходом на Индийский океан, так же, как по итогам Четвертого крестового похода она стала сильнейшей торговой и колониальной державой Средиземноморья.

Здесь уместно остановиться на цветовом аспекте проблемы. Семиотика цвета – популярный и уже хорошо проработанный сюжет в современной

---

[588] Горелов Н. С. Эфиопия в книге Поджо Браччолини и его современников. С. 244.
[589] Автор благодарит за консультацию ведущего египтолога и специалиста по древнему и средневековому Судану д. и. н. Э. Е. Кормышеву.

медиевистике. По словам Мишеля Пастуро, «цвет – это прежде всего социальный факт» [590]. С этой точки зрения, любая сколько-нибудь устойчивая привязка явления, вещи или человека к конкретному цвету в данном культурном контексте несет определенный социокультурный смысл. В тексте Санудо нубийцы и эфиопы именуются, как мы видели, «черными христианами». На первый взгляд, дело здесь в объективно существующих антропологических различиях. В западной миниатюре XIII в., иллюстрирующей тексты о крестовых походах, сарацины стереотипно изображались заметно более темными, чем крестоносцы, зачастую – просто чернокожими. Изображение мусульман чернокожими, в частности, в миниатюрах к хронике Гийома Тирского, несло, в первую очередь, моральную символику несовершенства и проклятия [591]. Средневековые иллюстрации в манускриптах «Книги тайн» Санудо в некотором роде отходят от этих основных изобразительных схем в пользу, очевидно, большего соответствия идее самого текста.

За основу краткого обзора в данной работе взяты миниатюры двух рукописей этой книги, хранящихся в Королевской библиотеке Бельгии и опубликованные как рис. 2 и 3 в статье Р. Сеньобоса[592]. Крестоносцы изображены вполне стереотипно – светлокожими, в типично рыцарском снаряжении, в шлемах, с белым крестом на красном знамени. Сарацины предстают, как обычно, с вымышленным гербом, но среди них встречаются и белые, как крестоносцы, и черные, как нубийцы, воины; на рис. 2 некоторые из египетских воинов в шлемах, неотличимых от западных, вместо тюрбанов. Светлокожий мамлюкский султан в тюрбане скачет не на коне, а на барсе – характерном символе сарацин из бестиарного арсенала, встречающемся уже в «Песни о Роланде»[593]. Свирепый и кровожадный нрав этого хищника усугубляется его пятнистым окрасом, ведь в средневековом цветообразовании утвердилось подозрительное отношение к

---

[590] Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2012. С. 117.
[591] Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 329.
[592] Seignobos R. Op. cit. P. 61, 62.
[593] Песнь о Роланде / Пер. со старофранц. Ю. Корнеева // Героические сказания Франции и Испании / Вступит. ст. Н. Томашевского. М., 1976. С. 102.

пестроте, полоскам и пятнам[594]. Все нубийцы – черные и в тюрбанах, символах Востока, пусть и христианского, но под тем же знаменем креста, что и крестоносцы, крестом украшены их щиты и попоны коней, чем демонстрируестся участие нубийского войска в крестовом походе. Примечательно, что на рисунке 3 некоторые сарацины, включая султана, помимо копий, вооружены еще и таким «восточным» атрибутом, как лук. На Востоке слава искусных лучников, что, по словам арабского энциклопедиста и путешественника X в. ал-Масуди, «стреляют, попадая в зрачок»[595], шла как раз за нубийцами. Но на указанных миниатюрах у черных христиан только копья, как и у крестоносцев. В самом тексте Санудо каких-либо специфически оружейных атрибутов нубийцев также не представлено. В отличие от сарацин, на указанных миниатюрах у нубийцев нет кольчужного капюшона под тюрбанами, и, если бы не кресты, то они, по чисто визуальным признакам, более отличались бы от крестоносцев, чем от сарацин.

В целом, визуальный образ нубийцев на иллюстрации к «Книге тайн» соответствует представленным в тексте Сандуо «черным христианам» и «восточным христианам». В «Книге тайн верных креста» Марино Санудо, в отличие, например, от произведений жанра chanson de geste, инаковость сарацин не определялась через черный цвет. Статус нубийцев как Других с конфессиональной (хотя и внутри христианского мира) и географической точки зрения наглядно подчеркивался черным цветом. Но еще один смысл этого цветового кода инаковости нубийцев, причем положительный для автора проекта, – обособленность их от сарацин. Таким образом, цвет, приписанный к определенным народам на периферии христианской ойкумены, отражает неоднозначность их восприятия венецианским интеллектуалом. Сам по себе черный цвет христиан Африки в тексте Марино Санудо является нейтральной характеристикой, однако в контексте их религиозной инаковости термин «черные христиане» несет некоторый оттенок уничижения.

---

[594] Пастуро М. Указ. соч. С. 166, 221.
[595] Ал-Масуди. Промывальни золота и россыпи драгоценных камней // Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.–Л., 1960. С. 240.

Нубийцы в тексте Санудо постоянно выступают заклятыми врагами мусульман. В разделе трактата, отведенном под краткую историю крестовых походов, Санудо упомянул некое пророчество на арабском, пользовавшееся популярностью в 1218 г. среди участников Пятого крестового похода, призывавшее крестоносцев брать Дамиетту и гласившее, что в отместку за победы Саладина над христианами «некий царь нубийцев-христиан разрушит город Мекку и кости Махумета разбросает»[596]. Более подробно сюжет об этом предсказании немецкий хронист Пятого крестового похода епископ Оливер Падерборнский, к сочинению которого «Historia Damiatina» Санудо, по-видимому, обращался: «Он [автор предсказания – *Д. В.*] предсказал также, что некий царь нубийцев-христиан разрушит город Мекку и выбросит разрозненные кости Мохаммеда-лжепророка, а также и другие события, которые пока не сбылись»[597]. Оба автора – и Санудо, и Оливер, правда, с известным скепсисом воспринимали данное пророчество, автор которого отрицал свою принадлежность и к сарацинам, и к христианам, и к иудеям[598]. Оливер по его поводу утверждал: «Мы знаем, что некоторые невежественные язычники имели Дух Святой на устах, но не в своем сердце и ясно пророчествовали о Христе, но ведь нас не удивляет, когда чистая вода протекает по каменному руслу»[599]. В средневековой Эфиопии в условиях мусульманского окружения страны пророчества о скорой гибели ислама были очень популярны и востребованы. Анонимный автор знаменитой воинской повести первой половины XIV в. «Сказание о походе царя Амда Сиона» восклицал: «Мы же слышали и знаем из Св. Писания и говорим истинное и несомненное, что царство мусульман непродолжительно – всего 700 лет, что оно разорится в свое время»[600].

---

[596] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 208.
[597] Oliver of Paderborn. The Capture of Damietta, translated by Joseph J. Cavigan // Christian Society and the Crusades, 1198-1229: Sources in Translation, Including «The Capture of Damietta» by Oliver of Paderborn / Ed. by E. Peters. Philadelphia, 1971. P. 90.
[598] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 207.
[599] Oliver of Paderborn. Op. cit. P. 90–91.
[600] Сказание о походе царя Амда Сиона // Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV–XV вв. / Пер. с эфиопского под ред. И. Ю. Крачковского. М.–Л., 1936. С. 19.

Не исключено, что в основу истории о пророчестве, приведенной у Оливера и Санудо, легло воспоминание о походе аксумитского военачальника Абрахи, фигуры, которую византийская, арабская и эфиопская традиции впоследствии окружили легендарным ореолом, против мекканцев-язычников в середине VI в. [601], многочисленными преданиями и политической конъюнктурой до неузнаваемости переработанное в эсхатологическую легенду и перемещенное анонимным автором пророчества в будущее. Образ Абрахи-завоевателя, подчинявшего себе Аравию еще до возникновения ислама, по-видимому, здесь контаминировался с представлениями о Пресвитере Иоанне. В этом случае нубийский царь как персонаж пророчества выступает, главным образом, в роли орудия Божьей воли, которая рано или поздно сокрушит ислам, по мнению автора. Нетрудно заметить также, что и сам анонимный автор предсказания, и авторы источников, об этом пророчестве сообщивших, придерживались широко бытовавшего в Европе ошибочного представления, что в Мекке находилась усыпальница Мухаммеда.

В тексте Марино Санудо основным христианским государством в Африке представлена Нубия. Веками нубийские христианские монархии, в силу, в том числе, объективной географической близости к Египту, выступали посредниками между Эфиопией и остальным христианским миром. После исламизации нубийских царств Мукурра и Алоа фактически единственным христианским государством в Африке осталась Эфиопия. Много веков спустя, император Менелик II (1889–1913) в письме главам европейских государств от 1891 г. назвал Эфиопию «христианским островом в море язычников» [602] , под которыми подразумевал как мусульман, так и племенную периферию. Это определение вполне характеризует геополитические реалии эфиопской цивилизации не только на излете XIX в., но и в XIV–XVI вв. Тезис Менелика восходил к описанию внешнего положения Эфиопии царем Зара Якобом (1434–1468), одним из наиболее одаренных эфиопских монархов Средних веков: «Наша страна Эфиопия

[601] Кобищанов Ю. М. Аксум. М., 1966. С. 99–100.
[602] Цит. по: Vandervort B. Wars of Imperial Conquest in Africa, 1830-1914. Bloomington, 1998. P. 165.

(окружена) язычниками и мусульманами и с востока, и с запада»[603]. Западноевропейский вектор внешней политики эфиопских царей в этот период по основным целям заметно напоминал западное направление дипломатии Палеологов в последние века существования Византийской империи, хотя, разумеется, контакты Эфиопии с Западом были намного менее тесными, нежели у Константинополя, и характер противостояния эфиопов-христиан и их мусульманского окружения заключался в обоюдной экспансии. Но, в целом, и Византия, и Эфиопия стремились обрести на Западе союзников в условиях натиска соседних мусульманских государств.

В эфиопской книжной традиции сохранилось воспоминание о военном союзе между царем Аксума Калебом (Элесбоа) и императором Византии Юстином I. В 525 г. при помощи византийского флота Калеб наголову разбил своего самого серьезного противника Масрука Зу Нуваса, правителя арабского царства Химьяр и ревностного последователя иудаизма, а на его трон посадил христианина, подконтрольного Аксуму[604]. В одном из главных историко-религиозных сочинений средневековой Эфиопии – «Кебра Нагаст» («Книга славы царей») – поход Калеба против Зу Нуваса предстал одним из узловых событий истории эфиопского государства. «Кебра Нагаст» – династический нарратив Соломонидов, его основной задачей было обеспечение легитимности монаршего дома, утвердившегося в 1270 г. с приходом к власти Иекуно Амлака[605], мифом о его происхождении от царя Соломона. Эта книга была составлена в окончательной редакции в первой половине XIV в[606]. В «Кебра Нагаст» есть легендарный рассказ о том, как «царь Рима» Юстин I и Калеб встретились в Иерусалиме и торжественно провозгласили раздел мира от этого центра христианской ойкумены, а также решили «совместно носить царский титул (царя

---

[603] Цит. по: Чернецов С. Б. Эфиопская феодальная монархия в XIII–XVI вв. М., 1982. С. 134.
[604] См.: Vasiliev A. A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great. Cambridge, 1950. P. 294–297; Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М., Л., 1951. С. 107–109.
[605] Чернецов С. Б. Указ. соч. С. 13.
[606] The Cambridge History of Africa. Volume: 3 From c.1050 to c.1600 / ed. by Roland Oliver. Cambridge, 1977. P. 110; Vasiliev A. A. Op. cit. P. 299.

Эфиопии)»[607]. Вполне возможно, что именно такое преломление событий далекого прошлого в XIV в. определилось внешнеполитической актуальностью и намерением эфиопского двора прорвать изоляцию и найти в Европе потенциальных союзников в нескончаемых войнах с мусульманскими государствами, не желавшими мириться с положением данников эфиопского царя.

Уже внуку основателя династии Амда Сиону (1314–1344) пришлось иметь дело с «единым мусульманским фронтом»[608], по замечанию отечественного исследователя средневековой Эфиопии С. Б. Чернецова, включавшем такие государства, как Хадья, Фатагар, Даваро и Бали. В этой ситуации Эфиопия с первого десятилетия XIV в. начала отправку в далекую Европу дипломатических миссий. По выражению итальянского африканиста Маттео Сальвадоре, эти монахи и сановники «стали героями эфиопской эпохи великих географических открытий»[609].

Венецианская республика не была первым в зрелое Средневековье европейским государством, установившим связи с Эфиопией. Главной контактной зоной на Ближнем Востоке в период XII–XIV вв., где африканские христиане – нубийцы и эфиопы – и европейцы впервые могли видеть друг друга, был Иерусалим, а также другие центры паломничества в Палестине. Уже приводилось свидетельство Робера де Клари, что нубийский монарх (или, что вероятнее, принц), добравшийся до Константинополя, прибыл из Египта в Иерусалим, оттуда – в Византию. Францисканские миссионеры, по всей видимости, сумели обратить в католицизм нескольких эфиопов именно в Иерусалиме[610]. Но к рубежу XV в., как отмечает М. Сальвадоре, «Италия постепенно перехватила у Иерусалима роль места соприкосновения»[611] Европы и Эфиопии.

---

[607] Vasiliev A. A. Op. cit. P. 301.
[608] Чернецов С. Б. Указ. соч. С. 17.
[609] Salvadore M. The Ethiopian Age of Exploration: Prester John’s Discovery of Europe, 1306–1458 // Journal of World History. Vol. 21. Issue 4. December 2010. P. 593.
[610] Salvadore M. Op. cit. P. 602.
[611] Ibid. P. 608.

Во всяком случае, усилия по поиску контакта между католическим миром и эфиопскими царями были обоюдными. Европейцы также получали сведения об эфиопах опосредованно – в мусульманских странах. Марко Поло рассказывал, что в Абиссинии самый «самый сильный царь – христианин; все другие подчинены ему; их шестеро, трое христиан и трое сарацин»[612], что довольно точно отражает слабоцентрализованную данническую модель государства Соломонидов. Амбициозный антимамлюкский проект начала XIV в. предлагал доминиканский архиепископ Султание Гильом Адан. Адан, побывавший в 1320-е гг. на Сокотре, считал возможным договориться с эфиопскими властями о блокаде Красного моря в случае крестового похода[613]. В 1306 г. эфиопское посольство второго царя «Соломоновой династии» Ведем Раада (1299–1314) добралось до Италии, посетив, по-видимому, Рим и Генуэзскую республику[614].

Хотя в Венеции, в отличие от ее главной морской соперницы Генуи, послы царя так и не побывали, поздний источник из Венецианской республики не обошел вниманием это событие начала XIV в. Популярная хроника августинца Якопо Филиппо Форести из Бергамо «Supplementun chronicarum» (1480-е гг.), напечатанная впервые в Венеции, свидетельствовала об этих событиях: «Точно известно, что этот император [Пресвитер Иоанн/Ведем Раад – *Д. В.*] во времена Климента V в год нашего Спасения 1306 отправил тридцать посланников к королю Испаний и предложил ему помощь против неверных. Они также благоговейно предстали пред папой Климентом V в Авиньоне и, напутствованные многими апостолическими письмами, прибыли в Рим, чтобы посетить церкви апостолов Петра и Павла. Осмотрев их, они с радостью отправились в обратный путь на родину. Но, поскольку им пришлось много времени провести в Генуе в ожидании благоприятного времени для навигации, их там расспросили, и они

[612] Книга Марко Поло. С. 204.
[613] The Cambridge History of Africa. Volume: 3 From c.1050 to c.1600 / ed. by Roland Oliver. Cambridge, 1977. P. 179.
[614] Salvadore M. Op. cit. P. 602–603.

много, как говорят, написали о своих обрядах, нравах и землях…»[615]. Первым и главным направлением миссии здесь предстает одно из иберийских государств. Сведения о далеких христианских королях, ведущих Реконкисту и, следовательно, способных выступить союзниками против мусульман, могли воодушевить эфиопов. По всей видимости, под испанским королем в тексте подразумевался король Арагона, торговой и морской державы, составлявшей в лучшие свои времена конкуренцию даже венецианцам. Климент V (1305–1314) перенес свой двор в Авиньон лишь в марте 1309 г[616]., следовательно, первая эфиопская миссия в Европу растянулась, как минимум, на три года. Сведения об этом дипломатическом предприятии, его маршруте и результатах скудны. Форести ссылался в рассказе о Пресвитере Иоанне на «одного генуэзского священника»[617]. Генуэзский картограф начала XIV в. Джованни да Кариньяно, скорее всего, пользовался информацией от посольства, задержавшегося в его городе, при составлении своей карты мира. На этой карте генуэзец указал «Terra Abaise» (Абиссинию), которую населяли «Christiani Nigri» – «черные христиане»[618]. Как уже отмечалось, в начале XIV в. этот термин стал достаточно расхожим, именно его употреблял Марино Санудо по отношению к нубийцам.

Первый зафиксированный дипломатический контакт между Венецианской республикой и Эфиопией относится к лету 1402 г. Царь Давид (1384–1413) направил в Венецию посольство с богатыми дарами. Эта миссия положила начало серии эфиопских посольств в разные страны Европы, хотя источники освещали их довольно скудно. По словам американской исследовательницы М. Хелдман, «подлинные цели этих посольств, по-видимому, так и не были записаны»[619]. Миссия Давида, по всей видимости, преследовала цель получения квалифицированных ремесленников для военных, фортификационных и

---

[615] Цит. по: Kurt A. The search for Prester John, a projected crusade and the eroding prestige of Ethiopian kings,c.1200–c.1540 // Journal of Medieval History. Vol. 39. Issue 3. 2013. P. 11.
[616] Setton K. The Papacy and the Levant, 1204-1571. Vol. I. The thirteenth and fourteenth centuries. Philadelfia, 1976. P. 163.
[617] Kurt A. Op. cit. P. 11.
[618] Salvatore M. Op. cit. 602.
[619] Heldman M. The Marian Icons of the Painter Frē Ṣeyon: A Study of Fifteenth-century Ethiopian Art, Patronage and Spirituality. Wiesbaden, 1994. P. 142.

придворных нужд. Она прибыла в «Светлейшую» до 23 июня 1402 г[620]. В венецианских документах, опубликованных Н. Йоргой, царь Давид назван «высоким повелителем Престодзане (т. е. Пресвитером Иоанном – *Д. В.*), повелителем стран Индии»[621]. Главой посольства и посредником между царем и Сенатом выступил флорентийский путешественник Антонио Бартоли, за несколько лет до того добравшийся до Эфиопии. Стороны обменялись дарами. Эфиопы преподнесли дожу Микеле Стено «леопардов, благовония и, конечно, другие приятные вещи»[622] – бестиарные и ароматические атрибуты экзотики, хорошо коррелировавшие с представлениями европейцев о чудесах и богатствах Индии. Леопард, чей образ в европейской бестиарной традиции достаточно двусмысленный, для эфиопов – зверь, знакомый в повседневной жизни и очень почтенный, прочно ассоциирующийся с царственностью и храбростью, наряду со львом. В «Сказании о походе царя Амда Сиона» этот царь-воин в решающей битве «вскочил, как леопард, зарычал, как лев»[623].

Синьория выделила 1000 дукатов на пышный прием и ответные дары африканским гостям – священные реликвии, включая частицу Животворящего Креста[624], а также организовала отправку в Эфиопию нескольких ремесленников и подмастерьев, правда, не самой высокой квалификации – художника Вито из Флоренции, каменщика, черепичника, оружейника, что особенно важно, и плотника, дальнейшая судьба которых неизвестна[625]. 26 августа Бартоли отправился в обратный путь[626]. Уместно отметить, что именно в то время, пока в Венеции находилось посольство Давида, в Малой Азии произошло событие,

---

[620] Heldman M. A chalice from Venice for Emperor Dāwit of Ethiopia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 53. Issue 3. October 1990. P. 442.
[621] Jorga N. Cenni sulle relazioni tra l'Abissinia e l'Europa cattolica nei secoli XIV–XV, con un itinerario inedito del secolo XV // Centenario della nascita di Michele Amari. Vol. I. Palermo, 1910. P. 142.: «Exellens dominus Prestozane, dominus partium Indie».
[622] Ibid.
[623] Сказание о походе царя Амда Сиона. С. 47.
[624] Salvadore M. Op .cit. P. 606.
[625] Heldman M. A chalice from Venice for Emperor Dāwit of Ethiopia. P. 442.
[626] Jorga N. Op. cit. P. 142.

воодушевившее венецианцев по поводу перспектив их дел на Востоке: в июле 1402 г. Тимур наголову разбил войско османского султана Баязида при Анкаре.

В европейских, в том числе, венецианских, источниках XV в. термин «Пресвитер Иоанн» обычно обозначал титул эфиопского царя. Легенды о Пресвитере Иоанне получили распространение в Европе, начиная с середины XII столетия, и зачастую принимались и политическими элитами, и большинством населения на веру. Проблема происхождения Пресвитера Иоанна на сегодняшний день изучена хорошо, и в данной работе нет смысла останавливаться на ней подробно. Этот воображаемый, но по-своему влиятельный персонаж проделал долгий путь по средневековой книжной традиции, прежде чем «осесть» на востоке Африки. Первые систематизированные сведения о нем как о правителе далекого государства, лежащего к востоку от Ирана, встречаются в хронике Оттона Фрейзингенского: «…Несколько лет назад некий Иоанн, царь и священник народа, живущего по ту сторону Персии и Армении, на крайнем Востоке, и исповедующего христианство, хотя и несторианского толка, пошел войной на двух братьев Самиардов, царей Мидии и Персии… Одержав победу, названный Иоанн двинулся дальше, чтобы прийти на помощь Святой церкви»[627]. Венецианец Марко Поло полагал, что могущественный Пресвитер Иоанн правил в Центральной Азии и был убит Чингисханом[628]. В этой связи заслуживает внимания замечание Марино Санудо о несторианах в той же главе, где венецианец обличал ересь яковитов: «Живут также в Земле обетованной, среди сарацин и обособленно от них, в большей части Индии некие христиане, именуемые несторинами, или несторианами, от имени некоего Нестория <…>, который в большой степени заразил ядом своего заблуждения восточные страны и преимущественно тех, кто населяет землю того могущественнейшего государя, которого чернь называет Пресвитером Иоанном»[629]. Таким образом, Марино Санудо связывал представления о Пресвитере Иоанне с азиатскими несторианами

[627] Цит. по: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 2002. С. 7.
[628] Книга Марко Поло. С. 72.
[629] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 185.

и воспринимал их с некоторым скепсисом. В другом месте Санудо называл Иоанна «повелителем и царем Индии»[630].

По мере того, как Восток в европейской картине мира постепенно переходил из зоны непознанных и баснословных пространств в мир чувственный и постигаемый, локализация Пресвитера Иоанна все более смещалась из центра Азии в Африку. Первая карта, поместившая Иоанна в Восточную Африку, была составлена на Майорке генуэзцем Анджелико Далорто в 1339 г[631]. Миссионер и путешественник из Флоренции Джованни да Мариньоли в хронике 1352 г[632]. вполне однозначно идентифицировал области Пресвитера Иоанна с Эфиопией. По его словам, райская река Гион (Нил) «течет в эфиопской земле, где нынче живут черные люди, и о стороне той говорят, что та земля пресвитера Иоанна»[633]. В вышеупомянутом воображаемом титуле царя Давида в венецианских документах 1402 г., привязка к правителю Эфиопии уже есть, причем здесь нет противоречия с устоявшейся локализацией легендарного первосвященника в Индии: в силу традиции и господствовавших представлений о замкнутости Индийского океана, Эфиопия воспринималась именно как часть Индии.

Ферраро-Флорентийский собор способствовал расширению кругозора христиан различных конфессий друг о друге. Поджо Браччолини в трактате «О превратности судьбы» сразу после изложения рассказов Никколо Конти о Востоке сообщил о своей беседе через переводчика с арабского с людьми, прибывшими к папе из Эфиопии[634]. Титул правителя эфиопов – нэгуса нагаст – Поджо передал точно: «Они имеют единого царя, который себя в подражание Богу называет царем царей. Они говорят, что много царей находятся под его властью»[635]. Никколо Конти, как уже говорилось, упоминал Пресвитера Иоанна в беседе с Тафуром, представив его богатым и благочестивым владыкой Индии, причем не

---

[630] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 234.
[631] Kurt A. Op. cit. P. 6.
[632] Ibid.
[633] Мариньоли Дж. Хроника флорентийца Джованни да Мариньоли, епископа Базиньянского // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Пер., введ. и прим. Я. М. Света. М., 1968. С. 200.
[634] Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723. P. 150.
[635] Ibid. P. 151.

наследственным монархом, а выборным магистратом [636]. Однажды этот просвещенный правитель даже снарядил экспедицию в поисках истоков Нила[637]. Конти указывал Тафуру, что Великая Индия на юге соединяется с Эфиопией: «Цвет мужчин Великой Индии немного смуглее нашего, а ближе к Эфиопии намного смуглее, и даже есть совсем черные на самом юге, который называют Опаленной землей»[638]. Однако на карте Фра Мауро от 1459 г. Индийский океан открыт, и если принять во внимание, что эта венецианская карта составлена во многом по данным Никколо Конти о Востоке[639], то несоответствие между ее данными и отчетом папскому секретарю, с одной стороны, и фантастическим, хотя и не лишенным литературных достоинств, рассказом Конти Тафуру, с другой, еще с большей степенью вероятности выдает сознательную дезинформацию со стороны венецианца.

Термин «Пресвитер Иоанн» к концу XV прочно закрепился в европейской литературе за эфиопским царем. Генуэзец Иеронимо ди Санто Стефано в письме от 1499 г. упомянул, что островом Мадзуа (Массауа) правит мусульманский монарх, а сам остров находится на расстоянии одной мили от порта страны Пресвитера Иоанна [640]. Здесь очевидно, что под Пресвитером Иоанном подразумевается именно царь Эфиопии. По мере рационализации географического знания европейцев в позднее Средневековье, обозначение «страна Пресвитера Иоанна» приобретало все более конкретную локальную привязку – Эфиопию.

Важным внешнеполитическим императивом Эфиопии в XIV–XV вв. был доступ к качественному оружию и фортификационным технологиям, которые помогли бы эфиопскому царю прорвать мусульманское окружение, призвать вассалов-мусульман к покорности и основательно закрепиться на Красном море с

---

[636] Тафур П. Указ. соч. С. 99–101.
[637] Там же. С. 108–109.
[638] Там же. С. 110.
[639] Bouchon G. Préface // Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439). P. 36.
[640] Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano, a Genovese, addressed to Messer Giovan Jacob Mainer // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / Ed. by R. H. Major. L., 1857. P. 4.

его выходом к древним торговым путям. Очевидно, привлечение в Эфиопию европейских художников, как в случае с проживавшим в Венеции флорентийцем Вито, а позже – знаменитым венецианцем Никколо Бранкалеоне, должно было обеспечить украшение двора и новых церквей, создание более роскошной атмосферы в окружении «царя царей», а, следовательно, также косвенно способствовать единству лоскутной эфиопской державы. Отношения с Венецией после 1402 г. не были главной сферой приложения дипломатических усилий эфиопских царей на западном направлении. Интенсивнее всего развивались контакты с Римом и Арагоном, особенно, в период правления Зара Якоба, ревностного христианизатора племенной периферии, а в начале XVI в. – с Португалией. Во время эфиопского посольства 1427 г. король Арагона Альфонсо V (1416–1458) даже предлагал царю Исааку (1414–1429) заключить династические браки между самим Исааком и арагонской инфантой Хуаной, а также между инфантом доном Педро и эфиопской принцессой[641]. По мнению М. Сальвадоре, этот замысел не получил развития, главным образом, потому, что, как выяснилось в ходе следующего посольства в Арагон, предложение просто не дошло до адресата, поскольку ни письмо, ни присланные королем арагонские ремесленники так и не добрались через Египет до границ Эфиопии[642]. По-видимому, именно мамлюкские власти, опасавшиеся возможного усиления южного соседа, способствовали тому, что ни венецианские, ни арагонские ремесленники (соответственно в 1402 и 1427 гг.) в Эфиопию так и не попали. Обеспечение изоляции эфиопов отвечало интересам мамлюков. В 1429 г. в Египте был повешен персидский купец аль-Табризи, пытавшийся провезти через территорию султаната оружие для эфиопов[643].

Эфиопия в XV в. в основном находилась на периферии интересов Венеции, однако венецианские источники не обходят ее стороной. Венецианский монах-францисканец Франческо Суриано (ок. 1450–1529[644]) в «Трактате о Святой Земле

[641] Salvadore M. Op .cit. P. 612.
[642] Ibid.
[643] Чернецов С. Б. Указ. соч. С. 135.
[644] Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 2. D-Ha. Wiesbaden, 2005. P. 579.

и о Востоке» уделил Эфиопии значительное внимание. Этот автор, сам много путешествовавший по Ближнему Востоку, оставил в своем главном труде небольшой, но насыщенный рассказ о францисканской миссии к эфиопскому царю Александру (1478–1494), внуку Зара Якоба. Эта миссия состояла из нескольких монахов во главе с Иоанном Калабрийским и Джованни Баттиста Брокки да Имола. Правда, сама миссия, прибывшая в Эфиопию через Египет, скорее всего, в 1482 г., не удалась: ее участники даже не удостоились аудиенции у царя, который, в отличие от своего деда, предпочитал изоляционистский курс в отношении Запада[645]. Для царства «Соломонидов» был характерен номадизм верховной власти. В год прибытия францисканской миссии резиденция «великого царя Пресвитера Иоанна» (re magno Prete Jane) располагалась в Бараре[646]. При дворе царя францисканцы встретили нескольких итальянцев, «людей доброй репутации» (из них четверо – венецианцы), осевших в Эфиопии в разное время и с разными целями, которым царь запретил покидать страну[647]. Кроме церквей, в которых похоронены цари, францисканцы не обнаружили никаких каменных построек[648]. И мужчины, и женщины ходили босыми и обнаженными до пояса[649]. Обнаженность – характерный для средневекового вестиментарного кода образ дикости, безумия и необузданности, отсутствия норм и законов, применительно к различным Другим. Марко Поло так описывал жителей Никобарских островов: «Царя тут нет, и народ словно звери: и мужчины, и женщины ходят голыми и совсем ничем не прикрываются»[650]. С другой стороны, как отмечал Ж. Ле Гофф, «нагота пребывала в униженном положении, но, несмотря на это, воспринималась по-разному: как красота или как грех, как состояние невинности или как зло»[651]. Контрастность образа эфиопов у Суриано подчеркивалась тем, что в Эфиопии,

---

[645] Чернецов С. Б. Указ. соч. С. 156.
[646] Suriano F. Il trattato di Terra Santa e dell'Oriente. P. 86.
[647] Ibid.
[648] Ibid.
[649] Ibid. P. 87.
[650] Книга Марко Поло. С. 176.
[651] Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в Средние века. М., 2008. С. 137.

согласно его описанию – несметное обилие золота[652]. При своем «бесчисленном» населении, страна имела мало атрибутов классической для христианского мира модели питания, особенно с точки зрения представителя духовенства: «Мало зерна, вина нет, мяса – много»[653]. О менталитете эфиопов Суриано писал, опираясь на слова участников неудавшейся миссии, следующее: «Народ грубый. <…> Люди малодушны, слабы силой и волей, но горделивы. Они ревнивы в вере и пылки духом более, чем все другие христиане»[654]. С точки зрения городской культуры, представленной венецианцем Суриано, эфиопы достигли малого. Боеспособность эфиопской армии он, судя по всему, оценивал невысоко. При этом венецианский францисканец отдал должное религиозности эфиопов, несмотря на принадлежность их иной христианской церкви.

Одним из итальянцев, оставшихся при царском дворе, был венецианский художник Никколо Бранкалеоне. Бранкалеоне, как и Никколо Конти, не оставил собственных сочинений. Этого живописца упоминал в своем отчете о посольстве в Эфиопию Франсишку Алвариш, капеллан португальской миссии ко двору царя, прибывший в эту страну в 1520 г. и проживший в ней шесть лет. Алвариш сообщал о венецианском живописце: «Прибыли в страну двое франков, которые и посейчас живут в ней, т. е. один — Маркорео-венецианец, а после него Перу де Ковильян — португалец; они, когда прибыли, до появления при дворе, то стали соблюдать эти обычаи страны, которых до сих пор придерживаются в некоторых частях, т. е. праздновать субботы и есть, как люди той страны»[655]. Здесь Алвариш, ведя повествование со слов митрополита Марка, затрагивал события, связанные с судьбой церковного движения евстафиан, активно практиковавшего празднование субботы[656]. Никколо Бранкалеоне работал при эфиопском дворе примерно с 1480 по 1526 гг., свои произведения он подписывал именем «Маркореос Афренги», т .е.

---

[652] Suriano F. Op. cit. P. 86.
[653] Ibid.
[654] Ibid. P. 86–87: «Gente bruti <…> Gente pusilanimi de pocha forza e faticha, ma superbi. Sono zelanti e ferventi de spirito, sopra tuti li altri christiani».
[655] Цит. по: Чернецов С. Б. Указ. соч. С. 181.
[656] Там же. С. 179–181.

Меркурий-франк (Европеец), как называли его эфиопы[657]. Из его живописных работ наиболее известны иллюстрации к «Чудесам Девы Марии». Иллюстрации Бранкалеоне способствовали утверждению в эфиопском искусстве образа Марии как защитницы; образ Св. Троицы в виде трех фигур с книгами в левой руке – также результат влияния венецианца[658]. Еще один венецианский художник (и, по всей видимости, купец) Иеронимо Бичини работал при эфиопском дворе между 1482 и 1520 гг[659]. Мессер Никколо Бранкалеоне обнаружил основные стереотипы поведения венецианского гражданина в чужой среде – прагматизм, умение приспосабливаться к иным социальным реалиям, открытость и интерес к другой культуре и эстетике.

В целом, восприятие Эфиопии и Нубии в сочинениях венецианских интеллектуалов XIV–XV вв. варьировалось от патетической картины черных христиан, угнетенных и гонимых египетским султаном, до характеристики эфиопов как людей грубых и диковатых. В одном и том же произведении могли сочетаться выражение сочувствия гонимым христианам и критика их еретических, с точки зрения католика, воззрений. За этот период развития африканского дискурса венецианцев Эфиопия сменила Нубию, подвергшуюся в XIV в. исламизации, в качестве «полномочного представителя» черных христиан. Нубийцы и эфиопы в венецианских источниках представали на разных уровнях инаковости: цветовом, религиозном, пространственном, телесном, наконец, пищевом. При этом, несмотря на всю сложность образа «черных христиан», во всех рассмотренных венецианских произведениях они представали именно христианами, частью, пусть и далекой, христианского мира.

Из всех восточных христиан дипломат-энциклопедист Марино Санудо, написавший о восточных христианских конфессиях, по-видимому, намного

---

[657] Heldman M. The Marian Icons of the Painter Frē Ṣeyon. P. 150.
[658] Альбедиль М. Ф., Семенова В. Н. Эфиопская сакральная живопись: соотношение религиозного и этнического факторов // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб, 2008. С. 251.
[659] Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 3. He-N. Wiesbaden, 2007. P. 237.

больше, чем другие венецианские авторы, с наименьшей симпатией отзывался о несторианах. В следующем столетии Никколо Конти упоминал индийских несториан, повествуя о своих путешествиях по империи Виджаянагар. О процветании этой христианской общины в данный период можно судить по сообщению Конти о несторианах в Майлапуре: «Еретики поклоняются телу Святого Фомы, которое с честью покоится в огромнейшей и красивейшей базилике. Они называются несторианами, и в этом городе их проживает до тысячи; они рассеяны по всей Индии так же, как евреи среди нас»[660]. Несториан Конти встретил и на острове Сокотра, где, как утверждал купец, они составляли большинство населения[661]. Двойственность статуса несториан в восприятии их западными интеллектуалами на закате средневекового мира, как статуса «черных христиан» Африки, заключалась в том, что те и другие одновременно приписывались европейским – итальянским по преимуществу – воображением разным мирам: христианскому миру и миру «Индий».

Образ Киликийской Армении у венецианских авторов стоял несколько особняком на фоне других христианских государств Востока. Венецианцы в меньшей степени акцентировали их конфессиональную инаковость, чем инаковость византийцев или африканских христиан. Примечательно, что именно Венецианская республика, во многом определявшая европейский дискурс о Востоке XIV–XV вв., впоследствии стала колыбелью армянского культурного подъема в период раннего Нового времени: первая армянская печатная книга была издана в Венеции в 1512 г., а в XVIII столетии монастырь Сан-Ладзаро превратился в один из наиболее ярких центров армянской учености.

---

[660] Bracciolini Poggio. De varietate fortunae libri quattuor. Paris, 1723. P. 129.
[661] Ibid. P. 138.

Глава 4. Венецианский ориентализм

4.1. Эволюция образа исламского Востока в Венеции

Слово «Венеция» (Бундукийя) в современном арабском языке, как известно, обозначает также винтовку (бундукийя). Хотя, как полагал израильский арабист Д. Айалон, термины *ал-бундук ар-расас* как общее обозначение ручного огнестрельного оружия и *бундукийя* («аркебуза») на арабском Востоке в начале XVI в., по-видимому, происходили не от названия далекой морской республики, а от слова *бундук*, которым в предыдущий период именовали болты для арбалетов[662], народная этимология в политической элите и интеллектуальной среде арабского мира возводила это слово к имени Венеции. Так, египетский историк середины XVI в. Ибн Зунбул приводил историю, которую бурджитский воин Курт-бей, плененный Селимом I в 1516 г. при Мардж Дабике, поведал своему победителю: к мамлюкскому султану Кансуху пришел некий магрибец с аркебузами (*бундукийя*), сообщив, что происходят они из Венеции (*Бундукийя*) и уже широко используются османами, но султан счел аркебузы непозволительным для норм ислама новшеством и отказался приобретать их, после чего раздосадованный магрибец сказал, что этими-то бундукийями и будет вскоре завоевано мамлюкское государство[663]. Хотя, в отличие от османов, мамлюки склонны были пренебрежительно относиться к пехотному стрелковому оружию, более, впрочем, из социальных мотивов мамлюкского воинского этоса[664], нежели религиозных, Венецианская республика обильно снабжала огнестрельным оружием мамлюкский Египет накануне османского завоевания, и связь между ней и оружием сохранилась в арабском языке до сих пор.

Самым знакомым мусульманскому Востоку XIV–XV вв. западным городом была Венеция, воспринимавшимся как источник дукатов, успешно конкурировавших с местными монетами, и многочисленных технических новинок – огнестрельного оружия, механических часов, превосходных стеклянных зеркал.

---

[662] Ayalon D. Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom: A Challenge to Medieval Society. L., 1978. P. 59–61.
[663] Цит. по: Ibid. P. 95.
[664] См.: Зеленев Е. И. Мусульманский Египет. СПб., 2007. С. 153–154.

Венецианский купец Джованни Лоредан вез в дар делийскому султану механические часы (relogio), изобретенные в начале XIV в., и механический фонтан[665]. Проникновение же стеклянного зеркала из Венеции в арабские государства, по остроумному предположению российского исламоведа А. А. Игнатенко[666], могло быть судьбоносно для интеллектуальной среды ислама, ведь мистическое учение таких мыслителей, как Ибн Араби (1165–1240), о мире-Зеркале, отражающем божественный образ, базировалась на представлении о стандартном для Востока металлическом зеркале. Венецианские стеклянные зеркала, в отличие от старых бронзовых зеркал, не требовавшие тщательной полировки, демонстрировали, казалось бы, тщетность интеллектуальных спекуляций, направленных на создание идеального Зеркала мира, и стали для мусульманской мысли подлинным культурным шоком[667].

В данном разделе настоящей работы рассматривается, каким образом интеллектуалы самой Венеции конструировали сложные панорамы мусульманского Востока – для внутриреспубликанского и для внешнего использования. Отечественный исследователь С. И. Лучицкая, рассматривая общие для Запада времен высокого Средневековья конструкты мусульманского мира на материале хроник крестовых походов и старофранцузских chansons de geste, пришла к выводу о том, что главным и наиболее простым приемом объяснения несходства между христианским и исламским мирами в этих источниках была инверсия, посредством которой дискурсивный Другой создавался как «анти-Я», illi («они») – как обратная версия nos («мы»)[668]. В результате подобной манеры восприятия на богатых миниатюрах к таким нарративам, как хроника Гийома Тирского, с крестоносным воинством бились нарочито чернокожие (здесь – цвет проклятия) сарацины под знаменами с драконом, а на их щитах красовалась голова мавра или даже кабана[669]. Наиболее

---

[665] Еманов А. Г. Указ. соч. С. 94.
[666] Игантенко А. А. Зеркало ислама. М., 2004. С. 165–166.
[667] Там же.
[668] Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 346–347.
[669] См.: Там же. С. 332–333.

информированное, опытное и искушенное в отношениях с богатыми странами мусульманского Востока европейское государство Венецианская республика не была склонна рассматривать мир ислама, пределы которого за рассматриваемый нами период значительно расширились, как некое неделимое чуждое христианскому миру целое. Для сочинений интеллектуалов «Светлейшей» важной задачей было обеспечение сочетания нормативного для средневековой западной словесности негативизма в отношении ислама как такового и принятия объективной ситуации широчайшей вовлеченности венецианцев в торговые дела с самыми различными государствами мусульманского мира. Еще одним насущным для венецианцев вопросом, особенно, в XV в., было объяснение причин успехов исламской экспансии, поглотившего обширные инокультурные пространства от Византии до Суматры, и, в первую очередь, – масштабов османской мощи и ее угрозы для самой Республики.

Венецианцу Марино Санудо Торчелло принадлежит один из первых в истории западной книжности опытов энциклопедического описания истории Востока. В посвящении папе Иоанну XXII (1316–1334) от 1321 г., предваряющем «Книгу тайн верных креста», Санудо писал, в знак лояльности понтифику подчеркнуто дистанцируясь от ангажированности каким-либо государством: «Меня не направляли ни король, ни князь, ни республика, ни какая-либо отдельная персона, но руководствовался я лишь собственной свободной волей. Ведь размышлял я в течение долгого времени о том, что огромные блага и пользу Ваше Святейшество сможет обрести путем совсем малых расходов и издержек, даже, пожалуй, никаких, в сокрушении и уничтожении главных врагов католической веры: более всего – султана Вавилонии и императора татар, что проживают в северных землях, по имени Хусбех, который, как считается, правит множеством народов, а также турок, которые упорно и непрестанно угнетают принадлежащие латинянам острова Романии и княжество Морею»[670]. От перечня врагов христианской церкви и христианского мира Санудо обособил «татарского

[670] Marini Sanuti Torselli. Secreta fidelium crucis / Ed. Bongarius. Gesta Dei per francos. V. II. Hannover, 1611. P. 2.

императора, правящего Тебризом и Персией», про которого венецианец сообщил, что тот – главный враг северного властителя татар, и, кроме того, может по мере сил защитить земли Армении от «сарацинского вероломства» [671]. Санудо обозначил папе конечную цель своего проекта – искоренить и уничтожить «ту наихудшую секту, которую Махумет негоднейший распространил»[672], что вполне органично для текста, проповедующего организацию всеевропейского крестового похода и завоевание мамлюкской державы. Санудо также именовал ислам «ересью Махуметовой»[673], мусульман – «неверными»[674] (infideles), «агарянами»[675] (Agareni), или «племенами агарянскими»[676] (Agarenicdae gentes), «язычниками»[677] (pagani) и, по крайней мере, один раз «идолопоклонниками»[678] (Idolatrae). Уже в хрониках и эпосе Первого крестового похода, по мнению американского медиевиста Дж. Толана, ключевым элементом богословского оправдания этих экспедиций стала идея язычества сарацин: язычники распяли Христа, и поход, таким образом, представлялся местью христиан идолопоклонникам[679]. Несмотря на некоторое отступление впоследствии таких фантастических деталей повествования о мусульманах, как идолы Мухаммада в мечетях, в «посткрестоносном» дискурсе XIV в. многие из идеологем, отражавших идею язычества мусульман, оставались в силе. С использованием термина «неверные» у Санудо примечательно то, что в одном из пассажей энциклопедического трактата Санудо в их числе упомянуты «король Туниса, турки и греки-схизматики»[680]. Последний прием помещения латинским автором греков в контекст религиозной инаковости рядом с мусульманами по отношению к византийцам выглядел особенно уничижительно, как и знаменитая фраза Петрарки. Наиболее

---

[671] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 2.
[672] Ibid.: sectam illam pessimam, quam Mahumet nequissimus propagavit
[673] Ibid. P. 144: haeresis Mahumetana.
[674] Ibid. P. 30, 55, 82, 91, 94.
[675] Ibid. P. 124.
[676] Ibid. P. 25.
[677] Ibid. P. 128, 196.
[678] Ibid. P. 189.
[679] Tolan J. Muslims as Pagan Idolaters in Chronicles of the First Crusade // Western Views of Islam in Medieval and Early Modern Europe / Ed. Michael Frasetto and David Blanks. N. Y., 1999. P. 109.
[680] Ibid. P. 82.

стандартным обозначением мусульман на протяжении всего текста трактата был термин «сарацины» – с одной стороны, наименее оценочное их всех названий, с другой – наиболее специфическое именно для мусульман, неприменимое к представителям иных нелатинских вероисповеданий и лишенное этнической окраски. Те же признаки характеризуют и понятие «агаряне», однако оно у Санудо встречается реже, чем «сарацины».

В исторической части своего трактата Санудо поведал историю возвышения ислама, начиная с его основателя. Начало проповеди Мухаммада в «Книге тайн верных креста» связано с его поверхностным знакомством с Ветхим и Новым Заветами, а также содействием и покровительством нестроианского монаха Сергия. Именно последний якобы подстроил трюк, при котором ученый голубь клевал зерно, специально помещенное в уши «Махумету», что было представлено толпе как явление Святого Духа[681]. Предания о несторианине и многочисленных чудесах, по сути, пародирующих чудеса Христа, стали общим местом в западном портрете основателя ислама XII–XIII вв[682]. Западная легенда о голубе, не имеющая никаких корней на Востоке, оказалась настолько устойчива в зрелое и позднее Средневековье, что проникла через переводы с польского в русский «Хронограф» редакции 1617 г[683]. Как уже отмечалось, именно к несторианам Востока Санудо относил подданных легендарного Пресвитера Иоанна. После стандартного беглого экскурса в фантастическое жизнеописание Мухаммада как разбойника, плута, сластолюбца и эпилептика, Санудо привел географические и этнологические очертания исламского мира: «Ведь его учение, подобно крабу ползучему, охватило не только арабов, мидян и персов, сирийцев, эфиопов и египтян, но и всю Африку с востока через юг на запад и даже чудесным образом распространилось на север»[684]. По-видимому, до венецианцев дошли определенные известия о богатых мусульманских городах на Востоке Африки,

---

[681] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 124.
[682] Лучицкая И. С. Указ. соч. С. 127–130.
[683] Крачковский И. Ю. Избранные сочинения в 6 т. Т. 5. История востоковедения. М.; Л., 1958. С. 23.
[684] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 127.

вроде Килвы и Момбасы. Во времена Санудо венецианцы меняли в Египте свои серебряные монеты на золото, которое исправно поступало во владения мамлюков именно из Восточной Африки[685]. Рассказ о Мухаммаде в «Книге тайн верных креста» – достаточно типичный для европейского дискурса о мусульманском мире портрет с его классическими топосами от интерпретации учения Мухаммада как на искаженного варианта некой христианской гетеродоксии до анекдотов о лжечудотворчестве основателя ислама. Историософские воззрения Санудо на возвышение Арабского халифата выдержаны вполне в духе популярного в течение всего Средневековья идеи translatio imperii. Завоевание арабами ближневосточных владений Византии при Умаре виделось автору Божьей карой Ираклию за склонение к монофелитству после стольких подвигов в войне с персами Хосрова II[686]. Завоевание арабами Ирана также нашло отражение в книге: «С двадцатого года Ираклия сарацины, которые до того были под властью персов, теперь же, наоборот, основали собственную империю, названную с тех пор Царством Сарацин, вместо Царства персов»[687]. В беглой характеристике крупнейшего геополитического сдвига раннего Средневековья на Ближнем Востоке схема смены мировых царств, восходящая к Книге Даниила, проецируется на персов и арабов.

Из мусульманских государств своего времени Марино Санудо наиболее полно знал и описал историю державы иранских ильханов, что, скорее всего, связано, во-первых, с энтузиазмом венецианца по поводу поиска торговых путей через Евразию в обход Египта, а, во-вторых, – со спецификой его собственных источников. В частности, Хетум происходил из царского рода государства, платившего дань Хулагуидам. Взгляды Марино Санудо на Pax Monglica, к его временам представлявший собой ряд соперничающих держав с ветвями Чингизидов во главе, примечательны по ряду аспектов. Во-первых, по используемой им воображаемой титулатуре все владыки монгольских государств

---

[685] Эрс Ж. Рождение капитализма в Средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты. СПб., 2015. С. 48.
[686] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 124.
[687] Ibid.

именовались императорами, что, очевидно, было стандартной передачей ханского титула. Во-вторых, Хулагуиды – и в доисламский период своей истории, и в современную для Санудо эпоху – в его нарративе и космографии занимали особое положение в силу важности контролируемых ими торговых путей, а также соперничества с Египтом и Золотой Ордой. В этом отношении особенно показательно отражение истории падения Багдадского халифата под натиском монголов. Излагая историю периода крестовых походов и монгольских завоеваний, автор «Книги тайн верных креста» упомянул под 1258 г.: «В том же году татары заняли землю Арсасидов и всю Персиду, а в Бальдаке они отрубили голову калифу Бальдакскому»[688]. Монгольским принцем и полководцем, в конце 1256 г. уничтожившим главную твердыню секты асассинов – замок Аламут – и через год с небольшим положившим конец Багдадскому халифату Абассидов, был Хулагу, сын Толуя и брат Хубилая, но у Санудо глава похода в этом пассаже не персонифицирован. Однако одной трактовкой гибели Багдадского халифата Санудо не ограничился. Ранее уже указывалось, что Санудо повторял версию Хетума, представившую захват Багдада Хулагу реализацией соглашения царя Киликийской Армении Хетума с великим ханом Мункэ. Передавая пятый пункт этого предполагаемого документа, Санудо указывал: «В-пятых, он [Манго, как у Санудо назван Мункэ, – Д. В.] должен был приказать татарам, занимавшим Турцию, двинуться на уничтожение Бальдака вместе с его калифом, ведь там были исток и глава заблуждения нечестивого Махумета»[689]. Здесь очевидна параллель с идейным обоснованием Марино Санудо своего проекта: Египет должен быть сокрушен, поскольку, захватив его, можно повергнуть ислам.

В более развернутом виде и с иными подробностями казни халифа Санудо рассказывал о разорении Багдада в другом разделе третьей книги своего труда: «Халао [Хулагу – Д. В.], расположив гарнизон в царстве персов, отправился в провинцию Армении, именуемую Саларк, и отдыхал там весь срок летней жары в

---

[688] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 221: Anno eodem Tartari occupavere terram Arsasidarum, et Persidam universam; et in Baldac, praeciderunt caput Calyphae Baldacensi.
[689] Ibid. P. 236: quinta, ut mandaret Tartaris, qui Turchiam occupaverunt, ut ad destruendum Baldac procederent; eorumq; Calypham: com esset origo et caput erroris impii Mahumeti.

неге и покое. С приходом же зимы он призвал тридцать тысяч татар из царства Турции, двинулся осаждать Бальдак и со всех сторон окружил его. Калиф багдадский же, поняв, что повсюду окружен, ведь был он малой доблести, а народ, ему подвластный, был робок, изнежен и не приспособлен к ратному делу, решил отправить к Халао посланников просить мира. Халао притворился, что благосклонно принял их слова, и сказал, что якобы очень жаждет встречи с самим калифом. Когда это было ему обещано, он привел с собой внутрь города вооруженные войска и захватил власть. [Это случилось в] 1258 году. В горло пленному калифу он повелел залить жидкое золото, укоряя его за алчность, ведь тот, обладая в изобилии несметными сокровищами, удерживаемый лишь сребролюбием, отказался их потратить ради собственного блага. А после смерти калифа Халао овладел всей областью. И была у него жена-христианка Дотускатон, которая происходила от тех самых трех царей, что пришли, вслед звезде, поклониться Христу. Она добилась от своего супруга, чтобы храмы сарацинские были разрушены, а омерзительнейшему Махумету все перестали поклоняться; и оказались сарацины под самым тяжким рабством»[690]. Здесь Санудо стремился не просто передать широко, как мы увидим далее, известный современникам дидактический анекдот, но также показать, что казненный халиф – вполне типичный носитель «сарацинских» черт характера: трусости, жадности, сластолюбия и привычки к роскоши. О влиянии армянской традиции восприятия Докуз-хатун на Санудо через Хетума говорилось выше. Несмотря на то, что в других местах текста Санудо подчеркнуто негативно относился к несторианам,

[690] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 238: Halao autem post dispositam regni Persarum custodiam ad quandam Armeniae provinciam se contulit, vocatam Salorc; vacavitque; tota aestate solation & quieiti. Audiente autem hyeme vocavit ad se xxx. Millia Tartarorum de regno Turchiae; & ad Baldac ciuitatem obsidendam processit, & undique vallauit. Calypha autem Baldacensis se circumdatum undique cerens, cum esset ipse parui valoris; gensque sibi subjecta mollis et delicata, nec armis idonea, deliberat nuntios ad Halaonem mittere, ut pacem obtineat. Halao grate se verba recipire simulat; dixitque se multo affectare desiderio videre Calypham. Hoc sibi concesso, secum infra ciuitatem travxit copiam armatorum, obtinuitque dominium, M.CCLVIII. Capti vero Calyphae gutturi liquarum aurum iussit infundi, auaritiam exprobans: quia cum immensis affluerat thesauris, cupiditate detentus, pro salute sua eos expendere renuit. Post mortuum autem Calypham, Halao totam regionem obtinuit. Erat quoque ei uxor Christiana, vocata Dotouscaton, de stirpe illorum trium Regum, qui venerut Christum, stellae praevia, adorare. Haec a viro suo impetrauit, temopla Saracenorum ubique prostreni; ac inhiberi a quoquam coli spurcissimum Mahumeth: factique sunt Saraceni sub maxima servitude.

даже, по традиции, обвиняя их во влиянии на зарождение ислама, то в контексте противостояния мусульманской религии вопрос конкретной конфессиональной принадлежности супруги Хулагу, как и христиан Ирана, для автора был совсем не актуален.

Весьма интересно также беглое указание в «Книге тайн верных креста» на поклонение Мухаммаду, столь традиционное для западной книжности XI–XIII вв. и полностью отвечающее классической схеме восприятия западным средневековым дискурсом Мухаммада как пародии на Христа. Замечание о «поклонении Махумету» следовало сразу за «храмами сарацинскими», что дает основание предположить представление в рамках данного текста о том, что мусульмане, по взглядам автора, отправляли в мечетях культ Мухаммада. Биограф знаменитого Танкреда Рауль Канский, в частности, считал, что в мечети Аль-Акса до взятия крестоносцами Иерусалима 15 июля 1099 г. стоял гигантский и богато украшенный идол Мухаммада[691]. А в «Хрониках архиепископов Зальцбургских» рассказывалось о мученической казни архиепископа Тимо в 1101 г., после того как он, находясь в плену у трех братьев-военачальников из Хорасана, «больших язычников, чем император Деций», разбил их золотого идола, когда тот начал изрыгать богохульства[692]. Палачи Тимо, согласно тому же рассказу, также чтили идола Махмита как верховного оракула[693], в чем можно видеть пародирование пророчества Мухаммада. Марино Санудо, однако, подробно не описывал, как, по его мнению, происходило мнимое мусульманское «поклонение Махумету». Похоже, отдавая дань фантастической дискурсивной традиции, автор «Книги тайн верных креста» едва ли воспринимал ее целиком всерьез.

Замечания о разгроме халифата Аббасидов монголами и казни халифа аль-Мустасима (1242–1258) у венецианца довольно лаконичны, но заслуживают отдельного внимания в плане общих образов мусульманского мира в его трактате.

---

[691] Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 71.
[692] Tolan J. Op. cit. P. 97.
[693] Ibid. P. 98.

В первом и втором пассаже об обезглавливании халифа татарами Санудо не следовал в полной мере данным Хетума, на которые во многих других сюжетах охотно полагался. По «Цветнику историй земель Востока», когда Хулагу взял Багдад, он подивился недальновидности правителя, обладавшего такими несметными богатствами, но скупившегося на военные расходы, а затем уморил багдадского халифа голодом в его же сокровищнице, сказав перед этим: «Поскольку ты наставник и повелитель веры Магомета, мы будем тебя кормить этими драгоценными сокровищами, которые ты так любил в жизни»[694]. Схожим образом описывал злосчастную кончину «бодакского калифа» Марко Поло, также приводя диалог между халифом и Алау (Хулагу). «Приказал Алау заключить калифа в ту самую башню с казною и запретил давать ему есть и пить. “Калиф, – говорит он ему потом, – ешь свое богатство, сколько хочешь, полюбилось оно тебе сильно, и не будет тебе никогда никакой еды!” Умер калиф через четыре дня, после того, как посадили его в башню»[695]. Один из ближайших сподвижников Людовика IX Святого Жан де Жуанвиль в жизнеописании своего государя также приводил историю о взятии монголами Багдада, слышанную им, по его словам, непосредственно от купцов под Сидоном (Сайеттой) в том же 1258 г. Во время осады Багдада «королем татар» Хулагу хитростью, дабы деморализовать столицу, заставил халифа – «сарацинского апостола»[696] – под предлогом переговоров о династическом браке прислать в монгольскую ставку сто двадцать знатнейших людей города, которые вскоре были убиты[697]. Пленив самого халифа, Хулагу посадил его в железную клетку, где морил пленника голодом. Жуанвиль продолжал рассказ купцов: «И потом [король татар – Д. В.] спросил, голоден ли он [халиф – Д. В.]. И халиф ответил, что да; и это было неудивительно. Тогда король татар приказал принести ему большое золотое блюдо, насполненное

---

[694] Гайтон. Цветник историй земель Востока. III, 19.
[695] Книга Марко Поло. С. 40.
[696] Характерный пример описания халифа как мусульманского аналога папы.
[697] Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речей и добрых деяний нашего святого короля Людовика, 584–585. По изданию: Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речей и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Цыбулько Г. Ф., под ред. Карачинского А. Ю., научный редактор перевода Малинин Ю. П. СПб., 2012.

украшениями из драгоценных камней, и сказал ему: “Тебе знакомы эти драгоценности?” И халиф ответил, что да: “Они были моими”. И тот спросил, любит ли он их. И халиф ответил, что любит. “Раз ты их любишь”, – произнес король татар, – то возьми из них сколько хочешь и ешь”. Халиф ответил ему, что не может, ведь это не пища, которую едят. Тогда король ему сказал: «Теперь ты видишь, в чем было твое спасение. Если бы ты раздал свои сокровища <…> воинам, то оказался бы защищен от нас…»[698] Нетрудно заметить, что и у Хетума, и у Марко Поло, и у Жуанвиля, и в «Книге тайн верных креста» явственно прослеживался нравоучительный контекст повествования. История падения богатого Багдада и жестокой казни халифа оказалась востребована современниками. В армянских, византийских и латинских версиях умерщвления монголами аль-Мустасима, несмотря на некоторые различия в сюжете (такие авторы, как Рикольдо де Монтекроче, Георгий Пахимер и анонимный тамплиер из Тира, сообщали о казни ал-Мустасима посредством вливания расплавленного золота ему в горло [699]), обыграны два ключевых компонента этого сюжета: необычайная алчность халифа и образ золота как антипищи. Оба компонента ярко выражены в повествовании Марино Санудо Торчелло. Последний багдадский халиф в данном дидактическом анекдоте, выстроенном на пищевом коде восприятия, пренебрег необходимостью поддержания военной мощи своей державы из-за скупости, за что поплатился и властью, и жизнью. Как констатировал британский иранист Гай Ле Стрейндж, «к несчастью, до нас не дошел ни один нарратив, оставленный очевидцем данных событий»[700]. Согласно Рашид ад-Дину, 20 февраля 1258 г. в деревне Вакф «халифа прикончили вместе со старшим сыном и пятью слугами, которые при нем состояли»[701], хотя способ казни не был указан. То, что, согласно официальному ильханскому историку,

---

[698] Жуанвиль. Книга благочестивых речей и добрых деяний нашего святого короля Людовика, 586 – 587.

[699] См. подробно: Горелов Н. С. Алчность халифа: легенда о гибели последнего из Аббасидов // Вестник Восточного института. СПб., 2000. Т. 6. № 2 (12). С. 80–112.

[700] Le Strange G. The Story of the Death of the Last Abbasid Caliph, from the Vatican MS. of Ibn-al-Furāt // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. April, 1900. P. 293.

[701] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арденса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. М.;Л., 1946. С. 45.

халиф был казнен не в Багдаде, а в деревне, уже полностью противоречит варианту его умерщвления в багдадской башне-сокровищнице посреди несметных богатств. Судя по контексту истории гибели халифа в «Книге тайн верных креста», Санудо предполагал, что тот был казнен в самом городе.

Рашид ад-Дин в целом характеризовал халифа ал-Мустасима как недалекого, алчного и трусливого правителя. Встреча ал-Мустасима с Хулагу, праздновавшим свою победу на пышном пиру с эмирами, в «Сборнике летописей» также выставляла халифа не в лучшем свете: «Он [Хулагу – Д. В.] повелел призвать халифа и сказал: “Ты-де хозяин, а мы гости, покажи-ка, что у тебя есть для нас подходящего”. Халиф понял смысл этих слов, задрожал от страха и так перепугался, что не мог припомнить, где ключи от хранилищ»[702]. В памятниках мусульманского историописания, начиная с иранского историка начала XIV в., а, стало быть, современника венецианца Марино Санудо, Абдуллаха Вассафа (Шихаб ад-Дин Абдуллах ибн Фазлуллах Ширази), побежденный халиф был завернут в ковер и затоптан насмерть, дабы, по монгольскому обычаю, не проливалась царственная кровь[703]. Вассафу вторил, в частности, багдадский автор Ибн ал-Фувати[704].

Также возможно, версия с вливанием в глотку покоренному правителю золото, с такой готовностью воспринятая дипломатом-энциклопедистом Марино Санудо, имела некоторые не просто символические и назидательные, а конкретно алхимические коннотации. Рашид ад-Дин приводил сведения о том, что ильхан Аргун (1284–1291), внук Хулагу, хотел продлить жизнь средством, которое готовил для него бахши (заклинатели и, весьма возможно, буддийские монахи из Кашмира, Восточной Индии и Тибета[705]), – «месивом, в котором была ртуть и

---

[702] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. С. 44.
[703] Le Strange. Op. cit. P. 295.
[704] Юрченко А. Г. Смерть последнего халифа. В кн.: Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речей и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Цыбулько Г. Ф., под ред. Карачинского А. Ю., научный редактор перевода Малинин Ю. П. СПб., 2012. С. 359.
[705] См.: Аверьянов Ю. А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийа. М., 2011. С. 450–451.

сера»[706]. Опыты в итоге завершились тяжелой болезнью. Для алхимической традиции на двух концах Евразии – западной с эллинистическими корнями и китайской даосской вай дань («внешней алхимии») – одинаково было характерно восприятия ртути и серы как центральных фигур алхимического действа, как женского и мужского начала соответственно[707]. Можно предположить, что та технология достижения долголетия, к которой обратился Аргун через бахши, имела китайское происхождение. И в случае с Аргуном (по Рашид ад-Дину), и в случае с мнимой казнью ал-Мустасима золотом (по другим источникам), принятие внутрь снадобья бессмертия/золота соответственно добровольно и насильственно вовсе не привело к достижению долголетия и расцвета сил, а, стало быть, свидетельствовало о тщетности достижения неизменного блаженства и вечной власти на земле. Не исключено, что данный алхимический мотив разошелся по региону через те же каналы купеческого фольклора, как и в случае с казнью властителя Багдада голодом.

История исламизации ильханского государства довольно подробно изложена в трактате. Санудо уделил внимание походу второго ильхана Абаки (1265–1282) против мамлюков и считал, что дальнейшее продвижение его воинства на юг, столь желанное для христианских государей, не состоялось лишь потому, что его военачальники были подкуплены «персидскими сарацинами», а сам он отравлен[708]. Примечателен рассказ о первом принятии ислама главой государства Хулагуидов и сопротивлением, оказанным этой мере монгольской знатью: «В 1282 году Абаге наследовал его брат Тангодомор[709], крещенный в детстве, но ставший сарацином. Он предпочитал именоваться Махумет Хаам, и склонял тех татар, кого мог, угрозами и посулами к подражанию себе. И бесчисленное множество их, что ясно видно ныне, сделались сарацинами. Он преследовал христиан и разрушал церкви до основания. Сговорившись с султаном

---

[706] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. С. 126.
[707] Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993. С. 79.
[708] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 239. В действительности, Абака, по-видимому, умер от пьянства – традиционного недуга монгольских правителей. См.: Бартольд В. В. Сочинения. М., 1971. Т. VII. Работы по исторической географии и истории Ирана. С. 476.
[709] Текудер (1282–1284), он же Ахмед.

Вавилонии, он пообещал всех христиан или обратить в свою секту, или вырезать. О его злодеяниях его брат и племянник, сын Абаги, звавшийся Аргон, сообщил великом хааму Кобиле [Хубилаю – Д. В.], который осудил это, поскольку следовал пути своих предков. Услышав об этом, Махумет разгневался, убил брата и заточил Аргона в крепости. Он приказал знатным приближенным тайно умертвить племянника, а голову доставить ему. Но Аргон был спасен от опасности с помощью некого вельможи, которому его отец Абага оказал милость. После преследования Махумета, Аргон схватил его и приказал убить у себя на глазах, это было исполнено по его приказу в 1285 году. Великим императором татар ему было пожаловано звание хаама. Он был внешне прекрасен, силен сложением и благоразумен в действиях. Он восстановил христианские церкви, и цари Грузии и Армении, отвернувшиеся от Махумета, вновь стали ему покорны. Когда же дошла до него просьба об освобождении Святой Земли, он ответил, что желал бы иметь мирные договоры со всеми соседями, так что [освобождение – Д. В.] может последовать за завершением этого дела. Но, по его завершению, он скончался на четвертом году царствования в 1289 году[710], а наследовал ему брат Куэгато[711], который шесть лет жил, как дикий зверь. Необузданный в обжорстве и роскоши, он был задушен своими же»[712]. Про Газан-хана, который «заключил союз со всеми сарацинами» на пути к власти в борьбе с ильханом Байду[713], и сделал ислам государственной религией, Санудо писал, что тот поначалу сделал христианам много злодеяний, разрушал церкви, однако потом оказывал многие благодеяния христианскому населению, в том числе и тем, что убил многих мусульманских аристократов и активно воевал с султаном Египта[714].

В рассказе Санудо ильхан Аргун – положительный персонаж, характерный тип нехристианского государя, покровительствовавшего христианам, причем один из немногих восточных владык, наделенных в книге Санудо портретными

---

[710] В действительности – в 1291 г.
[711] Гайхату (1291–1295).
[712] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 239.
[713] Ibid.
[714] Ibid. P. 239–240.

характеристиками. О его оккультных опытах с достижением долголетия, хорошо известных персидской летописной традиции, венецианец ничего не сообщал. Активный воин и реформатор Газан-хан (1295–1304) описан в труде венецианца в совсем иных тонах, нежели первый ильхан-мусульманин Текудер.

Во главе хулагуидского Ирана в тот момент, когда Санудо завершал исторические разделы своей энциклопедии, стоял ильхан Абу Саид Бахадур-хан (1317–1335), который предпочитал сотрудничеству с иранской чиновной элитой опору на монгольскую военно-кочевую прослойку и после смерти которого в декабре 1335 г. начался быстрый распад державы, уже вступившей по период затяжного хозяйственного упадка[715]. В государстве ильханов монгольская элита после кратковременного, но достаточного серьезного увлечения буддизмом при уже упомянутом ильхане Аргуне[716], в конце XIII в. обратилась в ислам, религию подавляющего большинства подвластного населения Ирана. В декабре 1295 г., незадолго до восшествия на престол, Газан-хан принял ислам и имя Махмуд, а затем провозгласил ислам официальной религией ильханской державы и обратил в мусульманство большинство иранских монголов[717], при Газан-хане и его брате Олджейту под руководством могущественного визиря Рашид ад-Дина в Иране была проведена серия централизаторских преобразований.

В своем нарративе Марино Санудо явно и настойчиво старался вычленить ильханский Иран из перечня мусульманских стран. История исламизации этой обширной державы представлена в «Книге тайн верных креста» достаточно детализировано, причем ключевые моменты истории религии в государстве Хулагуидов напрямую связывались Санудо с внешнеполитическими факторами. Так, указанное выше обращение в ислам Тангодомора и его гонения на христиан приписывались влиянию султана Египта. Впрочем, Санудо не упустил и внутриполитического мотива обращения Текудера и Газан-хана,

---

[715] История Ирана / Под ред. М. С. Иванова. М., 1977. С. 156; Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV вв.: Курс лекций. СПб., 2007. С. 372.
[716] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. С. 217–218; Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods / Ed. by J. A. Boyle. Cambridge, 1968. P. 541.
[717] Ibid. P. 541–542.

заинтересованных в опоре на «персидских сарацин». Основные императивы внешней политики ильханского Ирана Санудо обозначил верно: с самого начала хулагуидского государства для его внешней политики была характерна конфликтность с северными соседями Джучидами из-за общих претензий на земли Кавказа, а на юге Хулагуиды серьезно угрожали сирийским территориям, контролируемым мамлюками-бахритами. Абу Саид в начале своего правления в 1319 г. столкнулся с масштабным походом Узбека, который во главе огромного войска появился под Дербентом, правда, понеся тяжелые потери, был вынужден отступить. В 1325 г. новое вторжение Узбека было отражено одаренным хулагуидским военачальником Чобаном, причем военные действия были вскоре перенесены на золотоордынскую территорию[718].

Иранским «татарам» Санудо отводил роль важных союзников предполагаемого крестового похода. В случае реализации плана Санудо по торговой блокаде султаната, венецианец считал возможной следующую фазу операции по захвату Египта: вторжение крестоносцев в ослабленные экономически владения мамлюков с моря: «Они [нубийские христиане – Д. В.] обрушатся на врагов из своей страны, а татары – из своей на страны Семо[719] и Сирию. Посему будет полезно добиться дружбы татар и обходительно задобрить их как дарами, так и сладостными речами, также и взаимными приветствиями»[720]. В то же время, как уже отмечалось, в бестиарной метафоре бедственного внешнеполитического положения Киликийской Армении, Санудо представил Хулагуидов, которым армянские цари платили огромную дань, в образе льва, готового поглотить маленькое христианское царство[721].

Татары, по мнению Санудо, почитали единого Бога, сотворившего весь мир[722], а письменности и почитанию идолов научились в «царстве Катай» при Угэдэе (буквально «были испорчены примером этого народа в поклонении

---

[718] Cambridge History of Iran. Vol. 5. P. 407.
[719] По-видимому, Шам – арабское обозначение региона современных Сирии и Ливана.
[720] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 36.
[721] Ibid. P. 32.
[722] Ibid. P. 241.

идолам»), однако бессмертного Бога предпочли прочим богам[723]. Стало быть, Санудо ставил традиционную монгольскую религию с ее культом Неба выше того, что он считал простым идолопоклонством, считая последнее привнесенным явлением, противопоставляя ее также исламу. Монголы заимствовали уйгурский алфавит, а не китайскую иероглифику, и, очевидно, для Санудо пространства Центральной и Восточной Азии представлялись достаточно размыто. Мусульмане в тексте трактата все же были названы идолопоклонниками, в отличие от монголов во времена Чингисхана. Подобная некоторая идеализация, отчасти объяснимая стремлением западной политической и интеллектуально элиты видеть в монголах союзников против мусульман (пусть впоследствии и ретроспективно), началась с первых опытов конструирования образа монголов в Европе. В сообщении францисканца Джованни Плано Карпини, главы папской миссии к хану Гуюку в 1245–1247 гг., сказано, что татары «веруют в единого Бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого», правда, также поклоняются войлочным идолам; хан же явно воспринимался францисканцами в качестве врага и поработителя христиан[724].

Ильханы в космографии Санудо – потенциально важные союзники будущего крестового похода. Не случайно Санудо столь часто обращался к реальным и мнимым прецедентам принятия христианства у монголов: по-видимому, он стремился убедить папу, что союзников-мусульман в Иране можно будет в свое время обратить в лоно католической церкви. Во второй половине XIII–начала XIV вв. венецианские, генуэзские и пизанские купцы были частыми гостями в городах ильханской державы. Для первой четверти XIV в. характерно усиление генуэзского влияния в Иране. Уже в начале XIV Генуэзская коммуна имела в Тебризе, отстроенном в качестве новой столицы и важного торгового

---

[723] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 235: ubi Tartari primo litteras didicerunt; et corrupto gentis illius exemplo idola coluere: cunctis tamen diis, immortalem Deum praeferunt.

[724] Плано Карпини Джованни. История Монгалов, именуемых нами Татарами // Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Пер. А. И.Малеина. М., 1957. С. 29, 60. Подробнее о видении монгольской религии членами миссии Карпини: Юрченко А. Г. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 г. СПб., 2002.

города при Газан-хане[725], колонию во главе с консулом, генуэзцы пользовались большим расположением ильханского двора, и большинство ильханских миссий к папе и европейским монархам возглавлялись генуэзцами[726]. Венецианцы освоили иранские рынки несколько позднее своих главных конкурентов. Первым из венецианцев, торговавшим в Тебризе, был Пьетро Виньоли, который в 1263 г. составил в Тебризе завещание[727]. 22 декабря 1320 г. венецианский посол Микеле Дельфино заключил в Тебризе с «императором Монсаитом» (Monsayt imperador, именно так ильхан Абу Саид именовался в официальном политическом лексиконе Республики) договор, закреплявший привилегии венецианских купцов в империи, включая судебный иммунитет[728]. По тому же соглашению, во главе колонии венецианских торговцев в Иране становился консул Венеции[729]. Ситуация в иранской торговле едва ли была неизвестна Санудо, однако в «Книге тайн верных креста» он старательно умалчивал о генуэзском присутствии в Персии, очевидно, тем самым подчеркивая свою отстраненную от политических сил и групп интересов позицию. Текущая ситуация с иранской торговлей в условиях активного проникновения в нее главных конкурентов Венеции способствовала пристальному вниманию к ильханскому направлению в «Книге тайн верных креста».

Напротив, «император» Узбек (1313–1341), царствовавший в улусе Джучи, у Санудо – враг церкви, которого, как и египтян, нужно будет рано или поздно сокрушить. Однако в труде, адресованном папе, венецианец настойчиво убеждал понтифика в необходимости перекрыть морское сообщение между Египтом и Византией, а также между Египтом и Золотой Ордой, дабы не дать сформироваться политическому альянсу[730]. Санудо утверждал: «Султан посредством этих подарков и посольств сумел переменить императора татар по

[725] Бартольд В. В. Сочинения. М., 1971. Т. VII. С. 494; Манандян Я. А. О торговле и городах Армении. Эривань, 1930. С. 194.
[726] Ashtor E. P. Levant Trade in the Middle Ages. Princeton, 1984. P. 58.
[727] Ibid.
[728] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1899. Vol. 1. № 85. P. 173–176.
[729] Ibid. P. 175.
[730] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 32–33.

имени Хусбех, который правит в Газарии и других северных странах, и склонил его к тому, чтобы тот принял закон вероломного Махумета, а также многие из его племени к этому обману склонились. Следует опасаться того, что, если это продолжится среди них, то как бы не продолжила эта лживая секта распространяться в северных землях. Это было бы великим предостережением и обернулось бы великой угрозой христианской вере. Ведь, как утверждается некоторыми веры достойными, указанный Хусбех располагает почти бесчисленным множеством конников…»[731]. В действительности мамлюки едва ли могут считаться главной силой, приведшей Узбека к принятию ислама. Как утверждал историк и крупный сановник мамлюкского Египта Бадр ад-Дин ал-Айни (ок. 1361–1451), могущественный временщик и родственник Узбека Кутлуг-Тимур, «взял с него слово, что если он (Узбек) вступит на престол, то сделается мусульманином и будет придерживаться ислама. Сев на престол, он действительно принял веру Аллахову и устроил себе соборную мечеть, в которой совершал все пять молитв в установленное для них время»[732]. При египетском султане ан-Насире (1294–1295, 1299–1309 и 1309–1340) отношения между Ордой и Египтом еще более укрепились посредством интенсивного обмена посольствами, а египетские источники, как впоследствии тот же Айни, изображали его образцовым исламским правителем, при этом, к примеру, инициатива заключения династического брака между султаном и одной из золотоордынских царевен исходила от Узбека [733]. В мусульманской историописательской традиции Узбек остался как государь, активно распространявший ислам, однако арабские и персидские авторы, по мнению А. Г. Юрченко, сильно преувеличивали степень исламизированности Золотой Орды при Узбеке, поскольку структуры повседневности (государственные празднества, календарь, правовая практика и др.) в период его правления не обнаруживали

[731] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 32–33.
[732] Из летописи Бедреддина Элайни. В кн.: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. СПб., 1884. Т. I. С. 515–516.
[733] См.: Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 74–78.

присутствия ислама, соответственно, нет оснований утверждать, что Узбек сделал ислам государственной религией своей державы[734]. Возможно, информацию об обращении Узбека по инициативе мамлюкского султана Санудо почерпнул в купеческой среде одном из городов, подвластных мамлюкам. Любопытно, что А. Поляк в 1930-х гг. предлагал трактовку мамлюкско-золотоордынских связей, близкую средневекового венецианского дипломата-энциклопедиста по взглядам на масштаб связей двух держав, но противоположную той по оценке ролей в этих отношениях: по его гипотезе, египетская держава бахритов являлась «колониальным владением» землевладельцев и купцов из Золотой Орды[735]. Марино Санудо давал весьма конспирологическую картину влияния Египта в целом ряде регионов, что служило обоснованием главной идеи трактата.

«Дуб египетский – сердце и жизнь сарацин»[736], – утверждал Санудо, настаивая, что за сокрушением власти мамлюков, контролировавших и Святую Землю, и Мекку, и Медину, скоро настанет конец мусульманской религии. Правитель Египта назван вавилонским султаном, что само по себе рождало многочисленные символические ассоциации с Ветхим Заветом. Уже в рыцарском эпосе и хрониках крестовых походов за Египтом (сначала – Фатимидским халифатом) закрепляется стандартное наименование «вавилонского царства» или даже «вавилонской империи»[737]. Склонный к растительным и животным метафорам венецианец уподоблял торговые пути и торговые пошлины корням этого египетского «дерева», причем, по оценке Санудо, торговля в землях султана, контролирующего пути пряностями, превосходила торговлю во всем остальном мире[738].

В «Книге тайн верных креста» был описан ряд направлений внешней политики мамлюкской державы: союзнические отношения с Золотой Ордой,

---

[734] Юрченко А. Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб., 2012. С. 9.
[735] См.: Poliak A. N. Le caractère colonial de l'État mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or Extrait de la Revue des études islamiques. IX. 1935. P. 231–248.
[736] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 49.
[737] Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 176.
[738] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 41–42.

противостояние с ильханами, экспансия на юг, в Нубию, а также связи султанов с Византией. Последние, по мнению венецианца, необходимо было также перекрыть посредством морской блокады: «Так также посольства, миссии и договоры, которыми султан Вавилонии и император греков подстрекают друг друга, можно с легкостью пресечь» [739]. Отношения между Египтом и Константинополем во второй половине XIII в. развивались достаточно интенсивно. В мае 1281 г. Михаил VIII Палеолог и султан Калавун (1279–1290) заключили договор, восьмой пункт которого предполагал возможные совместные действия против Карла Анжуйского, общего врага для Византии и Египта и на тот момент союзника Венеции[740]. Примечательно, что судьбоносные для Восточного Средиземноморья события 1204 г., а также возрождение империи при Михаиле VIII нашли любопытную трактовку в труде египетского энциклопедиста и потомственного секретаря ал-Умари (1297/1301–1349) «Объяснение благородных правил»: «Царь Рума, владыка Кустантинии. Некогда он был великим царем до победы франков. [Ныне] остатки его царств [вновь] возвращаются к нему от крестоносцев, но из-за них пребывают в бедности у него и богатый, и нищий»[741].

Санудо утверждал, что Египет получал от стран, подвластных Римской католической церкви, серебро, медь, олово, свинец, ртуть, масло, лесные орехи, шерстяные, шелковые и льняные ткани, кораллы, полотно и другие товары, избыток которых египтяне отправляют в Индию, где закупают перец[742]. «Все это, – писал венецианец, – служит усилению указанной крепости египтян, из-за этой торговли и отправляются купцы к северным странам Большого моря [Черного – Д. В.] и увозят оттуда мальчиков и девочек, каковых египтяне зовут мамулюхами»[743]. Если на торговой оси Север–Юг генуэзская Каффа была крупнейшим невольничьим рынком, то Египет – главным покупателем живого товара, причем

---

[739] Matini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 32: Sic etiam Ambaxiatae & Legationes & tractatus, quibus Imperator Graecorum et Soldanus Babyloniae se alternatim sollicitant, poterunt facile impediri…
[740] Korobeinikov D. Byzantium and the Turks in the Thirteenth Century. Oxford, 2014. P. 210.
[741] Цит. по: Коробейников Д. А. «Византийское содружество наций» в восточных источниках (по материалам дипломатической переписки между Византией и Мамлюкским султанатом в XIV в.) // Византийский временник. Т. 68 (93). 2009. С. 82–83.
[742] Matini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 42.
[743] Ibid. P. 42–43.

уже в 1268 г. по договору с Михаилом VIII Палеологом мамлюкский султан получил право посылать корабли в Черное море за рабами[744]. Сами венецианцы принимали не менее активное участие в работорговле: в частности, после захвата Эфеса турками Саса-бея в октябре 1304 г., цены на невольничьих рынках Кандии стремительно обрушились после притока византийских рабов[745].

Санудо Торчелло настаивал на необходимости перекрыть Египту торговые пути, снабжающие его рабами из христиан и язычников[746]. Итак, для Санудо мамлюки – это общее наименование рабов и рабынь, он не использовал этот термин в его узком смысле для обозначения сословия воинов-рабов. Однако Санудо говорил, в частности, о серьезных военных достоинствах и высоком боевом духе конных воинов султана ан-Насира (Melec Naser), одетых в тяжелые шлемы и искусно владевших метанием дротика, в период войны с Газан-ханом[747]. Примечательно, что тему происхождения самих султанов Египта из рабов-мамлюков Санудо сколько-нибудь подробно не затрагивал.

Для традиции описания мусульманского мира в хрониках и других нарративах крестовых походов XI–XIII вв., и особенно в chansons de geste, было весьма характерно механическое перенесение европейской титулатуры и принципов феодальной иерархии[748] на реалии исламских обществ. В частности, Жан де Жуанвиль так описывал мамлюкскую символику и воинские ритуалы: «Герб султана был золотой; и такие же гербы носили и эти юноши; называли их бахария. Как только у них вырастала борода, султан посвящал их в рыцари»[749]. У Санудо эта тенденция отступает. Применительно к восточным государям он нередко оперировал воображаемыми для исламского мира титулами (rex, imperator), наряду с реальными (Calypha, Soldanus, Caam) и «смешанными»

---

[744] Еманов А. Г. Указ. соч. С. 131.
[745] Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 78.
[746] Matini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 43.
[747] Ibid. P. 240.
[748] См.: Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 172–181.
[749] Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика, 282.

(Soldanus Babyloniae), но воздерживался от трансляции европейских феодальных реалий в исламский мир.

Санудо хорошо понимал отличия западного восприятия титулатуры мусульманских государей от реально существовавшей на Востоке. В начале трактата Санудо специально привел титул султана ан-Насира Насир ад-Дина Мухаммада, сам напоминавший миниатюрный трактат: «Это титул султана Вавилонии, как его именуют его подданные: “Светлейшему, могущественнейшему, высочайшему господину султану Насету, господину мира, справедливому судье, мощному разоблачителю тайных дел, повелителю сарацин и мусульман, ревнитель справедливости мира, судья возвращающих и забытых нечестивыми, наследнику царств, султану арабов, азимов [возможно, зиммиев (ахл аз-зимма) – немусульманского населения мусульманского государства. – Д. В.] и турок, отверзателю провинций, изгонителю воинства татар, Александру наших дней, господину добрых, царю двух морей, почести являющему почтенным и щедрым, деспоту царей и султанов, Бельфету, Махумету, сыну султанов, всенародно провозглашенному царю Мазута, мечу царя Халаона[750]”»[751]. Этот перечень был переводом, хотя и не буквальным, с неизбежным использованием европейских терминов rex и Saraceni, с полного официального титула султана[752]. Настойчивое подчеркивание статуса мамлюкской державы Египта в качества главного государства мусульманского мира и самой богатой державы проходило через весь текст «Книги тайн верных креста». Итак, как уже отмечалось, главная задача крестового похода – через сокрушение гегемона мусульманского мира, мамлюкского Египта, превратить Венецию в подлинно

---

[750] Султан Калавун был отцом ан-Насира – Д. В.

[751] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 8: Hic titulus dirigetur Soldani Babyloniae a suis subditis: Serenissimo, potentissimo et excelentissimo Domino Soldano Naset, Domino mundi, iusto Iudici, et forti apertori negotiorum occultorum, Domino Saracenorum et Muslimanorum, diligenti iustitiam mundi, Iudici obliquum recipientium ab improbis, et hereditatori regnorum, Soldano Araborum, Azimorum et Turchorum, apertori provinciarum, expulsori exercituum Tartarorum, praesenti Alexandro, domino bonorum, Regi duorum marium, honorem exhibenti honoratis et benignis, despoto Regum et Soldanorum, Belphet, Mahumeth filio Soldanorum, publice Regi Mazut, ensi Regis Chalaon.

[752] Автор благодарит за консультацию к. и. н., старшего научного сотрудника ИВИ РАН Д. А. Коробейникова.

трансконтинентальную колониальную империю. Очевидно, что, дистанцируясь на словах от политических интересов своего государства, Санудо обрисовывал предельные мечтания венецианской элиты.

Представляют интерес взгляды Марино Санудо Торчелло на турецкие бейлики. Из тюркских завоевателей сравнительно отдаленного прошлого вниманием венецианца пользовался Бельфет, как в западной традиции [753] именовали сельджукского султана Алп Арслана (1063–1072). «Когда мирно правил Роман по имени Диоген, – писал Санудо – могущественнейший царь Востока Бельфет с бесчисленным воинством персов и других повернул на Константинополь, неустанно захватывал и разрушал все города и крепости на своем пути. И все бежали в ужасе, не осмеливаясь дождаться его прихода. Наконец, к нему двинулся император, со всех сторон окруженный войском, и вступив в бой, он попал в плен, при этом много пролилось греческой крови. Тогда Бельфет, возвышенный такой победой, сидя в кругу своих военачальников, возлагал ступню на горло императора, проделав так много раз, позволил ему бежать невредимым. Греки, отказавшись иметь императором столь нелепого человека, действительно [его] ослепили»[754]. Данный отрывок про Алп-Арслана и поражение Романа IV при Манцикерте почти дословно повторен в «Пространной хронике» Андреа Дандоло [755]. Очевидно, текст Санудо достаточно быстро завоевал авторитет на родине. Бельфет у Санудо назван также «султаном Персии» [756] (по антикизирующей этнико-географической схеме), «царем Бельфетом Сарацинским»[757] (по религии), либо неопределенным «царем Востока».

---

[753] Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 297.
[754] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 129: Imperante enim pacifice Romano cognomento Diogenes, Orientalis Rex potentissimus Belphet, cum infinito exercitu Persarum & aliorum, versus Constantinopolim faciem direxit: ciutates et castra protinus capiebat, & omnia desrtuebat. Iamque omnes territi fugiebant, non audentes illius expectare audentum. Tandem occurit illi Imperator, vndique contracto exercitu, & commisso bello Imperator capitur, multo Graecorum effuse sanguine. Tunc Belfeth elatus tanta victoria coram Princibus suis sedens, super guttur Imperatoris pedem tenebat; & cum pluribus hoc egisset, illaesum abire permissit: Graeci vero tam confusum dedignatur Imperatorem habere: eumque ab Imperio depositum, exoculant.
[755] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 214.
[756] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 143.
[757] Ibid. P. 129.

В другом разделе трактата кратко излагалась история завоеваний турок-сельжуков, причем Алп Арслан тут фигурировал как Альпасалем[758]. В этом же месте «Книги тайн верных креста» дается развитие схемы translatio imperii с включением в нее «туркоманов», а также встречается указание на границы того региона, который автор определял как Турцию: «После римлян царствовать начали сарацины в 634 году от Рождества Христова и удерживали имперскую власть 418 лет, занимая почти всю Азию, и отобрали у греков царство Сирии и почти всю область, именуемую ныне Турцией. В 1051 году туркоманы захватили Азию»[759]. Султанами Турции в книге Санудо именовались правители Румского султаната[760]. Многочисленные турецкие эмираты, утвердившиеся в Малой Азии при распаде Румского султаната, – Караман, Айдын, Ментеше, Сарухан, Кареси, Гермиян и другие[761] – в трактате Санудо фигурировали под общим этнонимом «турки». Их венецианец именовал «турки, худшие сарацины», отмечая: «Кроме того, сами турки, построив новый флот, с его помощью жесточайшим образом разорили многие острова, что находятся вблизи их материковых владений, посему эта земля осталась опустошенной»[762]. Поведав о бедствиях, которые «агаряне» причинили грекам, Санудо вдруг вышел на неожиданный вывод: если все же снарядить задуманную им экспедицию, то ее глава легко сможет получить от турок необходимые товары, поскольку турки явно будут страшиться многочисленных папских галей, затем, правда, оговорил необходимость запрета для христиан торговли с турками, а не только с Египтом[763]. В главе, посвященной проблемам будущих поставок крестоносному воинству в Египет, Санудо настаивал на возможности ведения торговли с турками: «Если это придется по нраву Вашей Милости, то капитану войска надлежит провести переговоры с турками, что проживают на морском побережье Турции, обходиться с ними

---

[758] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 237.
[759] Ibid.
[760] Ibid. P. 235.
[761] См.: Жуков К. А. Указ. соч. С. 14–70; История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Исханоглу. М., 2006. Т. 1. С. 3–8.
[762] Marini Sanuti Torselli Op. cit. P. 29.
[763] Ibid.

дружественно, особенно, с теми из них, кто удерживает полную власть от Кланделора[764] до Макри. Далее, как я надеюсь на Всевышнего Создателя, они за деньги дадут людям указанного капитана дерево, смолу с большим числом всевозможных животных, которых доставят в Египет морским путем»[765]. Итак, отношение к турецким государствам у Санудо вполне прагматичное. В этом пассаже под турками подразумевалась группа бейликов от Искендеруна до Макри, расположенного во Фракии и в тот момент еще принадлежавшего Византии, т. е. практически все турецкие государства Малой Азии, включая Караман и Османский бейлик. В отличие от истории Египта или Ирана, эта важная часть мусульманского мира в восприятии венецианского дипломата-энциклопедиста, причем важная в торговом отношении и с его точки зрения, выглядела на удивление нерасчлененной, единой, а ее правители деперсонализированы. В уже упомянутой бестиарной метафоре врагов Армении, наряду со Львом-ильханом и Барсом-султаном фигурировали Волк, символизировавший турок, что дает основания предположить некоторые знакомство венецианца с тюркской символикой, и морской Змей – корсары[766].

В переписке 1330-х гг. Санудо также следовал этой тенденции, пользуясь в основном обобщенным термином Turchi, и в своем стремлении сплотить христианские государства против бейликов руководствовался, главным образом, соображениями противодействия пиратству турок, «наихудших сарацин»[767]. Примечательно, что в письме к Бертрану дю Пуже Санудо в один контекст с турецкими пиратами Санудо помещал и каталонцев, указывая на масштабы разграбления Мореи их пиратскими рейдами[768]. Фактически, как и слово

---

[764] Колонорос-Аланья.

[765] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 67: Et si vestrae Clementiae comlaceret, quod Capitaneus exercitus praelibati cum Turchis, qui morantur in Turchiae maritima, curialiter se haberet, & ipsos amicabiliter pertractaret, & specialiter cum aliqua parte illorum, quae a Clandeloro usque Macrum dominium plenum tenent: eo quod exinde,pro pecunia, prout spero in altissimo Creatore, sinerent gentem Capitanei lignamen extrahere, atq; picem cum magno numero cuiuslibet generis bestiarum ad Aegypti maritiman deferendo.

[766] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 32.

[767] Kunstmann F. Op. cit. P. 797.

[768] Ibid. P. 778: Et quam sit delicuit facta terrarium et insularum suarum in principatu Amoreae! Quae taliter consumitur a Turchis et Catelanis, ut scrutari possit alia facta Italiae.

«каталонец», имевшее и у итальянцев, и у византийцев самую мрачную репутацию[769], этноним «турок» у Санудо стал синонимом слова «пират». И на это у венецианского дипломата были серьезные основания. После захвата в 1311 Афинского герцогства каталонцы некоторое время поддерживали союзные отношения с бейликами и проводили совместные пиратские экспедиции, однако каталанско-турецкий союз продлился до турецкого нападения на сами Афины и заключения каталанским герцогством Афинским соглашения с Венецией в 1329 г[770].

А. Лайу высказала предположение, что незаинтересованность Санудо в турецких государствах как в объекте крестового похода в «Книге тайн верных креста», в отличие от его более поздних посланий в целях сколачивания Антитурецкой лиги, легко можно объяснить тем, что Ментеше, Айдын и Кареси не были достаточно сильны, чтобы угрожать венецианским владениям, а Османский бейлик в Вифинии более представлял опасность для Византии и генуэзцев, чем для венецианцев[771]. Однако венецианские документы отнюдь не свидетельствовали в пользу слабости приморских турецких государств уже в период написания трактата. В 1318 г. современник Марино Санудо, дука Кандии Никколо Зено писал дожу Джованни Соранцо о мощном пиратском рейде турок на Крит, подчеркнув, что турки нарушают любые заключенные с ними договоры[772]. И в письме Зено, и в послании крито-венецианских феудаторов дожу о тех же событиях, говорилось просто о «турках», но никак не подчеркивалось подданство участников дерзких пиратских рейдов конкретному государству или правителю [773]. Венецианские сановники расценивали флот малоазиатских бейликов как грозную силу на суше, так и на море. Вполне лишенные публицистичности официальные документы отражали в ряде случаев ту же самую

---

[769] О каталанских пиратах на Эгейском море в указанный период см.: Колотова О. Е. Каталанское пиратство в Эгеиде (кон. XIV–XV вв.) / // Античная древность и средние века. 2001. Вып. 32. С. 309–317.
[770] Жуков К. А. Указ. соч. С. 30.
[771] Laiou A. Marino Sanudo Torsello, Byzantinum and the Turks: the Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 // Speculum, Vol. 45, No. 3 (Jul., 1970). P. 378.
[772] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1899. Vol. 1. № 61. P. 107–108.
[773] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1899. Vol. 1. № 62. P. 108–109.

схему восприятия, в которой турецкие государства понимались как единое целое, что вовсе не означало слабую информированность венецианских чиновников.

В «Истории королевства Романии» Марино Санудо, напротив, писал о беях Малой Азии и их сложных взаимоотношениях достаточно подробно, в частности, о Ментеше (Mandachia), «который был первым из домов турок»[774]. Венецианские власти достаточно отчетливо понимали ситуацию в Малой Азии. Дож Франческо Дандоло констатировал в письме 1333 г. папе Иоанну XXII: «И, можно сказать, мощь этих неверных велика, но владения турок находятся во многих землях, каждое из которых имеет свои отличия, и они не в силах быстро оказать друг другу помощь»[775]. В общей сложности с 1331 по 1414 г. дуки Кандии заключили с эмирами Айдына и Ментеше одиннадцать договоров [776]. Известную дальнозоркость Санудо в «Книге тайн верных креста», при которой Египет и Иран описывались и анализировались куда подробнее, нежели турецкие бейлики – близкие соседи венецианских колоний, следует скорее объяснять главным акцентом трактата, нежели неосведомленностью автора.

Марино Санудо, автор проекта мировой колониальной империи Венеции и один из организаторов Антитурецкой лиги 1332 г., представил пеструю панораму мусульманского мира, рассчитанную в большей степени на экспорт, нежели на внутривенецианское восприятие, однако «Книга тайн верных креста» оказалась крайне востребована интеллектуальной средой самой Венеции. В «Книге тайн верных креста» содержался опыт анализа, пусть и весьма тенденциозного, современной для автора геополитической ситуации внутри мусульманского мира, в котором наиболее устойчивыми союзными связями венецианцу представлялись отношения между Египтом и Золотой Ордой, равно противостоящим государству ильханов Ирана. Представляя «посткрестоносный» дискурс, Санудо собрал

---

[774] Marino Sanudo Torsello. Istoria del Regno di Romania // Chroniques Gréco-Romanes inédites ou peu connues / Ed. par C. Hopf. Berlin, 1873. P. 167.

[775] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1899. Vol. 1. № 124. P. 141: Et licet perfidorum ipsorum potential magna sit, tamen in partibus plura dominia sunt Turcharum, quorum quodlibet est distinctum, nec posset subito unum alteri auxilium impertiri…

[776] См.: Zachariadou E. Trade and Crusade: Venetian Crete and the emirates of Menteshe and Aydin. (1300-1415). Venezia, 1983. P. 175–241.

громадный материал предшествующей традиции описания исламского мира, обогатив ее сведениями Хетума и личным опытом, благодаря которому он был великолепно осведомлен о торговых путях и номенклатуре товаров Востока. Характерно, что у Санудо антиподы венецианцев, мореходов и купцов, «воспитанных в воде», – это не столько Египет, изображенный в «Книге тайн верных креста» средоточием мирового зла, сколько пираты малоазиатских эмиратов. Идея пиратоборчества, столь заметная в текстах Марино Санудо, в сочинениях Раффаино Карезини и Бернардо Джустиниани предстанет одной из главных миссий Венеции в рамках конструируемой политической мифологии.

Дож Андреа Дандоло в «Пространной хронике» уделял мусульманскому Востоку куда меньшее внимание, нежели византийским сюжетам. Марино Санудо, признанный авторитет в восточных делах, оказал большое влияние на представления о Востоке в Венеции. В нарративе Дандоло рассказ о начале ислама и жизни Мухаммада почти дословно повторял соответствующий раздел «Книги тайн верных креста»[777]. Определенная фрагментарность сведений о событиях большой давности проявилась, в частности, в ассимиляции имени завоевателя Испании Тарика Ибн Зияда с эмиром Абд ар-Рахманом I, основателем испанской линии Омейядов: «Сарацины через море перебрались из Африки в Испанию, и ее подчинили, под предводительством Абдирама сокрушив Королевство вестготов и свевов»[778]. Андреа Дандоло, повествуя об участии Венеции при доже Витале Микеле в Первом крестовом походе, во время кульминационного момента которого в 1099 г. венецианский флот был занят разгромом пизанцев и лишь после того сумел подойти к берегам Палестины, писал: «Так, когда венецианское войско отбыло в Землю Обетованную и в порт Яффы, которую уже отвоевали христиане, флот отправился со всей стражей, посетили они Гроб Господень. Затем, приняв решение на совете, приступили к осаде мощнейшей крепости язычников (paganorum) Ахарону, которую ни христиане, ни султан сарацинский не могли взять. После же захвата города

[777] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 94.
[778] Ibid. P. 111.

франки оставили в нем гарнизон. Далее Хайфу, которая иначе называется Порфирией, расположенная на морском побережье на расстоянии четырех стадиев от горы Кармель и в девяти милях от Аккона [Акры], схожим образом взяли»[779]. Скупость описания запоздалого участия венецианцев в крестовом походе контрастирует в «Пространной хронике» с подробным и эмоциональным рассказом о чудесном обретении венецианцами мощей Св. Николая в Мирах Ликийских спустя годы после того, как часть останков вывезли оттуда жители Бари[780].

История Египта в период крестовых походов, особенно, при Салах ад-Дине, мудрости и военному дарованию которого он, как и подавляющее большинство средневековых авторов отдавал должное[781], была изложена Дандоло в больших подробностях, чем история других восточных держав. «Тогда умер Норандин, король турок, и Саладин, племянник [его] по брату, турок по племени, более сильный и деятельный мудростью, нежели оружием, захватил королевство, перебил всех царственных отпрысков, а королевство Сирии и Египта свел под единой властью»[782]. Большой пласт событий оказывается спрессован в этом рассказе. Салах ад-Дин провозгласил себя султаном в 1171 г., а атабек Нур ад-Дин умер лишь через три года. Салах ад-Дин был в действительности курдом, а не тюрком, и приходился племянником не Нур ад-Дину, а зенгидскому визирю Ширкуху[783]. Мосульский атабек Нур ад-Дин Зенги у Дандоло назван, как мы видим, просто «королем турок».

Египет занимал в средневековой венецианской исторической памяти особое символическое место. Именно оттуда, из Александрии, на втором году догата Джустиниани Партечипацио (828), согласно традиции, двое венецианских купцов вывезли с грузом свинины мощи Св. Марка – основателя Александрийской церкви. У Дандоло этот сюжет изложен подробно, со ссылками на Петра Дамиани,

---

[779] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 222.
[780] Ibid. P. 221.
[781] См.: Лучицкая С. И. Указ. соч. С. 278.
[782] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 161–162.
[783] Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 102–103.

Сигиберта из Жамблу, Иакова Ворагинского и других авторитетных авторов[784]. Властитель Египта, на момент этого события входившего в халифат Аббасидов, в тексте хроники Дандоло обозначен как rex Saracenorum, а его столица – как Вавилон: «Король сарацин, пожелав близ Вавилона выстроить себе дворец, приказал забирать камни из христианских церквей и других общенародных мест, чтобы сделать для себя пышный дом»[785]. Похоже, в данном рассказе под мусульманским государем мог подразумеваться и наместник Мисра, и сам халиф, а под Вавилоном – и административный центр ал-Фустат[786], и Багдад. В этом же рассказе фигурировали священник Феодор александрийской церкви Св. Марка и монах Ставракий, которые не без колебаний помогли венецианским купцам вывезти на родину останки самого чтимого александрийского святого, причем в тексте подчеркивалось, что они были греками[787].

Египет, таким образом, представал в рассказе хрониста Востоком по преимуществу, всем Востоком с сарацинами и восточными христианами в миниатюре: в этом богатом краю, согласно данному нарративу, жили жестокие государи, утопающие в роскоши и притесняющие христиан, этот же край – средоточие древних святынь христианства, при этом христиане Востока могли оказать поддержку латинянам. Центральное положение Египта в венецианском дискурсе XIV в. также отражало изменения в первой половине–середине XIV в. в векторе торговой активности Венеции, в которой Мамлюкский султанат окончательно занял главенствующую роль. Византия же, Причерноморье и Латинская Романия, в ходе общего кризиса середины XIV в., по словам С. П.

---

[784] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 146–147. Ср. краткое изложение сюжета у Джованни Диакона: La cronaca veneziana del diacono Giovanni // Cronace veneziane antichissime / a cura di G. Monticolo. Roma, 1890. T. I. P. 109–110.
[785] Ibid. P. 147: Rex Saracenorum apud Babilonem palacium sibi construere volens, mandavit ab ecclesis christianorum et aliis vulgaribus locis accipi lapides, ut splendidam sibi faceret domum.
[786] См.: Зеленев Е. И. Указ. соч. С. 54–55.
[787] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 147.

Карпова, оказались в его эпицентре, и без того будучи «самым слабым звеном цепи, соединявшей Европу и Восток»[788].

Отношения венецианцев с Румским султанатом описаны у Дандоло бегло и без деталей. В частности, под 1220 г. в «Пространной хронике» сообщалось: «В том же году [1220] Джакопо Тьеполо, постета Венеции в Константинополе, когда иссякала уже мощь французов, с Феодором Комнином Ласкарисом, императором греков заключил перемирие на пять лет, а с Алатином [Ала ад-Дин Кай-Кубад I], султаном Турции, – на два года»[789]. Конкретное содержание договора не приводилось в хронике.

Продолжатель Дандоло Раффаино Карезини, как уже отмечалось, считал одной из важнейших и самых почетных миссий венецианского государства противодействие многочисленному средиземноморскому пиратству. В свой рассказ о затяжном конфликте Республики с венгерским королем Лайошем I Анжуйским (1342–1382) великий канцеллярий Венецианской коммуны вставил емкое рассуждение о благородном призвании венецианцев как хранителей свободы и порядка на Средиземном море, в первую очередь, от пиратских рейдов турецких бейликов: «Удивления достойно, что такого короля, который не от Аттилы, бича Божия, произошел, но от христианских французских королей, охватила столь неумеренная страсть, что он посредством посланий и посольств побудил все народы к разбойному походу против венецианцев, которые во имя веры католической, во имя всеобщей сохранности и свободы против *турок и пиратов* [курсив мой – Д. В.] должными средствами охраняют море, увенчанных к тому же безупречной честью, греша не только по отношению к себе, но и к другим, вовлекая союзников в собственное заблуждение, склонил Альберта и Леопольда, герцогов Австрийских, присоединиться к союзу с тираном

---

[788] Карпов С. П. Кризис середины XIV в.: недооцененный переворот? // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 237.

[789] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 288: Anno sequenti, Iacobus Thieupolo potestas pro Venecia in Constantinopolim, cum iam Galorum potencia evaneseret, cum Theodoro Commano Lascaro Graecorum Imperatore per quinquenium treugas, et cum Alatino soldano Turchie per biennium firmavit.

[правителем Падуи Франческо I да Каррара – Д. В.] и нарушить мир венецианцам, бросив славу, честь и клятву?»[790] Как и для Марино Санудо Торчелло, для Карезини понятия Turchi и piratae стали, по сути, синонимами.

Поскольку Карезини часто обращался к языку варварства при характеристике неприятелей Венеции (отнюдь не обязательно неевропейцев), примечательна нарочитая «ориентализация» венгров в этом пассаже. С XIII в. в венгерском историописании утвердился т. н. гуннский миф, основным текстом которого были «Деяния гуннов», где гунны представлены родственниками венгров, а Аттила – идеальным монархом-воителем. В XV в. хронист Янош Туроци (ок. 1435–1490), желая возвеличить своего государя Матьяша Хуньяди, именовал его «вторым Аттилой»[791]. Несомненно, о существовании в венгерской политической элите и интеллектуальной среде гуннского мифа Карезини знал и, дабы вывести венгров в уничижительном свете, прибег к его инверсии, принимая его основное положение о родстве или тождестве венгров и гуннов. Только в данном случае Аттила был переведен из пространства политической идеи воображаемого золотого века Венгрии в дискурс варварства.

Из множества турецких государств Малой Азии в хронике Карезини уже отчетливо выделен Османский бейлик, несмотря на довольно ограниченный объем информации о нем, приводимый в хронике, основное поле зрения которой – политика Венеции на Западе и соперничество с Генуей. В предыдущей главе рассматривалось восприятие венецианским сановником заговора принца Савджи Челеби против отца Мурада I (1362–1389). В хронике Карезини он фигурирует как бей турок – bey Turchorum. Принятие Мурадом официально титула султана[792] в хронике венецианского канцеллярия не нашло отражения. Султан Мурад I

---

[790] Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti. Col. 436: Mirum qui tantum Regum, qui non ab Attila flagella Dei, sed a Christianis Francorum Regibus traxit originem, immoderatus adeo amor addurexit, ut per Epistolas et Nuntios invitet universas nationes ad praedam contra Venetos, qui pro Fide Catholica, et pro tuitione ac libertate universorum contra Turchos et Piratos propriis sumtibus mare custodiunt, salve insuper diadematis honore, non solum in se, sed in alios peccans, ac sui erroris socios quaerens, induxit Albertum et Leopoldum Austriae Duces, postpositis fama, honore et jurejurando, colligari Tyranno et Venetis frangere pacem?

[791] См.: История Венгрии / Под ред. Т. М. Исламова. М., 1971. С. 275–277.

[792] Новичев А. Д. История Турции. Т. 1. Эпоха феодализма. Л., 1963. С. 31.

изображен в хронике сугубо отрицательным персонажем, он – «враг имени христианского»[793], ему, сластолюбивому многоженцу, Андроник IV готов был отдать свою сестру в наложницы (in concubinam[794]). Однако вероломный бунт Савджи Челеби против Мурада для хрониста – безбожный акт в силу «естественного закона» отношений отца и сына. Подлинным эталоном вероломства, беспринципности и коварства, в том числе и по отношению к грекам, у Карезини выступали не столько турки, сколько главные соперники Венеции – генуэзцы. В другом месте хроники Карезини отмечалось, что про генуэзцев «известно, что они всегда жили грабежом»[795].

«Предел такого сумасбродства генуэзцев, – писал великий канцеллярий, – дошел до того, что они из одной лишь зависти выдворили из Большого моря венецианцев и прочие народы, вторгаясь в империи и королевства повсюду, оставив разве что те области, что подвластны султану Вавилонии»[796]. Здесь Карезини, скорее всего, подчеркивал несомненное и очевидное, по его мнению, превосходство в торговле с владениями мамлюкского султаната венецианцев над всеми соперниками.

С хроники великого канцеллярия Раффаино Карезини медленно, но верно начинается значительный поворот в венецианском нарративе о Востоке: если ранее «полномочным представителем» мусульманского мира был почти безраздельно Мамлюкский «Вавилонский» султанат, то отныне эта роль постепенно переходила к молодому османскому государству, настроенному, в отличие от мамлюков второй половины XIV–начала XV вв., на решительную экспансию. Золотая Орда в его хронике также присутствовала в зловещем контексте: в самом ее начале под 1345 г. великий канцеллярий говорил о распространении чудовищной чумы, «начавшейся в странах татар»[797].

---

[793] Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti. Col. 443.
[794] Ibid.
[795]Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti. Col. 442.
[796]Ibid. Col. 443–444: Finis tantae Januensium vesaniae erat, ut a Mari maiori solum ob invidiam excluderent Venetos et ceteras nations, invadendo Imperia et Regna quorumcumque, ita ut non supereffet nisi climata Babiloniae Soldano subjecta.
[797] Ibid. P. 419.

У канцлера Кандии Лоренцо де Моначи восточная тематика занимала определенно периферийное место, по сравнению с византийскими и колониальными сюжетами. Взгляд де Моначи на арабов и ислам традиционно негативен, стандартный термин «сарацины», как и предшественники, он обычно использовал в значении «мусульмане». Хронист не раз с особой экспрессией подчеркивал сцены жестокости греков как греков, так и мусульман. Ссылаясь на генуэзскую хронику архиепископа Иакова, де Моначи под 933 г. приводил эпизод разорения Генуи сарацинским флотом из Африки: «Сарацины, пришедшие из Африки, взяли упомянутый город [Геную], разрушили его и убили всех людей взрослых лет и увели в плен женщин и детей, от которых после, в свою очередь, родились дети, и их наследники уже жаждали грабежей и, христиане по крови, приняли сарацинский нрав»[798]. С одной стороны Сарацины – в случае разрушения Генуи в 934–935 гг. это был флот Фатимидов, тогда правивших Тунисом[799], – в этом пассаже деперсонализированы. С другой, в этом включенном в венецианскую хронику пассаже содержится важная установка в конструировании образа мусульман: специфически «сарацинские» нравы обусловлены именно верой, а не происхождением. В целом, понятие «Восток» для де Моначи выглядело клеймом несовершенства и порочности для всех, включая христиан. В частности, хронист указывал, что «варварские народы» (Barbarae nationes) «христианскую веру, католическую церковь и Римскую империю ослабили и обратились к Восточной церкви, которые, пока могли властвовать в Земле Обетованной, заражали христиан, в ней живущих, своими омерзительными обрядами и вовлекали в суеверные заблуждения»[800].

Особое место занимает в повествовании канцлера Кандии портрет Золотой Орды. До середины XIV в. ордынские государи проводили, казалось бы, политику

---

[798] Laurentii de Monacis. Chronicon de rebus Venetis, ed. Fl. Cornelius. Venetiis, 1758. P. 137: Saraceni venientes de Africa Urbem dictam capiunt, spoliant, occiduntque omnes adultae aetatis, mulieres, et infantes captivos duxerunt, ex quibus postea redeuntibus infantes nati, et eorum successores hiantes praedis, et sanguini Christianorum morem Saracenorum retinuerunt.
[799] A History of the Crusades / Gen. ed. K. Setton. Vol. 1. The First Hundred Years / Ed. by M. Bradshaw. L., 1969. P. 51.
[800] Ibid. P. 137.

наибольшего благоприятствования для иноземных купцов, а своих ссужали деньгами, подобно итальянским республикам, более того, поддержание порядка ради торговли было одним из главных императивов политической культуры данного государства[801]. Однако уже с 1330-х–40-х гг. нарастают тенденции к экономическому ослаблению регионов Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, а с 1335 г., со смерти Абу Саида в Иране, государство ильханов, контролировавшее южный торговый путь в Центральную Азию и Китай, погрузилось в полосу смут и междоусобиц[802]. В хронике де Моначи эпизод, ставший поводом к закрытию ханом Джанибеком (1342–1357) венецианских и генуэзских факторий, освещен следующим образом: «В год 1343 от Рождества Христова в Тане находились галеи и другие суда венецианцев и генуэзцев для торговли и доставки товаров на Запад. Тогда некий надменнейший скиф или татарин в ходе личной ссоры дал пощечину некоему венецианцу из рода де Чирвано. Венецианец, не стерпев позорного оскорбления, убил татарина мечом. Разъяренные татары, собравшись в большую толпу, напали на христиан»[803]. Венецианцы и генуэзцы были вынуждены отступить из города после жестокой резни с большими жертвами с обеих сторон на своих галеях и навах[804]. Де Моначи сообщал: «Тогда венецианцам пришлось торговать в [генуэзской] Каффе, и это положение длились примерно до 1350 г., что было неудобно для них самих, зато способствовало огромной выгоде генуэзцев»[805]. Джанибек, с которым венецианцы попытались возобновить переговоры о мире, именовался в хронике де Моначи «Канибет, государь татар»[806] (Canibeth princeps Tartarorum), и не исключено, что

---

[801] Кульпин Э. С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII–XV веках) // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 78.
[802] Карпов С. П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в Средние века / Под ред. С. П. Карпова. Вып. IX. СПб., 2015. С. 9.
[803] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 207: Anno Domini 1343. Errant in la Tana mercandi gratia, transferendique de more mercimonia ad Occidentem galeae, et alia navigia Venetorum et Januensium. Ibi quidam arrogantissimus Sitha, sive Tatarus, orto private litigio, alapam dedit cuidam Veneto de Ciurana prole. Venetus ignominiosam non ferens injuriam, gladio Tartarum interfecit. Tartari conglobati in multitudinem insurgent furioso impetus in Christianos.
[804] Ibid.
[805] Ibid.
[806] Ibid.

хронист намеренно использовал такой вариант имени хана улуса Джучи, с которым связаны значительные убытки венецианской торговле, дабы подчеркнуть его сходство со словом canis – «пес». В пользу этого также говорит то, что де Моначи в воображаемом титуле Джанибека, очевидно, намеренно не называл последнего императором (в отличие от того же Санудо, именовавшего хана Узбека именно императором, на что никак не влияло крайне негативное отношение к нему со стороны автора «Книги тайн верных креста»), ограничившись общим и обтекаемым титулом princeps, которым, впрочем, де Моначи не раз обозначал венецианских дожей. В официальном венецианском переводе жалованной грамоты Узбека купцам Республики в Тане титул хана вполне однозначно переведен как «император татар» [807]. В венециано-генуэзском договоре 1345 г. Джанибек обозначен как «император Янибех [не Канибет!], государь татар неверный»[808].

Генуэзский посол Коррадо Чигала свидетельствовал, что в 1343 г. «были убиты, пленены и ограблены в Хазарии, области принадлежащей Джанибеку, многие из <…> венецианских, а также многие из наших генуэзских купцов с их товарами»[809]. Плавания латинян в Тану прекратились на пять лет, и венецианцам вскоре пришлось в обход папской санкции заключить соглашение с мамлюкской державой [810]. По выражению Фернана Броделя, «Венеция, опередив своих соперниц, первой явилась в 1343 г. к воротам Сирии и Египта и нашла их незапертыми»[811]. В результате прекращения итальянской торговли в Тане, голод начался в Константинополе и во многих городах Запада, включая и саму Венецию[812]. Последнее не только ощутимо ударило по венецианской экономике,

---

[807] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1880. Vol. 1. № 125. P. 243.
[808] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1880. Vol. 1. № 161. P. 302.
[809] Сборник Венециано-Генуэзских грамот (1342–1491 гг.), III. По изданию: Сборник Венециано-Генуезских грамот (1342–1491 г.) // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 4. Отд. 4–5. Одесса, 1860. С. 183–236.
[810] Карпов С. П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. С. 12.
[811] Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 2007. С. 106.
[812] Карпов С. П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. С. 18; Nicol D. Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Relations. Cambridge, 2002. P. 295.

но и наглядно продемонстрировало зависимость коммуны на Адриатике от контроля над торговыми магистралями.

В 1344 г. Коррадо Чигала предложил венецианскому дожу на время общих для морских республик неурядиц, забыть раздоры и скоординировать действия для того, чтобы «совещаться о средствах к получению мира и спокойствия от означенного хана, дабы впредь в его владениях как вы, венециане, так и мы, генуэзцы, могли бы торговать и вести дела по прежнему порядку»[813]. Договор между Венецией и Генуей, предполагающий общие меры против хана, был заключен летом 1344 г. 22 июля 1345 г. был заключен новый договор о союзе, по которому стороны обязались не вести сепаратных переговоров с Джанибеком или с его наследником, от лица Республики составленный Раффаино Карезини[814]. Стороны отказались вести торговлю со всеми территориями, подвластными Джанибеку, а черноморская венециано-генуэзская торговля сводилась к Каффе и территории, лежащей от нее к западу до Перы[815]. Одним из условий осуществления этого плана «анаконды» против Орды, была беспошлинная торговля для венецианцев в Каффе[816]. Венеции удалось восстановить свою торговлю в Тане в 1347 г. после переговоров с Джанибеком в обход Генуи. Как свидетельствовал флорентийский хронист Маттео Виллани (1283–1363), венецианцы закупали специи и другие восточные товары в Тане дешевле, чем они обходились генуэзцам в Каффе, и пытались использовать это обстоятельство в конкурентной борьбе[817].

В этом же эпизоде с кризисом Таны Лоренцо де Моначи, сетуя на злокозненность генуэзцев и на удобство расположения их колоний, с помощью которых генуэзцы перекрывали венецианцам черноморские маршруты, упомянул о том, что за тринадцать лет до описываемых событий генуэзские силы «одолели

---

[813] Сборник Венециано-Генуэзских грамот (1342–1491 гг.), III.
[814] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1880. Vol. 1. № 161. P. 301–302.
[815] Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. Venice, 1880. Vol. 1. № 161. P. 302.
[816] Ibid. P. 303.
[817] Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. С. 306.

мощнейший флот турок (Teucrorum) которые занимали указанное море»[818]. Крупная морская победа генуэзцев над турками в действительности состоялась в 1319 г., когда флот генуэзского правителя Хиоса Мартино Дзаккария в союзе с госпитальерами почти полностью уничтожил большой флот эмирата Айдын, на котором располагалось около 2600 воинов[819]. По-видимому, за наименованием «тевкры» стоит обыкновенная антикизация названия в духе того, как подданного Джанибека тот же де Моначи назвал скифом. Именование турок тевкрами, троянцами, имело ко временам начала Кватроченто достаточно длительную историю: уже в анонимной рыцарской хронике начала XII в. «Gesta Francorum» была выдвинута версия о том, что турки, подобно римлянами или франкам, происходили от троянцев и унаследовали их доблесть[820]. При этом, как справедливо отметила американская исследовательница М. Мезерв, использование архаизированного экзоэтнонима Teucri само по себе вовсе не свидетельствовало о взглядах употреблявшего этот термин автора XV в. на «троянские» корни турок и, в частности, турок-османов[821]. Так, флорентийский гуманист и мистик-неоплатоник Марсилио Фичино, которому в историографии нередко приписывается приверженность «троянской гипотезе» в отношении турок, употреблял в переписке термины Teucri и Turci, уподобляя турок то ветхозаветному фараону, то мифическим чудищам, противостоявшим Гераклу, но никак не троянцам, а генуэзские чиновники Анджело Джованни Ламеллино и Франко Джустиниани, описывая штурм Константинополя «тевкрами», нигде не называли турок потомками легендарной Трои[822]. И Андреа Дандоло в «Краткой хронике»[823], и Бернардо Джустиниани[824] поддерживали популярную в XIV–XV в. версию о происхождении древних предков венецианцев, венетов, от жителей

---

[818] Laurentii de Monacis. Op. cit. P. 207.
[819] Жуков К. А. Указ. соч. С. 28.
[820] Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. СПб., 2007. С. 196.
[821] Meserve M. Empires of Islam in Renaissance Historical Thought. Cambridge, 2008. P. 31.
[822] Ibid. P. 31.
[823] Andreae Danduli Chronica brevis / A cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores. Bologna, 1940. T. XII. Partes 1– 2. P. 351.
[824] Bernardus Iustinianus. De origine urbis venetiarum rebusque gestis a Venetis libri quindecim // Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae / Ed. J. G. Graevius. Leidein, 1722. P.

Трои и, в частности, вельможи Приама по имени Антенор. При этом у Дандоло в «Пространной хронике» все же содержится версия происхождения турок «от Турка, сына Троила, сына царя Трои Приама»[825].

Раффаино Карезини отнюдь не случайно начал свою хронику с известий о чуме, пришедшей из пределов татар. Также понятно пристальное внимание Лоренцо де Моначи к кризису Таны. Интеллектуалы крупнейшей торговой державы Запада своего времени хорошо осознавали судьбоносность событий Причерноморья середины XIV в. и то, что события эти были симптомом более цивилизационного, более глобального по масштабам сдвига.

В первой половине XV в. венецианская дипломатия последовательно добивалась выполнения своей главной экономической задачи – обеспечения бесперебойного функционирования транзитной торговли с городами, подвластными мамлюкскому Египту. Договор с султаном, подписанный в 1442 г., подтверждал многие привилегии венецианских купцов в городах Египта[826]. Договор предусматривал, помимо известного покровительства властей венецианским советам на территории мамлюков, значительные таможенные льготы. В статье XII султан обязался защищать венецианцев от действий пиратов-туркоманов (Turchomani) «и других народов»[827]. Сцепка между малоазиатскими бейликами и пиратством – общее место не только в нарративе, но и в дипломатических актах Венеции XIV–XV вв.

Примечательно, что Флоренция, пробующая себя в роли морской республики, в 1497 г. заключила с султаном Каит-беем договор, почти дословно копирующий венециано-мамлюкский договор 1442 г. и содержащий ссылки на прецедент предоставления привилегий венецианцам[828]. В том же 1442 г. Венеция учредила консульство в Триполи. В середине столетия венецианцы в Триполи и

---

[825] Andreae Danduli Chronica per extensum descripta. P. 87.
[826] Wansbrough J. Venice and Florence in the Mamluk Commercial Privileges. // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L., 1965. Vol. 28, № 3. P. 485.
[827] Venetian-Mamluk Treaty of 846/1442, XII // Wansbrough J. Op. cit. P. 490.
[828] Wansbrough J. Op. cit. P. 486.

Акре платили пошлины в размере 2%[829], в Египте они должны были платить 10%, тогда как флорентийцы – 14%[830]. Единственным препятствием для торговых интересов Венеции была тенденция к расширению государственного сектора в Египте, имевшая место с 1420-х гг., когда султан установил государственную монополию на торговлю пряностями, окончательно – в 1432 г. Бурджитский султан Инал (1453-1461) продавал тюк столь ценного на Западе перца за 100 дукатов при его рыночной цене в 50[831]. Действия правительства Египта вызвали ряд демонстраций венецианского флота вблизи Александрии и арагонского у берегов Сирии[832], особых последствий, впрочем, не имевших. Однако серьезного ущерба Венеции султанская монополия не принесла, учитывая доминирование Республики в торговле с Египтом. Старая задача установления монополии и вытеснения конкурентов с рынков Ближнего Востока была большей частью уже осуществлена. Флорентийцы и каталонцы как конкуренты Венеции в ближневосточной торговле уже не представляли к началу XV в. серьезной силы, способной поколебать господство Венеции – на примере Флоренции это подтверждается тем, что после торгового договора с султаном Барсбаем в 1422 г. Флоренция Медичи начала переговоры с Египтом о более близких торговых отношениях только с 1485 г[833]. Генуэзцы также не составляли серьезной конкуренции венецианцам на египетском рынке. В ближневосточной торговле доминирование Венеции к середине XV века было практически безраздельным, и достижению этого господства Республика была обязана в первую очередь политическим инструментам: централизованной системе передачи информации и отточенному дипломатическому искусству.

Несмотря на жестокие эпидемии чумы с середины XIV в. и демографические потери, Мамлюкская держава в XV в. все равно оставалась колоссом исламского мира. Никколо Конти в конце своего путешествия, как

---

[829] Ashtor E. Profits from Trade with the Levant in the Fifteenth Century // BSOAS. Vol. 38. 1975. P. 264.
[830] Ibid.
[831] Семенова Л. А. Салах-ад-дин и мамлюки в Египте. М., 1966. С. 171.
[832] Там же. С. 171.
[833] Wansbrough J. Op. cit. P. 484,

передавал Перо Тафур, занял должность переводчика при дворе мамлюкского султана Египта в «Вавилоне», который высоко ценил услуги венецианца[834]. Венецианские и генуэзские купцы были рады не только торговым привилегиям на Востоке, но возможности получить выгодную должность в чиновном аппарате кого-либо из властителей, подобно тому, как это в свое время удалось Марко Поло при дворе Хубилая.

Образ турка-османа как главного и наиболее свирепого из венецианских Других начал постепенно вырисовываться уже в конце XIV в. Ш. Марин выделил семь основных этапов в развитии венецианско-османских отношений, а, вслед за ними, и венецианского нарратива о турках-османах и Османской империи. На рассматриваемый в настоящей работе период приходятся четыре из этих этапов: 1) до битвы при Никополе (1396), характеризующийся отсутствием непосредственной угрозы венецианским владениям со стороны османов, кроме чисто экономической; 2) между Никополем и потерей Фессалоники (1430), когда угроза стала ощутимой, при этом опыт военных побед, вроде сражения 1416 г. при Галлиполи, внушал венецианским хронистам некоторый оптимизм по поводу возможного развития отношений с вновь появившимся мощным противником; 3) между 1430 и Стамбульским миром (1479), этап, характеризующийся оборонительной позицией «Светлейшей»; 4) от Стамбульского мира до окончания «Краткой войны» (1502), когда в Венеции расцветает жанр «публичной историографии» с ее наиболее яркой фигурой – Маркантонио Сабеллико[835].

Фигура Тимура, который 28 июля 1402 г. наголову разбил под Анкарой османского султана Баязида I привлекала повышенный интерес венецианского Сената[836]. Впрочем, вторжение Тимура в 1401 г. в державу мамлюков, являвшуюся главным направление торговых интересов венецианцев на тот момет,

---

[834] Тафур Перо. Странствия и путешествия // Пер., пред. и комм. Л. К. Масиела Санчеса. М., 2006. С. 111.

[835] Marin S. The Venetian Republic and Islam – between Crusading Fervor and Realpolitik (9th-13th centuries). P. 2–3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/15925508/The_Venetian_Republic_and_Islam_between_Crusading_Fervor_and_Realpolitik_9th-13th_centuries_

[836] Régestes des deliberations du sénat de Venice cocernant la Romanie / Ed. F. Thiriet. T. 2. P., 1959. № 1070.

хронист Джорджо Дольфин (1396–1458) через полвека харакретизовал следующим образом: «В это время Тамберлан пришел в Сирию и захватил Дамаск со всею Сирией. И было с ним неисчислимое множество людей, и все покорял он великой мощью, где бы ни проходил. И этими своими деяниями причинил громадные убытки венецианцам в их торговле и движении товаров»[837]. При этом, похоже, в исторической памяти рядового венецианского купечества отпечатался в целом положительный образ Тимура. Если верить Перо Тафуру, Никколо Конти, относивший в беседах с ним начало своего путешествия ко временам Тимура, вспоминал о них с явной ностальгией: «В то время все было надежно, потому что его власть от Великого моря простиралась на все земли вплоть до Индии»[838]. Тимур на несколько десятилетий задержал османскую экспансию и объективно способствовал продлению существования Византии, но для венецианцев его фактор отнюдь не сводится к временному устранению турецкой угрозы для венецианских колоний и торговых точек. Сама битва при Анкаре в некоторой степени была результатом дипломатических усилий венецианцев[839]. Венеция была заинтересована в появлении силы, которая восстановит хотя бы частично инфраструктуру Pax Mongolica, связующую Средиземноморье и Центральную Азию.

Несомненно, одной из поворотных символических вех в восприятии образа мусульманского Востока было взятие Константинополя 29 мая 1453 г. Мехмедом II (1451–1481). Как указывалось ранее, почитатель античности и гуманист Лауро Квирини, по всей видимости, воспринимал турок, главным образом, как разрушительную силу, отказывая им в собственной высокой культуре и считая их разрушителями культуры античной. Несмотря на это, Квирини был склонен считать «Турка» поклонником одного конкретного греческого образа – Александра Великого. Квирини в знаменитом письме к папе Николаю V от 15

---

[837] Dolfin Giorgio. Cronicha dela nobil città de Venetia et dela sua provintia et destretto (origini–1458). T. II. P. 123.
[838] Тафур Перо. Странствия и путешествия. С. 96.
[839] Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438). Екатеринбург, 2007. С. 18.

июля 1453 г. оплакивал гибель Константинополя, призывая понтифика поднять оружие «против нечестивейшего и жесточайшего врага христианского мира»[840], именуя османов «свирепейшими варварами» [841]. Главным, что Кврини подчеркивал в переписке после 1453 г. на политическую тему, была неукротимая решимость султана захватить христианский мир и наличие у него соответствующей военной силы. «На острове Хиос, – рассказывал Квирини в том же письме, – некие обездоленные пленники просили милостыню во имя Господа нашего Иисуса Христа. И многие из местных говорили: “Молчите, о несчастные, прекратите просить Христа ради, просите же во имя Махомета, который Христа победил и одолел!”» [842]. По замечанию гуманиста, султан, овладев Константинополем грезил о мировом господстве, он каждый день читал Арриана, считая себя вторым Александром[843]. В последнем гуманист был прав: Мехмед действительно искренне подражал Александру[844], Искандеру Двурогому, призрак которого веками будоражил завоевателей мусульманского мира. Все же, Квирини не был, как подчеркивал А. Пертузи, зачинателем топоса в латинской публицистике о том, что Мехмед видел себя вторым Александром, был же им, по-видимому, кардинал Исидор[845]. Так, в письме приорам Флоренции Исидор писал: «В силу различных знаков и внушений он [Мехмед – Д. В.] дошел до такой гордыни, что без сомнения утверждает, что царь Александр Македонский, восхищения достойный, подчинил весь мир с меньшей силой, и разве тот, кто уже захватил имперское царствование над Константинополем, и владеет неисчислимым войском, не сможет покорить весь мир?» [846]. Очевидно, в риторических описаниях османской угрозы Квирини действовал все же более как

---

[840] Quirini, Lauro. Beatissimo Nicolao V Pontifici Maximo Laurus Quirinus salute in Domino qui est vera salus // Lauro Quirini Umanista. P. 223: contra impiissimum crudelissimum hostum Christianitatis.
[841] Ibid. P. 227.
[842] Ibid. P. 230.
[843] Ibid. P. 229.
[844] Babinger F. Mehmed the Conqueror and His Time. Princeton, 1992. P. 494.
[845] Pertusi A. Le epistole storiche di Lauro Quirini sulla caduta di Costantinopoli e la potenza dei turchi // Lauro Quirini Umanista. P. 186.
[846] Цит. по: Ibid. P. 187.

гуманист, член общеевропейского гуманистического круга, нежели как носитель венецианского мифа, каким он представал в публицистике на общественно-политические темы.

Дважды, в 1458 и 1464 гг. Квирини пытался представить своим корреспондентам – соответственно кардиналу Лодовико Тревизану-Скарампо и папе Пию II – подробный перечень османских санджаков по Анатолии и Румелии, начиная с Атталии, с указанием численности войск [847]. Э. Захариаду констатировала, что гуманист Квирини оказался довольно слабым политическим аналитиком, представив в обоих случаях устаревшие на тот момент сведения, соответствовавшие реальной картине на примерно 1430 г[848].

Джорджо Дольфин вскоре после падения Константинополя собрал в своей хронике ряд свидетельств о завоевателе. Дольфин, ссылаясь на венецианца дона Джакомо Лангусто, включил в текст хроники словесный портрет Мехмеда II под получавшим в этот период широкое распространение воображаемым титулом «Великого Турка»: «Султан, Великий Турок, – молодой человек двадцати шести лет, хорошо сложенный и ростом чуть выше среднего. Он искусен во владении оружием. Его облик более внушает страх, чем уважение. Он редко смеется, осторожен в суждениях и наделен огромной щедростью <…>. Он мечтает сравняться в славе с Александром Великим и каждый день компаньон по имени Кириако Анконский и другой итальянец читают ему историю Рима и других народов»[849]. Также, по свидетельству Лангусто, Мехмед говорил на трех языках: турецком, греческом и «славянском»[850]. Дольфино подчеркивал, что гигантские пушки, используемые Мехмедом изготавливались немецкими оружейниками[851]. Султан описан как правитель одновременно религиозный, жестокий и не

---

[847] Lauro Quirini Umanista. P. 200–204; См.: Zachariadou E. A. Lauro Quirini and the Turkish Sandjaks (ca. 1430) // Zachariadou E. A. Studies in pre-Ottoman Turkey and the Ottomans. Padstaw, 1988. P. 1–16.
[848] Ibid. P. 16.
[849] Dolfin Zorzi. Cronaca // The Siege of Contantinople: Seven Contemporary Accounts / Tr. by J. R. Melville Jones. Amsterdam, 1972. P. 126.
[850] Ibid.
[851] Ibid. P. 127.

склонный к какому-либо вожделению, кроме жажды славы[852]. Характеристику Мехмеда с набором быстро сложившихся в западной традиции топосов можно встретить в речи гуманиста и дипломата Венецианской республики с Негропонта Николая Секундина к королю Альфонсо V Арагонскому: «Он тщательнейшим образом исследовал систему управления курией и царским двором <…>. Что касается его образа жизни и поведения, то хотя им не свойственны та умеренность, та скромность и строгость, которые требуются от серьезного и нравственно чистейшего князя, тем не менее, не очень сомневаясь, его, пожалуй, можно было бы назвать воздержанным и рассудительным»[853]. Эвбейский автор заметил очевидное несоответствие между характером Мехмеда и сложившимся комплексом представлений о его подданных. Схожий прием использовал Раффаино Карезини, рассуждая о венгерском короле Лайоше.

Уроженец венецианского Крита Георгий Трапезундский (1395–1472/73), пытавшийся в своих посланиях и трактатах убедить Мехмеда не просто принять христианство, но и – уже в роли христианского государя – возглавить утопическую всемирную монархию, оказался одиночкой в ряду византийских и итальянских гуманистов. По мнению отечественной исследовательницы Лобовиковой, знания Георгия об исламе, несмотря на его попытки преодолеть укоренившиеся в христианском мире стереотипы о мусульманах, были все же достаточно поверхностны, а текст Корана он использовал в латинском переводе[854]. Критянин писал султану: «Ты видишь, всезлатый эмир и истинный султан: весь род людской разделен на три части, на евреев, христиан и мусульман, из коих род евреев невелик и слишком рассеян, род христиан многочисленен, велик и имеет великие силы, мудрость и знание, род же мусульман весьма велик и достоин удивления. Итак, если кто-то эти два человеческих рода, я имею в виду христиан и мусульман, к одной вере и одному исповеданию приведет, то я клянусь Богом

---

[852] Dolfin Zorzi. Cronaca. P. 126–127.
[853] Речь Николая Секундина к королю Альфонсу / Пер. И. П. Медведева // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. СПб., 1999. С. 325–326.
[854] Лобовикова К. И. Эсхатология Георгия Трапезундского и проблема отношения к «чужому» // Культурные связи в эпоху Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М., 2010. С. 36.

небес и земли, что его будут прославлять среди всех людей»[855]. Нетрудно заметить, что при такой схеме устройства мира огромное население стран Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии, именуемых в то время зонтичным термином «Индии», оказывалось за пределами «рода людского» или, что куда вероятнее, попросту ничуть не интересовало автора послания, осмыслявшего текущие политические события в категориях средневековой христианской эсхатологии. Еще одна важная деталь в характеристике турок и мусульманского мира в целом выделяла Георгия Трапезундского из широкого круга христианских авторов, писавших об исламе: он намеренно отказывался от представления об исламе как о религии меча и насилия, а также с восторгом и интересом отзывался об османском языке, «солнечном и ослепительном языке турок»[856]. Какими бы намерениями ни руководствовался Георгий, его проект, как и проекты Николая Кузанского и Хуана Сеговийского, остался интеллектуальной утопией, не оказавшей значительного влияния ни на конструирование образа ислама в венецианских трудах, касавшихся восточных сюжетов, ни тем паче на восточную политику западных государств, включая Венецию.

Венецианские интеллектуалы середины XV в. оказались правы, по крайней мере, в одной очевидной вещи: крупномасштабная война Мехмеда II с Венецией после падения Константинополя была вопросом времени. Затяжная и кровопролитная венециано-турецкая война 1463–1479 гг., в результате которой «Светлейшая» лишилась многих важных колониальных владений, завершилась 25 января 1479 г. подписанием мира в Стамбуле. Венеция признавала за османами Негропонт, Лемнос, Морею, Скутари[857]. Она получила гарантии дипломатического присутствия в Стамбуле, за эту возможность и за право на торговлю в водах Османской империи турки требовали ежегодно 10 тыс. дукатов

[855] Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры. С. 20.
[856] Лобовикова К. И. Эсхатология Георгия Трапезундского и проблема отношения к «чужому». С. 30.
[857] The Peace Treaty of 1478, 13–15 // Wright D. G., Mckay P. When the Serenissima and the Gran Turco Made Love: the Peace Treaty of 1478 // SV. 2007. P. 275.

от байло[858]. Восточная торговля не была перекрыта венецианцам, однако теперь условия диктовали не они.

Маркантонио Сабеллико завершал рассказ о падении Константинополя весьма патетичным замечанием об эпохальности этого события: «Таким образом узнали мы, что Константинополь, благороднейший город Греции, был захвачен Магометом, королем турок. Так была уничтожена старейшая империя на тысяча сто двадцать первом году от своего основания»[859]. Гуманист Сабеллико писал свой главный исторический труд вскоре после того, как Венеция потерпела жестокое поражение в войне с османами в 1463–1479 гг. Именно после Константинопольского мира для венецианской элиты стали окончательно очевидны невозможность по прежним правилам доминировать в восточносредиземноморской торговле, в традиционной области венецианских интересов, и необходимость закрепления на новых магистралях, выход на которые хотя бы отчасти компенсировал потери Венеции от османской экспансии.

Объем торговли Венеции с владениями мамлюков, представлявшими в XIV–XV вв. главный экономический интерес на Востоке для венецианских купцов, резко пошел вверх после спада в 1457 г., и к 1464 г. торговля между Венецией и Бейрутом, контролировавшимся бурджитами, превысила тысячу лир ди гроссо, причем Бейрут оказался еще более тесно связан с Венецией, нежели Александрия[860]. При этом ввиду турецкой угрозы восточносредиземноморской торговле Венеции и ее колониям во второй трети XV в. венецианцы сумели выйти на маршрут, альтернативный традиционным направлениям их торговой активности: это был путь на Варварийский берег, включавший побережье

---

[858] The Peace Treaty of 1478, 11 // Wright D. G, Mckay P. Op. cit. P. 276–277. О венецианской дипломатии в новых условиях после османского завоевания державы мамлюков в 1517 г. см.: Pedani M. P. Venetian Consuls in Egypt and Syria in the Ottoman Age // Mediterranean World. 2006. No. 18. P. 7–21.

[859] Marci Antonii Sabellici. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita, libri XXXIII. P. 859: In hunc modum Constantinopolim, nobilissimam Graeciae urbem, a Maometho Turcorum Rege captam accepimus. Ita vetustissimum imperium eversum anno suae conditionis supra millesimum ac centesimum primo & vicesimo.

[860] Régestes des deliberations du sénat de Venice cocernant la Romanie / Ed. F. Thiriet. Paris, 1961. T. 3. P. 268.

современных стран Магриба (Марокко, Алжир, Тунис) и Ливии. Хотя генуэзцы вышли на эти пути еще в XII в., венецианцы также имели здесь определенный опыт: первый известный нам договор с султаном Туниса, дававший Венеции право на создание фондако, относится к 1231 г. [861] После падения Константинополя значимость этого направления торговли особенно возрастает для Венеции. Здесь венецианцы получали доступ к товарам транссахарской торговли: шкурам, шерсти, зерну, предметам роскоши, золоту, рабам из Черной Африки[862]. В 1492 г. Венеция установила прямое сообщение между Александрией и Джербой, Тунисом и Варварийским берегом, которое обеспечивало поставки в Магриб ближневосточных товаров, а также существенно облегчило путь паломникам из этих мест до Мекки[863]. Так же, как ранее Венеция занимала главные магистрали между центрами византийского ареала, Республика Св. Марка уже в XIV в. и особенно активно в XV столетии стремилась к включению в торговые пути внутри мусульманского мира.

Одним из венецианцев, заложивших информационную базу для масштабных колониальных экспедиций не столь отдаленного будущего, был нобиль Альвизе да Мосто (ок. 1432–1483). Португальский инфант Энрике Мореплаватель (1394–1460), стремившийся утвердить контроль Португалии над работорговлей по побережью Западной Африки, активно привлекал опытных кораблестроителей и моряков из итальянских морских республик. Он также поощрял развитие географического знания и одним из первых оценил труд Марко Поло не как занимательное чтиво о диковинах Востока, а как достоверный географический документ. Принц дон Педро, брат Энрике, находясь в 1425–1428 гг. в Венеции, приобрел книгу Марко Поло – бесценный материал для заморских экспедиций Лиссабона[864]. Имея опыт торговли на Варварийском берегу, да Мосто поступил на службу к португальскому инфанту и в 1455 г. совершил экспедицию к западноафриканскому побережью, достигнув р. Гамбии, а в 1456 г. добрался до

[861] Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963. С. 441.
[862] Hoquet J.-C. Venice and the Turks // Venice and the Islamic World: 828–1797. N. Y., 2007. P. 38.
[863] Ibid. P. 38.
[864] Бизли Ч. Р. Генрих Мореплаватель. 1394–1460. М., 1979. С. 95–96.

р. Казаманс на территории современного Сенегала. Через несколько лет после смерти своего покровителя в 1460 г. да Мосто вернулся в Венецию, где и написал подробный отчет о своих путешествиях в Африку[865]. По замечанию К. Риттера, «Плавания» Альвизе да Мосто стали для европейцев в отношении Африки тем же, что книга Марко Поло – в отношении Азии[866]. Да Мосто не раз подчеркивал, что к подробному исследованию торговли, быта и нравов Западной Африки его побуждали не только коммерческие интересы, но и стремление увидеть нечто новое[867]. Очевидно, помимо собственных торговых мотивов и вполне искренней открытости новой информации, путешественник также руководствовался интересами Венецианской республики, нуждавшейся в достоверных данных об африканских торговых путях.

Альвизе да Мосто первым из европейских авторов представил подробную панораму транссахарской торговли солью и золотом, которую в XIII– XV вв. контролировала империя Мали (Мелли). Да Мосто полагался на данные мусульманских купцов и передал представление о том, что жители такого жаркого климата, каков в Мали, жизненно нуждаются в соли, без каждодневного приема которой у них якобы загнивает кровь[868]. По словам да Мосто, в империи Мелли не могли жить четвероногие животные из-за жары и ядовитых трав[869]. Да Мосто сообщил о том, что золото государь Мелли получал посредством «немого обмена» на соль у неведомых ни самим малийцам, ни европейцам племен[870].

Примечателен взгляд да Мосто на распространение в Западной Африке ислама. Венецианец писал о государстве Санага: «Вера этих черных –

---

[865] Частичный русский перевод см.: Мосто Альвизе да. О плаваниях мессера Альвизе да Мосто, венецианского дворянина / Пер. Л. Е. Куббеля // История Африки. Хрестоматия. М., 1979. С. 307–317; Navigazioni di messer Alvise da Ca da Mosto gentiluomo Veneziano // Il viaggio di Giovan Leone e le navigazioni di Alvise da Ca da Mosto, di Pietro di Cintra, di Annone, di un piloto portoghese e di Vasco di Gama quali si leggono nella raccolta di Giovambattista Ramusio. Venezia, 1837.

[866] Alvise Ca' da Mosto. Voyages en Afrique Noire (1455 et 1456) / Relation traduite et présentée par F. Verrier. Paris, 1994. P. 16.

[867] Мосто Альвизе да. Указ. соч. С. 315.

[868] Там же. С. 308; Navigazione… P. 181.

[869] Там же.

[870] Там же. С. 309; Navigazione… P. 182.

магометанская (maomettana), однако не столь они тверды в вере, сколь белые мавры (и даже простонародье!). Синьоры же держатся магометанских взглядов, ибо имеют возле себя отдельных из вышесказанных азанагов или арабов, каковые туда приехали. И эти люди дают синьорам некоторые наставления, говоря, что-де великим пороком было бы быть синьором и жить без всякого закона Господня; и поступать так, как делает их народ и простонародье, кои живут в беззаконии. И по этой причине, не говорив ни с кем, помимо упомянутых выше азанагов и арабов, обратились синьоры в веру Магомета. Но после того, как познакомились они и побеседовали с христианами, стали [в него] верить меньше»[871]. Под «белыми маврами» (Mori bianchi) венецианец явно подразумевал арабов, с государствами и нравами которых он постоянно сравнивал реалии народов субсахарской Африки.

Государи Мали с упорством неофитов старались предстать правоверными властителями мусульманской страны. Именно на внешнеполитический эффект был рассчитан роскошный хадж правителя Канку Мусы в 1324 г., поразивший воображение мусульманского мира[872]. Ибн Баттута (1304–1377) подчеркивал религиозное рвение жителей Мали в заучивании Корана. При этом тот же автор среди «дурных поступков», явно выдающих рудименты дисламского уклада, упоминал то, что женщины во дворце правителя ходили обнаженными, включая принцесс[873]. В пассаже о вероисповедании жителей субсахарской Африки венецианский автор, указав на поверхностный и почти сугубо элитарный характер обращения в ислам ее жителей и сообщив о том, что христианство здесь известно, по-видимому, намекал на определенную возможность грядущей христианизации хотя бы части населения. Термин «мавры», один из общеупотребимых в отношении мусульман в Европе XV в.[874], у да Мосто имеет то же внеэтническое, чисто религиозное значение, как и понятие «сарацины». Африканцы-

[871] Мосто Альзвизе да. Указ. соч. С. 312. См.: Navigazioni. P. 184: La fede di questi primi Negri è maomettana; ma no sono però ben fermi nella fede, come il Mori bianchi e massime il popolo minuto. E li signiori tengono la la opinione de' Maccomettani, perche anno appresso di loro alcuni de predetti Azanaghi, ovvero Arabi, che pur ve ne capita.
[872] Куббель Л. Е. Указ. соч. С. 97.
[873] Ибн Баттута. Подарок созерцающим относительно диковин городов и чудес путешествий // История Африки. Хрестоматия. М., 1979. С. 291.
[874] Кардини Ф. Европа и ислам: История непонимания. СПб., 2007. С. 195–196.

немусульмане, в том числе сереры, в отчете путешественника обозначены как идолопоклонники[875].

Да Мосто описал иерархию знакомых ему африканских государей, на вершине которой находился властитель Мали, через воображаемую титулатуру. Правитель Мали – единственный из африканских монархов, названный у да Мосто императором[876] (imperatore di Melli). Сами властители этой обширной державы носили титул манса. Арабские авторы обычно указывали, что он означал просто «государь», причем Ибн Баттута также называл правителя Мали султаном[877]. Титулу императора как верховного суверена относительно соответствовал лишь титул манден-манса – правителя всех мандинка, который носил повелитель всего Мали, в то время как звание манса имели владетели небольших княжеств мандинка и даже деревенский староста мог именоваться дугу-манса[878]. Государь Джолофа (Санага) у да Мосто фигурировал как король[879] (re). Воображаемая титулатура с большим или меньшим перенесением европейских реалий на иные пространства была весьма удобным способом конструирования ментальной карты. В частности, девять вождей гуанчей, аборигенов Канарских островов, которые к тому времени уже начали колонизировать испанцы, в отчете путешественника названы синьорами: «Этот остров [Тенерифе] управляется девятью синьорами, которые именуются вождями (duchi). Они не являются синьорами по естественному праву, по которому сын наследует отцу, но тот, кто могущественнее, становится синьором. Эти синьоры порой воюют друг с другом, жестоко убивая, подобно диким зверям. У них нет иного оружия, кроме камней и палок в духе дротиков, на концах которых они укрепляют острый рог, вместо железа»[880]. Автор, поместив гуанчей на нижнюю

---

[875] Navigazione… P. 187.
[876] Ibid. P. 182.
[877] См.: Ибн Баттута Указ. соч. С. 286.
[878] Куббель Л. Е. Указ. соч. С. 96.
[879] Navigazione… P. 183.
[880] Navigazione… P. 179: In questa Isola anno fra loro nove signori, chiamati duchi: non sono signori per natura, che succeda il figliuolo al padre, ma chi piu puo e signore. E fanno allevolte fra loro querre, ammazzandozi come bestie. Non anno alter armi, che pietre, e mazze a modo di dardi, e alla punta mettono un corno aguzzo in luogo di ferro…

ступень культурной иерархии, все же сопоставлял их властные отношения с европейскими. Верования гуанчей на Гран-Канарии, Тенерифе и Ла Пальме путешественник именовал идолопоклонством[881].

Цвет кожи разных западноафриканских народов в отчете да Мосто варьировался от черного до смуглого, как у берберов-зенага[882], именуемых им азанаги (Azanaghi). Последних путешественник описывал так: «Санага[883] <…> – великая река, которая отделяет племя, которое именуется азанаги, от первого королевства черных. Эти азанаги – люди сероватого цвета, цвета столь смуглого, что, правда, близок к светло-серому»[884]. Слово Negri («черные», «негры») – основное обозначение субсахарских африканцев в отчете венецианского морехода. Оно употреблялось им и применительно к империи Мелли (Мали), которая так и была им названа Imperio de'Negri[885] («Империя Черных»), и при описании периферийных кочевых этносов[886]. Что касается эстетической оценки физического облика африканцев, то у да Мосто встречается беглая характеристика рабыни 12–13 лет, которую ему подарил правитель с титулом «будомель», – «очень красивой, но очень черной»[887]. С точки зрения цветового кода инаковости особенно показательны замечания Альвизе да Мосто об отношении к себе на африканских базарах. Купец рассказывал, что и его цвет кожи, и костюм жители воспринимали как диковину, а некоторые даже прикасались к нему, послюнив палец, дабы проверить, краска это или настоящий белый цвет[888].

В отчете венецианского путешественника встречается характеристика ситуации в государстве Джолоф на реке Санага (Сенегал) через сравнение с положением дел у мамлюкских султанов: «Получается, что государство неустойчиво и нетвердо – таково, каково государство султана в Каире; государю

---

[881] Navigazione… P. 178–179.
[882] См. Куббель Л. Е. «Страна золота» – века, культуры, государства. М., 1990. С. 220.
[883] Р. Сенегал – Д. В.
[884] Navigazioni ... P. 175:
[885] Ibid. P. 181.
[886] Ibid.
[887] Мосто Альвизе де. Указ. соч. С. 318.
[888] Там же. С. 315.

же постоянно угрожает либо смерть, либо изгнание»[889]. Описание неведомого для европейцев африканского государства давалось через сравнение с особенностями политической культуры Египта при мамлюках-бурджитах, которые в Венеции были известны особенно хорошо.

Значительный интерес представляют замечания да Мосто о вовлеченности европейцев в торговлю на конечных северных пунктах транссахарского транзита. Одним из главных товаров африканской торговли, по отчету да Мосто, являлись рабы. Венецианец, вернувшийся к моменту написания труда с португальской службы, совершенно не пытался оспорить первенство португальцев в контакте с жителями «страны Будомеля» севернее Зеленого Мыса, упомянув, что ряд сведений о ней получил именно от португальцев[890]. В целом, позиция нарратива Альвизе да Мосто во многом близка взглядам его старшего современника Никколо Конти: оба были хорошо знакомы с географической традицией мусульманского мира и проявляли искренний интерес к быту и нравам Азии и Африки.

Во время войны с османами в 1463–1479 гг. первоочередной задачей венецианской дипломатии был поиск союзников среди других держав мусульманского Востока. Непокорных султану анатолийских беев в то же время взяло под свою защиту государство Ак-Куйунлу во главе с Узун-Хасаном (1453–1478). Этот амбициозный правитель, мечтавший о славе Тимура, внушал венецианцам известные надежды. 11 августа 1473 г. регулярная османская армия разбила Ак-Коюнлу под Отлугбели. Войско Узун-Хасана потеряло около десяти тысяч человек, тогда как потери султана составили лишь тысячу воинов[891]. Два дипломата, посланные к Узун-Хасану – Амброджо Контарини (1473–1475) и Иосафат Барбаро – составили отличающиеся друг от друга образы туркменского государя и его подданных и, в целом, обладали несходными взглядами на Восток[892].

---

[889] Мосто Альвизе да. Указ. соч. С. 311; Navigazione… P. 183.
[890] Мосто Альвизе да. Указ. соч. С. 313; Navigazione… P. 185.
[891] Babinger F. Op. cit. P. 315.
[892] См. Барбаро и Контарини о России. С. 26.

В исторических сочинениях второй половины XV в., не затрагивавших напрямую близкую авторам по времени эпоху, теме противостояния Венеции в период ее собственной «древности» с различными мусульманскими воинствами тоже уделялось внимание. Бернардо Джустиниани помещал рейды халифатского флота и морских разбойников со славянского побережья Адриатики в единое смысловое поле враждебных молодой республике (и одновременно – Византии) внешних и варварских сил. Государственный деятель, несомненно, проводил параллели между эпохой «венецианской античности» и современной для него ситуацией.

Иосафат Барбаро, проведший молодость во владениях Золотой Орды и не нуждавшийся при дворе Узун-Хасана в переводчике, сумел достаточно быстро установить неформальное, почти дружеское личное общение с монархом. «Путешествие в Персию» сохранило свидетельства подобного общения. В частности, сам правитель Ак-Куйунлу рассказал Барбаро историю о трех глазах мира: «Пранкатаини, катаини [китайцы – Д. В.], три глаза имеет мир, два их имеют катаини, а франки — один»[893]. Данный анекдот имел давнее хождение в мусульманском мире, его же, в несколько ином виде приводил Никколо Конти применительно к жителям «Центральной Индии»[894]. В другой раз в добром расположении духа султан Ак-Куйунлу посоветовал своей свите «учиться у итальянцев», когда Барбаро открыл султанский футляр с драгоценностями не руками, а через платок[895].

Джованни Мария Анджолелло (ок. 1452–1525), долгое время проживший в Османской империи даже получивший высокую должность дефтердара при Мехмеде II, оставил весьма ценное описание обстановки на Ближнем Востоке в период ожесточенного соперничества Османской империи и Ак-Куйунлу, а затем

---

[893] Волков И. В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарии) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред.: С.Г. Бочаров. Кишинёв, 2015. С. 627.
[894] См.: Возчиков Д. В.. Из Китая в Индокитай: путь одного географического термина в итинерарии венецианского купца XV в. // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Редколл.: А. И. Кобзев и др. М., 2015. С. 163–176.
[895] Волков И. В. Указ. соч. С. 626.

– османов и Сефевидов. Повествование Анджолелло об Иране начинается с рассказа о брачной дипломатии Ак-Куйунлу и Трапезундской империи: «Ассамбей, самый могущественный король в Тебризе и Персии, имел несколько жен и, среди прочих, одну по имени Деспинакатон, дочь трапезундского императора по имени Калоян[896], который страшился мощи Магомета II Османского, и верил, что посредством этого брака ему удастся укрепить свое положение с помощью Ассамбея. Терпя нужду, император выдал дочь замуж за него с условием, что она сможет сохранить христианскую веру и держать при себе калогеров для окормления»[897]. Длительное и подробное описание войны между Мехмедом и Узун-Хасагом начинается у Анджолелло с описания Караманского бейлика. Именно он, по мнению венецианца, – главное яблоко раздора между «персами» и «Великим Турком»[898]. Констатация геополитического противостояния между правителями Малой Азии и Ирана в отчете Анджолелло находит параллели у автора «Книге тайн верных креста», также обособлявшего Иран от остальных стран исламского Востока и считавшего его возможным союзником Венеции в планируемом крестовом походе.

Император Трапезунда Иоанн IV большую часть своего правления придерживался ярко выраженной проосманской ориентации, в результате чего традиционные связи между Трапезундом и туркменами ак-куйунлу, непримиримыми противниками османов, резко охладели, однако после падения Константинополя трапезундский император не мог не осознавать, что следующей целью Мехмеда II неизбежно станет именно Трапезундская империя, не завоевав которую, султан не мог считать себя полноправным преемником римского имперского титула[899]. По всей видимости, в 1458 г[900]. состоялась свадьба Феодоры, дочери Иоанна IV, и султана Ак-Куйунлу. Описание этого

---

[896] Иоанн IV Великий Комнин (1429–1459).

[897] Giovan Maria Angiolello. A short narrative of the life and acts of the King Ussun Cassano // A Narrative of Italian Travels in Persia, in the Fifteenth and Sixteen Centuries. L., 1873. P. 73–74.

[898] Giovan Maria Angiolello. A short narrative of the life and acts of the King Ussun Cassano. P. 74.

[899] Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб., 2001. С. 317.

[900] Там же. С. 318.

политического шага у Анджолелло, как и его повествование в целом, достаточно нейтрально и даже отдаленно не напоминало риторический пафос Раффаино Карезини по поводу схожей в ряде моментов ситуации.

Именно Османская империя впоследствии оказалась той силой, противостоять которой венецианская великодержавность уже не смогла. При этом главным европейским зеркалом мусульманского Востока, в том числе и Турции, в XVI–XVII вв. оставалась «Светлейшая». Символично, что как раз венецианские мастера изготовили знаменитую четырехкоронную (а не трехкорунную, как папская) тиару Сулеймана Кануни (1520–1566)[901]. При отсутствии фигуративных самопрезентаций исламских держав, рассчитанных на Запад, венецианцы XV в. Джентиле Беллини, Витторе Карпаччо и другие создавали зрительные образы городов, горожан и правителей Османской империи и Мамлюкского султаната накануне ее падения, причем, как в случае с Джентиле Беллини, адресованные не только европейцам, но и самим властителям мусульманского мира. Именно в Венеции впервые был опубликован нелатинский перевод Корана в 1547 г[902]. В конце концов, Венеция даже тогда, когда она была существенно потеснена на Востоке новыми европейскими игроками, сохраняла авторитет сведущей в «турецких делах» державы, играла значительную роль и в левантийской коммерции, и в формировании западного дискурса об исламе. В целом, образы мусульманского мира в венецианском нарративе были достаточно дифференцированы. Несмотря на то, что интеллектуалы отдавали дань ряду нормативных в Средние века топосов об исламе вообще, используя их обычно в зависимости от текущей политичесой ситуации, политическая, хозяйственная и культурная несхожесть разных мусульманских обществ осознавалась ими достаточно явственно.

4.2. «Три Индии»: венецианский взгляд

[901] См.: Sultan Suleyman the Magnificent Wearing the Jewel-Studded Helmet [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/42.41.1/

[902] Кардини Ф. Указ. соч. С. 232.

К XIV–XV вв. образ сарацина или мавра, по выражению Ф. Кардини, «присутствовал… в коллективном сознании европейцев, вызывая страх, одновременно став чем-то привычным»[903]. Страны же Востока индуистского, буддийского и конфуцианского для средневекового Запада к началу рассматриваемого периода все еще оставались таинственной территорией баснословных зверей и народов-монстров. Представления об Индии как о крае ойкумены, стране чудес, чудовищ и несметных богатств укоренились еще в античной литературе. Геродот, Ктесий и Мегасфен населяли Индию, наряду с реальными народами и царствами, гигантскими муравьями-золотоискателями[904], одноногими прыгунами-моноколами, псоглавцами[905] и другими фантастическими персонажами. Плиний Старший в «Естественной истории», широко известной и цитируемой на протяжении всего Средневековья, подвел итог четырем столетиям античного дискурса об Индии – крае обитаемого мира и мире крайностей: «Индия и земли эфиопов особенно изобилуют чудесами»[906]. В Средневековье, как отмечал Ж. Ле Гофф, «Индийский океан – это ментальный горизонт, средневековая западная экзотика, средоточие грез и вытесненных желаний»[907].

Венецианец Марко Поло (ок. 1254–1324) в историографии нередко изображается «настоящим Геродотом Средних веков»[908]. Представляется интересной и достаточно логичной версия отечественного исследователя А. Г. Юрченко, по мнению которого Марко Поло путешествовал отнюдь не как венецианский купец, а как агент Хубилая, гонец, дипломат и разведчик великого хана, и, стало быть, надиктованная венецианцем «Книга Марко Поло» являлась имперской картотекой стран и городов[909]. Каковы бы ни были подлинные цели создания «Книги о разнообразии мира», сочинение Марко Поло прочно вошло в

---

[903] Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007. С. 195.
[904] Геродот. История, III, 102–105.
[905] Plin. Nat Hist. VII. 21.
[906] Plin. Nat Hist. VII. 23: «Praecipue India Aethiopumque tractus miraculis scatent».
[907] Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002. С. 175.
[908] Бизли Ч. Р. Генрих Мореплаватель. 1394–1460. М., 1979. С. 84.
[909] Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007. С. 12.

европейский дискурс о Востоке уже в XIV в. Картограф Абрахам Креск с Майорки практически дословно процитировал данные об империи Юань из «Книги о разнообразии мира» на знаменитом Каталонском атласе 1375 г. [910] Впрочем, современники не спешили оценивать по достоинству достоверные сведения о Китае, Центральной Азии и Индии, собранные Марко Поло, относясь к его книге скорее как к развлекательному чтиву о чудесах. Огромная популярность в XIV–XV вв. фантастической компиляции «Путешествия сэра Джона Мандевиля» [911] (1356 или 1357 гг.) свидетельствовала о востребованности в Европе поражающих воображение историй о «сказочной Индии».

Перемещение стран «трех Индий» из непознанных пространств в чувственный мир означало постепенную рационализацию европейского знания об огромном регионе Южной и Юго-Восточной Азии. Морские республики Генуя и Венеция были заинтересованы в достоверной информации о богатых странах, лежащих за поясом мусульманских государств Леванта. Первую в Средневековье, хоть и неудачную, попытку достичь Индии через плавание вокруг Африки предприняли братья Вивальди из Генуи в 1291 г., в то же время владение Каффой на Черном море позволило генуэзцам установить почти регулярное торговое сообщение с Персией, Индией и Китаем[912].

Новые актуальные данные об Индии, Китае и Юго-Восточной Азии были весьма востребованы и в Венецианской республике. Государственный деятель, ученый и дипломат Марино Санудо Старший (ок. 1270–1343)[913] уделил Индии определенное внимание в своем главном труде – «Книге тайн верных креста» (1307–1321). Индия фигурирует уже в начале первой книги трактата. «Большая часть почестей, доходов, изобилия и гордости султана и народов, ему подвластных, – писал венецианец, – основана на пряностях и других многочисленных товарах, которые не производятся в землях и областях султана, а

---

[910] Юрченко А. Г. Книга Марко Поло. С. 41.
[911] Мельникова Е. А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998. С. 136.
[912] Pistarino G. La capitale del Mediterraneo: Genova in Medioevo. Genova, 1993. P. 141.
[913] Lock P. Op. cit. P. 4.

произрастают в землях и областях Индии и доставляются на запад через море Океан, перевозятся из одного моря в другое. Это море Океан имеет в тех краях два главных порта, из которых один называется Махабар, а второй – Камбет. В этих портах собирается большая часть пряностей и других товаров Индии, а потом их по морю Океану везут на запад в нижеописанные четыре важных порта»[914]. Четыре порта – это Ормуз, Киш, Бальдак (Багдад) и Аден[915]. Из индийских географических пунктов здесь представлены только Малабарское побережье и город Камбей в Гуджарате. Китай в тексте Санудо упоминался лишь в связи с монгольским завоеванием. Хубилай, по представлениям автора, «правил татарами сорок два года, он был христианином и в царстве Катай основал город больше Рима под названием Ионг, в котором до сих пор помнят его»[916]. В том же контексте Санудо бегло рассказал о дважды провалившемся походе флота Хубилая в Японию, однако приписывал его брату Хубилая – хану Манго (Мункэ, хан в 1251–1259 гг.), и снабдил вымышленными подробностями: «Манго, муж благоразумный и храбрый в военном деле, …подчинил многие провинции, и по Катайскому морю отправился завоевывать некий остров, но буря разбила и потопила корабли, и он утонул вместе со многими, и наследовал ему брат Кобила Хаам»[917]. Сведения о походе Мункэ против империи Сун, закончившийся в 1259 г. смертью ха на во время затяжной осады Хэчжоу в Сычуани[918], перемешаны в тексте со столь же фрагментарными данными о неудавшихся юаньских морских экспедициях в Японию в 1274 и 1281 гг.

Марино Санудо почерпнул много информации о монголах, хотя местами и очень сильно искаженной, из сочинения армянского принца Гайтона (Хетума) «Цветник историй земель Востока» (1307), не упоминая впрямую этого автора[919]. Близость принца к папской курии и лично к Клименту V могла способствовать

---

[914] Marini Sanuti Torselli. P. 22.
[915] Ibid.
[916] Ibid. P. 236.
[917] Ibid.
[918] The Cambridge History of China, Vol. 5: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279. Part 1 / ed. by D. Twitchett and P. J. Smith. Cambridge; N. Y., 2009. P. 954.
[919] Lock P. Op. cit. P. 6–7.

большой популярности этого сочинения у современников. По-видимому, сведения Хетума, сильно проигрывающие Марко Поло в достоверности, показались энтузиасту крестового похода заслуживающими доверия постольку, поскольку исходили непосредственно от представителя христианского Востока. В частности, вышеназванные данные про гибель Мункэ в морском походе, христианстве Хубилая и ханскую резиденцию Ионг в тексте Санудо – пересказ венецианским автором 12-й главы третьей книги «Цветника историй» [920]. Уподобление империи Юань Европе проводится в текстах Гайтона и Санудо через сравнение города, построенного ханом, с Римом, причем не в пользу последнего. Положительное восприятие Юаньской державы и китайцев, составлявших большую часть ее населения, было характерно для венецианского дискурса. Возвышение немусульманского Востока – реального или воображаемого – на страницах политического сочинения в данном случае выглядело стремлением найти союзников против мусульман. Для Санудо именно Индия – источник изобилия всего Востока, желанная цель венецианской торговли. Экономическое воплощение идеи крестового похода Санудо выражено в переходе на альтернативные торговые маршруты, которые позволили бы Венеции закупать пряности и роскошные изделия Индии, минуя несговорчивых султанов и эмиров, а затем и в превращении Восточного Средиземноморье в mare clausum Венецианской республики.

Венецианская республика к середине XV в. давно пользовалась славой наиболее информированного о делах на Востоке европейского государства. Идея первенства на море и открытия новых земель стала одной из важных составляющих венецианского мифа. Одним из тех венецианцев, благодаря которым знания позднесредневекового Запада о народах Востока, существенно расширились, был купец Никколо Конти (ок. 1395–1469). Барбаро, перечисляя в «Путешествии в Тану» великих путешественников и географов прошлого, ставил Марко Поло и Никколо Конти в один ряд с Геродотом, Страбоном и Плинием и с

[920] Гайтон. Цветник историй земель Востока, III, 12. По изданию: Гайтон. Цветник историй земель Востока. С. 211–274.

гордостью отметил, что «оба наши венецианцы»[921]. Конти провел в торговых поездках по арабскому миру, Индии и Юго-Восточной Азии свыше двадцати лет. Рассказы венецианца об этих землях дошли до нас в изложении флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV Поджо Браччолини (1380–1459), включившего их в четвертую книгу трактата «О превратности судьбы»[922], а также в пересказе кастильского путешественника Перо Тафура[923].

Путешествия Никколо Конти до сих пор специально не исследовались в российской историографии. Из источников, связанных с Конти, до выхода русского перевода «Странствий и путешествий» Тафура отечественному читателю был доступен лишь перевод ряда отрывков из отчета Поджо Браччолини в статье о Конти в четырехтомнике Р. Хеннига, немецкого историка географических открытий[924]. Полностью труд Поджо «О превратности судьбы», содержащий отчет Конти, на русский язык никогда не переводился. Однако и в мировой историографии исследования, посвященные Конти, немногочисленны. Из последних обзорных работ о путешествиях Конти следует отметить редакционную статью К. Бризила. Значению отчета Конти в тексте Браччолини и первым его изданиям посвящена работа индийского филолога С. Чаудхури[925]. Испанский исследователь Х.-П. Рубиес в монографии о европейских путешествиях в Индию в эпоху Возрождения проявляет большой интерес к странствиям Никколо Конти, ставит проблему формирования образа индийской действительности в отчете путешественника, однако не затрагивает образы буддийского мира в повествовании Конти[926].

---

[921] Барбаро и Контарини о России. С. 137.
[922] Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor. Paris, 1723.
[923] Тафур П. Странствия и путешествия. С. 95–112.
[924] Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1963. Т. 4. С. 44–53.
[925] Chaudhuri S. India Recognita: The Travels of Nicolò de’ Conti // Oriente e Occidente nel Rinascimento / ed. Luisa Secchi Tarugi. Milan, 2009. P. 236–278.
[926] Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625. Cambridge, 2000.

После возвращения в Италию Конти прибыл в 1439 г[927]. во Флоренцию, где находился папа Евгений IV[928], для того, чтобы получить прощение за отречение от христианской веры в Египте. По признанию самого Конти, он вынужден был принять ислам не столько из-за угрозы своей жизни, сколько из-за страха за жизнь жены и детей[929]. В качестве своеобразного искупления за вынужденное принятие ислама во владениях мамлюков Конти подробно рассказал о своих путешествиях папскому секретарю Поджо Браччолини. Гуманист основательно расспросил путешественника «в собрании ученейших мужей и у себя дома» и заключил, что его рассказы правдивы и достойны сохранения в письменном виде[930]. Браччолини пытался преподнести отчет Конти читателю как, в первую очередь, рассказ об удивительном и свидетельство открытия заново стран, известных античной традиции, и именно в этом ключе отчет Конти, позднее включенный Браччолини в текст «О превратности судьбы», прошел литературную обработку. Отчет Конти можно условно разделить на две части: в первой, главным образом, идет рассказ о маршруте путешествий венецианского купца, вторая же отводится более детальному описанию хозяйства, уклада и обычаев жителей «Индий». Отсюда возникает и известная сложность: данные о разных странах – Виджаянагаре, Мьянме, Китае – оказываются нередко перемешаны во второй части отчета.

С Перо Тафуром Конти повстречался на Синае двумя годами ранее, в 1437 г. на обратном пути в Италию. В непринужденной беседе с Тафуром Конти гораздо больше, чем в отчете папскому секретарю, дал волю воображению и часто рассказывает откровенно вымышленные истории, в том числе о своем пребывании при дворе Тимура, в реальности скончавшегося еще в 1405 г., и у легендарного пресвитера Иоанна. Конти поведал кастильцу: «Когда я приехал в Индию, меня отвезли к пресвитеру Иоанну, который принял меня хорошо и оказал много милостей, женил меня на женщине, с которой я еду, и эти дети

---

[927] Breazeale K. Editorial Introduction to Niccolò de' Conti's Account // SOAS Bulletin of Burma Research. 2004. Vol. 2. № 2. P. 100–110.
[928] В миру Габриэле Кондульмер, сам венецианец по происхождению.
[929] Bracciolini P. Op. cit. P. 126.
[930] Ibid.

родились у меня там, и прожил я в Индии сорок лет, очень желая вернуться на родину»[931]. Срок в сорок лет, указанный венецианцем, – по-видимому, не просто преувеличение, а числовой образ долгих скитаний по чужбине, восходящий к Ветхому Завету. Спустя шесть десятилетий, к образам «Исхода» обратился другой купец и путешественник из другой морской республики – генуэзец Иеронимо ди Санто Стефано. В письме партнеру мессеру Майнерио от 1 сентября 1499 ди Санто Стефано рассказал о своем «горестном странствии» по Ближнему Востоку, Индии, Мьянме и Нусантаре[932]. В начале путешествия в Египте по дороге из Каира в Кену ди Санто Стефано и его компаньон Иеронимо Адорно замечали «развалины многих древних городов и многие восхитительные здания, построенные во времена язычников, среди которых все еще стояло несколько храмов»[933]. Правда, подробно рассказывать о живописных древнеегипетских руинах генуэзец не стал. Далее, описывая путь до порта Кусейра на Красном море, он был уверен, что именно по этим горам и пустыням «скитались Моисей и народ Израиля, изгнанные фараоном»[934]. Ди Санто Стефано упомянул ветхозаветного фараона в письме, очевидно, не только по ассоциации с местом начала путешествия, но и в связи с последующим горьким опытом отношений с некоторыми восточными правителями.

Вполне возможно, что Никколо Конти сознательно дезинформировал впечатлительного и доверчивого кастильца, стараясь не пустить в Индию никого, кто мог бы составить конкуренцию венецианским купцам. По словам самого Тафура, Конти, узнав, что его собеседник собирается отправиться в Индию, стал настойчиво отговаривать идальго от втягивания «в столь великое безумие, ибо дорога длинна, трудна и опасна, через земли чужих племен без царя, закона и господина»[935]. Далее Конти живописует жестокость и грубость жителей дальних

---

[931] Тафур П. Странствия и путешествия. С. 96–97.
[932] Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano, a Genovese, addressed to Messer Giovan Jacob Mainer // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / Ed. by R. H. Major. L., 1857. P. 3.
[933] Ibid.
[934] Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 3.
[935] Тафур П. Указ. соч. С. 97.

стран, причем без конкретной локализации, и именует их «звероподобными людьми, над которыми не властен их разум»[936]. Отношение к индийцам и жителям Индокитая в отчете Поджо у Конти совсем иное, а столь пугающие характеристики встречаются исключительно в описании жителей Нусантары и Андаманских островов. В рассказе папскому секретарю Конти представил историю своих путешествий, описание религиозной жизни и повседневности Индии и Юго-Восточной Азии, и именно этот отчет – основной источник для данного исследования.

Все земли, лежащие к востоку от Ирана, фигурируют в отчете Конти под общим наименованием «Индия»: «Вся Индия разделена на три части: первая – от Персии до реки Инд, вторая – от Инда до Ганга, а третья – все, что далее. [Третья часть – *Д. В.*] намного превосходит остальные в богатствах, человеческом достоинстве и роскоши, а по образу жизни и государственным обычаям равна нам»[937]. К этой «третьей Индии» путешественник отнес и Китай, и Аву, и Пегу. Характерное для средневековых источников разделение Индии – крайнего предела мира – на две или три части с различными вариациями, иногда включавшими Эфиопию, впервые появилось в апокрифической литературе о проповеднической деятельности апостола Варфоломея на Востоке и апостола Фомы в Парфии[938]. Различные легенды о миссии апостола Фомы в Индии были хорошо известны Никколо Конти. В рассказе Перо Тафуру Конти упомянул, что св. Фома проповедовал на берегах Нила, причем Нил протекает из Индии до Эфиопии[939], т. е. Индия и Африка соединены полоской суши, замыкающей Индийский океан. В отчете Поджо Конти не демонстрировал приверженность версии о замкнутости Индийского океана, все еще популярной в XV в.

Примечательно, что Ява, несмотря на свое положение значительно восточнее Ганга, в отчете Конти Поджо расположена не в «третьей», а «во

---

[936] Тафур П. Указ. соч. С. 98.
[937] Bracciolini P. Op. cit. P. 139.
[938] Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 102.
[939] Тафур П. Указ. соч. С. 109–110.

внутренней Индии, у самых пределов мира»[940]. По-видимому, отношение Конти к Яве как к месту негостеприимному не позволило путешественнику отнести этот остров к процветающей и культурной «третьей Индии».

Одна из характерных особенностей повествования Конти – отсутствие распространенного в Средние века представления о народах-монстрах, дань которому часто отдавали даже крупные путешественники. Миссионер и путешественник первой половины XIV в. Одорико де Порденоне говорил о жителях Никобарских островов: «И у мужчин, и у женщин здесь собачьи морды»[941]. Марко Поло – венецианец, как и Конти, – зачастую скептически воспринимал представления современников о фантастических народах и животных. Однако и он нашел место псоглавцам в своем рассказе, «населив» ими Андаманские острова[942]. Х.-П. Рубиес полагает, что за фактом отсутствия собачьих голов у каннибалов-андаманцев в отчете Никколо Конти, возможно, стоит литературная обработка Поджо, стремившегося вписать андаманцев в схему иерархии народов «через язык цивилизации»[943]. Однако дискурсом варварства, а не народов-монстров оперировали как Поджо, так и сам венецианский путешественник. Никколо Конти говорил Перо Тафуру, что народы-монстры, населявшие воображение и книжную культуру европейцев, ему неизвестны. Тафур, по-видимому, веривший в существование этих монстров в далеких краях, прямо спросил Конти, «не видел ли он всяких монстров в человеческом обличье, тех, которых некоторые называют людьми с одной ногой или одним глазом, или маленьких в локоть высотой, или больших, с копье ростом; он говорит, что о таких ничего не слышал»[944]. Поэтому предположение Х.-П. Рубиеса, что отсутствие псоглавцев в отчете венецианца – следствие правки Поджо, вряд ли соответствует действительности.

---

[940] Bracciolini P. Op. cit. P. 135.
[941] Одорико де Порденоне. Восточных земель описание, исполненное Одорико, богемцем из Форо Юлио, что в провинции Антония // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Пер., введ. и прим. Я. М. Света. М., 1968. С. 186.
[942] Книга Марко Поло. С. 176.
[943] Rubiés J.-P. Op. cit. P. 113.
[944] Тафур, 106.

Правда, в отчете Браччолини Конти один народ-монстр все же встречается. Венецианец сообщил, что однажды, путешествуя по реке близ города Коччи, он увидел с корабля костры на берегу и сперва решил, что их развели рыбаки. Но индийские моряки со смехом поведали ему, что эти костры развели icepe – водяной народ, который питается рыбой, заманивая ее огнями, и вылезает из воды по ночам, внешне неотличимый от людей, но который «можно назвать или рыбами, или монстрами»[945]. Здесь, впрочем, речь идет не о продолжении западного представления о народах-монстрах, а о заимствовании из воображаемого мира индийцев персонажей, прототипом которых, как и в случае с нагами или ванарами, по-видимому, были представители племенной периферии. Да и сами ицепе уподобляются монстрам и животным не по причудливому облику, а лишь по образу жизни. В рассказах Конти прослеживается дальнейшее отступление традиционных географических мифов, по сравнению с трудами предшественников.

Свое путешествие на Восток Конти начал в Дамаске, где он провел юность и овладел арабским языком. Венецианец с караваном, насчитывавшим шестьсот купцов, отправился к Евфрату, затем его путь пролегал через руины Багдад, Басру, далее он отправился морем – в порт Кольхум, потом в Ормуз и «благородный эмпорий персов» Калкатию[946], которая, очевидно, – порт Калхат в Омане, до которого из того же Ормуза десять дней ехал морем Афанасий Никитин[947], затем вместе в персидскими купцами Конти поехал в Индию, где сошли на берег в порту Combaitha. Под последним Конти явно подразумевал важный торговый город Камбей в Гуджарате[948], современный Кхамбхат. В дальнейшем Конти путешествовал в Южной Индии по владениям империи Виджаянагар, бывал на Суматре, Яве и ряде государств Индокитая. Обратный путь путешественника проходил по маршруту Каликут – Сокотра – Аден – эфиопский порт Барбора –

[945] Bracciolini P. Op. cit. P. 137.
[946] Ibid. P. 127.
[947] Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 50.
[948] Rubiés J-P. Op. cit. P. 100.

Джидда – Синай – Каир[949]. Конти значительно меньше, чем, к примеру, Марко Поло, привлекали военные и событийные сюжеты. Особый интерес венецианец XV в. проявил к торговле, обычаям, нравам и верованиям далеких стран. Конти скрупулезно перечислил диковинные товары разных стран, проявив особенный интерес к специям. Купец не оставил без внимания региональные торговые связи: к примеру, отметил, что гвоздика произрастала только на острове Бандам[950], жители которого поставляли эту пряность на Большую и Малую Явы[951].

Очевидно, перед тем, как оказаться на страницах трактата Браччолини, сведения Конти вновь прошли отбор. Гуманиста Поджо более всего интересовала духовная жизнь далеких стран, и он явно старался соотнести данные путешественника с хорошо известными ему античными источниками. В частности, комментируя пространный рассказ Конти про охоту на слонов у жителей страны Мацин, Браччолини замечает, что такой же способ охоты на этих зверей – заманивание в специальную ловушку – упоминается еще Плинием[952]. Описания стран Южной и Юго-Восточной Азии в передаче рассказа Конти у Поджо Браччолини примечательны тем, что характеризуют не только личные впечатления венецианского путешественника, но и попытку флорентийского гуманиста вписать вновь полученные знания в традиционные представления о Востоке. Браччолини пытался включить сведения об общественной и духовной жизни Индии, предоставленные ему путешественником, в собственное мировоззрение ренессансного мыслителя-гуманиста и почитателя античности. Большая часть того, что Браччолини знал об Индии до встречи с Конти, базировалась на античной традиции. Одним из авторов, повлиявших на представления Поджо об индийцах, был Диодор Сицилийский, чью «Историческую библиотеку» Браччолини перевел с греческого на латинский язык[953]. Перед тем, как поведать читателю о путешествиях Конти, Браччолини

---

[949] Bracciolini P. Op. cit. P. 138–139.
[950] Очевидно, архипелаг Банда в группе Молуккских о-вов.
[951] Bracciolini P. Op. cit. P. 136.
[952] Ibid. P. 132.
[953] Rubiés J-P. Op. cit. P. 103.

восторженно сообщил, что Конти удалось достичь земель, лежащих далеко за островом Тапробаной, «до которого, как известно из письменных свидетельств, не добирался никто из нас, кроме двоих: во-первых, командира флота Александра Великого, а во-вторых, римского гражданина во времена Тиберия Клавдия Цезаря»[954]. История о римском гражданине – вольноотпущеннике некоего Анния Плокама, попавшем во время принципата Клавдия ко двору царя Тапробаны (Шри-Ланки), приводится в «Естественной истории» Плиния Старшего[955]. Плиний также упомянул тапробанское посольство в Рим во главе с Рахией, снаряженное царем вскоре после встречи с вольноотпущенником, и включил в «Естественную историю» те сведения об острове, которые римляне получили, благодаря этому посольству. Плиний представил Тапробану государством, в котором ни у кого нет рабов, а народ избирает царя «по старости и кротости»[956]. Для гуманиста Браччолини было важно подчеркнуть общность древних греков и римлян с его современниками, заново открывающими античную словесность и античные представления о мире. К средневековым текстам, в которых Индия и Юго-Восточная Азия так или иначе нашли отражение, Поджо не проявил заметного интереса. Поклонник греко-римской науки не обращался к таким энциклопедиям, как «Великое зерцало» доминиканца первой половины XIII в. Винсента из Бове, и игнорировал европейских путешественников, сравнительно недавно бывавших значительно восточнее Тапробаны, которую Конти прямо отождествил с Суматрой, – гуманист не упомянул ни Одорико де Порденоне, посетившего в начале XIV в. Индию и Китай, ни даже Марко Поло[957].

Напротив, Никколо Конти, вероятно, был хорошо знаком с книгой своего соотечественника Марко Поло и еще до начала своего путешествия имел возможность почерпнуть некоторые сведения об Индии и Юго-Восточной Азии оттуда. В ряде описаний Конти прослеживается преемственность с «Книгой о разнообразии мира». К примеру, у Поло встречаются сведения о распространении

---

[954] Bracciolini P. Op. cit. P. 127.
[955] Plin. Nat. hist. VI. 84.
[956] Plin. Nat. hist. VI. 89.
[957] Chaudhuri S. Op. cit. P. 270.

в Индии астрономии и геомантии[958], в отчете Конти эти сферы знания описаны как прерогатива брахманов[959]. В рассказе Никколо Конти упоминаются два острова под названием Ява – Ява Большая и Ява Малая, отстоящие друг от друга на расстоянии 100 миль, окружности островов соответственно три и две тысячи миль[960]. Практически те же самые данные о размерах Большой и Малой Явы сообщил Марко Поло: более трех и более двух тысяч миль в окружности[961]. С данными космографии Поло перекликаются также сведения Конти о Китае, о которых речь зайдет далее.

Культурам Юго-Восточной Азии, как и Китаю, в отличие от Индии, заметного места в античной традиции не нашлось: сколько-нибудь достоверные сведения о них начали поступать в Европу лишь с XIII в. в сообщениях миссионеров, купцов и путешественников, главным образом, благодаря появлению связующей разные концы Евразии Монгольской империи. Поэтому сведения о них для гуманиста Браччолини, по-видимому, мало интересовавшегося близкими ему по времени сочинениями о дальних странствиях, были определенным информационным вызовом. Однако, как мы увидим далее, страны, не отраженные в трудах античных писателей и географов, воспринимались Конти–Браччолини отнюдь не одинаково.

Один из ключевых элементов в образе Индии у Конти – это портрет брахманов. Индийские брахманы изображены у Конти–Браччолини образованными и добродетельными мудрецами: они прямо названы «родом/племенем философов» – «Philosophorum genus»[962]. Примечательно, что у Плиния Старшего брахманы тоже именуются «племенем»[963]. Конти отмечал праведность и мудрость брахманов, их познания в астрономии и геомантии и уверял даже, что встречал философа, дожившего до трехсотлетнего возраста,

---

[958] Книга Марко Поло. С. 182.
[959] Bracciolini P. Op. cit. P. 142.
[960] Ibid. P. 135.
[961] Книга Марко Поло. С. 171–172.
[962] Bracciolini P. Op. cit. P. 142.
[963] Plin. Nat. hist. VI. 64: Gentes quas memorare non pigeat a montibus Hemodis (quorum promunturium Imaus vocatur incolarum linguae nivosum sie significante) Isari, Cosiri, Izi et per iuga Chirotosagi Cognomen multarumque gentium Bragmanae, quorum Mactocalingae…

которого повсюду сопровождали дети[964]. Под геомантией Конти, как и ранее Марко Поло, подразумевал, по всей видимости, индуистское учение об организации пространства – вастувидья. Брахманы в отчете венецианца изображаются также могущественными чародеями, способными вызывать и останавливать бурю, причем регламентация принятия пищи, предполагавшая закрытость от глаз небрахманов, трактуется Конти как страх перед сглазом[965].

Однако в качестве примера погодной магии в Индии Конти, завершая рассказ о брахманах, привел не индуистского священнослужителя, а некоего араба-медиума. Браччолини записал подробный рассказ венецианца о случае одержимости: «Со всей серьезностью Никколо рассказал, что, когда он стоял во главе одного корабля, судно было на семь дней застигнуто штилем посреди моря. Испуганные моряки собрались у жертвенника возле мачты и исполняли над ним разные священнодействия, танцуя вокруг него и все чаще призывая по имени бога Мутию (Muthiam), чтобы штиль не продолжался. Между тем один из арабов, одержимый демоном, удивительным образом запел и забегал по всем кораблю, подобно безумцу»[966]. Затем одержимый съел несколько угольков с жертвенника и потребовал крови петуха. Получив обещанную кровь, он предсказал морякам попутный ветер и велел приготовиться к сильной буре, но вскоре рухнул полумертвым на палубу, полностью забыв все, что только что говорил и делал. Обещание, однако, сбылось, и судно добралось до порта[967]. Перо Тафуру Конти поведал об этом таинственном плавании в еще более фантастическом ключе, уверяя путешественника, что, когда он плыл по Красному морю, моряки «советовались с врагами [рода человеческого]»[968], которые предстали в виде черного силуэта на мачте. Очевидно, образ брахманов как обладателей магической силы в отчете Конти Браччолини контаминировался с локальными спиритическими практиками, особенно популярными в Южной Индии. Мутия в

---

[964] Bracciolini P. Op. cit. P. 142.
[965] Ibid. P. 142.
[966] Ibid. P. 143.
[967] Ibid.
[968] Тафур П. Странствия и путешествия. С. 107–108.

отчете Конти – единственный из индуистских богов, названный по имени. М. Пирсон отождествляет Мутию из текста Браччолини с тамильским богом Muthiah[969]. По-видимому, Мутия Конти – это дравидский бог войны и охоты Муруган, именуемый также Muttu и Mutthya Kumaraswami. В культе Муругана у тамилов до сих пор распространены практики одержимости этим божеством, причем считается, что Муруган гораздо чаще, чем другие боги, вызывает одержимость[970]. И в тексте Браччолини, и в тексте Тафура Конти однозначно говорил о демонической природе сил, к которым взывали посреди моря его спутники.

В отчете Конти встречаются утопические мотивы. Остров Цейлон представлялся венецианскому купцу республикой, которой правят знатные брахманы: «Острова управляются родом браммонов, которые считаются мудрее остальных людей. Браммоны – философы, посвятившие всю жизнь изучению астрологии и совершенствованию добродетельной жизни»[971]. Конти подробно описал царский двор империи Виджаянагар, но монархов на Цейлоне не упомянул, хотя, по-видимому, в образе брахманской республики в его рассказе предстало тамильское индуистское царство Джафна на севере острова. Судя по описанию «государства философов» на Цейлоне, Конти весьма высоко оценивал способности брахманов к управлению. Известно, что костяк государственного аппарата Виджаянагара составляли именно брахманы. Еще основатель державы Харихара I, проводя политику централизации, начал заменять наследственных глав округов назначаемыми из центра чиновниками[972].

На восприятие Цейлона как своеобразного государства философов у Конти, вероятно, повлияла государственная идеология Венецианской республики, прославлявшая Венецию как уникальное общество, управляемое благородными и

---

[969] Pearson M. N. Coastal Western India: Studies from the Portuguese Records. Delhi, 1981. P. 120.
[970] Автор благодарит за консультацию кандидата культурологии, доцента кафедры религиоведения, этнокультурологии и регионалистики Российского православного университета им. св. Иоанна Богослова (Москва) Максима Демченко.
[971] Bracciolini P. Op. cit. P. 130.
[972] История Индии в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. А. Антонова, К. З. Ашрафян. М., 1968. С. 329.

мудрыми гражданами. В рассказе о Цейлоне Поджо вряд ли исказил описание Конти, так как его собственные взгляды на благородство как черту, главным образом, нрава, а не крови противоречили принятым в Венеции воззрениям. «Венецианский миф» отстаивал идеал благородства, в первую очередь, происхождения, и такой видный представитель венецианского гуманизма, как Лауро Квирини полемизировал по этому поводу с самим Браччолини. Склонность к созданию утопических картин Никколо Конти обнаружил и в беседах с Тафуром. Мифическое государство пресвитера Иоанна в Индии в его представлении – тоже олигархическая республика, в которой пресвитер Иоанн – не конкретный персонаж, а выборный магистрат, отдаленно напоминающий венецианского дожа. В рассказе Конти пресвитера выбирала коллегия из «двенадцати мужей, благородных по происхождению и добродетели»[973]. Таким образом, в описаниях Конти отчетливо прослеживаются утопические идеи, основанные на «венецианском мифе».

В рассказе о Цейлоне Конти оставил описание добычи корицы из коры коричного дерева[974]. Это была достоверная и весьма важная информация, с точки зрения торговли, ведь до того даже венецианская элита не знала, откуда корица поступает на египетские рынки. За сто лет до путешествия Конти Марино Санудо был в полной уверенности, что корица растет только в Египте (!), и полагал, что это – единственный товар, которого лишатся христиане в случае торговой блокады Египта[975]. В отчете Конти прослеживается смещение внимания от центров перепродажи индийских товаров к местам их происхождения.

Брахманы в описании Конти–Браччолини не являлись жрецами. Индийские священнослужители названы бахали («Bachali»). Об этих жрецах путешественник сообщал, что они вегетарианцы и ограничиваются одной женой, которая после смерти мужа восходит на его погребальный костер и, сгорая, никак не показывает свою боль[976]. На восприятие Поджо Браччолини рассказов Конти о брахманах мог

---

[973] Тафур П. Странствия и путешествия, 99–100.
[974] Bracciolini P. Op. cit. P. 130.
[975] Marini Sanuti Torselli. Op. cit. P. 3.
[976] Bracciolini P. Op .cit. P. 142.

оказать влияние идеализированный образ индийских гимнософистов («нагих мудрецов») в античной литературе, в частности, в «Естественной истории» Плиния. У Плиния брахманы упоминались лишь среди множества индийских «племен», покоренных Александром Македонским, а философами и подвижниками, способными постоянно смотреть на солнце, предстают гимнософисты [977], прообразом которых послужили, по-видимому, джайны-дигамбары или адживики. Бахали в описании Конти противопоставляются брахманам, «племени философов», как «племя жрецов» [978]. Если брахманы распространены по всей Индии, то бахали у Никколо Конти – скорее локальная общность, связанная с городом Cambaitha[979] – Камбеем.

Конти рассказал о повсеместно распространенной в Индии традиции самосожжения вдов – сати. Самосожжение вдов упоминалось Конти в описании столицы империи Виджаянагар: «В городе насчитывается 90 тысяч человек, способных носить оружие. Местные жители берут столько жен, сколько захотят, и те потом сжигаются вместе с [умершими – Д. В.] мужьями» [980]. Далее купец говорит о многочисленных женах государя, их градации и участи, ожидающей вдов после смерти государя. «Их [виджаянагарцев – Д. В.] царь, – сообщал путешественник, – намного превосходит остальных. Он имеет двенадцать тысяч жен, из которых четыре тысячи следуют за ним повсюду пешком и заняты на кухне; столько же – в нарядах, украшенных богаче, ездят верхом. Остальные путешествуют в носилках, и из них две или три тысячи выбраны ему в жены, с условием того, что после смерти своего господина они добровольно бросятся в костер, что считается для них великой честью»[981]. По словам путешественника, жрец бахали напутствует готовящуюся взойти на костер вдову, призывая «презреть жизнь и смерть», и рассказывает об ожидающей ее загробной жизни с

[977] Plin. Nat. hist. VII. 22.
[978] Bracciolini P. Op. cit. P. 142.
[979] Ibid. P. 138.
[980] Ibid. P. 128.
[981] Ibid. P. 129.

мужем, полной неги и роскоши[982]. Сати в рассказах Конти – неотъемлемая часть образа жизни и рядовых индийских горожан, и монаршего двора, и жрецов. В ярком описании сати в среде самих жрецов бахали мы скорее видим восхищение мужеством и стойкостью жены, чем осуждение самоубийства, Браччолини здесь, очевидно, более привержен античному идеалу добродетели, нежели типично христианскому. В таком восприятии бахали у Конти–Браччолини прослеживается определенная симпатия, а, следовательно, у папского секретаря едва ли были мотивы искусственно разделять брахманов и бахали из повествования путешественника. Поэтому причины различия между жрецами-бахали и брахманами-философами в нашем источнике следует видеть скорее в большом разнообразии индийского жречества в зависимости от кастовой принадлежности, конкретной функции и региона. Разные роды брахманов классифицируются в зависимости от ранга каст, которым они служат в качестве домашних жрецов, причем выше всех в иерархии стоят ученые брахманы, которые вообще не служат[983].

В чем же причина такого отрыва брахманов от их основной функции в индийском социуме в рассматриваемом нами источнике? Х.-П. Рубиес полагает, что именно Поджо Браччолини пытался, вопреки подлинным рассказам Конти, отделить философов от «идолопоклоннических» культов, поскольку, например, описанная Конти сцена бросания молящихся под колесницу идола на празднестве в Виджаянагаре плохо согласовывался с образом добродетельных и мудрых философов[984].

Сообщество с относительно схожим с бахали названием – это баккалы. В более поздних индийских источниках, в частности, эпохи Великих Моголов, баккалы – общее название купеческих каст[985]. Гуджаратские торговцы банья относятся к варне не брахманов, а вайшьев, но не исключено, что под бахали Конти подразумевал именно их, учитывая такие особенности, как

---

[982] Bracciolini P. Op. cit. P. 141.
[983] Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст. СПб., 2001. С. 95.
[984] Rubiés J.-P. Op. cit. P. 106.
[985] Ашрафян К. З. Дели: история и культура. М., 1987. С. 122.

географическую привязку к Камбею и вегетарианство. С другой стороны, Конти нигде не именовал бахали торговцами, они – genus sacerdotum. Вопрос об идентификации бахали остается открытым.

Особый интерес Никколо Конти проявил к культовым сооружениям и религиозным традициям. «По всей Индии почитаются боги, которым строят храмы, очень напоминающие наши, – рассказывает путешественник, – изнутри они расписаны разнообразными фигурами, а по торжественным дням украшаются цветами; в храмах стоят идолы – каменные, золотые, серебряные и из слоновой кости, некоторые из них достигают шести футов в высоту»[986]. Конти прямо указывал на разнообразие молитв и жертвоприношений в Индии, на подношения «по обычаю древних язычников» божествам угощений, которые после совершения ритуала раздавались беднякам[987]. Он оставил описание празднества колесниц в столице крупнейшей индуистской державы Юга: «В Бизенегалии же в определенное время года устанавливают идола между двумя колесницами, в которых красиво наряженные девушки поют гимны богу, идола возят по городу в сопровождении множества людей. Многие, охваченные жаром своей веры, бросаются под колеса, чтобы быть раздавленными, что считается приятным богу»[988]. За рассказом о празднике колесниц у Конти следует красочное описание других празднеств: Дивали, о котором возвещали в храмах и на крышах «бесчисленные светильники», и праздника Холи, во время которого индийцы, громко смеясь, обливают шафрановой водой всех участников празднества, включая царя и царицу[989].

Помимо самоубийств на празднике колесниц, в отчете Конти упоминались и другие практики религиозного самоистязания. В городе Камбее, по свидетельству путешественника, жрецы перед идолами обращаются к народу с призывом оставить жизнь во имя богов. Один из распространенных способов культового самоубийства, после которого человека «считают святым», согласно Конти, –

[986] Bracciolini P. Op. cit. P. 143.
[987] Ibid. P. 144.
[988] Ibid.
[989] Ibid. P. 144–145.

отсечение себе головы круглым железным предметом, закрепленным на шее и приводимым в движение ногами с помощью цепи после произнесения ритуальных слов [990]. Речь, очевидно, шла о локальных гетеродоксальных практиках умерщвления плоти.

Описывая сати или аскетические подвиги локальных культов, Конти обычно не пытался дать оценку происходящему с точки зрения христианской морали, но старался указать, какой смысл им придавали сами индийцы. Конти проявил неподдельный интерес к индийской культуре, он не только запечатлел ее шокирующие для европейца черты, но и был открыт к прекрасному в ней. Однажды венецианец был так заворожен «сладостным пением» индийской свирели, что индийцы, видя его восхищение, рассказали ему о том, что свирель подражает пению легендарной птицы семенды (semenda), способной возрождаться из пепла[991]. Браччолини передал легенду о ней так: «Он [Никколо] утверждает, что в пределах центральной Индии есть удивительная птица, в клюве которой есть несколько отличных друг от друга трубок со множеством отверстий. Когда приходит время умирать, птица собирает в своем гнезде сухое дерево и, сидя на нем, начинает сладостно петь всеми трубками в клюве, зачаровывая слушателей. Затем птица поджигает дерево хлопанием крыльев, давая себе сгореть. Вскоре из пепла вылезает червь, из которого вновь рождается та же птица» [992]. В рассказе Конти феникс, известный в бестиариях, начиная с «Физиолога», получает имя семенда. Очевидно, речь здесь идет не об индуистском, а о мусульманском предании. В ряде персидских источников два «огненных» образа античной традиции – феникс и саламандра – контаминировались в птицу саламандру, а иранский автор Бузург ибн Шахрияр в «Чудесах Индии» рассказывал о птице самандал, не горящей в огне[993]. Скорее всего, историю птицы семенды Конти, владевший арабским и персидским языками, узнал от своих компаньонов-мусульман. Эпизод с семендой у Конти –

[990] Bracciolini P. Op. cit. P. 144.
[991] Ibid. P. 147.
[992] Ibid.
[993] Юрченко А. Г. Книга Марко Поло. С. 624–625.

наглядный пример влияния мусульманской картины мира на европейский дискурс об Индии.

Может показаться странным, что Конти практически не говорил об индийских мусульманах, о могущественных мусульманских государствах, к примеру, о державе Бахманидов. Генуэзец Иеронимо ди Санто Стефано, например, в рассказе о торговых поездках по Среднему Востоку, Индии и Юго-Восточной Азии непременно сообщал, кем по вере был правитель каждого из государств – мавром или «язычником»[994]. Поскольку Никколо Конти и сам принял ислам, пусть, по его словам, и вынужденно, и уже на обратном пути, можно было бы ожидать от него развернутого рассказа о мусульманах Индии и Малайского архипелага. Он прекрасно знал арабский и персидский языки. Перо Тафур утверждал, что султан Египта даже сделал Конти своим главным толмачом в качестве компенсации за то, что венецианца ограбили и принудили сменить веру в его владениях[995].

В Индию Конти попал вместе с персидскими купцами. Конти и его новые компаньоны дали друг другу клятву верности[996]. Последнее говорит о том, что венецианец, очевидно, стал членом одной из персидских купеческих корпораций. Первым из индийских городов Конти посетил Камбей, находившийся под властью гуджаратских султанов из династии Музаффаридов. В то время Гуджаратским султанатом правил Ахмад-шах (1411–1443), основатель Ахмадабада – новой столицы государства и важного экономического центра[997]. Правда, большая часть путешествий венецианца по Индии пришлась на южную ее часть, где доминировала индуистская империя Виджаянагар, фигурирующая у Конти под названием Бизенегалия[998]. Косвенно исламизация упоминалась в рассказе Конти о погребальных обычаях «передней Индии», которые резко контрастировали с кремацией, характерной для «центральной Индией» (по Конти,

---

[994] Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 4–9.
[995] Тафур П. Странствия и путешествия, 111.
[996] Bracciolini P. Op. cit. P. 128.
[997] Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб., 2003. С. 146.
[998] Bracciolini P. Op. cit. P. 128.

все территории между Индом и Гангом). Конти описал величественные усыпальницы знати «передней Индии», над которыми сооружался роскошный павильон[999].

Конти упоминает индийских несториан, повествуя о своих путешествиях по империи Виджаянагар. О процветании этой христианской общины в данный период можно судить по сообщению Конти о несторианах в Майлапуре: «Еретики поклоняются телу Святого Фомы, которое с честью покоится в огромнейшей и красивейшей базилике. Они называются несторианами, и в этом городе их проживает до тысячи; они рассеяны по всей Индии так же, как евреи среди нас»[1000].

Если нравы Индостана у Конти описаны с известной симпатией, то островной пояс Юго-Восточной Азии – Нусантара – изображен жестоким и неприветливым миром с изуверскими обычаями. Знакомство Никколо Конти с Нусанатрой началось с Суматры (Sciamuthera). Венецианец отождествил с Тапробаной античных авторов именно ее, а не Цейлон, фигурирующий под названием Саиллана[1001]. Путешественник посетил здесь прославленный город-эмпорий, где провел год и сделал вывод, что на острове «мужи жестокие, а нравы грубые»[1002]. Конти пренебрежительно отозвался о внешнем виде горожан, утверждая, что и у мужчин, и у женщин огромные уши, оттянутые серьгами с драгоценными камнями. Жители Суматры носят льняные и шелковые одеяния до колен. В области Батех (очевидно, батаки) Конти отметил каннибализм и обычай охоты за головами: «В части острова, которую называют Батех, живут людоеды (Antropophagi), которые постоянно воюют со своими соседями… Они обезглавливают пленных врагов, и, съев плоть, сохраняют их головы, используя их в качестве денег: если им нужно что-либо купить, то они расплачиваются одной или несколькими головами в зависимости от стоимости вещи. Тот, кто

[999] Bracciolini P. Op. cit. P. 141.
[1000] Ibid. P. 129.
[1001] Ibid. P. 130.
[1002] Ibid. P. 131.

хранит дома много голов, считается богаче»[1003]. Сакральный аспект охоты за головами остался вне поля зрения путешественника. На двух Явах, Большой и Малой, как утверждал Конти, жили «бесчеловечнейшие из всех и жесточайшие» люди на земле, для которых «убить человека — забава»[1004]. Венецианский купец также задействовал пищевой код восприятия в уничижительном изображении реалий Явы. «Они, – говорил путешественник, – поедают мышей, собак, кошек и всяких еще более грязных животных, а жестокостью превосходят всех смертных»[1005]. Правда, поедание змей и ящериц как деликатеса, о котором Конти подробно сообщает в описании Южной Индии и буддийских государств Индокитая[1006], совершенно не являлось для него признаком грубости или дикости нравов. Сам топоним Ява древних и средневековых источников, его локализация и этимология по сей день вызывают дискусии в историографии. Первое датированное употребление топнима yava на собственно острове Ява в надписи царя Санджаи из Чанггала от 732 г., хотя термин yavadvipa фиксируется задолго до того уже в «Рамаяне» и пуранах, причем общим местом в описании острова было указания на обилие золота, месторождения которого на Яве отсутствуют, зато им богаты Калимантан (Борнео) и Суматра[1007]. Филолог В. Махди придерживается мнения, что первоначально Явой назвалась Юго-Восточная Суматра, согласно же выводам отечественного исследователя А. О. Захарова, топоним Явадвипа относился и к Калимантану, и к Суматре, и к Яве не только на рубеже XVIII–XIX вв., как свидетельствовал Т. Раффлз, но уже в раннее Средневековье[1008]. Ж. Бушон склонна отождествлять Большую Яву Конти с Борнео, а Малую – с собственно Явой[1009]. Возможно также, что Большая и Малая Ява Конти – это соответственно Ява и южная часть Суматры, поскольку Марко Поло, с трудом которого Конти, очевидно, был знаком, называл Малой Явой

[1003] Bracciolini P. Op. cit. P. 131.
[1004] Ibid. P. 135: hominem occidere pro ludo est.
[1005] Ibid. P. 135.
[1006] Ibid. P. 133, 136.
[1007] Захаров А. О. Некоторые замечания о топониме «Ява» в I тыс. нашей эры // ВДИ. 2012. № 3. С. 79–80.
[1008] См.: там же. С. 79, 88–89.
[1009] Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti. P. 27–28.

Суматру[1010]. В рассказе путешественника о нравах яванцев содержится наиболее раннее свидетельство в западноевропейском источнике об амоке – сложном социально-психологическом феномене Нусантары.

Амок (амук) – состояние бешенства, необузданной ярости[1011], в таком источнике, как малайская хроника «Сулалат-ус-салатин», он предстает в разных формах. Иногда – как чисто спонтанная вспышка агрессии, иногда – как процесс, до некоторой степени управляемый. Так, согласно «Сулалат-ус-салатин», сын министра Малаккского султаната тун Хусейн говорил своим противникам: «Если кто-нибудь оскорбит моего отца, я впаду в состояние амока»[1012]. Воображение Конти поразил обычай, согласно которому, несостоятельный должник, не желающий становиться рабом заимодавца, выбегал на улицу с мечом, убивая всех встречных, пока сам не будет убит, после чего заимодавец мог взыскать долг у убийцы должника[1013]. Очевидно, здесь мы имеем дело с ограниченно управляемой разновидностью амока, при которой человек «запускает процесс» по собственной воле, но затем уже совершенно не в силах его остановить. Появляется закономерный вопрос: почему именно яванцы названы Конти бесчеловечнейшими, а не жители Виджаянагара или Гуджарата с их сати и многочисленными самоубийствами на празднествах? Вероятно, здесь дело во многом в личных впечатлениях Конти, встретившего на Яве времен медленного упадка индуистской империи Маджапахит более воинственную, по сравнению с виденными им ранее, культуру. Немалую роль в негативном отношении венецианца к Яве с ее культом меча (криса) могло сыграть то обстоятельство, что в самой Венеции ношение оружия было запрещено. Перо Тафур писал: «В этом городе никто никогда не носит оружия, под угрозой страшнейшего наказания,

---

[1010] Книга Марко Поло. С. 172.
[1011] Ревуненкова Е. В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб., 2008. С. 300.
[1012] Цит. по: Ревуненкова Е. В. Указ. соч. С. 372.
[1013] Bracciolini P. Op. cit. P. 135.

какие бы обстоятельства ни были, и еще меньше дерзнул бы кто-нибудь прийти с оружием на совет»[1014].

Большой интерес для исследователя представляет краткое описание венецианцем богатых специями островов Сандаи и Бандам – очевидно, Молуккских островов. Этим Островам Пряностей суждено было впоследствии стать яблоком раздора между крупнейшими колониальными империями – Португалией и Голландией. «В пятнадцати днях пути от них [Большой и Малой Явы] на восток находятся два острова. Один из них, на котором добывают мускатный орех и мацис, называется Сандаи. Другой остров под названием Бандам – единственное место, где произрастает гвоздка и оттуда доставляется на острова Явы [Большую и Малую – *Д. В.*]. На Бандаме живут три вида попугаев: одни – с красными перьями и золотистым клювом, другие – пестрые, которые зовутся нори, что значит «светлые», оба вида – размером с голубя, а также белые попугаи с курицу величиной. Они называются кахи, то есть «более замечательные», превосходят прочих попугаев в человеческой речи, которой чудесным образом подражают, и даже могут отвечать вопрошающим. На обоих островах живут люди черного цвета, за этими островами море несудоходно, путь мореходам закрывают бури»[1015]. Мир Нусантары в отчете Конти – предел обитаемого мира.

Для человека средневекового Запада стереотипным олицетворением насилия был мир ислама, тем более в период османской экспансии[1016]. Однако у Конти сцены насилия никак не связаны с постепенным процессом исламизации Малайского архипелага. Да и сам этот процесс не нашел отражения в рассказах Конти. В отличие от Конти, Марко Поло, посетивший Суматру в 1292 г. и заставший исламизацию Нусанатары в ее начальной фазе, как раз упомянул обращение в ислам «сарацинскими купцами» горожан царства Перлак на Суматре хотя и пишет о жителях Суматры, что «все они идолопоклонники»[1017]. Поло четко

[1014] Тафур П. Странствия и путешествия, 216.
[1015] Bracciolini P. Op. cit. P. 136.
[1016] Кардини Ф. Указ. соч. С. 150–151.
[1017] Книга Марко Поло. С. 172.

различает горожан и горцев (батаков). Последних Марко Поло уподобляет зверям, пишет о широко распространенном у них каннибализме, а религиозную жизнь суматранского горца характеризует не без доли иронии: «Как встанет утром, первое, что увидел, тому и молится»[1018]. Подобной дифференциации суматранцев по образу жизни и верованиям у соотечественника Поло через полтора столетия мы не встречаем. О религии жителей Суматры Конти лишь повторил скупую формулу Марко Поло, что они «все идолопоклонники»[1019]. Хотя Конти посетил ряд буддийских государств Индокитая, попыток выявить какие-либо различия между индуизмом и буддизмом в рассказах Конти–Браччолини также не просматривается.

Буддийский мир в отчете Конти представлен, в первую очередь, городами Ава и Панковия (монское государство Пегу). Столица одноименного царства Ава упоминалась Конти как «город, наиблагороднейший из всех»[1020]. Конти, впрочем, детально описал шокировавшие его эротические практики бирманцев [1021] с использованием металлических бубенчиков, вставляемых в половой орган. Путешественник приписывал происхождение этих обычаев сладострастию местных жителей, как и полиандрию на Юге Индии. Конти отмечал, что в Индии повсеместно распространены «публичные женщины», «ведь индийцы склонны к сладострастию»[1022].

Никколо Конти приписывал природную любвеобильность жителям и Юго-Восточной Азии, и Индостана. Он сообщал о распространении полиандрии в районе «Колликутии, благородного эмпория всей Индии»[1023]. По свидетельству Конти, местные женщины «могут, сообразно сладострастию, иметь десять и более

[1018] Книга Марко Поло. С. 173.
[1019] Bracciolini P. Op. cit. P. 131.
[1020] Ibid. P. 132.
[1021] Ibid. См.: Возчиков Д. В. Слоны и бубенчики: государства Мьянмы глазами итальянских путешественников XV в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (139). С. 44–56; о «бирманских бубенцах» (мяньлин) как ходовом товаре в Китае см.: Sun Laichen. Burmese Bells and Chinese Eroticism: Southeast Asia's Cultural Influence on China // Journal of Southeast Asian Studies. Vol. 38, No. 2 (Jun., 2007). P. 247–273.
[1022] Bracciolini P. Op. cit. P. 140.
[1023] Bracciolini P. Op. cit. P. 138.

мужей»[1024]. «Любая дама, – вторил венецианцу ди Санто Стефано в 1499 г., опять же говоря о Каликуте (Кожикоде), – может выйти за семь или восемь мужей сразу, в зависимости от меры своего влечения». Легко заметить, что и венецианский, и генуэзский путешественники видели корень этой локальной традиции едва ли не исключительно в природном сладострастии индийцев, которое стало одним из общих мест ориентализма.

Конти посетил «многолюднейший город» Пегу вскоре после Авы[1025]. В этом государстве венецианец с удивлением обнаружил виноградную лозу, которую нигде более в Южной и Юго-Восточной Азии не видел. В Пегу, изобилующем плодовыми деревьями, сандалом и камфорным деревом, Конти зафиксировал поверье. Жители полагали, что если не принести жертву богам перед тем, как срезать кору камфорного дерева, камфора исчезнет[1026].

Между описаниями Авы и Китая в тексте отчета Конти фигурировала область Мацин. «Эта провинция [Индии – Д. В.], которую жители называют Мацин, изобилует слонами, а ее царь содержит десять тысяч слонов, которых использует на войне»[1027]. Иеронимо ди Санто Стефано приписывал эту весьма престижную характеристику государю Пегу: «Здесь живет великий государь, который имеет более десяти тысяч слонов и ежегодно получает приплод в пятьсот зверей»[1028].

Название Мацин (Macinum) – латинизированная форма устоявшегося в индийской и арабско-персидской традиции наименования Китая. Название Мацин (Мачин, Масин) получило распространение в трудах средневековых мусульманских авторов применительно к Китаю в качестве второй части парного персидского наименования Чин и Мачин (Син и Масин) для Северного и Южного Китая соответственно[1029]. Рашид ад-Дин утверждал, что Мачин (Маха-Чин,

---

[1024] Bracciolini P. Op. cit. P. 138.
[1025] Ibid. P. 134–135.
[1026] Ibid. P. 135.
[1027] Ibid. P. 132.
[1028] Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano. P. 6.
[1029] Бартольд В. В. Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 87.

«Большой Чин») – слово индийского происхождения[1030]. В ряде южноиндийских тантрических текстов Махачина («Великий Китай») была названа источником тайной йогической премудрости[1031]. По мнению Е. А. Торчинова, именно этот взгляд, отражавший эпизодические заимствования в индийской алхимии из китайской даосской, повлиял на арабских авторов, считавших Китай родиной чародейства[1032]. Через посредничество географической традиции мусульманского мира индийский экзотопоним Махачина проник в европейские труды о Востоке. В отчете Конти Китай, и северный, и южный, именовался Катай[1033]. Конти, владевший арабским и персидским языками, побывавший членом персидской купеческой корпорации, а в конце путешествия вынужденно принявший ислам, был знаком с географической традицией исламского мира. В ряде источников, в частности, сочинениях Иосафата Барбаро и Афанасия Никитина, термины Чин и Мачин относятся обычно к Северному и Южному Китаю соответственно[1034]. На знаменитой карте мира венецианского монаха Фра Мауро 1459 (1460) г. к Мачину отнесены области современных Таиланда, Камбоджи, Бангладеш и Северо-Восточной Индии[1035]. Авторы лондонского издания источников по истории Индии в XV в. утверждали, что Мацин, указанный Конти, – это, скорее всего, Сиам[1036]. Фра Мауро, очевидно, пользовался данными Никколо Конти: об этом говорит, например, отождествление им вслед за путешественником античной Тапробаны с Суматрой[1037], поэтому велика вероятность, что и Мачин на его карте – это именно Мацин Конти. Скорее всего, Мацин – общее название государств

[1030] По изд.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персидского О. И. Смирновой, редакция проф. А. А. Семенова. М., Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С. 164.
[1031] Торчинов Е. А. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. С. 217.
[1032] Там же.
[1033] Bracciolini P. Op. cit. P. 134.
[1034] Волков И. В. Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро / Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 3. / Редколл.: А. И. Кобзев и др. М., 2012. С. 86, прим. 13.
[1035] Волков И. В. Указ. соч. С. 87, прим. 13.
[1036] The Travels of Nicolò Conti in the East in the early part of the Fifteenth Century // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / Ed. by R. H. Major. L., 1857. P. 11.
[1037] Suarez T. Early Mapping of Southeast Asia: The Epic Story of Seafarers, Adventurers, and Cartographers Who First Mapped the Regions Between China and India. Singapore, 1999. P. 79.

Юго-Восточной Азии, включая Аву, Пегу и сиамскую державу Аютию, находившуюся во время его путешествий по Азии на подъеме могущества.

Мацин у Конти содержит несколько колоритных бестиарных образов, самый яркий из которых – слон, зверь, которого еще Аристотель и Плиний считали самым близким человеку по разуму и чувствам существом[1038]. В отчете Никколо Конти пространный рассказ о приручении дикого слона в боевого, напоминало своеобразную инициацию – переход от дикости к культуре. Это укрощение было выстроено в несколько этапов. Сначала дикого слона во время муста загоняли с помощью уже прирученной самки в загон, где его на несколько дней запирали. Загонщики привязывали слона к столбу и несколько дней усмиряли голодом. Завершалось приручение слона церемонией: «Далее, – продолжает Конти, – его водят по городу связанным между двумя прирученными слонами и, когда через десять дней его освобождают, он теперь такой же ручной, как и остальные»[1039]. Прирученный слон, как полагал венецианец, транслируя укорененное еще в античности и пронесенные через средневековые бестиарии[1040] представление о слонах, – умное и преданное существо: «Это животное настолько умно, что в бою часто подставляет подошвы своих ног под вражеские дротики, чтобы защитить седоков»[1041]. Вероятно, это описание следует воспринимать в символическом ключе[1042], исходя из главной оппозиции всего текста отчета Конти – противопоставления рафинированной городской культуры Виджаянагара, Авы и Китая варварству периферийных племен.

Перекликающиеся отчасти с греко-римскими трактовками представления о поведении слона встречались также в индо-буддийской традиции, для который слон не являлся экзотическим зверем. Прирученный слон, терпящий посланную в него стрелу, – яркий образ в «Дхаммападе»: «…Я буду терпеть оскорбления, как

[1038] Plin. Nat. Hist. VIII. 1.
[1039] Bracciolini P. Op. cit. P. 133.
[1040] Clark W. A Medieval Book of Beasts: The Second-Family Bestiary. Commentary, Art, Text and Translation. Woodbridge, 2006. P. 127.
[1041] Ibid.
[1042] См.: Возчиков Д. В. Экзотический бестиарий венецианского путешественника XV века [Электронный ресурс] // Vox Medii Aevi. 2014. № 1 (11). С. 6–18. URL: http://issuu.com/voxmediiaevi/docs/voxmediiaevi_1_11__2014 (дата обращения: 12.06.2014).

слон в битве – стрелу, выпущенную из лука»[1043]. В том же тексте палийского канона приручение слона напрямую сравнивается с духовным самообузданием: «Связанный, он не есть ни куска: слон грезит о слоновом лесе»[1044]. Именно этот мотив наблюдается в рассказе Конти. Не исключено, что на венецианца в его описании слонов повлияли не только укорененные в европейской бестиарной традиции стереотипы, но и «звериная» мифология буддийского мира, сюжеты которой он мог почерпнуть в Аве или Пегу.

Китайские описания слонов отличаются по акцентам от западных. Китайский чиновник южносунского времени Чжоу Цюйфэй в трактате «За хребтами. Вместо ответов» (Лин вай дай да 嶺外代答, 1178) сообщал о бирманском государстве Паган (Пугань) данные, сводившиеся большей частью к пышному дворцовому церемониалу[1045], и о слонах в нем не упоминал. Зато поведал о многочисленной элефантерии империи Чолов (Чжунянь) в Южной Индии, сообщив, что доблесть воина и его слона награждали парчовым шатром и золотой кормушкой[1046]. Чжоу, в отличие от Никколо Конти, не склонен был приписывать слону какие-либо особо возвышенные качества и подчеркивал опасность дикого слона для человека[1047]. В «Лин вай дай да» сообщалось, что люди цзяо (вьеты) начинали приручение слонов с заманивания дикого стада с помощью ручной слонихи в пещеру, при этом Чжоу считал, что слон, «хотя внешним видом и велик, не выносит боль»[1048].

Упоминание Конти числа «десять тысяч слонов» не следует понимать буквально или как обыкновенное преувеличение. «Десять тысяч слонов» – классический бестиарный код могущества в индо-буддийском мире. Еще в

[1043] Дхаммапада, XXIII. 320. По изданию: Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. М., 1960.
[1044] Дхаммапада, XXIII. 324.
[1045] Чжоу Цюйфэй. За хребтами. Вместо ответов, II, 6. По изданию: *Чжоу Цюй-фэй.* За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. М., 2001.
[1046] Там же, II, 10.
[1047] Там же, IX, 1.
[1048] Там же.

«Махабхарате» богатырь Бхима предстал «сильным, как десять тысяч слонов»[1049]. Имена-титулы и наименования государств, оперировавшие количествами воинов, городов или слонов, были широко распространены в Юго-Восточной Азии, в частности, в тайских государствах[1050]. Путешественник превратил титулатуру в инструмент географического описания и здесь, таким образом, заметна операция, обратная использованию воображаемого титула. По свидетельству Конти, повелитель Мацина, под которым мог подразумеваться государь Авы, Пегу или Аютии, ездил на белом слоне. Шею животного украшала золотая цепь с драгоценными камнями[1051]. Перо Тафуру Конти поведал о поклонении белому слону как божеству «в земле язычников»[1052]. Почитание белых слонов было широко распространено в индо-буддийском мире. В Мьянме и Аютии белый слон считался атрибутом идеального буддийского государя – чаккаватти (чакравартина), и монархи, претендующие на такой статус, нередко развязывали войны за обладание этими живыми сокровищами[1053].

Дополнительную информацию о Мацине можно извлечь из описания мохнатых быков, тоже помещенных Конти в эту область. В верхней части Мацина, ближе к границам Китая, согласно его отчету, водились белые и черные быки, из которых более всего ценились длинношерстные животные с хвостом, свисающим до копыт и напоминающим лошадиный, но более пушистым. «Тончайшая и легкая, как перья, шерсть их хвоста ценится на вес серебра, – сообщал путешественник, – из нее делают опахала для церемоний в честь богов и царей»[1054]. Далее Конти отметил, что знатные воины ценили шерсть быков как украшение для боевых коней, обрамляли ею наконечники копий в знак своего

[1049] Махабхарата, III. 175. 11–21. По изданию: Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М., 1987.
[1050] Афанасьева Е. А. Буддизм тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII вв. М., 2003. С. 13.
[1051] Bracciolini P. Op. cit. P. 133.
[1052] Тафур Перо. Указ. соч. С. 106–107.
[1053] The Cambridge History of Southeast Asia / Ed. by N. Tarling. Vol. 1: From Early Times to c. 1800. Part 2. Cambridge, 1999. P. 68–69.
[1054] Bracciolini P. Op. cit. P. 134.

благородного происхождения [1055]. Речь здесь, скорее всего, о яках. Наблюдательный купец весьма точно охарактеризовал назначение изделий из хвостов яков в церемониале индо-буддийского мира. Опахала из ячьего волоса как символы монаршей власти упомянуты в цейлонской «Махавамсе», они встречаются на барельефах Ангкора и Боробудура [1056]. Яки – холодолюбивые животные, обитающие в Гималаях и горных районах Центральной Азии. Но Конти локализовал их в Мацине, что усугубляет расплывчатость этого топонима в отчете. Путешественник мог спутать места происхождения яков и страны, в которых их шерсть особенно востребована. Можно предположить, что Мацин Конти – обозначение буддийского мира в целом, включая Тибет.

Китай также был описан Никколо Конти. «За Мацином, – рассказывал венецианский путешественник в первой части отчета, – есть провинция под названием Катай, превосходящая все остальные. Ее правитель зовется Великим ханом, что на их языке означает «император». Царская столица Камбалескья выстроена в форме прямоугольника периметром двадцать восемь миль. В центре стоит весьма защищенная и красивейшая крепость, в которой находится дворец государя. На каждом из четырех углов города расположены круглые укрепления окружностью в четыре мили, служащие арсеналами. Там хранится оружие всех видов, а также машины для войны и осады городов. К каждой из крепостей от дворца тянется через город сводчатая стена, которая обеспечивает царю доступ в арсеналы, если в городе вспыхнет мятеж против него.

На расстоянии примерно пятнадцати дней пути от столицы находится другой город под названием Немптаи, основанный императором. Его окружность составляет тридцать тысяч миль, и это самый многолюдный город из всех. В обоих городах, как уверяет [Никколо], дома, дворцы и другие городские

[1055] Bracciolini P. Op. cit. P. 134.
[1056] Quaritch Wales H. G. Siamese State Ceremonies: their History and Function. Richmond, 1992. P. 100.

украшения напоминают итальянские, а люди скромны, благовоспитанны и богаче жителей других стран»[1057].

Политическое и культурное превосходство Китая в тексте отчета особенно наглядно подчеркивалось воображаемой титулатурой: только китайский имератор у Конти назван императором, а для правителей Виджаянагара и Бирмы использовался термин rex. Конти явно пользовался устаревшей информацией о Китае: в 1368 г. монгольскую династию Юань сменила китайская Мин, новая столица была провозглашена в Нанкине. Однако в 1420 г. третий минский император Чжу Ди объявил Пекин новой столицей империи. Следовательно, поскольку путешествия Конти по странам «Третьей Индии» приходятся на 1420–1430-е гг., информация о Пекине как о столице вновь достоверна, но монгольское название Камбалескья (Ханбалык, «город хана») и титул государя как Великого хана более не актуальны. В европейских источниках это название прижилось, начиная с Марко Поло, детально описавшего столицу Хубилая – Канбалу, или Кабалут[1058]. Сильно итальянизированная, как и Cambaleschia у Конти, форма Canbalecco встречается в «Практике торговли» флорентийского купца и государственного деятеля первой половины XIV в. Франческо Бальдуччи Пеголотти[1059]. В форме Cambale название Пекина используется младшим современником Никколо Конти Иосафатом Барбаро, который в Китае не был[1060]. Под Nemptai, вполне вероятно, Конти имел в виду Нанкин. Поль Пелльо с большой осторожностью рассматривал вероятность трактовки Nemptai в

[1057] Bracciolini P. Op. cit. P. 134: Ultra Macinum provincia est omnibus praestantior, nomine Cathaïum, cui dominatur is, qui magnus Canis (hoc est, eorum lingua, Imperator) apellatur. Ejus regia urbs, quae duo de triginta milliaribus in quadrum patet, Cambaleschia est, cujus in medio arx minutissima atque ornatissima habetur Regis palatuim. Singulis in angulis urbis arx est pro armamentario rotunda, quatuor milliarium ambitu, in queis arma omnis generis, tormetaque bello et expugnationibus urbium apta conduntur. Ad harum quamlibet ab arce per urbem murus arcuatus protenditur, quo ad eas accessus Regi pateat, si quid in urbe tumultus advertus eum excitaretur. Hanc prope xv. dierum itinere alia civitas Nemptai nomine, ab Imperatore condita, cujus ambitus patet triginta milliaribus, eaque est populosissima omnium. Utraque in civitate domos, palatia, ceteraque urbium ornamenta Italicis similia esse affirmat, homines modestos, urbanos, ac ceteris ditiores.

[1058] Книга Марко Поло. С. 89, 91.

[1059] Pegolotti F. B. La Pratica della mercatura / ed. by A. Evans. Cambridge, Mass., 1936. P. 22.

[1060] Волков И. В. Сведения о Китае в сочинении венецианца Иосафата Барбаро / Общество и государство в Китае. Т. XLII, ч. 3. / Редколл.: А. И. Кобзев и др. М., 2012. С. 82–85.

гипотетической форме Наньтай 南臺 – «Южная терраса»[1061]. Что касается сходства с итальянскими городами, здесь, по-видимому, сыграло роль то, что целый ряд городов Восточного и Юго-Восточного Китая (Сучжоу, важный центр интеллектуальной и художественной жизни Китая в эпоху Мин, в частности) водными ландшафтами и обилием мостов и лодок отдаленно напоминали родину Конти – Венецию. Не исключено, что утверждение Конти об основании Немптаи императором основано на данных о провозглашении Чжу Юаньчжаном Нанкина столицей[1062].

В историографии встречаются утверждения, что Конти все же достиг Китая[1063]. Немецкий историк географических открытий Рихард Хенниг вслед за британским востоковедом Д. Юлом высказал предположение, что Конти посетил Нанкин, так как, по его мнению, название Nemptai, отождествленное им с Нанкином, указывает на встречу с носителями китайского языка[1064]. Однако сам путешественник не говорил о личном посещении Китая. По тексту отчета Конти, правда, далеко не всегда можно с уверенностью утверждать, где путешественник точно был лично, а о каких местах узнал от других. О «двух Явах» Конти прямо говорил Поджо, что провел там девять месяцев вместе с женой и детьми, которые сопровождали его во всех путешествиях[1065]. Также путешественник рассказал, что после Явы поехал в «морской город Чампу»: эта держава изобиловала алоэ, камфорой и золотом[1066]. Купец Конти, скрупулезно описывавший диковинные товары от цейлонской корицы до суматранского дуриана, не говорил о товарах, производимых в Китае, что уже весьма необычно для текста его отчета.

В описании столицы Китая у Конти отчетливо прослеживается влияние рассказа Поло о Ханбалыке времен Хубилая. Марко Поло сообщал о крепостях,

---

[1061] Pelliot P. Viaggi in Persia, India e Giava di Nicolò de' Conti, Girolamo Adorno e Girolamo da Santo Stefano by Mario Longhena // T'oung pao. Second Series, Vol. 28, No. 1/2 (1931). P. 91–92.
[1062] Возчиков Д. В. Ultra Macinum provincia est omnibus praestantior: Китай в отчете венецианского путешественника Никколо Конти // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 1 / Редколл.: А. И. Кобзев и др. М., 2014. С. 100.
[1063] Например: Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада. С. 311–312.
[1064] Хенниг Р. Указ. соч. С. 48.
[1065] Bracciolini P. Op. cit. P. 135.
[1066] Ibid. P. 136.

служащих складами оружия на каждом углу прямоугольного города, а также о постоянном страхе хана перед восстанием «катайцев», поскольку «Великий хан овладел Катаем не по праву, а силой и не доверял катайцам, а отдал страну в управление татарам, сарацинам и христианам»[1067]. Конти, по всей видимости, был хорошо знаком с трудом Поло и еще до начала своего путешествия имел возможность почерпнуть некоторые сведения о Китае оттуда, а также из различных торговых справочников, вроде «Практики торговли» Пеголотти.

Конти упомянул во второй части отчета некие огромные суда, прямо не указывая место их строительства. Как и Марко Поло, Никколо Конти, представитель мощнейшей европейской талассократии Средних веков, хорошо разбирался в корабельном деле, имел опыт в руководстве торговыми плаваниями и проявил немалый интерес к мореплаванию других народов:

«Они сооружают определенный вид кораблей гораздо больше наших, до двух тысяч бочек объемом, с пятью парусами и таким же количеством мачт. Нижняя часть составлена из трех рядов досок, чтобы выдержать напор штормов, которым она сильно подвержена. Корабли также разделены на отсеки, причем столь умело, что, даже если один отсек пробит, остальная часть судна может завершить плавание невредимой» [1068].

Скорее всего, эти гигантские корабли – китайского происхождения, и не исключено, что путешественник из Венеции лично видел суда-сокровищницы (баочуань, 寶船) из армады Чжэн Хэ, чья последняя экспедиция окончилась в 1433 г. Очевидно, Конти все же никогда не бывал в Китае, но вполне мог встречаться с китайцами в Юго-Восточной Азии.

Несмотря на неоднократные характеристики народов Индии и Юго-Восточной Азии как идолопоклонников, в отчете о путешествиях Конти видно стремление представить их носителями образа жизни, близкого европейскому и даже верований с определенными чертами христианства. Уже упоминалось, что Конти находил индийские храмы очень похожими на европейские. Венецианец

[1067] Книга Марко Поло. С. 94 –96.
[1068] Bracciolini P. Op. cit. P. 134.

говорил об учтивости и утонченности жителей «третьей части Индии», о купцах, располагающих торговым флотом из сорока судов, и подчеркивал, что они «далеки от всякого варварства и дикости»[1069].

Примечательно описание верований жителей страны Мацин. Конти сообщал: «Все они поклоняются идолам, однако, встав с ложе, они обращаются к Востоку и, соединив руки, молятся: “Бог тройственный и закон Его, храни нас”» (Deus trinus et lex ejus eadem, nos tuere)[1070]. В тексте противопоставлены почитание идолов и слова молитвы, в которой Браччолини, вероятно, увидел некое подобие представления о Троице в христианстве. Скорее всего, христианскую Троицу напомнила гуманисту и, возможно, самому путешественнику буддийская формула трех драгоценностей учения: «Будда, дхарма и сангха». За преобразованием в тексте Браччолини трех сокровищ буддизма в Троицу, очевидно, стоит стремление папского секретаря к поиску в верованиях язычников с рафинированной культурой идей, хотя бы отдаленно напоминающих христианские и, следовательно, придающих этим верованиям интеллектуальную легитимность при включении сведений о них в гуманистический дискурс. Подобным же образом итальянские гуманисты XIV–XV вв. стремились примирить и совместить вновь открытое наследие античной культуры с христианством. Вопрос о спасении праведных язычников был особо востребован гуманистической средой. Флорентийский неоплатоник-мистик Марсилио Фичино (1433–1499) писал о мудрецах Греции и Рима: «Ибо что иное заключено в них, помимо поклонения единому Богу и предписаний нравственной жизни?»[1071].

Марино Санудо Торчелло в проекте крестового похода грезил о создании Pax Veneziana, в котором республика смогла бы получать пряности и множество других драгоценных предметов непосредственно из Индии. В Индии, а не в Египте, считал этот видный венецианский интеллектуал, находился ключ ко всем

[1069] Bracciolini P. Op. cit. P. 139.
[1070] Ibid. P. 133.
[1071] Черняк И. Х. Сотериология Фомы Аквинского и ренессансные представления о спасении праведных язычников // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5 / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 266.

богатствам Востока. При всей своей начитанности, Санудо не заметил или предпочел не заметить космографию крупнейшей мировой империи, составленную выходцем из Венеции Марко Поло. Империя Юань в «Книге тайн» Санудо бегло описана по «Цветам историй» Гайтона, книге, отличавшейся ярким и даже витиеватым стилем, но далеко не всегда достоверной. Отсюда Санудо привнес в венецианский дискурс беглую и восторженную характеристику «Катая». Опытный венецианский дипломат, превозносивший в своем трактате Венецию и во многом заложивший основы венецианского мифа, обозначил именно доступ в Индию как главную цель венецианской торговой политики, хотя большую часть его труда заняло дотошное описание торговой блокады мусульманского мира и грядущего крестового похода. Проект Санудо параллельно с «Книгой Марко Поло» ознаменовал начало интеллектуального поворота от Востока исламского, ставшего для средневековой Европы классическим и привычным образом Другого, к Индии и Китаю. Индия еще долго оставалась областью воображаемого, сказочных богатств и чудес, но постепенно обретала все более осязаемые очертания.

В описании обширного и разнообразного региона Южной и Юго-Восточной Азии у Никколо Конти и Поджо Браччолини можно отчетливо проследить три основные тенденции. Во-первых, Индия воспринималась как страна, чьими чудесами восторгались античные авторы, а также как некий живой и едва ли не вечный свидетель, заставший и переживший ушедшую греко-римскую культуру. Многобожие индийцев для гуманиста Браччолини близко к язычеству древних греков и римлян, оно сопровождается добродетельной философией брахманов, искусством и изысканной архитектурой, а не «антропофагией» и охотой за головами, как у батаков. Во-вторых, Конти и Браччолини пытались найти сходство между экзотической действительностью стран, в которых побывал путешественник, и христианским миром: они не только увидели в индуистских храмах сходство с христианскими, но и «нашли» в буддийской молитвенной формуле подобие Троицы. В-третьих, не религия, а городская культура, утонченность искусства и образа жизни являются в отчете Конти основным

критерием положительного отношения к Другому. Отсутствие упоминания о той или иной стране в греко-римской традиции все же не умаляло ни у путешественника, ни у гуманиста интереса к ней. Страны Третьей Индии, включая Китай, были почти неизвестны античным интеллектуалам, однако именно они помещены Конти–Браччолини на вершину культурной иерархии «по образу жизни и государственным обычаям», на один уровень с европейцами.

Противопоставление «христиане – язычники» вытесняется оппозицией культуры и варварства. Собранные Конти данные о Востоке имели большое значение в деле приращения географического знания европейцев, оказали огромное влияние на формирование ренессансного дискурса о Востоке. Этому немало способствовали личные качества Конти: его купеческий прагматизм сочетался с открытостью другим культурам и желанием их понять. Не сохранилось каких-либо трудов, написанных лично Никколо Конти, однако в его отчете Поджо и беседах с Тафуром прослеживается верность ряду специфически венецианских идеологем, что видно на примере его утопических представлений. Уже Иосафат Барабаро, предваряя «Путешествие в Тану» панегириком венецианскому мореходству, упомянул Конти как одного из великих путешественников.

Для своего времени книга Марино Санудо Торчелло была, пожалуй, одной из наиболее подробных географических энциклопедий. В XV в. венецианские путешественники и картографы оставались наиболее информированными об «Индиях» европейцами и во многом определяли европейский дискурс о Южной и Юго-Восточной Азии. На заре Великих географических открытий португальцы первыми обратили пристальное внимание на информированность венецианских авторов и мореходов о восточных делах, в том числе, об области «трех Индий». В 1502 г. Валентим Фернандеш выпустил в Лиссабоне в переводе на португальский три главных на тот момент европейских труда об Индии, Юго-Восточной Азии и Китае: книгу Марко Поло, отчет Никколо Венецианца (Конти) и письмо

Иеронимо ди Санто Стефано[1072]. Все трое авторов были выходцами из итальянских морских республик – двое венецианцев и один генуэзец.

В целом, богатые данные об Азии и Африке, собранные венецианскими путешественниками, во многом обеспечили информационную базу для будущих Великих географических открытий. Однако воспользовались всеми этими достижениями уже совершенно другие игроки.

[1072] Rogers F. The Quest for Eastern Christians: Travels and Rumor in the Age of Discovery. Minneapolis, 1962. P. 188.

Заключение

«Скажи мне, как зовется зверь прекрасный, верный / В своей любви, но в ярости ужасный. / Он потрясает мир, высокомерный, / И торжествует. Мощными стопами / он попирает океан безмерный…»[1073], – такую загадку про «льва Адрии», венецианского льва Св. Марка, загадывала главная героиня фьябы Карло Гоцци «Турандот» (1762). Таковы были последние литературные сполохи венецианского мифа – идеи исключительности и превосходства Венеции с ее «тысячелетней свободой», – во времена, когда «Светлейшей синьории», некогда, в XIV–XV вв. уверенно державшей первенство в торговле и мореплавании, оставалось существовать менее четырех десятилетий. «Китай» у венецианца Гоцци, разумеется, условный, целиком воображаемый, игрушечный, он сводился к моде на шинуазри в эпоху Просвещения, однако сам комплект образов Востока в сказочной пьесе «Турандот», несомненно, был вдохновлен исторической памятью венецианцев о зрелом и позднем Средневековье, когда венецианские купцы, картографы и лазутчики были наиболее информированными из европейцев о делах на Востоке, очевидно, в той же мере, в какой для Бернардо Джустиниани золотым веком была венецианская древность, первые века морской общины на Адриатике.

В XIV–XV вв. в сообществе венецианских literati формируется венецианский миф, причем формируется он неизбежно не только в качестве продукта венецианской саморефлексии, но и идейного комплекса, снабженного богатой галереей Других. Процесс формирования венецианского мифа был неразрывно связан с эволюцией венецианской государственности, в рамках которой в начале означенного периода уже формируется такая интеллектуально активная группа, как венецианская бюрократия. Сообщество венецианских интеллектуалов оказалось достаточно открытым, учитывая значительную долю невенецианцев, подобно Раффаино Карезини или Сабеллико, или венецианцев во втором поколении, как идеолог имперского измерения венецианского нарратива

[1073] Гоцци К. Турандот: Китайская трагикомическая сказка для театра в пяти действиях / Пер. с ит. М. Лозинского. СПб., 2008. С. 60.

Лоренцо де Моначи. Едва ли будет преувеличением сказать, что XIV в. для Венецианской республики с точки зрения ее торговли, военной мощи, ее политических институтов и, наконец, интеллектуальной жизни, стал не только веком суровых испытаний, но подлинным веком государства. Сказанное касается как экономических реалий Венеции, так и ее колониальной империи, обретавшей все более централизованную структуру. В той же мере XV в. стал веком террафермы, и в это время идеологема «счастливейшей Венеции» обретала все более выраженный имперский характер.

Венецианская интеллектуальная среда, в значительной степени состоявшая из держателей высших магистратов Республики, хорошо умела не только перенимать, формировать и поддерживать определенные образы и стереотипы о византийском мире и о цивилизациях Востока, но и транслировать эти представления на уровне общеевропейском, как это удавалось энциклопедисту Марино Санудо Торчелло. Лишним свидетельством устойчивости и внешнеполитического успеха венецианского дискурса было и то, что поздневизантийский историк Лаоник Халкокондил, писавший вскоре после падения Константинополя, в итальянских разделах своего труда практически дословно транслировал основные топосы венецианского мифа.

В XIV–XV вв. в сообществе венецианских literati формируется венецианский миф, причем формируется он неизбежно не только в качестве продукта венецианской саморефлексии, но и идейного комплекса, снабженного богатой галереей Других. Авторы венецианского нарратива указанного периода, несмотря на весьма неоднородное происхождение и статус, все же составляли цельную интеллектуальную среду. Влияние идеи превосходства и совершенства венецианской государственности прослеживается даже в отчетах таких «рядовых» носителей венецианского мифа, как купцы-путешественники. Венецианский гуманизм, несмотря на его позднее, по сравнению с флорентийским, оформление, активно развивал венецианскую политическую мифологию, а его влияние на «византийские» и «восточные» образы

венецианского нарратива проявилось, главным образом, в переходе от религиозного кода инаковости к культурному.

Византийский мир присутствовал в венецианском нарративе XIV–XV вв. на двух основных уровнях: собственно государства ромеев, «Греческой империи», и греков в колониях Венеции – носителей византийской православной культуры, оказавшихся под властью Республики после раздела византийского наследства в 1204 г. Венецианская Романия была не просто областью живой греческой культуры во владениях Венеции, но и одним из этапов cursus honorum многих чиновников Республики, и образы постоянно бунтующих архонтов, монахов и крестьян вносились в нарратив колониальными администраторами с целью обеспечить лояльность венецианцев, многими поколениями живших в колониях, метрополии. Образ Византии прошел в указанный период венецианского нарратива длительный путь от образа исторического антагониста Венеции до гуманистической картины стремительно угасающей империи с древней и богатой словесностью, гибнущей под ударами «варваров».

Мусульманский мир в венецианском нарративе был достаточно гетерогенен, и при сохранении общеевропейского негативного образа ислама в целом, у венецианских авторов образы мусульманских стран варьировались по разным критериям, причем обычно в наиболее благоприятном свете представали те, в союзе с которыми венецианцы в конкретный момент нуждались. Широко вовлеченные в торговые связи в самом мусульманском мире венецианцы знакомились с данными и общими местами арабско-персидской географической традиции. Особенно велика степень влияния мусульманских концептов на описания Азии и Африки у путешественников Никколо Конти и Альвизе да Мосто.

За рассматриваемый период в венецианском нарративе роль главного Другого по отношению к главному герою этого нарратива – венецианскому государству – перешла от Византии (и шире – грека) к Османской империи (и шире – турку). Этот процесс был обусловлен не только объективными геополитическими переменами (крах Pax Mongolica – угасание Византии

Палеологов – экспансия османского государства и др.) и торговыми интересами венецианской элиты, но и формированием собственно венецианской традиции гуманистических штудий, известным взаимодействием греческой и венецианской интеллектуальных сред.

Выполненное исследование венецианского восприятия Византии и Востока в период расцвета «Светлейшей» открывает перспективу в дальнейшем рассмотреть «византийские», «мусульманские» и «индийские» образы венецианского нарратива на более широком временном отрезке, включающем и более ранний средневековый период, и раннее Новое время. Данный ракурс исследования позволяет определить степень преемственности основных топосов венецианского нарратива за все время его функционирования, выявить наиболее общие и стойкие его элементы о греках, мусульманах, эфиопах и народах Дальнего Востока.

Список источников и литературы

1. Источники

1. Аврелий Августин. Творения. Т. 4. О граде Божием. Книги XIV– XXII / Аврелий Августин ; подг. текста С. И. Еремеевой. – СПб. : Алетейя; Киев : УЦИММ-Пресс, 1998. – 592 с.
2. Ал-Масуди. Промывальни золота и россыпи драгоценных камней / Ал-Масуди // Арабские источники VII–X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и пер. Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. – М.; Л. : Наука, 1960. – С. 219-261.
3. Анна Комнина. Алексиада / Анна Комнина ; пер., коммент. и вступ. статья Н. Я. Любарского. – СПб. : Алетейя, 1996. – 704 с.
4. Георгий Акрополит. История / Георгий Акрополит ; пер., вступ. ст., комм. и прил. П. И. Жаворонкова. – СПб. : Алетейя, 2005. – 412 с.
5. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XVI в. / Вступ. статья, подг. текста, пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. – Л. : Наука, 1971. – 275 с.
6. Браччолини Поджо. Книга о благородстве / Поджо Браччолини ; пер. Н. В. Ревякиной // Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Сб. текстов / Пер. с лат. и комм. Н. В. Ревякиной, Н. И. Девятайкиной, Л. М. Лукьяновой; вступ. ст. С. М. Стама; под общей ред. С. М. Стама. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. – Ч.1. – С. 148-178.
7. Браччолини Поджо. Фацетии / Поджо Браччолини ; пер. с лат. под общей ред. А. К. Дживелегова. – М.; Л.: Academia, 1934. – 354 с.
8. Великолепный трактат о расположении царств и островов в Индии, равно как об удивительных вещах и разнообразии народов // Послания из вымышленного царства / Пер. с др.-греч., ст.-фр.; Пер. с лат., сост., вступ. ст. Н. С. Горелова. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – С. 110–120.

9. Виллардуэн Жоффруа де. Завоевание Константинополя / Жоффруа де Виллардуэн ; пер., статья и коммент. М. А. Заборова. – М. : Наука, 1993. – 296 с.
10. Волков И. В. Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарии) / И. В. Волков // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред.: С. Г. Бочаров, науч. рецензенты И. Л. Кызласов и др. – Кишинев : Stratum plus, 2015. – С. 605-691.
11. Гайтон. Цветник историй земель Востока / Гайтон ; пер. Н. С. Горелова // Книга странствий. – СПб. : Азбука-классика, 2006. – С. 217-274.
12. Георгий Трапезундский. Об истинности христианской веры / Георгий Трапезундский ; пер. с древнегреч. К. И. Лобовиковой; общ. и науч. ред. Д. А. Поспелова. – Самарканд : Ихйа улум ад-дин, 2009. – 272 с.
13. Геродот. История в девяти книгах / Геродот ; пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Л. : Наука, 1972. – 600 с.
14. Гетум Патмич. Цветник историй стран Востока. Текст договора, заключенного между Мункэ-ханом и царем Гетумом / Гетум Патмич // Армянские источники о монголах. Извлечение из рукописей XIII–XIV вв. / Пер.: А. Г. Галстян. – М. : Изд-во восточной литературы, 1962. – С. 68-71.
15. Гоцци К. Турандот: Китайская трагикомическая сказка для театра в пяти действиях / Карло Гоцци ; пер. с ит. М. Лозинского. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 192 с.
16. Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и коммент. В. Н. Топорова. – М. : Издательство восточной литературы, 1960. – 160 с.
17. Жуанвиль Жан де. Книга благочестивых речей и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Жан де Жуанвиль ; пер. со старофранц. Цыбулько Г. Ф., под ред. Карачинского А. Ю., научный редактор перевода Малинин Ю. П. – СПб. : Евразия, 2012. – 398 с.
18. Ибн Баттута. Подарок созерцающим относительно диковин городов и чудес путешествий / Ибн Баттута ; пер. Л. Е. Куббеля // История Африки. Хрестоматия. – М. : Наука, 1979. – С. 280-294.

19. Киракос Гандзакеци. История Армении / Киракос Гандзакеци ; пер. Л. А. Ханлярян. – М. : Наука, 1976. – 360 с.
20. Клари Робер де. Завоевание Константинополя / Робер де Клари ; пер., статья и коммент. М. А. Заборова. – М. : Наука, 1986. – 174 с.
21. Книга Марко Поло / Пер. со старофранц. И. П. Минаева ; предисл. В. В. Бартольда. – М. : Книговек, 2012. – 400 с.
22. Коммин Филипп де. Мемуары / Филипп де Коммин ; пер. Ю. П. Малинина. – М. : Наука, 1986. – 495 с.
23. Контарини Гаспаро. О магистратах и устройстве Венецианской республики / Гаспаро Контарини ; пер. с лат., вступ. статья и коммент. М. А. Юсима; под ред. М. М. Крома и О. В. Хархордина. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 222 с.
24. Мариньоли Джованни. Хроника флорентийца Джованни да Мариньоли, епископа Базиньянского / Джованний Мариньоли ; пер. Я. М. Света // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. – М. : Наука, 1968. – С. 197-213.
25. Леонтий Махера. Повесть о сладкой земле Кипр / Леонтий Махера ; пер. и коммент. С. В. Близнюк // Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. – СПб. : Алетейя, 2014. – С. 132–250.
26. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. – М. : Наука, 1987. – 799 с.
27. Мосто Альвизе да. О плаваниях мессера Альвизе да Ка да Мосто, венецианского дворянина / Альвизе да Мосто ; пер. Л. Е. Куббеля // История Африки. Хрестоматия. – М.: Наука, 1979. – С. 307-317.
28. Одорико де Порденоне. Восточных земель описание, исполненное Одорико, богемцем из Форо Юлио, что в провинции Антония / Одорико де Порденоне ; пер. Я. М. Света // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. – М. : Наука, 1968. – С. 110-118.

29. Песнь о Роланде / Пер. со старофранц. Ю. Корнеева // Героические сказания Франции и Испании / Вступит. ст. Н. Томашевского. – М. : Художественная литература, 1976. – С. 27-144.
30. Петрарка Франческо. Письма / Франческо Петрарка ; перевод, послесловие, комментарий В. В. Бибихина. – СПб. : Наука, 2004. – 620 с.
31. Плано Карпини Джованни. История Монгалов, именуемых нами Татарами / Джованни Плано Карпини ; пер. А. И.Малеина. // Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. – М. : Гос. изд-во географич. литературы, 1957. – С. 67-84.
32. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / Плутарх ; пер. С. А. Ошерова, обработка перевода для настоящего переиздания С. С. Аверинцева, примечания М.Л. Гаспарова. – М. : Наука, 1994.
33. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Рашид ад-Дин ; пер. с персидского О. И. Смирновой, редакция проф. А. А. Семенова. – М.; Л., 1952. – 316 с.
34. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Рашид ад-Дин ; пер. с перс. А. К. Арденса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. – М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1946. – 340 с.
35. Ревуненкова Е. В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение / Е. В. Ревуненкова. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2008. – 672 с.
36. Речь Николая Секундина к королю Альфонсу / Пер. И. П. Медведева // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. – СПб. : Алетейя, 1999. – С. 325-326.
37. Салютати Колюччо. Письмо от 11 ноября 1403 г. к Бандини д’Ареццо / Колюччо Салютати // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л. М. Брагиной. – М. : Изд-во Московского университета, 1985. – С. 39–42.
38. Страбон. География / Страбон ; пер. Г. А. Стратановского. – М. Наука, 1964. – 944 с.

39. Сборник Венециано-Генуезских грамот (1342–1491) // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1860. – Т. 4, отд. 4-5. – С. 183-236.
40. Тафур Перо. Странствия и путешествия / Перо Тафур ; перевод, предисловие и комментарии Л. К. Масиеля Санчеса. – М. : Индрик, 2006. – 296 с.
41. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. I / В. Г. Тизенгаузен. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1884. – 588 с.
42. Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV–XV вв. / Б. А. Тураев ; пер. с эфиопского под ред. И. Ю. Крачковского. – М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1936. – 188 с.
43. Хвальков Е. А. Текст византийско-венецианского договора 1265 г. / Е. А. Хвальков // АДСВ. – 2014. – Вып. 42. – С. 236-246.
44. Хожение за три моря Афанасия Никитина / Подгот. изд. Я. С. Лурье и Л. С. Семенова. – Л. : Наука, 1986. – 214 с.
45. Марк Туллий Цицерон. Диалоги / Марк Туллий Цицерон; пер. и коммент. В. О. Горенштейна. – М. : Ладомир–Наука, 1994. – 224 с.
46. Чжоу Цюй-фэй. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да) / Чжоу Цюй-фэй ; пер. с кит., введ., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. – М. : Восточная литература, 2001. – 528 с.
47. Якут. Алфавитный перечень стран / Якут ибн Абдаллах ал-Хамави ар-Руми ; пер. Л. Е. Куббеля // История Африки. Хрестоматия. – М. : Наука, 1979. – С. 241-249.
48. Alvise Ca' da Mosto. Voyages en Afrique Noire (1455 et 1456) / Alvise Ca' da Mosto ; relation traduite et présentée par F. Verrier. – Paris : Chandeigne, 1994. – 159 p.
49. Annae Comnenae. Alexias. Pars I: Prolegomena et textus / Anna Comnena ; recensuerunt D. R. Reinsch, A. Kambylis. – Berlin : de Gruyter, 2001. – VII, 507 S. (Corpus fontium historiae Byzantinae. Vol. XL/1)

50. Angiolello Giovan Maria. A short narrative of the life and acts of the King Ussun Cassano / Giovan Maria Angiolello // A Narrative of Italian Travels in Persia, in the Fifteenth and Sixteen Centuries. – L. : Hakluyt Society, 1873. – P. 67-138.
51. Angiolello G.-M. Memoir [Electronic resource] / Giovan-Maria Angiolello. – Mode of Access: http://angiolello.net/ANG-trans.pdf (дата обращения: 20.04.2015).
52. Caroldo Giovanni Giacomo. Istorii veneţiene. Vol. II: De la alegerea dogelui Marino Morosini la moartea dogelui Bartolomeo Gradenigo (1249-1342) / Giovanni Giacomo Caroldo ; ediţie îngrijită de Ş. V. Marin. – Bucureşti : Arhivele naţionale ale României, 2009. – 288 p.
53. Caroldo Giovanni Giacomo. Istorii Veneţiene. Vol. V : Ultima parte a dogatului lui Andrea Contarini (1373–1382) / Giovanni Giacomo Caroldo ; ediţie îngrijită de Ş. V. Marin. – Bucureşti : Arhivele naţionale ale României, 2012. – 248 p.
54. Cronaca di Venexia detta di Enrico Dandolo (origini – 1362) / A cura di R. Pesce. – Venezia : Centro di Studi Medievali e Rinascimentali «E. A. Cicogna», 2010. – LIII, 185 p.
55. Andreae Danduli. Chronica brevis / Andrea Dandolo ; a cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores. – Bologna: Nicola Zanichelli, 1940. – T. XII, partes 1–2. – P. 333-373.
56. Andreae Danduli. Chronica per extensum descripta / Andrea Dandolo ; a cura di E. Pastorello // Rerum Italicarum scriptores. – Bologna, 1940. – T. XII. Partes 1-2. – P. 5-327.
57. Bernardi Iustiniani. De origine urbis venetiarum rebusque gestis a Venetis libri quindecim / Bernardus Iustinianus // Thesaurus antiquitatum et historiarum Italiae / Ed. J. G. Graevius. – Leidein : P. Vander, 1722. – Vol. V, p. I. – Col. 1-124.
58. Bracciolini P. Historiae de varietate fortunae libri quatuor / Poggio Bracciolini. – Paris : Typus Antonii Urbani Coustelier, 1723. – XXX, 294 p.
59. Cecchetti B. La «Veccia dal morter» fu Giustina Rosso? / B. Cecchetti // AV. – 1885. – XXV. – P. 144-145.

60. Chronicon Raphayni Caresini cancellarii Veneti / ed. L. A. Muratorius // Rerum Italicarum Scriptores. – Mediolani : Ex typographia Societatis Palatinae in regia curia, 1728. – T. XII. – Col. 417-514.
61. La chronique attribuée au connétable Smbat / Introduction, traduction et notes par Gérard Dédéyan. – Paris : Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1980. – 139 p.
62. Cornelius F. Creta sacra sive de Episcopis utriusque ritus Graeci et Latini / F. Cornelius. – Venetiis : Typ. Jo. Baptistae Pasquali, 1755. – Vol. 1–2.
63. La cronaca veneziana del diacono Giovanni // Cronace veneziane antichissime / a cura di G. Monticolo. – Roma : Forzani e C. tipografi del Senato, 1890. – T. I. – P. 59-171.
64. Demetrios Kydones. Briefe. T. 1 / Demetrios Kydones ; Übers. und erl. von F. Tinnefeld. – Stuttgart : Anton Hiersemann, 1982. – VII, 683 S.
65. Demetrios Kydones. Briefe. T. 4 / Demetrios Kydones ; Übers. und erl. von F. Tinnefeld. – Stuttgart : Anton Hiersemann 2003. – VII, 326 S.
66. Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. C. M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – Vol. 1. – XXVI, 356 p.
67. Dolfin Giorgio. Cronicha dela nobil città de Venetia et dela sua provintia et destretto (origini–1458). T. II / Giorgio Dolfin ; a cura di Angela Caracciolo Aricò. Venezia : Centro di Studi Medievali e Rinascimentali «E. A. Cicogna», 2009. – 222 p.
68. Dolfin Zorzi. Cronaca // The Siege of Contantinople: Seven Contemporary Accounts / Zorzi Dolfin ; tr. by J. R. Melville Jones. – Amsterdam : Adolf Hakkert, 1972. – P. 125-130.
69. Fidelis Cassandra Veneta. Epistolae et orationes posthumae, nunquam ante hac editae / Cassandra Fidelis ; a cura di G. F. Tommasini. – Patavii : Bolzetta, 1636. – 230 p.
70. Georgii Pachymeris. De Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII : Vol. I–II / Georgius Pachymeres ; recogn. I. Bekkerus. – Bonnae : E. Weber, 1835. (Corpus scriptorum historiae Byzantinae)

71. Historia ducum Venetorum / a cura di L. A. Berto // Testi storici veneziani (XI – XIII secolo). – Padova : Cooperativa Libraria Editrice Università di Padova, 1999. – P. 2-83.
72. Kunstmann F. Studien über Marino Sanudo den Aelteren mit einem Anhange seiner ungedruckten Briefe / F. Kunstmann. – München : Verlag der Königliche Akademie, 1855. – 819 p.
73. Langlois V. Le Trésor des Chartes d'Armenie ou cartulaire de la Chancellerie royale des Ropeniens / V. Langlois. – Venise; Paris : Typographie Arménienne de Saint-Lazare, 1863. – 242 p.
74. Laonikos Chalkokondyles. The Histories : in 2 volumes. Vol. I / Laonikos Chalkokondyles ; transl. by A. Kaldellis. – Cambridge; L.: Haravard Univ. Press, 2014. – 560 p.
75. Laurentii de Monacis. Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetis ab U. C. ad annum MCCCLIV: sive ad conjurationem ducis Faledro / Laurentius de Monacis. – Venetiis: Ex typ. Redmondiniana, 1758. – XLVIII, 368 p.
76. Lauro Quirini Umanista. Studi e testi / a cura di K. Krautter, P. O. Kristeller, A. Pertusi, G. Ravegniani, H. Roob, C. Seno. – Firenze : Leo Olschki editore, 1977. – 274 p.
77. Navigazioni di messer Alvise da Ca da Mosto gentiluomo Veneziano // Il viaggio di Giovan Leone e le navigazioni di Alvise da Ca da Mosto, di Pietro di Cintra, di Annone, di un piloto portoghese e di Vasco di Gama quali si leggono nella raccolta di Giovambattista Ramusio. – Venezia : L. Plet, 1837. – P. 170-200.
78. Nicetae Choniatae. Historia / Nicetas Choniates ; ed. Jan Louis van Dieten. – Berlin : De Gruyter, 1975. – CXV, 655 p. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae)
79. Oliver of Paderborn. The Capture of Damietta / Oliver of Paderborn ; transl. by Joseph J. Cavigan // Christian Society and the Crusades, 1198-1229: Sources in Translation, Including «The Capture of Damietta» by Oliver of Paderborn / Ed. by E. Peters. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1971. – P. 67-199.

80. The Peace Treaty of 1478 // Wright D. G, MacKay P. When the Serenis-sima and the Gran Turco Made Love: the Peace Treaty of 1478 // SV. – 2007. – T. 53. – P. 269-277.
81. Pegolotti F. B. La Pratica della mercatura / Francesco Balcducci Pegolotti ; ed. by A. Evans. – Cambridge : The Medieval Academy of America, 1936. – LIV, 444 p.
82. Pliny the Elder. Natural History. Libri VIII–XI / Pliny the Elder ; with an English translation by H. Rackham. – Cambridge : Harvard University Press, 1940. – 624 p.
83. Régestes des deliberations du sénat de Venice cocernant la Romanie / ed. F. Thiriet. – Paris : Mouton & Co, 1958–1961.
84. Sabellici Marci Antonii. Historiae Rerum Venetarum ab urbe condita, libri XXXIII / Marcus Antonius Sabellicus. – Basileae : Episcopius, 1556. – 1067 p.
85. Sanudo Torsello Marino. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross / Marino Sanudo Torsello ; translated by P. Lock. – Farnham : Ashgate, 2011. – 475 p.
86. Sanudo Torsello Marino. Istoria del Regno di Romania / Marino Sanudo Torsello // Chroniques Gréco-Romanes inédites ou peu connues. – Berlin : Weidmann, 1873. – P. 99-170.
87. Sanuti Torselli Marini. Liber secretorum fidelium crucis / Marinus Sanutus Torsellus ; ed. Bongarius. – Hannover : Typis Wechelianis, apud Claudium Marnium, & heredes Joannis Aubrii, 1611. – 282 p. (Gesta Dei per Francos. V. II)
88. Suriano Francesco. Il trattato di Terra Santa e dell'Oriente / Francesco Suriano ; ed. a cura di Girolamo Golubovich. – Milano : Tipografia editrice Artigianelli, 1900. – LXII, 285 p.
89. Quirini Lauro. De pace Italie / Lauro Quirini // Segarizzi A. Lauro Quirini, umanista veneziano del secolo XV // Memorie della Reale Academia delle szienze di Serie seconda. – Torino, 1904. – T. LIV. – P. 24-28.
90. Santo Stefano Hieronimo di. Account of the Journey of Hieronimo di Santo Stefano, a Genovese, addressed to Messer Giovan Jacob Mainer / Hieronimo di Santo Stefano // India in the Fifteenth Century, Being a Collection of Voyages to India / Ed. by R. H. Major. – L. : Hakluyt Society, 1857. – P. 1-10.

91. Sultan Suleyman the Magnificent Wearing the Jewel-Studded Helmet [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/42.41.1/ (дата обращения: 18.05.2016)
92. Venetian-Mamluk treaty of 846/1442 // Wansbrough J. Venice and Flor-ence in the Mamluk Commercial Privileges. // BSOAS. – 1965. – Vol. 28, № 3. – P. 487-497.
93. Venezia–Senato. Deliberazioni miste. Registro XXIII / a cura di Fr. Girardi. – Venezia : Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, 2004. – Vol. 10. – 248 p.
94. Vita Caroli Zeni / ed. L. A. Muratori; re-ed. G. Zonta. – Bologna : Nicola Zanichelli, 1940. – XVI, 167p. (Rerum Italicarum scriptores. T. XIX, parte 6)
95. Le voyage aux Indes de Nicolò de Conti (1414–1439) / Ed. par A.–L. Amilhat-Szary ; pref. de Genevieve Bouchon. – Paris : Chandeigne, 2004. – 173 p.

Литература

96. Абрамсон М. Л. Человек итальянского Возрождения. Частная жизнь и культура / М. Л. Абрамсон. – М. : РГГУ, 2005. – 428 с.
97. Аверьянов Ю. А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийа / Ю. А. Аверьянов. – М. : Марджани, 2011. – 664 с.
98. Акимова О. А. Христианство в далматинских, хорватских и сербских землях в X–XI вв. / О. А. Акимова // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред. Б. Н. Флоря. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – С. 267-339.
99. Алаев Л. Б. Средневековая Индия / Л. Б. Алаев. – СПб. : Алетейя, 2003. – 304 с.
100. Альбедиль М. Ф. Эфиопская сакральная живопись: соотношение религиозного и этнического факторов / М. Ф. Альбедиль, В. Н. Семенова // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб., 2008. – с. 250-256.
101. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Г. Николаева. – М. : Кучково поле, 2001. – 288 с.

102.Афанасьева Е. А. Буддизм тхеравады и развитие тайской литературы XIII–XVII вв. / Е. А. Афанасьева. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – 320 с.

103.Ашрафян К. З. Дели: история и культура / К. З. Ашрафян. – М. : Наука, 1987. – 263 с.

104.Бакстон Д. Абиссинцы. Потомки царя Соломона / Дэвид Бакстон ; пер. с англ. Н. А. Зотиной. – М. : Центрполиграф, 2002. – 232 с.

105.Бартольд В. В. Сочинения. Т. VII. Работы по исторической географии и истории Ирана / В. В. Бартольд. – и М. : Восточная литертатура, 1971. – 667 с.

106.Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления / Л. М. Баткин. – М. : Наука, 1978. – 209 с.

107.Бек К. История Венеции / Кристиан Бек ; пер. с франц. Е. Морозовой. – М. : Весь мир, 2002. – 192 с.

108.Берзин Э. Ю. Юго-Восточная Азия в XIII–XVI вв. / Э. Ю. Берзин. – М. : Наука, 1989. – 332 с.

109.Бизли Ч. Р. Генрих Мореплаватель. 1394–1460 / Ч. Р. Бизли ; пер. с англ. Г. И. Головнев, Г. А. Барабтарло. – М. : Наука, 1979. – 236 с.

110.Блескина О. Н. Коччо / О. Н. Блескина // Культура Возрождения: Энциклопедия. В 2 т. Т. 1: А–К / Ред. кол.: Н. в. Ревякина (отв. ред.), О. Ф. Кудрявцев (зам. отв. ред.) и др. – М., 2007. – С. 840.

111.Близнюк С. В. Генуэзская Фамагуста в XV в. / С. В. Близнюк // Причерноморье в средние века / Под. ред. С. П. Карпова. – М.; СПб., 2000. – Вып. 4. – С. 219-275.

112.Близнюк С. В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов / С. В. Близнюк. СПб. : Алетейя, 2014. – 264 с.

113.Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? / М. А. Бойцов // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М. А. Бойцов и Ф. Б. Успенский. – СПб. : Алетейя, 2010. – С. 5-37.

114.Брагина Л. М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры / Л. М. Брагина. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2002. – 383 с.

115.Брагина Л. М. Культ государства в Венеции XV в. / Л. М. Брагина // Культура и общественная мысль. Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. – М. : Наука, 1988. – С.153-162.

116.Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / Фернан Бродель ; пер. с франц. Л. Е. Куббеля. – 2-е изд. – М. : Весь мир, 2007. – 752 с.

117.Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения / Я. Буркгардт ; пер. с нем. С. Бриллианта. – Смоленск : Русич, 2002. – 448 с.

118.Васильев А. А. История Византийской империи. От начала крестовых походов до падения Константинополя / А. А. Васильев. – СПб. : Алетейя, 1998. – 581 с.

119. Возчиков Д. В. Из Китая в Индокитай: путь одного географического термина в итинерарии венецианского купца XV в. / Д. В. Возчиков // Общество и государство в Китае/ Редколл.: А. И. Кобзев и др. – М., 2015. – Т. XLV, ч. 2. – С. 163-176.

120. Возчиков Д. В. Слоны и бубенчики: государства Мьянмы глазами итальянских путешественников XV в. / Д. В. Возчиков // Известия Уральского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2015. – № 2 (139). – С. 44-56.

121. Возчиков Д. В. Экзотический бестиарий венецианского путешественника XV века [Электронный ресурс] / Д. В. Возчиков. // Vox Medii Aevi. – 2014. – № 1 (11). – С. 6-18. – Режим доступа: http://issuu.com/voxmediiaevi/docs/voxmediiaevi_1_11__2014 (дата обращения: 12.06.2014).

122. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Вульф Л. ; пер. с англ. И. Федюкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.

123. Гаген С. Я. Образ Византии в донесении французского доминиканца первой трети XIV в. / С. Я. Гаген // АДСВ. – 2009. – Вып. 39. – С. 360-374.

124. Гирц К. Интерпретация культур / К. Гирц ; пер. с англ. О. В. Барсуковой, А. А. Борзунова. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.

125. Горелов Н. С. Алчность халифа: легенда о гибели последнего из Аббасидов / Н. С. Горелов // Вестник Восточного института. – СПб., 2000. – Т. 6, № 2 (12). – С. 80-112.

126. Горелов Н. С. Восток в европейской средневековой традиции: формирование представлений и стереотипов: автореф. дисс. … д-ра исторических наук / Н. С. Горелов ; С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. : [б. и.], 2006. – 46 с.

127. Горелов Н. С. Эфиопия в книге Поджо Браччолини и его современников / Н. С. Горелов // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. – 2006. – Вып. 4. – С. 237-246.

128. Гуковский М. А. Итальянское возрождение / М. А. Гуковский. – 2-е изд. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990. – 624 с.

129. Дюмон Л. Homo hierarchicus: опыт описания системы каст / Луи Дюмон ; пер. с франц. под ред. Н. Г. Краснодембской. – СПб. : Евразия, 2001. – 480 с.

130. Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Каффы XIII–XIV вв / А. Г. Еманов. – Тюмень : РУТРА, 1996. – 225 с.

131. Жаворонков П. И. Анфим // Православная энциклопедия. – М., 2000. – Т. 2. – С. 716.

132. Жаворонков П. И. Из истории никейско-киликийских отношений в первой половине XIII в. / П. И. Жаворонков // АДСВ. – 1999. – Вып. 30. – С. 209-215.

133. Жаворонков П. И. Виссарион / П. И. Жаворонков, Т. В. Кущ, А. Г. Крысов // Православная энциклопедия. – М., 2004. – Т. 8. – С. 542–544.

134. Жизнь чудовищ в Средние века / Пер. с латыни, статьи и составление Н. С. Горелова. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 224 с.

135.Жуков К. А. Эгейские эмираты в XIV–XV вв. / К. А. Жуков. – М. : Наука, 1988. – 190 с.

136.Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.) / С. Закиров. – М. : Наука, 1966. – 158 с.

137.Захаров А. О. Некоторые замечания о топониме «Ява» в I тыс. нашей эры / А. О. Захаров // ВДИ. – 2012. – № 3. – С. 77-90.

138.Зеленев Е. И. Мусульманский Египет / Е. И. Зеленев. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. – 372 с.

139.Игантенко А. А. Зеркало ислама / А. А. Игнатенко. – М. : Русский институт, 2004. – 216 с.

140.История Венгрии / Под ред. Т. М. Исламова. – М. : Наука, 1971. – 644 с.

141.История Индии в средние века / Отв. ред. Л. Б. Алаев, К. А. Антонова, К. З. Ашрафян. – М. : Наука, 1968. – 726 с.

142.История Ирана / Под ред. М. С. Иванова. – М. : Издательство МГУ, 1977. – 488 с.

143.История Османского государства, общества и цивилизации : в 2 томах. Т. 1 / Под ред. Э. Исханоглу / Пер. с тур. В. Б. Феоновой под ред. М. С. Мейера. – М. : Вост. лит, 2006. – 603 с.

144.Каждан А. П. Византийская культура (X–XII вв.) / А. П. Каждан. – М. : Наука, 1968. – 233 с.

145.Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания / Франко Кардини ; пер. с итал. Е. Смагиной, А. Карловой, А. Митрофанова. – СПб. : Александрия, 2007. – 332 с.

146.Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли / С. П. Карпов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.

147.Карпов С. П. [Рецензия на] Кодекс Морозини: мир, как он виден из Венеции (1094-1433) / критическое изд., вступ. ст., индексы и др. вспомогат. мат. А. Нанетти. Сполето: Fondazione CISAM, 4 т. / С. П. Карпов // СВ. – Т. 72, № 1–2. – С. 361–364. – Рец. на кн. : Il Codice

Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094 – 1433) / Edizione critica, introduzione, indice e altri apparati di A. Nanetti. Spoleto 2010. 4 t. 2274 p.

148.Карпов С. П. Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот? / С. П. Карпов // Византия между Западом и Востоком / Под ред. Г. Г. Литаврина. – СПб. : Алетейя, 1999. – С. 220-237.

149.Карпов С. П. Латинская Романия / С. П. Карпов. – СПб. : Алетейя, 2000. – 256 с.

150.Карпов С. П. Маршруты средиземноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV-XV вв. / С. П. Карпов // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. – М. : Московский университет, 1991. – С 82-97.

151.Карпов С. П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. / С. П. Карпов. – М. : Изд-во МГУ, 1981. – 232 с.

152.Карпов С. П. Superbia генуэзцев в середине XIV в. глазами византийских и венецианских историков и хронистов / С. П. Карпов // Византийские очерки: труды российских ученых к XXIII международному конгрессу византинистов. – М.; СПб., 2016. – С. 75-86.

153.Климанов Л. Г. Венецианские «секретари». О политической культуре итальянского города / Л. Г. Климанов // Городская культура. Средневековье и начало нового времени. – М.: Наука, 1986. – С. 98-126.

154.Климанов Л. Г. Венеция: социально-пространственная структура средневекового островного города и его опорные (базовые) магистратуры (capita sexteriorum, domini noctis, capita contratarum) / Л. Г. Климанов // АДСВ. – 2008. – Вып. 38. – С. 196-216.

155.Климанов Л. Г. Обретение Венецией моря: право, политика, символы // Причерноморье в Средние века. – 1997. – Вып. 3. – С. 145-163.

156.Климанов Л. Г. Consilia et Officia: историографические заметки о венецианской бюрократии / Л. Г. Климанов // АДСВ. – 2009. – Вып. 39. – С. 339-351.

157.Климанов Л. Г. Cor nostri status: историческое место канцелярии в венецианском государстве / Л. Г. Климанов // Политические структуры

эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). – Л. : Наука, 1990. – С. 80-105.

158.Кобищанов Ю. М. Аксум / Ю. М. Кобищанов. – М. : Наука, 1966. – 296 с.

159.Колотова О. Е. Каталанское пиратство в Эгеиде (кон. XIV–XV вв.) / О. Е. Колотова // АДСВ. – 2001. – Вып. 32. – С. 309-317.

160. Контамин Ф. Война в Средние века / Ф. Контамин ; пер. с франц. Война в Средние века. – СПб. : Ювента, 2001. – 414 с.

161.Коробейников Д. А. «Византийское содружество наций» в восточных источниках (по материалам дипломатической переписки между Византией и Мамлюкским султанатом в XIV в.) / Д. А. Коробейников // ВВ. – М., 2009. – Т. 68 (93). – С. 75-90.

162.Крачковский И. Ю. Избранные сочинения : в 6 т. Т. IV. Арабская географическая литература / И. Ю. Крачковский. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 920 с.

163.Кроули Р. Венецианская республика. Расцвет и упадок великой морской империи. 1000–1503 / Роджер Кроули ; пер. с англ. Л. А. Игоревского. – М. : Центрполиграф, 2015. – 446 с.

164.Куббель Л. Е. «Страна золота» – века, культуры, государства / Л. Е. Куббель. – 2-е изд. – М. : Наука, 1990. – 239 с.

165.Кульпин Э. С. Цивилизационный феномен Золотой Орды (Колонизация южнорусских степей в XIII–XV веках) / Э. С. Кульпин // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 74-88.

166.Кущ Т. В. Внутридинастическая борьба в поздней Византии (по «Диалогу о браке» Мануила II Палеолога) / Т. В. Кущ // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 3 (32). – С. 35-40.

167.Кущ Т. В. В поисках союзников: три поездки Димитрия Кидониса в Италию / Т. В. Кущ // АДСВ. – 2004. – Вып. 35. – С. 193-204.

168.Кущ Т. В. Матримониальный путь укрепления императорской власти: рассуждения Мануила II Палеолога о браке / Т. В. Кущ // СВ. – 2012. – Вып. 73 (1–2). – С. 73-91.

169.Кущ Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии / Татьяна Кущ. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2013. – 454 с.

170.Кущ Т. В. Узники башни Анема / Т. В. Кущ // ВИ. – 2014. – № 11. – С. 82-95.

171.Кущ Т. В. Чума в поздней Византии / Т. В. Кущ // ВВ. – М., 2008. – Т. 67 (92). – С. 38-56.

172.Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада / Жак Ле Гофф ; пер. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 328 с.

173.Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / Жак Ле Гофф ; пер. с франц. А. М. Руткевича. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – 160 с.

174.Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Жак Ле Гофф ; пер. с франц. под общей ред. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 560 с.

175.Лобовикова К. И. Эсхатология Георгия Трапезундского и проблема отношения к «чужому» / К. И. Лобовикова // Культурные связи в эпоху Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. – М. : Наука, 2010. – С. 29-37.

176. Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов / С. И. Лучицкая. – СПб. : Алетейя, 2001. – 398 с.

177. Манандян Я. А. О торговле и городах Армении / Я. А. Манандян. – Эривань : Гос. издательство, 1930. – 240 с.

178. Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. / И. П. Медведев. – 2-е изд. – СПб. : Алетейя, 1997. – 341 с.

179. Медведев И. П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. / И. П. Медведев // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики / Отв. ред. акад. Г.Г. Литаврин. – СПб. : Алетейя, 1999. – С. 292-332.

180. Мельникова Е. А. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века / Е. А. Мельникова. – М. : Янус-К, 1998. – 255 с.

181. Микаэлян Г. Г. История Киликийского армянского государства / Г. Г. Микаэлян. – Ереван : Издательство АН Армянской ССР, 1952. – 555 с.

182. Мохов А. С. Византийская армия в правление Романа IV Диогена (1068–1071) / А. С. Мохов // АДСВ. – 2003. – Вып. 34. – С. 275-296.

183. Новичев А. Д. История Турции : в 4-х т. Т. 1. Эпоха феодализма / А. Д. Новичев. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. – 314 с.

184. Норвич Д. История Венецианской республики / Джон Норвич ; пер. с англ. И. Летберг, Н. Омельянович, Ю. Федоренко. – М. : АСТ, 2009. – 862 с.

185. Острогорский Г. А. История Византийского государства / Г. А. Острогорский ; пер. с нем. М. В. Грацинаского. – М. : Сибирская Благозвонница, 2011. – 914 с.

186. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья / М. Пастуро ; пер. с франц. Е. Решетниковой. – СПб. : Александрия, 2012. – 448 с.

187. Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438) / Н. Г. Пашкин. – Екатеринбург : Изд-во Урал. университета, 2007. – 238 с.

188. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV вв.: Курс лекций / И. П. Петрушевский. – 2-е изд. – СПб. : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. – 427 с.

189. Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. / Н. В. Пигулевская. – М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. – 170 с.

190. Поляковская М. А. Портреты византийский интеллектуалов: Три очерка / М. А. Поляковская. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 256 с.

191. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Русский Мір, 2006. – 637 с.

192. Самойлов Н. А. «Синологизм» Гу Миндуна: «второе пришествие» Эдварда Саида или альтернатива «ориентализму»? / Н. А. Самойлов // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 22–24 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. – СПб., 2015. – С. 176-177.

193. Семенова Л. А. Салах-ад-дин и мамлюки в Египте / Л. А. Семенова. – М. : Наука, 1966. – 214 с.

194. Соколов Н. П. Венецианская доля в византийском «наследстве» / Н. П. Соколов // ВВ. – М., 1953. – Т. 6. – С. 179-191.

195. Соколов Н. П. Венецианские цехи в XIII и XIV вв. / Н. П. Соколов // СВ. – 1959. – Вып. 15. – С. 31-49.

196. Соколов Н. П. Венеция и Византия при первых Палеологах (1263–1328 гг.) / Н. П. Соколов // ВВ. – М., 1957. – Т. 12. – С. 75-96.

197. Соколов Н. П. Колониальная политика Венеции в XIII в. / Н. П. Соколов // СВ. – 1954. –Вып. 5. – С. 170-195.

198. Соколов Н. П. Образование Венецианской колониальной империи / Н. П. Соколов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1963. – 546 с.

199. Соколов Н. П. Торговые взаимоотношения Венеции и Киликийской Армении в XII–XIV вв. / Н. П. Соколов // Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. – Горький, 1973. – Вып. 1. – С. 5-24.

200. Талызина А. А. Венецианский нотарий в Тане Кристофоро Риццо (1411–1413) / А. А. Талызина // Причерноморье в средние века / Под. Ред. С. П. Карпова. – М.; СПб., 2000. – Вып. 4. – С. 19-36.

201. Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания / Е. А. Торчинов. – СПб. : Андреев и сыновья, 1993. – 310 с.

202. Успенский Ф. И. История Византийской империи. XI–XV вв. Восточный вопрос / Ф. И. Успенский. – М. : Мысль, 1997. – 829 с.

203. Фрейберг Л. А. Античное наследие в византийскую эпоху / Л. А. Фрейберг // Античность и Византия / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. – М. : Наука, 1975. – С. 5-52.

204. Фрейдзон В. И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.) / В. И. Фрейдзон. – СПб. : Алетейя, 2001. – 318 с.

205. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1: Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко ; пер. с франц. С. Ч. Офертаса. – М. : Праксис, 2002. – 384 с.

206. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко ; пер. с франц. И. К. Стафф. – М. : АСТ, 2010. – 698 с.

207. Хенниг Р. Неведомые земли : в 4 томах. Т. 4. / Р. Хенниг ; пер. с нем. А. В. Лисовской. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – 545 с.

208. Чернецов С. Б. Эфиопская феодальная монархия в XIII–XVI вв. / С. Б. Чернецов. – М. : Наука, 1982. – 309 с.

209. Черняк И. Х. Сотериология Фомы Аквинского и ренессансные представления о спасении праведных язычников / И. Х. Черняк // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. – СПб., 2005. – Вып. 5. – С. 262-267.

210. Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461) / Р. М. Шукуров. – СПб. : Алетейя, 2001. – 448 с.

211. Эрс Ж. Рождение капитализма в Средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты / Ж. Эрс ; пер. с франц. М. Ю. Некрасова. – СПб. : Евразия, 2015. – 320 с.

212. Этносы и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб. : Алетейя, 2015. – 344 с.

213. Юрченко А. Г. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингисхана по материалам францисканской миссии 1245 г. / А. Г. Юрченко. – СПб.: Евразия, 2002. – 640 с.

214. Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография / А. Г. Юрченко. – СПб. : Евразия, 2007. – 864 с.

215. Юрченко А. Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект / А. Г. Юрченко. – СПб. : Евразия, 2012. – 400 с.

216. Юсупов А. Ю. Взаимоотношения в области культуры между Венецией и городами террафермы (Вероной, Виченцей и Падуей) в первой четверти XV в. / А. Ю. Юсупов // Культурные связи в эпоху Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. – М. : Наука, 2010. – С. 10-28.

217. Юсупов А. Ю. Система управления Венецианской республики в VII–XV вв. / А. Ю. Юсупов // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Ответ. ред. Т. П. Гусарова. – М. : КДУ, 2011. – С. 356-387.

218. Adamson M. W. Food in Medieval Times / M. W. Adamson. – L. : Greenwood Press, 2004. – XVII, 257 p.

219. Altman R. A Theory of Narrative / Rick Altman. – N. Y. : Columbia University Press, 2008. – 382 p.

220. Ashtor E. Levant Trade in the Middle Ages / E. Ashtor. – Princeton : Princeton University Press, 1984. – XXII, 624 p.

221. Ashtor E. Profits from Trade with the Levant in the Fifteenth Century / E. Ashtor // BSOAS. – 1975. – Vol. 38. – P. 250-275.

222. Ayalon D. Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom: A Challenge to Medieval Society / D. Ayalon. – 2nd edition – L. : F. Cass, 1978. – XVII, 154 p.

223. Babinger F. Mehmed the Conqueror and His Time / F. Babinger. – Princeton : Princeton University Press, 1992. – 549 p.

224. Balard M. La Romanie Genoise (XIIe -début du XVe siècle). Vol. I / M. Balard. – Roma : Nella sede della Società Ligure di Storia Patria, 1978. – 494 p.

225. Bedoukian P. Z. Coinage of Cilician Armenia / P. Z. Bedoukian. – N. Y. : , 1962. – XXXI, 494 p.

226. Breazeale K. Editorial Introduction to Niccolò de' Conti’s Account / K. Breazeale // SOAS Bulletin of Burma Research. – 2004. – Vol. 2, № 2. – P. 100-110.

227. Cambridge History of Africa. Volume 2: From c.500 BC to AD 1050 / ed. by J.D. Fage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – XVIII, 770 p.

228. Cambridge History of Africa. Volume 3: From c.1050 to c.1600 / ed. by Roland Oliver. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – X, 747 p.

229. Cambridge History of China. Vol. 5: The Sung Dynasty and Its Precursors, 907–1279. Part 1 / ed. by D. Twitchett and P. J. Smith. – Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press, 2009. – XXXII, 1095 p.

230. Cambridge History of Iran : in 7 vol. Vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods / ed. by J. A. Boyle. – Cambridge : Cambridge University Press, 1968. – X, 709 p.

231. Cambridge History of Southeast Asia / ed. by N. Tarling. Vol. 1: From Early Times to c. 1800. Part 2. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 320 p.

232. Carile A. Caresini, Rafaino / A. Carile // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 20. – Roma : Istituto dell’ Enciclopedia italiana, 1977. – P. 80-83.

233. Cesaretti P. Su Estazio e Venezia / P. Cesaretti // Aevum. – 1988. – LXII. – P. 218-227.

234. Chaudhuri S. India Recognita: The Travels of Nicolò de’ Conti / S. Chaudhuri // Oriente e Occidente nel Rinascimento / ed. Luisa Secchi Tarugi. – Milan : Electa, 2009. – P. 236-278.

235. Christie N. Muslims and Crusaders. Christianity’s Wars in the Middle East, 1095–1382, from the Islamic sources / N. Christie. – L.; N. Y. : Routledge, 2014. – XLVII, 246 p.

236. Clark W. A Medieval Book of Beasts: The Second-Family Bestiary. Commentary, Art, Text and Translation / W. A. Clark. – Woodbridge : Boydell Press, 2006. – XII, 280 p.

237. Clermont-Ganneau C. Archaeological Researches in Palestine during the Years 1873–1874. Vol. II / C. Clermont-Ganneau. – L. : Palestine Exploration Fund, 1896. – X, 504 p.

238. Crouzet-Pavan E. Venice Triumphant: the Horizons of the Myth / E. Crouzet-Pavan ; tr. by L. G. Cochrane. – Baltimore ; L. : John Hopkins University Press, 2008. – XXXIII, 386 p.

239. Daniel N. Islam and a West: the Making of an Image / N. Daniel. – Edinburgh : Oneworld, 1960. – 467 p.

240. Debrunner H. W. Presence and Prestige, Africans in Europe, A History of Africans in Europe before 1918 / H. W. Debrunner. – Basel : Basler Afrika Bibliographen, 1979. – 433 p.

241. Degenhardt B. Marino Sanudo und Paolino Veneto. Zwei Literaten des 14. Jahrhunderts in ihrer Wirkung auf Buchillustrierung und Kartographie in Venedig, Avignon und Neapel / B. Degenhardt, A. Schmitt. – Tübingen : Verlag Ernst Wasmuth, 1973. – 137 S.

242. Dibello D. Convergenze di un dialogo anacronistico: Aristotele incontra Venezia / D. Dibello // AV. – 2015. – № 10. – P. 11-43.

243. Dusa J. The Medieval Dalmatian Episcopal Cities: Development and Transformation / J. Dusa. – N. Y. : Peter Lang, 1991. – 152 p.

244. Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 2. D-Ha. – Wiesbaden : Harrassowit Verlag, 2005. – XXXIX, 1082 p.

245. Encyclopaedia Aethiopica. Vol. 3. He-N. – Wiesbaden : Harrassowit Verlag, 2007. – XXVIII, 1211 p.

246. Encyclopedia of Women in the Renaissance: Italy, France, and England / Ed. by D. Robin, A. Larsen, C. Levin. – Oxford : ABC-Clio, 2007. – XX, 459 p.

247. Finlay R. Politics in Renaissance Venice / R. Finlay. – L. : Rutgers University Press, 1980. – XVII, 308 p.

248. Finzi C. La polemica sulla nobiltà nell'Italia del Quattrocento / C. Finzi // Cuadernos de Filología Clásica. Estudios Latinos. – 2010. – 30, 2. – P. 341-380.

249. Fryde E. B. Humanistic and Rennaissance historiography / E. B. Fryde. – L. : Hambledon Press, 1983. – XI, 244 p.

250. Gaeta F. Alcune considerazioni sul mito di Venezia / F. Gaeta // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. – 1961. – T. 23, No 1. – P. 58-75.

251. Gardiner T. Terms for Thalassocracy in Thucydides // Rheinisches Museum für Philologie Neue Folge. – 1969. – 112. Bd., H. 1. – S. 16-22.

252. Geanakoplos D. J. Greek Scolars in Venice: Studies in the Dissemination of Greek Learning from Byzantium to Western Europe / D. J. Geanakoplos. – Cambridge : Harvard University Press, 1960. – XIII, 348 p.

253. Gregory T. E. Crete / T. E. Gregory, A. Kazhdan // Oxford Dictionary of Bizantium / ed. A. P. Kazhdan. – N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1991. – Vol. 1. – P. 545-546.

254. Gu Ming Dong. Sinologism: An Alternative to Orientalism and Postcolonialism / Gu Ming Dong. – N. Y. : Routledge, 2013. – XXII, 274 p.

255. Heldman M. A Chalice from Venice for Emperor Dāwit of Ethiopia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. – 1990. – Vol. 53, issue 3. – P. 442-445.

256. Heldman M. The Marian Icons of the Painter Frē Ṣeyon: A Study of Fifteenth-century Ethiopian Art, Patronage and Spirituality / M. Heldman. – Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1994. – 220 p.

257. Hild F. Kilikien und Isaurien / F. Hild, H. Hellenkemper // Tabula Imperii Byzantini. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990. – Bd. 5. – T. 1. – 466 S.

258. A Hisrory of the Crusades / gen. ed. K. Setton. Vol. II: the Later Crusades, 1189–1311 / Ed. by Robert Lee Wolf and Harold W. Hasard. Madison; Milwaukee; L. : University of Wisconsin Press, 1969. – XXII, 871 p.

259. Hoquet J.-C. Venice and the Turks / J.-C. Hoquet // Venice and the Islamic World: 828–1797. – N. Y. : Yale University Press, 2007. – P. 36-51.

260. Jorga N. Cenni sulle relazioni tra l'Abissinia e l'Europa cattolica nei secoli XIV – XV, con un itinerario inedito del secolo XV / N. Jorga // Centenario della nascita di Michele Amari. – Palermo, 1910. – Vol. I. – p. 139-150.

261. Jostmann C. Sibilla Erithea Babilonica: Papsttum und Prophetie im 13. Jahrhundert / C. Jostmann. – Hannover : Hahnsche Buchhandlung, 2006. – XVII, 549 S. (Monumenta Germaniae Historica. T. 54)

262. Kaldellis A. A New Herodotus: Laonikos Chalkokondyles on the Ottoman Empire, the Fall of Byzantium, and the Emergence of the West / A. Kaldellis. – Washington : Harvard University Press, 2014. – 324 p.

263. King M. L. Venetian Humanism in an Age of Patrician Dominance / M. L. King. – Princeton : Princeton University Press, 1986. – XXII, 524 p.

264. Kurt A. The Search for Prester John, a Projected Crusade and the Eroding Prestige of Ethiopian Kings,c.1200–c.1540 / A. Kurt // Journal of Medieval History. – 2013. – Vol. 39, issue 3. – P. 297-320.

265. Labalme P. Bernardo Guistiniani: a Venetian of the Quattrocento / P. Labalme. – Roma : Ed. di Storia e Letteratura, 1969. – XVIII, 354.

266. Łajtar A. A man from Provence on the Middle Nile: A graffito in the upper church at Banganarti / A. Łajtar, T. Płóciennik // Nubian Voices. Studies in Christian Nubian Culture / ed. by A. Łajtar and J. van der Vilet. – Warsaw, 2011. – P. 95-120.

267. Laiou A. Marino Sanudo Torsello, Byzantium and the Turks: the Background to the Anti-Turkish League of 1332–1334 / A. Laiou // Speculum. – 1970. – Vol. 45, No. 3. – P. 374-392.

268. Lane F. C. Venice, a Maritime Republic / F. C. Lane. – Baltimore : John Hopkins University Press, 1973. – XVII, 505 p.

269. Laurent V. Notes de chronographie et d'histoire byzantines / V. Laurent // EO. – 1937. – Vol. 36, № 186. – P. 157-174.

270. Le Strange G. The Story of the Death of the Last Abbasid Caliph, from the Vatican MS. of Ibn-al-Furāt / G. Le Strange // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – April, 1900. – P. 293-300.

271. Lopez R. S. Nouveaux documents sur les marchands italiens en Chine à l'époque mongole / R. S. Lopez // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – Paris, 1977. – Vol. 121, № 2. – P. 445-458.

272. Luttrell A. John V's Daughters: a Palaiologan Puzzle / A. Luttrell // Dumbarton Oaks Papers. – 1986. – Vol. 40. – P. 103-112.

273. Madden T. The Chrysobull of Alexius I Comnenus to the Venetians: The Date and the Debate / T. Madden // Journal of Medieval History. – 2002. – № 28. – P. 23-41.

274. Madden T. Enrico Dandolo and the Rise of Venice / T. Madden. – Baltimore; L. : John Hopkins University Press, 2003. – 320 p.

275. Madden T. The Venetian Version of the Fourth Crusade: Memory and the Conquest of Constantinople in Medieval Venice / T. Madden // Speculum. – 2012. – № 87, 2. – P. 311-344.

276. Maltezou C. The Historical and Social Context / C. Maltezou // Literature and Society in Renaissance Crete / ed. by D. Holton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – P. 17-48.

277. Marin Ş. Between Justification and Glory: the Venetian Chronicles' View Regarding the Fourth Crusade / Ş. Marin. // The Fourth Crusade: Event, Aftermath, and Perceptions. Papers from the Sixth of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East, Istanbul, Turkey, 25–29 August 2004 / ed. by T. Madden. – Bodmin, 2004. – P. 113-121.

278. Marin Ş. An Introduction to the Venetian Chronicles. A Case Study: St Daniel's Prophecies and the Fall of Constantinople in 1204 [Electronic resource] / Ş. Marin. Mode of access: https://www.academia.edu/17268426/An_Introduction_to_the_Venetian_Chronicles._A_Case_Study_St_Daniels_Prophecies_and_the_Fall_of_Constantinople_in_1204 (дата обращения: 18.05.2016)

279. Marin Ş. A Double Pathfinder's Condition: Andrea Dandolo and His Chronicles / Ş. Marin // Annuario dell'Instituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia. – Bucureşti, 2015. – Vol. XII–XIII, 2010–2011. – P. 41-122.

280. Marin Ş. The Portrait of a 'Bad Guy'. Alexius Doukas Murtzuphlos in the Venetian Chronicles / Ş. Marin // Études byzantines et post-byzantines. –București, 2016. – VII. – P. 25-60.

281. Marin Ş. A Venetian Chronicler in Crete: the Case of Lorenzo de' Monaci and His Possible Byzantine Sources / Ş. Marin // Italy and Europe's Eastern Border

(1204-1669) / ed. by I. M. Damian, I.-A. Pop, M. St. Popovic, A. Simon. – Frankfurt am Main : Verlag der Wissenschaften, 2012. – P. 237-258.

282. Marin Ş. The Venetian Republic and Islam – between Crusading Fervor and Realpolitik (9th-13th centuries) [Electronic resource] / Ş. Marin. – Mode of access: https://www.academia.edu/15925508/The_Venetian_Republic_and_Islam_between_Crusading_Fervor_and_Realpolitik_9th-13th_centuries_ (дата обращения: 1.06.2016)

283. Marin Ş. Who Was the Bride and Who Was the Bridegroom? A Venetian-Byzantine Matrimonial Alliance in the 11th Century – Between History and Legend / Ş. Marin // Annuario dell'Instituto Romeno di Cultura e Ricerca Umanistica di Venezia. – 2006. – VIII. – p. 53-74.

284. McKee S. The Revolt of St Tito in Fourteenth-Century Venetian Crete: A Reassessment / S. McKee // Mediterranean Historical Review. – 1995. – Vol. 9. – P. 173-204.

285. McKee S. Uncommon Dominion: Venetian Crete and the Myth of Ethnic Purity / S. McKee. – Philadelphia : Pennsylvania University Press, 2000. – XIV, 272 p.

286. Meserve M. Empires of Islam in Renaissance Historical Thought / M. Meserve. – Cambridge : Harvard University Press, 2008. – X, 370 p.

287. New Cambridge Medieval History. Vol. VI: c. 1300 – c. 1415 / ed. by M. Johnson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – XXIII, 1076 p.

288. Nicol D. Byzantium and Venice. A Study in Diplomatic and Cultural Rela-tions / D. Nicol. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – XIV, 465 p.

289. Nicolle D. The Venetian Empire 1200-1670 (Men-at-Arms) / D. Nicolle. – Oxford : Osprey Publishing, 2004. – 48 p.

290. Nocentelli C. Europe, Asia, and the Making of Early Modern Identity / C. Nocentelli. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2013. – IX, 262 p.

291. O'Connell M. The Venetian Patriciate in the Mediterranian: Legal Identity and Lineage in Fifteenth-Century Venetian Crete / M. O'Connell // Renaissance Quarterly. 2004. – Vol. 57, № 2. – P. 466-493.

292. Pappas N. Stradioti: Balkan Mercenaries in Fifteenth and Sixteenth Century Italy [Electronic resource] / N. Pappas. – Mode of access: http://www.shsu.edu/~his_ncp/Stradioti.html (дата обращения: 12.05.2014)

293. Pearson M. N. Coastal Western India: Studies from the Portuguese Records / M. N. Pearson. – New Delhi : Concept Publishing, 1981. – XXVIII, 138 p.

294. Pedani M. P. Venetian Consuls in Egypt and Syria in the Ottoman Age / M. Pia Pedani // Mediterranean World. – 2006. – No. 18. – P. 7-21.

295. Pelliot P. Viaggi in Persia, India e Giava di Nicolò de' Conti, Girolamo Adorno e Girolamo da Santo Stefano by Mario Longhena / P. Pelliot // T'oung pao. Second Series. – 1931. – Vol. 28, No. 1/2. – P. 91-92.

296. Pertusi A. Le fonti greche del «De gestis, moribus et nobilitate cìvitatis Venetiarum» di Lorenzo de Monacis, cancelliere di Creta (1388-1428) / A. Pertusi // Italia medioevale e umanistica. – 1965. – 8. – P. 162-211.

297. Phillips K. M. Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245-1510 / K. M. Phillips. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014. – X, 328 p.

298. Pignatti F. Fedele, Cassandra [Electronic resource] / F. Pignatti // Dizionario Biografico degli Italiani. – Vol. 45. – Roma : Istituto dell'Enciclopedia italiana, 1995. – Mode of access: http://www.treccani.it/enciclopedia/cassandra-fedele_(Dizionario_Biografico)/ (дата обращения: 20.05.2015)

299. Pistarino G. La capitale del Mediterraneo: Genova in Medioevo / G. Pistarino. Bordighera : Istituto Internazionale di Studi Liguri, 1993. – 351 p.

300. Poliak A. N. Le caractère colonial de l'État mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or / A. N. Poliak // REI. – 1935. – IX. – P. 231-248.

301. Poppi M. Ricerche sulla vita e cultura del notaio e cronista veneziano Lorenzo de Monacis, cancelliere cretese (ca. 1357–1428) / M. Poppi // SV. –1967. – T. 9. – P. 153-186.

302. Queller D. E. The Fourth Crusade. The Conquest of Constantinople / Queller, T. Madden ; with an essay on primary sources by A. J. Andrea. – 2nd Edition. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1997. – XI, 368 p.

303. Ranft P. Theology of Peter Damian. «Let Your Life Always Serve as a Witness» / P. Ranft. – Washington : CUA Press, 2012. – IX, 258 p.

304. Ravegnani G. Bizanzio e Venezia / G. Ravegnani. – Bologna : Il Mulino, 2006. – 217 p.

305. Ravegnani G. Dandolo, Andrea [Electronic resource] / G. Ravegnani // Dizionario biografico degli italiani. – Roma : Istituto dell'Enciclopedia italiana, 1986. – Vol. 32. – Mode of access: http://www.treccani.it/enciclopedia/andrea-dandolo_(Dizionario-Biografico)/ (дата обращения: 20.12.2014)

306. Rogers F. The Quest for Eastern Christians: Travels and Rumor in the Age of Discovery / F. Rogers. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1962. – XII, 221 p.

307. Rosand D. Myths of Venice: the Figuration of a State / D. Rosand. – Chapel Hill; L. : University of North Carolina Press, 2001. – X, 188 p.

308. Rubiés J.-P. Travel and Ethnology in the Renaissance: South India through European Eyes, 1250–1625 / J.-P. Rubiés. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – XXII, 443 p.

309. Salvadore M. The Ethiopian Age of Exploration: Prester John's Discovery of Europe, 1306–1458 / M. Salvadore // Journal of World History. – 2010. – Vol. 21, Issue 4. – P. 593-627.

310. Seignobos R. L'autre Éthiopie: la Nubie chrétienne et la croisade (XIIe-XIVe siècle) / R. Seignobos // Annales d'Éthiopie. – 2012. – № 27. – P. 49-69.

311. Setton K. The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. I : The Thirteenth and Fourteenth Centuries. / K. Setton. – Philadelphia : American Philosophical Society, 1976. – XI, 512 p.

312. Setton K. The Papacy and the Levant (1204–1571). Vol. II The Fifteenth Century / K. Setton. – Philadelphia : American Philosophical Society, 1978. – IX, 580 p.

313. Suarez T. Early Mapping of Southeast Asia: The Epic Story of Seafarers, Adventurers, and Cartographers Who First Mapped the Regions Between China and India / T. Suarez. – Singapore : Periplus, 1999. – 280 p.

314. Thiriet F. La Romanie vénitienne. Le developement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XIIe–XVe siècles) / F. Thiriet. – Paris : de Boccard, 1959. – 471 p.

315. Tolan J. Muslims as Pagan Idolaters in Chronicles of the First Crusade / J. Tolan // Western Views of Islam in Medieval and Early Modern Europe / Ed. Michael Frasetto and David Blanks. – N. Y., 1999. – P. 97-116.

316. Vandervort B. Wars of Imperial Conquest in Africa, 1830-1914 / B. Vandervort. – Bloomington: Indiana University Press, 1998. – XVII, 274 p.

317. Vasiliev A. A. Justin the First. An Introduction to the Epoch of Justinian the Great / A. A. Vasiliev. – Cambridge : Harvard University Press, 1950. – VI, 440 p.

318. Wales H. G. Q. Siamese State Ceremonies: their History and Function / H. G. Quaritch Wales. – Richmond : Curzon Press, 1992. – 360 p.

319. Wansbrough J. Venice and Florence in the Mamluk Commercial Privileges. / J. Wansbrough // BSOAS. – L., 1965. – Vol. 28, № 3. – P. 483-523.

320. Witt R. In the Footsteps of the Ancients: the Origins of Humanism from Lovato to Bruni / R. Witt. – Leiden : Brill, 2000. – XIII, 562 p.

321. Wolff R. L. Mortgage and Redemption of an Emperor’s Son: Castile and the Latin Empire of Constantinople / R. L. Wolff // Speculum. – 1954. – Vol. 29, № 1. – P. 45-84.

322. Zachariadou E. A. Lauro Quirini and the Turkish Sandjaks (ca. 1430) / E. A. Zachariadou // Zachariadou E. A. Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans. – Padstaw : Ashgate Variorum, 1988. – P. 1-16.

323. Zachariadou E. A. Trade and Crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300-1415) / E. A. Zachariadou. – Venezia : Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Post-bizantini di Venezia, 1983. – XXXVI, 276 p.

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и Средние века

ВВ – Византийский временник

ВДИ – Вестник древней истории

ВИ – Вопросы истории

СВ – Средние века

AV – Archivio Veneto

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies

CR – Classical Review

EO – Échos d'Orient

REI – Revue des études islamiques

SOAS – School of Oriental and African Studies

SV – Studi Veneziani